

В. А. Невожин

СИНДРОМ наступательной войны



СЕРИЯ
«ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ»

В. А. Невожин СИНДРОМ наступательной войны

АССОЦИАЦИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ
РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА XX ВЕКА

В 1997 году серию "Первая монография" представляют

Институт русской и советской культуры им. Лотмана
Рурского университета (Бохум)

Фонд японских историков

Итальянский институт философских исследований
(Неаполь)



СЕРИЯ "ПЕРВАЯ МОНОГРАФИЯ"

под редакцией Г.А. Бордюгова

98 3
1976

В.А. НЕВЕЖИН

**СИНДРОМ
НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ**

**СОВЕТСКАЯ ПРОПАГАНДА
В ПРЕДДВЕРИИ "СВЯЩЕННЫХ БОЕВ",
1939–1941 гг.**

Послесловие Б. Бонвеча

МОСКВА
«АИРО – ХХ»
1997

Книга издана благодаря поддержке
Ministerium für Wissenschaft und Forschung (Düsseldorf)

Международный совет издательских программ АИРО-XX

Г. А. Бордюгов	главный редактор
А. И. Ушаков	исполнительный директор
Д. А. Аманжолова	"Исторический архив"
К. Аймермахер	Рурский университет
Д. Байрау	Тюбингенский университет
Б. Бонвеч	Рурский университет
В. П. Буддаков	Институт российской истории РАН
Х. Вада	Токийский университет
А. Ю. Ватлин	Институт демократии и прав человека
Л. С. Гагагова	Институт российской истории РАН
П. Гобл	Фонд Потомак
Г. Горцка	Кассельский университет
А. Грациоци	Университет Неаполя
Р. У. Дэвис	Бирмингемский университет
Е. Ю. Зубкова	Институт российской истории РАН
Ст. Козн	Принстонский университет
Дж. Д. Морисон	Лидский университет
Н. Неймарк	Стэнфордский университет
Д. Рейли	Университет Северной Каролины на Чапел Хилл
О. В. Хлевнюк	"Свободная мысль"
Я. Хоулетт	Кембриджский университет

Невежин В.А.

Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии "священных боев", 1939–1941 гг. (Серия "Первая монография" – под редакцией Г.А. Бордюгова) Послесловие Б. Бонвеча – М.: «АИРО–XX», 1997. – 288 с.

ISBN 5-88735-038-5

В монографии на обширном, преимущественно, ранее неизвестном архивном материале прослеживается эволюция идеи наступательной войны в советской пропаганде 1939–1941 гг.

Подробно рассматривается идеологическое обеспечение "освободительных походов" и кампании Красной Армии против Финляндии. По-новому освещаются события мая–июня 1941 г., когда после сталинских выступлений перед выпускниками военных академий РККА началась радикальная перестройка пропаганды в духе "всесокрушающей наступательной войны", прерванная нападением Германии на СССР.

ISBN 5-88735-038-5

© Невежин В.А., 1997.

© Редактор серии Бордюгов Г.А., 1997.

© «АИРО-XX», 1997.

ГОС ЦЕНТРОНАБ
Д. П. ПЕКА

08 100 8 64

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	7
ВВЕДЕНИЕ	9
Глава первая СПЕЦИФИКА ПРОПАГАНДЫ НА РУБЕЖЕ 30-х — 40-х ГОДОВ	
1. Люди и структуры	27
2. “Дружба” с нацистской Германией как идеологическая аномалия	52
Глава вторая ОБОСНОВАНИЕ АКТИВИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР	
1. В атмосфере “антипольской истерии”	67
2. С задачей “победить финнов”	81
3. Под флагом “освобождения” и “расширения фронта социализма”	95
Глава третья “ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ”	
1. Ожидание Большой войны и эволюция образа врага	114
2. Усиление “мобилизационной готовности”	132
Глава четвертая СТАЛИНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ 5 МАЯ 1941 г.	
1. Версии и источники	148
2. Восстанавливая цепь событий... ..	157
3. Так говорил Сталин	168
4. Попытка интерпретации	176

Глава пятая

НАЧАЛО ПОВОРОТА В ПРОПАГАНДЕ

1. Выдвижение “лозунга наступательной войны” 186
2. Перестройка в средствах массовой информации 196
3. Разработка директивных и инструктивных материалов 215
4. Без вины “виноватые” 235

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 252

ПОСЛЕСЛОВИЕ 258

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН 262

**СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ
И ЛИТЕРАТУРЫ** 267

О Т А В Т О Р А

Интерес к теме, избранной для исследования в данной монографии, возник в те годы, когда мне довелось работать помощником академика Александра Михайловича Самсонова (1908—1992). Общение с Александром Михайловичем, который оставил солидное творческое наследие, обогатило познанием всей грандиозности и трагичности предвоенного и военного периодов, пережитых им как очевидцем, участником и летописцем происходившего.

“Скрытая правда войны” постоянно волновала различные поколения исследователей. Одним из тех, кто в начале 90-х годов смело взялся за эту проблему, был историк Павел Николаевич Кнышевский (1954—1995). Знакомство с этим талантливым, но рано ушедшим из жизни человеком оставило глубокий след в памяти, натолкнуло на новое переосмысление событий.

Хотел бы особо поблагодарить всех тех, кто своей бескорыстной поддержкой, дружеским участием, а порой и полемическим настроением стимулировал научные поиски, приведшие к появлению данной книги. Это относится прежде всего к Александру Владимировичу Голубеву (Институт российской истории РАН), Михаилу Ивановичу Мельтюхову (ВНИИДАД), полковнику в отставке Валерию Дмитриевичу Данилову.

Во время архивных изысканий в Российском центре хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ) мне помогали квалифицированными советами и ценными рекомендациями сотрудники Центра Галина Владимировна Горская, Лариса Александровна Роговая, Людмила Павловна Кошелева, за что выражаю им искреннюю признательность.

Автор не менее признателен Ольге Алексеевне Пруцковой (ИНИОН РАН) за участие в составлении списка использованных источников и литературы, приложенного к монографии, и Елене Николаевне Балашовой (Институт российской истории РАН) за техническую помощь при подготовке к печати послесловия.

В списке использованных источников и литературы названия публикаций систематизированы по алфавиту и пронумерованы. Обозначение сносок в текстах введения и всех пяти глав даётся в квадратных скобках. Например: [1.] или [1. С. 105]. В первом случае публикация обозначена целиком, её легко обнаружить по порядковому номеру в списке. Во втором случае помимо публикации указывается и номер страницы, на которую делается авторская отсылка. Ссылки на архивные документы представлены в квадратных скобках, причем названия архивов приводятся по общепринятым аббревиатурам, например: [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014. Л. 15] и т. д. и т. п.

ВВЕДЕНИЕ

Чем дальше в историю уходят события, предшествовавшие советско-германской войне 1941—1945 гг., тем труднее исследователям восстановить “сценарий”, который привел к её возникновению.

“Войны начинаются в сознании людей”. Эта идея, зафиксированная в Уставе ЮНЕСКО, представляется ключевой при определении роли пропаганды в процессе возникновения конфликтов (в том числе — вооруженных) между народами и странами. Используя главным образом средства массовой информации, политическая элита формирует в общественном сознании составные элементы конфликтного восприятия событий [279. С. 163], которые столь характерны для периода войны.

Война — насильственное средство для достижения специфических целей. Но ещё до её начала проводятся целенаправленные действия по ненасильственному достижению поставленных тем или иным государственным режимом целей, для чего активно используются имеющиеся в распоряжении правящей элиты пропагандистские структуры [177. С. 15].

В этой связи особо важное значение имеет изучение характера и содержания советской пропаганды 1939—1941 гг. Актуальность данной проблемы состоит прежде всего в том, что её всесторонняя разработка дает ключ к пониманию роли пропагандистской сферы, как составного звена политической системы СССР, в создании представлений о характере грядущих “священных боев” (выражение В.М. Молотова, относящееся к апрелю 1941 г.) [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 23]. Она, в свою очередь, имеет выходы на сюжеты, связанные с оценкой национально-государственных интересов СССР в 1939—1941 гг., а также с изучением процесса формирования внешнеполитических стереотипов в общественном сознании и, в частности, — эволюции образа врага. Наконец, благодаря анализу функционирования пропагандистской машины большевистского государства на начальном этапе Второй мировой войны представляется возможность

реконструировать сталинский "сценарий" вступления в нее СССР, поскольку составной частью этого "сценария" было всестороннее пропагандистское обеспечение внешнеполитических акций, проводившихся с привлечением крупных контингентов Красной Армии.

Однако до сих пор обобщающего исследования по данной проблеме нет.

Её разработка осложняется по ряду причин объективного и субъективного характера. В условиях господства коммунистической моноидеологии понятию пропаганда придавался совершенно определенный политический смысл. Были введены два полярных определения — "коммунистическая" и "буржуазная" пропаганда. Первое трактовалось как научно обоснованная система духовной деятельности "по распространению марксистско-ленинской идеологии и политики с целью просвещения, воспитания и организации масс", как одно из средств "руководства партией процессами революционной борьбы, строительством социализма и коммунизма". Второе рассматривалось с крайне негативных позиций: "буржуазная пропаганда" якобы имела единственной целью "навязывание массам ложных идей, теорий, необъективной информации в интересах господствующих классов" [362 С. 1065]. Естественно, при подобной трактовке "коммунистическая пропаганда" представлялась самой "объективной и правдивой", а "буржуазная пропаганда" — "необъективной и лживой".

Между тем, латинское слово propaganda означает "подлежащее распространению". Часто в качестве синонимов пропаганды применяются слова "ложь", "искажение", "манипуляция", "промыывание мозгов" [177. С. 4]. Однако поскольку конечной задачей пропагандистской деятельности в условиях любой социальной системы является стремление внедрить в общественное сознание определенную идеологию для достижения заранее сформулированной цели [177. С. 3], думается, дискуссия о "правильности" методов, которые при этом используются, просто неуместна.

Для ведения пропаганды партийно-государственная элита создает специальные структуры, куда включаются прежде всего средства массовой информации, разного рода учреждения и организации. В книге дается представление об основных структурах, существовавших в рамках большевистской партии и Советского государства, которые контролировали, направляли и осуществляли пропагандистские акции внутри страны и за её пределами, а также о возглавлявших их функционерах.

Решение вопроса о сталинских стратегических замыслах 1939—1941 гг., а особенно в мае—июне 1941 г., зачастую переносится в морально-политическую плоскость, и тогда, обремененные знанием о ходе Великой Отечественной войны, об огромных человеческих жертвах и материальных потерях в ней советского народа, некоторые

исследователи не в состоянии представить, что СССР мог стать нападающей стороной [324. С. 37]. К тому же, известные к настоящему времени факты об истинных намерениях Сталина и большевистского руководства накануне войны с Германией крайне противоречивы, трактуются порой с прямо противоположных позиций и требуют дополнительного анализа.

Внести ясность может лишь объективное изучение подлинных документов, лишенное политических пристрастий и стремления искать причины трагических для СССР событий лета 1941 г. только в сталинских "ошибках".

Достижению взаимопонимания между оппонентами, опирающимися порой на один и тот же фактический материал, зачастую мешают не политические взгляды или приверженность к той или иной научной школе, а излишне эмоциональное восприятие исторических реалий и особенно — дефиниций, которыми они оперируют. Наглядным подтверждением тому является делящаяся несколько десятилетий полемика вокруг термина **превентивная война**. Из-за превратного восприятия данного понятия возникло и продолжает возникать множество недоразумений и разногласий в ходе дискуссии о событиях 1939—1941 гг.

Термин превентивная война был введен Гитлером 22 июня 1941 г. и подхвачен пропагандой Геббельса. Мотивы поведения фюрера, начавшего войну против СССР, отличались определенной заданностью: это была явная агрессия. Ведомство Геббельса имело целью оправдать захватническую акцию тогдашнего германского руководства, для чего и прибегло к введению чисто пропагандистского жупела — "превентивная война". Но впоследствии он вошел в историографию в качестве ключевого понятия. Превентивная война, по мнению большинства исследователей, это — операция с целью упреждения действий противника, готового реализовать свои политические цели военными средствами [207. С. 283]. Превалирующей оказалась тенденция перенесения понятия превентивная война в сферу идеологического противоборства. Всё сводится к доказательству того, что, используя его в своей пропаганде, нацисты стремились не просто снять с Германии, но и переложить на Советский Союз ответственность за начавшиеся между обеими державами боевые действия.

Историографическая ситуация усугубилась после публикации работ В. Суворова (псевдоним В.Б. Резуна, сотрудника ГРУ Генерального штаба Советской Армии, перебежавшего в Англию), где проводилась мысль о подготовке Сталиным собственного нападения на Германию (сталинского варианта "превентивной" войны), которое якобы планировалось на 6 июля 1941 г. [210.; 211.].

У В. Суворова имеются апологеты как на Западе [295.], так и в России [176. С. 24-29; 203.]. В то же время российскими историками

было замечено, что В. Суворов (В.Б. Резун) слабо использует документальную базу, злоупотребляет домыслами, тенденциозно цитирует мемуарную литературу, которая сама по себе требует тщательного источниковедческого анализа, искажает факты, произвольно трактует события. Западные ученые также предъявили большие претензии к автору книги “Ледокол”. Так, Б. Бонвеч отнес её ко вполне определенному жанру литературы, в которой просматривается стремление снять с Германии вину за нападение на СССР [243. С. 72].

В первой половине 90-х гг. “антисуворовский бум” достиг своего апогея. Параллельно велась и продолжает вестись активная полемика с авторами, которые солидаризируются с В. Суворовым по поводу сталинской подготовки к “превентивной войне”, “нападению” на Германию (Г. Гилессен, В. Мазер, Э. Топич, Й. Хоффман). Однако их оппоненты в пылу полемики не учитывают простой вещи. Приводя все больше и больше доказательств наличия у Гитлера реальных планов нападения на СССР, они вольно или невольно усиливают “суворовские” позиции. Ведь, исходя из бытующей в историографии трактовки превентивной войны как операции с целью упреждения действий противника, готового реализовать свои политические цели военными средствами, нельзя не прийти к очевидному выводу: Сталин имел не меньше оснований начать её, чем фюрер.

Можно лишь присоединиться к мнению тех исследователей, которые считают несостоятельным спор о превентивной войне. Так, Б. Пиетров-Энкер указывала на нечеткость понятийного аппарата, наличие которой не позволяет использовать сам термин превентивная война “применительно к каким-то частным случаям” [314. С. 472, прим. 14].

Аналогичным образом рассуждал и М.И. Мельтюхов. Заслуживает внимания его вывод о научной беспредметности дискуссии о превентивной войне, ибо, как правило, все сводится в ней к “поиску” стороны, первой начавшей подготовку к нападению. Большинство возлагает вину на Гитлера, другие, в числе которых и автор “Ледокола” — на Сталина [292. С. 18].

Но исследователь, делающий попытку непредвзято разобраться во всех хитросплетениях внешнеполитических сталинских замыслов 1939—1941 гг., рискует быть подвергнутым остракизму за... апологию Геббельса, Гитлера, “псевдоисторика с Темзы” Резуна (Суворова), его могут назвать “безродным пацифистом” (sic — В. Н.), обвинить в проявлении “антинаучной тенденции”, отнести к разряду “неправильных” историков или, в лучшем случае, — пожурить за нарушение “этики научной полемики”, чему уже есть конкретные примеры [191. С. 74-75; 201. С. 32-41; 215. С. 7; 293. С. 147; 323.; 366. С. 24].

Подобного рода морально-психологическое давление, конечно, не способствует выявлению сталинского “сценария” вступления СССР

во Вторую мировую войны. Одно представляется несомненным: диктатор, обладавший многомиллионной армией, опиравшийся на всю мощь советской экономики, послушный партийно-политический, пропагандистский аппарат просто не мог не иметь такого “сценария”.

Сталин и его окружение, как показывают имеющиеся в распоряжении историков документы, представляли себе эту войну не как превентивную, а как **наступательную**. Понятие наступательная война можно встретить уже в классических трудах выдающихся полководцев и военных теоретиков XIX в., т.е. оно имеет давнее происхождение. Но из него не следует вовсе, что военные действия **обязательно начинаются с нападения на противника**. В то же время Наполеон I Бонапарт подчеркивал: “Всякая наступательная война является *войной вторжения...*” (курсив мой — В. Н.) [212. С. 210].

Ленин и Сталин, как практические политики, вкладывали в это понятие более широкий смысл, чем великий французский полководец.

Высоко ценивший полководческий талант Наполеона I, Ленин внес определенные коррективы в трактовку термина наступательная война, исходя прежде всего из специфики появившегося в 1917 г. на карте мира “первого государства рабочих и крестьян”. Для Ленина являлась аксиомой неизбежность накопления сил и перехода от пассивной “обороны” к “наступлению” на “капиталистическое окружение” с целью уничтожения последнего. В том, что такой момент обязательно наступит, у него не было сомнения. В Политическом отчете ЦК РКП(б) IX партконференции 22 сентября 1920 г. Ленин уверял: “Основная политика наша осталась та же. Мы пользуемся всякой возможностью перейти от обороны к наступлению”. Формулируя перспективную задачу государства “диктатуры пролетариата”, в заключительном слове во время прений по Политическому отчету ЦК он подчеркивал: “...мы (большевики — В. Н.) действительно идем в международном масштабе от полуреволюции, от неудачной вылазки к тому, чтобы просчета не было, и мы на этом будем учиться наступательной войне” [89. С. 25, 28].

Три месяца спустя, на VIII Всероссийском съезде Советов (23 декабря 1920 г.) первый глава Советского государства счел необходимым ещё раз подчеркнуть: “Если бы мы перед... постоянно враждебными нам силами должны были дать зарок..., что мы никогда не приступим к известным действиям, которые в военно-стратегическом отношении могут оказаться наступательными, то мы были бы не только глупцами, но и преступниками” [88. С. 173].

Сталин адекватно воспринимал идеи своего политического предшественника. Выступая перед пропагандистами Москвы и Ленинграда 1 октября 1938 г., он прямо апеллировал к ленинским “заветам” — представление о большевиках как о пацифистах, которые якобы лишь “вздыхают о мире” и “начинают братья за оружие

только в том случае, если на них напали”, в корне неверно. Развивая свою мысль, Сталин заверил: большевики “сами будут нападать, если война справедливая, если обстановка подходящая, если условия благоприятствуют...” И, очевидно, во избежание недоразумений, подчеркнул: “То, что мы сейчас кричим об обороне — это, вуаль, вуаль” [86. С. 13]. Позднее, на торжествах по случаю выпуска академий РККА 5 мая 1941 г. Сталин прямо призвал перейти от обороны “к военной политике наступательных действий” [94. С. 30].

Следовательно, большевистские лидеры подходили к определению наступательная война с “классовых позиций”, вкладывали в него понимание неизбежности в перспективе вооруженного столкновения с “капиталистическим окружением”, которое могло начаться (но лишь при благоприятных условиях) и по инициативе СССР.

Именно так трактуется понятие наступательная война в настоящей работе. Оно, как будет показано ниже, зафиксировано в исторических источниках, отражающих деятельность большевистских пропагандистских структур в 1939—1941 гг. В данной связи представляются бесплодными попытки смешения его с термином превентивная война. Наконец, кажутся несостоятельными обвинения, выдвинутые в адрес некоторых российских историков только за то, что они используют в своих работах по обозначенному периоду термин наступательная война [366. С. 24].

Исследования, посвященные анализу различных аспектов функционирования пропагандистского механизма сталинского государства, активизировались в нашей стране всякий раз, когда на первый план выдвигалась задача “разоблачения культа личности”. Так было в период хрущевской “оттепели” второй половины 50-х — начала 60-х гг., на этапе горбачевской “перестройки” второй половины 80-х гг., с наступлением постсоветской эпохи, в 90-е гг. Однако, действуя в полном соответствии с политической конъюнктурой, советские и российские историки порой выступали с крайне субъективных позиций. Стремление “обличить” Сталина приводило к прямому искажению фактов.

В книге Ю.П. Петрова Главное управление политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА) и секретарь ЦК ВКП(б) А.А. Жданов изображались в качестве застрельщиков пропагандистских кампаний в войсках накануне нападения Германии на СССР. Историк верно указал на важность сталинских указаний как основополагающих в политико-воспитательной работе с личным составом, однако расценивал это в качестве... “недостатка”, с критикой которого выступали по собственной инициативе Жданов и ГУППКА.

В монографии Ю.П. Петрова утверждалось, что А.А. Жданов “и другие работники ЦК” (sic — В. Н.) согласились с основными положениями, выдвинутыми по инициативе начальника Главного уп-

равления политической пропаганды Красной Армии А.И. Запорожца в начале 1941 г., но “эти справедливые оценки недостатков пропаганды и всей воспитательной работы” якобы были отвергнуты “вождем” [198. С. 335-336]. По логике Н. Плотникова выходило, что А.И. Запорожец, пытаясь “достучаться” до сталинского разума, составлял по собственной инициативе некие пропагандистские материалы, заранее зная, что они “в лучшем случае” останутся без ответа [315. С. 55].

Вообще, имеется тенденция представить дело таким образом, что отдельные руководители пропагандистских структур (чаще всего называют фамилию начальника ГУППКА А.И. Запорожца), либо обладавшие природной смелостью люди (например, В.В. Вишневецкий) резко ставили в 1940—1941 гг. вопрос о необходимости усиления “мобилизационных” мотивов в пропаганде, направленных на конкретизацию образа врага и искоренение самоуспокоенности и “шапкозакидательства”.

Между тем, по свидетельству участников событий, “в бытность Сталина все основные вопросы решались только по его указаниям” [114. С. 174; 119. С. 36]. Для сталинской системы вообще были характерны “отсутствие свободной информации, хотя бы в рамках государственного аппарата, невозможность свободно высказать свою точку зрения даже в рамках секретного заседания” [149. С. 54].

Безусловно, прав В.В. Позняков, утверждая, что “главным творцом пропагандистских установок” был большевистский “вождь”. “Идеологи из ГУППКА” во главе с А.И. Запорожцем вряд ли осмелились бы предлагать руководству партии и Советского государства проекты пропагандистских документов без учета основополагающих сталинских установок, которые формулировались также секретарями ЦК ВКП(б) А.А. Ждановым и А.С. Щербаковым [316. С. 167].

Если в 70-е — первой половине 80-е гг. в советской историографии имела место тенденция апологетического изображения пропагандистской деятельности партии и государства накануне войны против Германии, то в последующее десятилетие, наоборот, по этому вопросу было высказано достаточно много негативных оценок. Так, Г.Д. Комков, который ранее был известен как апологет советской политической пропаганды, характеризуя эту систему на исходе “перестроечного периода” утверждал, что её основная цель якобы состояла... “в оправдании автократического режима власти и проповеди идей деформированного социализма” (sic! — В. Н.) [272. С. 36].

Другие авторы, обоснованно доказывая наличие политико-идеологических издержек от договоренностей с Германией в 1939—1941 гг., пытались представить дело таким образом, что большевистская пропаганда была полностью парализована в результате этих договоренностей и, в отличие от нацистской, сыграла малую роль в подготовке к войне [274; 315].

Подобного рода суждения, несомненно, свидетельствуют о слабой изученности темы. Симптоматично, что даже на представительных международных конференциях, специально посвященных роли СССР в событиях 1939—1945 гг. (Москва, 31 января — 3 февраля 1995 г.; Констанц, Германия, 13—15 июня 1996 г. и др.), об участии советских пропагандистских структур и их руководителей в подготовке к войне говорилось крайне мало.

Поэтому пришлось проанализировать организацию советской пропаганды на рубеже 30-х—40-х годов для показа реальной значимости задействованных в ней руководящих кадров и исполнителей. Автор опирался в этой части исследования на некоторые работы предшественников [158.; 164.; 198.; 209.; 316.].

В историографии отмечались идеологические издержки, которые были понесены СССР в результате сближения с нацистской Германией, начавшегося после пакта Риббентрона—Молотова и советско-германского договора о дружбе и границе [302.; 305.; 315.]. В данной книге представлены новые дополнительные сведения на сей счет, полученные как в результате изучения опубликованных источников, так и неопубликованных архивных документов. Автор задался целью показать, что в условиях, когда в Советском Союзе была свернута открытая антифашистская пропаганда, Германия перестала рассматриваться в ней как потенциальный военный противник.

Основное внимание в историографии десятилетиями сосредоточивалось на том, что все внешнеполитические акции сталинского руководства, проведенные в 1939—1940 гг. (“освободительные походы” Красной Армии в Польшу и Бессарабию, присоединение Прибалтики, война против Финляндии), были предприняты с целью обезопасить границы СССР в преддверии вооруженного столкновения с Германией. Благодаря более объективному анализу событий, предпринятому в первой половине 90-х гг., сформировалась точка зрения, согласно которой Сталин смог осуществить значительные территориальные приобретения исключительно благодаря тайному сговору с нацистской Германией о разделе “сферы государственных интересов” в Восточной Европе.

С.З. Случ пришел к выводу, что “большевистско-догматическое” сталинское мышление находило в остро конфронтационном развитии международной обстановки дополнительные возможности для “имперских амбиций”, которые отождествлялись с интересами страны. В данном аспекте Германия, вплоть до вооруженного столкновения открыто противостоявшая ведущим державам капиталистического мира, оказалась “очень желанным партнером для кремлевских правителей” [365. С. 43].

А.Н. Сахаров писал, что рассуждения сталинского руководства об обороне западных границ от будущего агрессора, сопровождавшие

территориальное расширение СССР в 1939—1940 гг. “являлись дымовой завесой, которая прикрывала геополитический реванш в наиболее выгодных внешнеполитических условиях” пакта Риббентропа—Молотова [324. С. 33].

По мнению К.-Х. Руффманна, причины “затруднительного положения”, в которое попало сталинское руководство 22 июня 1941 г., заключались прежде всего в пренебрежении “основными принципами политики безопасности, *требованиями обороны* (курсив мой — В. Н.) в угоду интересам территориального расширения державы”, т. е. СССР [322. С. 23]. В.В. Позняков выделял в качестве ключевого момента использование Советским Союзом благоприятной обстановки, создавшейся после пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. и перенесения боевых действий на территорию Польши, для перехода к откровенно экспансионистским акциям. В состав СССР были включены не только территории, входившие в состав России до 1917 г., но и никогда не принадлежавшие ей земли [316. С. 168]. Попытки представить усилия советской пропаганды по идеологическому обеспечению лозунга “расширения фронта социализма” как “искаженное восприятие событий” [251. С. 92] мало убедительны.

Территориальные приращения СССР в предвоенные годы велись под флагом борьбы за всемерное расширение “сферы социализма” [296. С. 132; 324.]. В представленном исследовании показано, что большевистская пропаганда, прибегнув для оправдания территориальных приращений 1939—1940 гг. (так называемых “освободительных походов”) к манипулированию лозунгами “освобождения” и “расширения фронта социализма”, на самом деле выполняла функцию обоснования наступательной внешней политики Сталина.

Первым практическим шагом на пути воплощения этой политики явился антипольский поход Красной Армии в сентябре 1939 г. В историографии довольно подробно охарактеризованы мероприятия большевистского руководства по пропагандистскому обеспечению подготовки и проведения этого похода [326.; 364.]. Опираясь на введенные в научный оборот новые архивные документы, автор данного исследования, во-первых, постарался расширить хронологические рамки вопроса и показать, каким представлялся в советской пропаганде образ Польши в 1939—1941 гг., и, во-вторых, попытался выявить роль Сталина, Молотова и Жданова в обосновании “нелегитимности” самого существования Речи Посполитой.

Официальная советская версия начала советско-финляндской войны, которая господствовала в течение длительного времени, сводила все к наличию скрытой угрозы СССР со стороны Финляндии (а заодно — поддерживавших её западных держав: Англии, Франции и США), а также объясняла наступательные действия Красной Армии исключительно необходимостью **о т д в и н у т ь** границу от

Ленинграда, даже вопреки неуступчивости финской стороны. Подобный подход практически исключал возможность объективного анализа событий, связанных с советско-финляндской войной, в том числе — вопроса о её пропагандистском обеспечении. В исследовании делается попытка восполнить этот пробел, причем основное внимание сконцентрировано на причинах смены советских пропагандистских лозунгов (от “освобождения финских трудящихся” — к “обеспечению безопасности Ленинграда”).

Неизбежность войны, при условии, если она осознается правящей элитой, заставляет направлять особые усилия на соответствующую обработку общественного сознания. Этот процесс, который В. Ветте исследовал применительно к Германии 1933—1939 гг., историк назвал “психологической мобилизацией”. В качестве составных частей “психологической мобилизации” Ветте выделил, в частности, “запугивающую пропаганду” (прикрытие подготовки к войне заявлениями о мире), отказ от пацифистской риторики, милитаризацию духовной сферы и т. д. и т. п. [245.].

Выявлению подобного рода тенденций в большевистской пропаганде 1939—1941 гг. посвящена специальная глава предлагаемого исследования. Внимание в ней сосредоточено на трех основных моментах: показе имевших место в общественном сознании настроений, связанных с ожиданием грядущей (Большой) войны, в которую должен был вступить Советский Союз, эволюции создаваемого пропагандой образа врага, а также усилении “мобилизационной готовности” пропагандистских структур сталинского режима.

В литературе высказано мнение, что Сталин в 1939—1941 гг. не желал Большой войны, т.е. вступления СССР в уже начавшуюся Вторую мировую войну. Якобы его территориальная экспансия, ограниченная рамками Российской империи начала XX в., сошла на нет после раздела Польши, военной кампании против Финляндии и присоединения Прибалтики, а внутренних причин для начала крупномасштабных боевых действий за пределами Советского Союза просто не существовало.

Наконец, Сталин отказался от идеи “мировой революции”, а, следовательно, не желал военным путем стимулировать революционное движение на Западе [201; 295.]. При этом считается вполне корректной отсылка к “авторитетному свидетельству” Троцкого, высказанному в декабре 1939 г., что основная идея сталинской внешней политики — “избежать большой войны” [216. С. 32].

Свидетельства же советских очевидцев и участников событий, выявленные главным образом в дневниковых записях, мемуарной литературе, наконец, в неопубликованных архивных документах, дают основание утверждать: ожидание Большой войны являлось доминирующим в общественном сознании. Сталину и его окружению лишь

оставалось направить эти настроения в нужное русло. Не случайно поэтому, что большевистская пропаганда постоянно была занята формированием образа врага.

Ученые выяснили, что человеку свойственно переносить любые внутренние трудности и негативные качества на некий собирательный враждебный тип, который олицетворяет силы зла и разрушения. Данный образ (в литературе он называется стереотипом врага) дает огромное облегчение для собственной совести. Он же “избавляет общество от моральной ответственности” [254. С. 342; 310. С. 588].

Моделирование процессов возникновения конфронтации и “образа врага” во взаимоотношениях различных стран и народов привело исследователей к пониманию того, что в их основе лежит неверное восприятие — “взаимная мисперцепция”. Механизм её действия в упрощенном виде выглядит следующим образом: неверные образы внешнего мира, как правило, навязываются “сверху”, проникая затем в массовое сознание. Считается, что тоталитарная система, аналогом которой являлся сталинский режим, более подвержена стереотипному мышлению, чем, например, демократическая, и поэтому более склонна к мисперцепциям [334. С. 125-127]. Эти наблюдения учитывались при анализе эволюции образа врага в советской пропаганде на начальном этапе Второй мировой войны (1939—1941 гг.), проведенном в данной монографии.

В исследовательской литературе утверждается, что сталинский лозунг о поддержке “мобилизационной готовности” являлся “одним из расхожих” в советской пропаганде [314. С. 470]. Возникла необходимость показать каким образом этот лозунг в действительности использовался пропагандистскими структурами большевистского режима. Введенные в научный оборот новые документы в совокупности с уже известными источниками привлекались в монографии для анализа “мобилизационных мер”, которые были нацелены на всестороннюю подготовку этих структур, а следовательно, общественного сознания к Большой войне.

Исследователи неоднократно отмечали ту специфическую особенность сталинского режима, что Сталин практически единолично (либо “внутри узкого круга” своих “соратников”) принимал важнейшие решения по основным внешнеполитическим проблемам, которые затем устно передавались по “инстанциям” [318. С. 44, прим. 2].

В этой связи приобретают особую ценность выступления “вождя” перед выпускниками военных академий РККА, прозвучавшие 5 мая 1941 г., за семь недель до начала советско-германской войны. Однако в течение десятилетий не утихает дискуссия о содержании этих выступлений. Участники дискуссии оперируют различными историческими источниками по данному вопросу, высказывают порой прямо противоположные суждения и делают не совпадающие выводы

о сталинском "сценарии" грядущей войны, изложенном в этих выступлениях.

Назрела потребность разобрать образовавшиеся историкоисторические и историографические "завалы" и попытаться выяснить по крайней мере три обстоятельства. Первое: в какой обстановке проходили сталинские выступления; второе: какую цель преследовал Сталин, обращаясь к представителям военной элиты СССР; третье: какие последствия имело данное событие. Для решения этих задач не только анализируются бытующие в историографии оценки, но и дается авторская версия происходившего на торжествах в Кремле по случаю выпуска военных академий 5 мая 1941 г.

Столь же противоречивой, как и содержание выступлений перед военными "академиками", остается трактовка опубликованного буквально накануне советско-германской войны сталинского письма "О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма", адресованного членам ЦК ВКП(б) [331.]. В период кампании по "разоблачению культа личности" начала 60-х гг. на эту тему высказался В.М. Хвостов. Историк писал, что упомянутая работа "является примером недопустимого отношения Сталина к произведениям Энгельса". Сталин якобы отошел в своем письме "от ленинского понимания природы царского самодержавия и его политики" [182. С. 805-806].

Д.А. Волкогонов, приводя выдержки из документа, неверно датировал его июлем 1940 г. [171. С. 142] (правильная дата — июль 1934 г.).

А.Г. Латышев указал на политическую актуальность этого письма, опубликованного накануне 22 июня 1941 г. По его мнению, данный документ в совокупности с другими источниками может свидетельствовать об отказе Сталина от активной деятельности по руководству ориентированного на мировую революцию Коминтерна и его стремлении "к созданию собственного имиджа национального вождя, стоящего у кормила внешней политики России" [277.].

Оригинальна трактовка сталинского письма "О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма" предложена С.В. Константиновым, который расценивал его появление в печати как лишнее свидетельство сближения СССР и Третьего рейха. Константинов ставил публикацию сталинского письма к членам Политбюро ЦК ВКП(б) в один ряд с такими фактами, как отправка из СССР в Германию ресурсов и продовольствия, выдача гестапо и расстрел в ГУЛАГ'е немецких коммунистов. Названный автор пытался доказать, что сам сталинский документ имел антибританскую направленность [273.].

Иная версия публикации упомянутого письма изложена в работе М.В. Александрова. По мнению Александрова, Сталин в мае 1941 г. считал войну с Германией неизбежной, а поэтому и дал распоряжение опубликовать письмо в журнале "Большевик", чтобы "нацелить рус-

ский народ на борьбу с немецкой нацией как таковой” [153. С. 108]. Представляется, что интерпретация, предложенная М.В. Александровым, близка к истине. В данной монографии и публикация заметки “О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”, и выступления Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. рассматриваются как ключевые материалы в разворачивавшейся пропагандистской кампании, направленной на идеологическую подготовку к наступательной войне.

В начале 90-х гг., ещё до публикации на русском языке книг В. Суворова, в работах авторов из СССР — России были высказаны предположения о сталинских замыслах, связанных с вступлением Советского Союза во Вторую мировую войну. Л.М. Спириин, анализируя сохранившиеся материалы из сталинского архива, пришел к выводу, что большевистский лидер не исключал возможности начала войны по инициативе СССР “при определенных условиях” [329. С. 95, прим. 14]. А.Г. Донгаров, используя ранее недоступные дипломатические документы, считал, что “за событиями первого плана осени 1939 года — лета 1941 года... стояли какие-то сокровенные цели и расчеты Кремля, в которых *вариант нападения Германии на СССР просто не предусматривался*” (курсив мой — В. Н.) [261. С. 39]. Размышляя о значении пакта о ненападении, М.Я. Гефтер задавался вопросом: не явилось ли это дипломатическое соглашение “хорошо продуманным и лишь дурно использованным звеном в подготовке собственного похода на нацистский райх, сокрушающего выхода на Запад?” [173. С. 72].

Польский историк Я. Замойски высказал мнение, что не исключена возможность обнаружения документов об истинных намерениях большевистского руководства весной—летом 1941 г., существование которых он считал вероятным [264. С. 428].

Эти суждения стали приобретать ещё большую основательность после того, как был введен в научный оборот один из уникальных документов такого рода — “Соображения по плану стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками”, подготовленный Генеральным штабом Красной Армии в первой половине мая 1941 г. [5.; 270.; 271.; 313.]. Важность генштабовской разработки несомненна, поскольку она была адресована лично Сталину, а главное — содержала предложение нанести упреждающий удар по не успевшим ещё сосредоточиться для нападения на СССР германским войскам.

В 1993 г. вначале В.Д. Данилов [348.], а затем Ю.А. Горьков [256.] полностью опубликовали этот документ. С момента опубликования упомянутых “Соображений...” не утихают споры об их практической значимости в сталинской стратегии в преддверии войны 1941—1945 гг. Одни авторы считают, что разработка Генштаба

не была принята Сталиным, другие, наоборот, рассматривают её как документ, на основании которого предпринимались практические действия по подготовке к упреждающему удару Красной Армии по Германии [176].

В ходе полемики о майских 1941 г. генштабовских “Соображениях...”, в частности, было высказано следующее утверждение: историография не обладает материалами, которые могли бы свидетельствовать о размахе работы пропагандистского аппарата большевистской партии, связанной с подготовкой подобного упреждающего удара [258]. Но вскоре такие материалы были выявлены. Их подготовка велась на основании сталинских указаний, прозвучавших в выступлении “вождя” перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г. [6.; 176.; 316.]. Однако истинная значимость данных выступлений Сталина перед военными “академиками” в деле перестройки всей советской пропаганды в наступательном духе поначалу не была понята. Так, в очередном российском многотомнике по истории советско-германской войны 1941—1945 гг. можно обнаружить следующее безапелляционное заявление: “В выступлениях в Кремле перед выпускниками военных академий Сталин, по существу, призвал не верить официальной пропаганде (sic — В. Н.), а готовиться к войне” [164. С. 47].

Таким образом, в 90-х гг. среди российских исследователей развернулась широкая дискуссия, которая получила название “незапланированной”, о сталинских наступательных замыслах в преддверии советско-германской войны. Она началась в научной периодике, и при этом в роли застрельщика выступила редколлегия журнала “Отечественная история”, которая предоставила свои страницы авторам, в том числе и зарубежным, рассматривавшим различные аспекты проблемы подготовки СССР к наступательной войне [286.; 292.; 303.; 307.; 318.; 339]. Это вызвало раздражение сторонников “традиционной версии” об оборонительном характере сталинских приготовлений накануне 22 июня 1941 г. Взяв на вооружение излюбленный метод “разоблачения фальсификаторов”, они многозначительно заявляли, что в Москве “в определенных кругах в чести “резуны”(sic — В. Н.) [259. С. 13], и там “в ущерб настоящей критике охотно вернулись к давно решенным вопросам” [293. С. 147]. “Разоблачители” предложили радикальное и “верное” решение проблемы: “не давать возможности” оппонентам выступать на страницах журнала “Отечественная история” [201. С. 40].

“Незапланированная дискуссия” российских историков имеет существенное отличие от “спора историков ФРГ” второй половины 80-х гг. В центре внимания “спора” был Третий рейх, что сделало полемику по преимуществу политическим явлением, не способствуя введению в научный оборот новых материалов, которые бы давали более

глубокое понимание проблемы [243. С. 71]. Благодаря “незапланированной дискуссии”, также, к сожалению, не избежавшей политизации, наоборот, исследователям стали известны важные источники, относящиеся главным образом к маю—июню 1941 г.

Среди этих источников выделяются проекты директивных материалов, которые готовились ГУППКА после выступлений Сталина 5 мая и расширенного заседания Главного военного совета (ГВС) 14 мая 1941 г. Сделан вывод, что на упомянутом заседании ГВС было признано необходимым пересмотреть содержание военной пропаганды и воспитательной работы в Красной Армии и готовить её к наступлению [176. С. 78, 97, 159; 316. С. 168].

Но этот вывод вызвал неоднозначную реакцию. Двойственную позицию по вопросу о значении упомянутого решения ГВС занял М.А. Гареев. С одной стороны, он признавал, что выступление Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. было выдержано “в активно-наступательном духе”, а установка от 14 мая о перестройке содержания военной пропаганды “в духе наступательной и всеокрушающей войны” лишний раз свидетельствует об истинных настроениях советского политического руководства. С другой стороны, Гареев категорически утверждал, что подобного рода политические установки и “настроения” практически не были реализованы [172. С. 92-93].

Ю.А. Горьков писал: “Ссылки на директиву, принятую на заседании Главного военного совета 14 мая 1941 г., — о пересмотре направления военной пропаганды в Красной Армии — как доказательство изменения военной доктрины на наступательную неубедительны” [256. С. 37]. Но, во-первых, на ГВС 14 мая 1941 г. была принята не директива о пересмотре направления военной пропаганды, а только поручалось А.И. Запорожцу приступить к разработке данного документа. Во-вторых, одна пропагандистская директива, естественно, не могла изменить военную доктрину РККА на наступательную, поскольку она итак была в то время именно наступательной. И, наконец, в мае-июне 1941 г., как показали изыскания ряда историков, шла работа не над одной, а над несколькими проектами директив ГУППКА, выдержанными в духе “лозунга наступательной войны” [176.].

Приводя отрывок из сопроводительного письма А.И. Запорожца к А.А. Жданову и А.С. Щербакову при пересылке им проекта директив, подготовленных ГУППКА в мае 1941 г., А.А. Печенкин правильно акцентировал внимание на том, что в них фиксировались задачи, вытекающие из сталинского выступления перед выпускниками военных академий. Далее Печенкин делал вывод: начальнику ГУППКА было указано на ошибки в разработке этих материалов и “предложено подготовить более реалистичные указания по вопросам

воспитания личного состава” [94. С. 25]. Какими должны были стать пропагандистские директивы после доработки: более “оборонительными” или более “наступательными”? К сожалению, Печенкин не дает ответа на данный вопрос.

Попытки снизить значимость директивных материалов середины мая—июня 1941 г., готовившихся для личного состава Красной Армии, лишний раз свидетельствуют о весьма поверхностном понимании сути проблемы.

Лишь после тщательного анализа всей совокупности проектов директивных материалов, составлявшихся не только ГУППКА, но ЦК ВКП(б) в мае—июне 1941 г., а также публикации основных из них [6.; 286.; 298.; 299.; 303.], среди российских историков преобладающим стало мнение о начале поворота всей советской пропаганды в духе “всесокрушающей наступательной войны” [214. С. 271; 295.; 352.]. Данное обстоятельство констатируется и западными исследователями [318. С. 45, прим. 9; 350.], что позволяет сделать вывод о несомненной научной значимости начавшейся полемики о роли идеологической составляющей в менталитете и политике советского руководства, начатой в рамках “незапланированной дискуссии”.

Авторы, касавшиеся в своих работах истории тоталитарных режимов, отмечали наличие сложного процесса приведения языка деловых документов, которым пользовались функционеры, в соответствие с политическими реальностями и генеральными указаниями высшего руководства. Выделено по крайней мере три признака подобного процесса: подражание в письменном языке высшему руководству либо непосредственному начальству; применение расхожих формулировок и шаблонных фраз и, наконец, лаконичный, сугубо деловой стиль текстов документов [149. С. 60; 219. С. 37-38].

Со всей очевидностью все эти языковые особенности проявились в письменных документах мая — июня 1941 г., сохранившихся в архивах и связанных в той или иной степени с пропагандистским обеспечением подготовки к наступательной войне.

Исходя из понимания всей важности проблемы, в монографии предпринята попытка дать представление обо всех имеющихся в распоряжении исследователей директивных и инструктивных материалах, составленных в мае-июне 1941 г. в ГУППКА и в ЦК ВКП(б). Помимо этого проанализированы выступления сталинских “соратников” (А.А. Жданова, А.С. Щербакова) на совещаниях с представителями средств массовой информации (8—9 мая) и с кинематографистами (14—15 мая 1941 г.). Основная цель — показать, что уже на стадии подготовки проекты пропагандистских директив рассматривались как руководство к действию и достаточно полно раскрывали сталинский призыв переходить от обороны “к военной политике наступательных действий”.

Для решения поставленных в данном исследовании задач использовались разнообразные архивные материалы и опубликованные документы, дневники и мемуарная литература.

Как справедливо отмечал Б. Вегнер, состояние источниковой базы исследования событий, предшествовавших войне между СССР и Германией, позволяло “реконструировать процесс принятия решений немецкой стороной в отличие от советской стороны” [242. С. 151; 351. С. 175]. Во многом оно продолжает оставаться таковым, ибо не вызывает оптимизма у специалистов современная российская “архивная политика”, остается актуальной проблема доступа к документам центральных и особенно ведомственных архивов [294.].

По образному выражению одного из российских журналистов, “недоступность кремлевских тайн вошла в поговорку”. Поэтому историки, лишенные необходимых архивных источников, подобно известному естествоиспытателю Ж. Кювье, взяли на вооружение метод скрупулезной реконструкции [353.]. Но если Кювье ставил задачу восстановить строение давно вымерших животных, то его невольные последователи, представляющие историческую науку, имеют целью выявить последовательность, взаимосвязь и значимость событий прошлого.

В данной монографии удалось привлечь некоторые ранее малодоступные источники. Основной комплекс архивных материалов, использованных автором, — документы бывшего Центрального партийного архива Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ныне РЦХИДНИ). В первую очередь привлекли внимание так называемые справочные дела, относящиеся к деятельности Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117], большая степень информативности которых наглядно показана в специальной статье И.В. Ильиной [267.].

Документы, отложившиеся в фонде Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125], рассматриваемые в совокупности со справочными делами Оргбюро и Секретариата ЦК, дают возможность выяснить, каким образом шла работа над главными директивными и инструктивными материалами мая—июня 1941 г., в основе которых лежало идеологическое обеспечение “лозунга наступательной войны”. К ним тесно примыкают дела из личных фондов секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Жданова [РЦХИДНИ. Ф. 77] и А.С. Щербакова [РЦХИДНИ. Ф. 88], которые курировали Управление пропаганды и агитации в 1939—1941 гг.

Из опубликованных источников наибольшую значимость представили сталинские и ленинские выступления и речи [86.—89.; 92.—94.], сборники документов о партийно-политической работе в РККА [26.; 27.], о деятельности Коминтерна в 1939—1941 гг. [12.], периодическая печать предвоенного периода [48.—84.].

Ценная информация выявлена в мемуарной литературе, прежде всего — в воспоминаниях писателей К.М. Симонова, И.Г. Эренбурга, журналистов Д.Ф. Краминова, Д.И. Ортенберга, З.С. Шейниса и других [105.—145.].

Как подчеркивал Й. Хельбек, дневники “дают уникальное представление о самовосприятии людей в условиях сталинизма”. Эти источники вводят “в мир ценностей, поведения и эмоциональных реакций”, характеризующих человека сталинской эпохи [336а. С. 196].

Наглядное представление о восприятии пропагандистских установок предвоенного периода формируют дневники и записные книжки за 1939—1941 гг., которые принадлежали писателю и драматургу Всеволоду Витальевичу Вишневскому (1900—1951) [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2076, 2077, 2079]. По роду своей деятельности (Вишневский возглавлял оборонную комиссию Союза советских писателей, являлся ответственным редактором журнала “Знамя”) он присутствовал на закрытых совещаниях в Политическом управлении Красной Армии, в Комитете по делам кинематографии при СНК СССР и т. д., где имел возможность получать не доступную другим информацию государственной важности. Вишневский общался с представителями высшего военного руководства Красной Армии (маршалы К.Е. Ворошилов, С.М. Буденный, Г.И. Кулик, генералы Д.Г. Павлов, И.В. Тюленев, О.И. Городовиков, начальник Политического управления РККА Л.З. Мехлис и другие). Нередко (не говоря уже о поездках на Балтику осенью 1939 г., об участии в советско-финляндской войне 1939—1940 гг.) В.В. Вишневский посещал боевые подразделения, встречался с командирами и красноармейцами, был в курсе их настроений.

В его дневниках и записных книжках отразились также впечатления от прочтения иностранной (в первую очередь — германской) периодической печати, прослушивания передач зарубежного радио (выручало знание английского, французского, немецкого языков), которые позволяли ему сравнивать различные интерпретации событий, экстраполируя их на материалы советских средств массовой информации, и делать в конечном счете собственные выводы.

Немаловажное значение имеет и то, что В.В. Вишневский являлся одним из активных сторонников упреждающего удара, наступательной войны.

В книге использованы сведения, извлеченные не только из дневника В.В. Вишневского, но также: писателя М.М. Пришвина, академика В.И. Вернадского, будущего известного историка, а в 1939—1941 гг. аспиранта А.Г. Манькова, ярославского студента Ю. Баранова [95.—104.].

Глава первая СПЕЦИФИКА ПРОПАГАНДЫ НА РУБЕЖЕ 30-х — 40-х ГОДОВ

1. Люди и структуры

К концу 30-х годов завершился важный этап эволюции всей системы партийно-политической пропаганды, функционировавшей в рамках сталинского режима. В данной сфере почти безраздельно господствовал диктат правящей партии — ВКП(б). Своеобразным идеологическим выражением этого диктата стала “История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс” (1938), написанная при участии Сталина. Только в 1938—1939 гг. её тираж превысил 15 млн. экз. [209. С. 80]. Развернувшаяся беспрецедентная кампания по популяризации “Краткого курса” стала кульминационным этапом в процессе возвеличивания Сталина как “вождя” и повсеместного утверждения “классового” мировоззрения в стране. “Краткий курс” “практически “заял место Священного писания” [266. С. 24].

Большевистская пропаганда руководствовалась сталинскими указаниями, которые становились основополагающими при проведении разного рода идеологических кампаний, связанных как с событиями внутри страны, так и с очередными внешнеполитическими акциями СССР. Подобного рода указания прозвучали, например, в выступлениях “вождя” перед пропагандистами Москвы и Ленинграда (конец сентября — начало октября 1938 г.) [86.; 284. С. 74-78], на XVIII съезде ВКП(б) (10 марта 1939 г.) [1.; 35. С. 362-375], на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросу о фильме “Закон жизни” (9 сентября 1940 г.) [158. С. 25-30; 278.; 308.]. Помимо “Краткого курса”, публиковались другие работы и тексты выступлений Сталина. В 1938 г. они были выпущены тиражом 26,7 млн. экз., в то время как суммарный тираж произведений Ленина, Сталина и Энгельса составил 10,4 млн. экз. [209. С. 211].

Сталинские выступления и речи немедленно брались на вооружение в пропагандистской работе, а цитаты из них неоднократно приводились в методических материалах, предназначенных для “бойцов идеологического фронта” [35].

В качестве руководящих рассматривались и выступления ближайших сталинских “соратников”, в частности, — В.М. Молотова (1890—1986), члена Политбюро ЦК ВКП(б) с 1926 г., который до начала мая 1941 г. являлся главой Советского правительства (председателем Совета народных комиссаров СССР), а с мая 1939 г. — одновременно и наркомом иностранных дел. В 1940 г. Молотов потребовал от сотрудников Народного комиссариата иностранных дел (НКВД) непосредственного участия в повседневной текущей пропаганде по вопросам, касавшимся международного положения, которая велась через прессу, по радио, в сети партийного просвещения. Хорошо информированные и ориентированные при любых изменениях политической ситуации, они были призваны соответствующим образом влиять на своих читателей и слушателей. Однако В.М. Молотов рекомендовал выступавшим в прессе и по радио работникам наркомата иностранных дел использовать псевдонимы, чтобы предотвратить “нежелательные спекуляции иностранных дипломатов и журналистов” [126. С. 37]. Сам Молотов являлся автором передовых статей в центральных советских газетах, но эти статьи, как правило, печатались без указания его фамилии [118. С. 29].

Не оставались без внимания также выступления и речи М.И. Калинина (1875—1946), члена Политбюро ЦК ВКП(б) с 1926 г., являвшегося с 1938 г. председателем Президиума Верховного Совета СССР.

Для осуществления идеологического контроля в масштабах страны немаловажное значение имели правильный подбор и расстановка кадров. Свидетельства некоторых современников и очевидцев событий, содержащие критические оценки сущности сталинской “кадровой политики”, могут натолкнуть на размышления о её иррациональности.

Как подчеркивал, например, в 1940 г. в частной беседе М.М. Литвинов, “вождь” имел стойкий иммунитет к тем, кто не разделял его взглядов, идя на “уничтожение инакомыслящих, хотя и полезных людей”. Сталин якобы подбирал “ограниченных, послушных олухов”, а в результате опорой “вождя” становились “подхалимы и хвалители” [104. С. 204]. Естественно, следует учитывать эмоциональную подоплеку вышеприведенного суждения Литвинова: хотя как представитель большевистской “старой гвардии” он не был репрессирован, но в мае 1939 г. лишился поста народного комиссара иностранных дел, а в феврале 1941 г. — выведен из состава членов ЦК ВКП(б).

В.И. Вернадский, который был далек от партийных “аппаратных игр”, прибегал к столь же отрицательным оценкам: “Резкое ухудшение высшей бюрократии” [97. С. 184], или: “Собрались чиновники — боящиеся сказать правду” (о делегатах XVIII партийной конференции) [98. С. 183]. В дни работы этой конференции А.Г. Маньков записал в дневнике, что “вождь”, который периодически “перебирал людишек”, в конечном счете стремился создать необходимый ему “инициативный, самостоятельно не мыслящий (sic — В. Н.) преданный, гибкий, бюрократически выложенный аппарат” [101. С. 198].

Кадровая политика Сталина имела своим итогом переход власти от старой большевистской гвардии к партийной молодежи, выдвинувшейся при его содействии. Он стремился не только устранить путем репрессий и запугивания потенциальную угрозу со стороны своих идеологических оппонентов и противников, но и утвердиться в качестве единодержавного диктатора [200. С. 380]. Именно из среды сталинских “выдвиженцев” вышли функционеры, осуществлявшие непосредственное руководство системой политической пропаганды. Люди такого рода, обязанные Сталину своей карьерой, “нацёпленные на разные его крючки” [161. С. 33], отличались особой преданностью.

При политической диктатуре сила режима держится “на предполагаемой незаменимости” первого лица (диктатора). В силу этого у диктатора не бывает ни преемника, ибо он рассматривается как угроза самовластию, ни помощника, который приуменьшает славу властителя. Вместо них назначается несколько равных друг другу заместителей. В создавшейся ситуации “силу каждого из них подрывает зависть остальных” [196. С. 133].

Обладая почти безграничной властью в стране, Сталин и в идеологической сфере сделал ближайших “соратников” проводниками своих идей. Формально с конца 1930-х до 1941 гг. политико-пропагандистская деятельность контролировалась одновременно А.А. Андреевым и А.А. Ждановым, затем — А.С. Щербаковым, А.А. Ждановым и Г.М. Маленковым [158. С. 6]. Но Маленков “явно уступал Жданову в способности вести соответствующие дискуссии” в идеологической области [250. С. 44]. Недаром Сталин в “ближнем кругу” называл последнего “надзирателем по идеологии” [190. С. 11].

Партийно-государственная карьера А.А. Жданова (1896—1948, члена большевистской партии с 1915 г.) была стремительной. 1927 г. — кандидат в члены ЦК ВКП(б); 1930 г. — член ЦК (одновременно являлся первым секретарем Горьковского крайкома партии). Его первая продолжительная встреча со Сталиным в кабинете генсека состоялась 12 июля 1929 г.

В 1930 г. А.А. Жданов вновь был посетителем кремлевского кабинета “вождя”, а в 1931 г. побывал там как минимум четырежды [32. С. 18, 21, 28, 33, 39, 42]. Несомненно, личное знакомство со Сталиным

способствовало дальнейшему “продвижению” Жданова: в 1934 г. по согласованию с “вождем” он переведен в Москву и, в силу своей новой должности секретаря ЦК ВКП(б), даже не являясь кандидатом в члены Политбюро, принимал участие в работе высшего партийного органа. После убийства С.М. Кирова А.А. Жданов направлен в Ленинград. Перевод на партийную работу в Москву, а затем — в Ленинград способствовал тому, что А.А. Жданов стал ещё более частым сталинским посетителем (за 1934—1939 гг. около 360 раз был на приеме у генсека). С 1935 г. Жданов — кандидат в члены Политбюро; руководство Ленинградской городской и областной организациями ВКП(б) совмещал с деятельностью по идеологическому обеспечению репрессивных акций 1937—1938 гг.: лично выезжал в Башкирию, Татарию, Оренбургскую область, где провел “чистку” местных партийных органов.

В ноябре 1938 г. по поручению Политбюро ЦК ВКП(б) он начал курировать пропагандистскую работу и, в частности, осуществлял контроль и наблюдение за органами печати, давая “необходимые указания” редакторам [45. Док. № 142; 221. С. 113, 159, 192, 246, 247, 290-291].

А.А. Жданов вместе с А.А. Андреевым проводил совещание советских писателей в конце февраля — начале марта 1938 г., где говорилось о недостатках работы ССП [158. С. 14]. В конце сентября — начале октября 1938 г. Жданов председательствовал на собрании пропагандистов Москвы и Ленинграда по вопросу об изучении “Краткого курса истории ВКП(б)”, а также выступил на нем с основной речью [284. С. 74-78].

С 1939 г. А.А. Жданов — член Политбюро, в 1939—1940 гг. возглавлял созданное по сталинской инициативе Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), настоящее “министерство, жестко контролировавшее идеологию и культурную жизнь” [158. С. 19], а затем, до начала мая 1941 г. осуществлял “наблюдение” за его работой.

“Вождь”, по свидетельству С.И. Аллилуевой, демонстрировал своё особое расположение к А.А. Жданову [106. С. 146]. В то же время, последний, занимая столь ответственные посты в высшем большевистском руководстве, в 1939—1941 гг. получал непосредственно от Сталина важные задания и поручения, связанные с пропагандистским обеспечением внутривнутриполитических и внешнеполитических кампаний.

А.А. Жданов являлся членом Главного Военного Совета, а затем — Комитета Обороны и, следовательно, находился в курсе дел, касавшихся боевой, технической и политико-пропагандистской подготовки Красной Армии. В апреле 1941 г. Сталин провел через Политбюро решение, согласно которому Жданов (наряду с Маленковым) должен был визировать приказы наркома обороны и начальника Генштаба РККА, имевшие сколько-нибудь серьезное значение.

30 мая 1941 г., как и Г.М. Маленков, А.А. Жданов был включен в состав Бюро Совнаркома [221. С. 254, 256].

Из свидетельств современников и участников событий складывается весьма неоднозначный портрет Жданова. Как человек умный, А.А. Жданов имел “некоторое ехидство с хитринкой”, умел “подпустить иронию”. Случалось, что на ответственных заседаниях, в частности, на Пленумах ЦК он фиксировал неудачные обороты речи выступавших, а затем докладывал о подобных промахах самому Сталину. В остальном же, по мнению Н.С. Хрущева, А.А. Жданов был очень обаятельным и веселым человеком [139. С. 62-63].

В.И. Вернадский критически оценивал деловые качества А.А. Жданова. По сравнению с С.М. Кировым он казался ученому “мелкой бездарной фигурой” [97. С. 174]. А.Г. Маньков, будучи участником праздничной демонстрации 7 ноября 1940 г. в Ленинграде и наблюдая за находившимся на трибуне А.А. Ждановым, отметил, что видный партийный деятель “растолстел и, очевидно, стал непроныцаем” [101. С. 194].

В тесном контакте с А.А. Ждановым действовал А.С. Щербаков (1901—1945). Вступив в большевистскую партию в 1918 г., он в 1924—1930 гг. находился в Свердловской области на партработе, в 1930—1932 гг. учился в Институте красной профессуры (ИКП), который, по определению обучавшегося там А.Г. Авторханова, являлся “теоретическим штабом” ЦК ВКП(б). Литературная деятельность А.С. Щербакова “заключалась в обильном писании секретных сводок по институтским делам в ЦК” [152. С. 132, 135]. С 1932 г. он — в аппарате ЦК, занимал должность заместителя заведующего, затем — заведующего отделом.

В 1934 г. Щербаков стал оргсекретарем Союза советских писателей. Для этой работы он был назначен Сталиным по рекомендации Жданова. В подчинении последнего А.С. Щербаков был в 20-е гг., когда оба работали в Нижегородской губернии [239. С. 148]. Именно Щербаков в начале 1936 г. обратился с личным письмом к Сталину, где содержалась просьба... выдвинуть боевой, конкретный лозунг, “который мобилизовал бы писателей” [171. С. 129-130].

Однако А.С. Щербаков явно “не сработался” с “инженерами человеческих душ”. Пик конфронтации с Союзом советских писателей пришелся на 1936 г. В марте была организована “дискуссия о формализме”, в ходе которой в адрес оргсекретаря высказывались резкие критические замечания. Если в августе 1934 г., рекомендуя А.С. Щербакова на руководящую должность в ССП, А.А. Жданов и Л.М. Каганович характеризовали кандидата как “хорошего организатора” и “культурного человека” [239. С. 184, прим. 34], то весной 1936 г. писатели прямо заявляли о его “эфемерности и беспринципности”. Смещение А.С. Щербакова с этого поста представлялось в писательской

среди делом весьма полезным, ибо его причисляли к категории “серых руководителей”, к тем, кого называют “ни рыба, ни мясо” [46.]. Щербаков постоянно “вмешивался в конкретные дела писателей”, к тому же не поладил с А.М. Горьким. Дело кончилось в 1936 г. освобождением А.С. Щербакова от обязанностей оргсекретаря ССП.

В 1936—1937 гг. он являлся вторым секретарем Ленинградского обкома, в 1937—1938 гг. — первым секретарем Иркутского (Восточно-Сибирского) обкома, в апреле—декабре 1938 г. — Сталинского (Донецкого) обкомов партии. В конце 1938 г. его перевели в Москву. А.С. Щербаков стал первым секретарем Московской городской и областной организаций ВКП(б), хотя ещё до нового назначения подозревался в “связи с врагами народа” [140. С. 89-90].

С 1939 г. Щербаков — член ЦК, с февраля 1941 г. — секретарь ЦК и кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б). С мая 1941 г. он осуществлял наблюдение за деятельностью Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и участвовал в разного рода идеологических кампаниях и “проработках”. Сталинский “экономический советник” академик Е.С. Варга, ставший объектом подобной “проработки”, назвал А.С. Щербакова одним “из худших представителей самовластной бюрократии” [111. С. 157].

В своей деятельности по руководству пропагандистскими структурами Щербаков придерживался следующего критерия: “использовать газеты, журналы, радио, черта, дьявола, сатану, кого угодно, — но в интересах нашего советского дела...” [316. С. 177].

В разгар репрессий он действовал в полном соответствии с “генеральной линией” по “искоренению врагов народа”. Так, 6 апреля 1938 г., будучи тогда заведующим отделом культуры ЦК ВКП(б), А.С. Щербаков имел беседу с профессором А.Г. Соловьевым, которому было предложено возглавить Главное управление фотопромышленности (“Союзфото”). В разговоре Щербаков пояснил, что “Союзфото” — “очень важное идеологическое объединение”, поскольку оно снабжало фотоснимками “всю советскую печать”, а, следовательно, в учреждении имелось широкое поле для “вредительства”. Он рекомендовал А.Г. Соловьеву следить “за всеми сотрудниками” и “беспощадно вычищать всех подозрительных” [104. С. 197]. Вполне вероятно, что А.С. Щербаков получил соответствующие указания от самого “вождя”: 4 апреля он находился в сталинском кремлевском кабинете вместе с наркомом внутренних дел Н.И. Ежовым и А.А. Ждановым [32. С. 12]. Как известно, Ежов “занимался чисткой партии и организацией репрессий”, а Жданов — “идеологическим обеспечением репрессивных акций” [221. С. 169].

А.С. Щербаков и А.А. Жданов в качестве сталинских “соратников” стояли на разных ступенях иерархической лестницы. Последний явно занимал более высокое положение, был по рангу гораздо

ближе к "вождю". Однако обоих объединяло характерное качество: они никогда не выступали (да и не могли в условиях всеобъемлющей диктатуры Сталина выступать) с личной инициативой по важнейшим политико-идеологическим вопросам.

"Наверху", т.е. в сталинском окружении, сложилось однозначное мнение о А.А. Жданове. Последний не отличался особым рвением: если поручат решение того или иного вопроса — сделает, а не поручат — "не надо" [139. С. 62]. Аналогичные качества были присущи и А.С. Щербакову. Д.И. Ортенберг, часто контактировавший с ним, будучи главным редактором газеты "Красная звезда" в период Великой Отечественной войны, в своих мемуарах подчеркивал наличие у А.С. Щербакова крайней осторожности и склонности к перестраховке [128. С. 37, 38, 66, 67, 96, 98]. К этому можно добавить свидетельство И.Г. Эренбурга. В разговоре со Щербаковым в сентябре 1941 г. писатель заметил, что подготовленные им для Совинформбюро статьи подвергаются жесткой цензуре. Последовало немедленное указание: "А вы не оригинальничайте..." [144. С. 236].

Общее руководство партийно-политической работой в воинских соединениях и частях находилось в ведении Политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии (ПУРККА), созданного в 1929 г. ПУРККА функционировало на правах военного отдела ЦК ВКП(б). 15 августа 1937 г. ЦИК и СНК СССР приняли "Положение о военных комиссарах". Военные комиссары назначались наркомом обороны СССР по представлению ПУРККА для политического руководства и непосредственного проведения партийно-политической работы в войсковых частях, соединениях, учебных заведениях, учреждениях и управлениях РККА. 29 июля 1940 г. ПУРККА было переименовано в Главное управление политической пропаганды Красной Армии (ГУППКА). Соответственно, произошло переименование органов пропаганды в войсковых частях в управления и отделы политической пропаганды. 12 августа 1940 г. по решению ЦК ВКП(б) институт военных комиссаров упразднился. В тактическом звене военного организма вводилось полное единоначалие.

Согласно принятому наркоматом обороны СССР "Положению о Политическом управлении РККА" (22 ноября 1934 г.), начальник ПУРККА обладал широкими полномочиями в сфере своей компетенции и имел большие права. Он руководил деятельностью всех политорганов, партийных и комсомольских организаций в Красной Армии, Военно-политической академией и курсами усовершенствования политсостава, постановкой политзанятий с красноармейцами и младшим начальствующим составом, марксистско-ленинской учебной начсостава и курсантов. Кроме того, начальник ПУРККА отвечал за кадровую политику, учет, подготовку и мобилизационные мероприятия, касавшиеся политсостава запаса, за снабжение войск политпрос-

ветимуществом, осуществлял партийно-политический контроль за издательской работой в Красной Армии и красноармейской печатью и т. д. и т. п. [27. Док. № 7, 112, 114, 130].

С 6 января 1938 по 6 сентября 1940 гг. начальником ПУРРКА являлся Л.З. Мехлис (1889—1953). Л.З. Мехлис родился в Одессе, до революции принадлежал к националистической организации “Паолей Цион”, был меньшевиком, в большевистскую партию вступил в 1918 г. В годы Гражданской войны Мехлис познакомился со Сталиным, в 1921—1922 г. — сотрудник возглавлявшегося последним наркомата РКИ, а затем в 1922—1927 гг. работал в секретариате генсека. Мехлису, в частности, доверялась такая ответственная миссия, как учет всех записавшихся на прием и принятых генсеком [32. С. 3]. Сохранилась дарственная надпись на титульном листе книги Сталина “О Ленине и ленинизме”, сделанная в мае 1925 г., которая наглядно свидетельствует о взаимоотношениях между генсеком и его помощником: “Моему молодому другу по работе т-щу Мехлису от автора” [169. С. 81].

В 1927—1930 гг. Мехлис учился в Институте красной профессуры, возглавляя партком ИКП. В 1930—1937 гг. он являлся главным редактором газеты “Правда” и одновременно заведующим отделом печати ЦК. Именно Л.З. Мехлис с помощью центрального печатного органа ЦК ВКП(б) развернул небывалую кампанию по возвеличиванию Сталина как “гениального вождя”. С 1934 г. Мехлис — кандидат в члены ЦК, в 1937 г. стал членом ЦК ВКП(б).

Он был наряду с А.М. Горьким ответственным редактором сборника “Творчество народов СССР” [231.]. Не исключено, что именно благодаря участию в подготовке к изданию этой книги, ознаменовавшей очередной “поворот торжества сталинизма”, Л.З. Мехлиса “вознесли вверх” [161. С. 26, 33]. В 1938 г. он стал членом Оргбюро ЦК ВКП(б), а также Главного военного совета при наркомате обороны СССР. В сентябре 1940 г. Мехлис занял пост наркома госконтроля, а в мае 1941 г. был введен в состав Бюро Совнаркома.

Н.С. Хрущев, который знал Л.З. Мехлиса по совместной работе в газете “Правда”, дал ему следующую весьма оригинальную характеристику: “это был воистину честнейший человек, но кое в чем сумасшедший” (sic! — В. Н.) [76. С. 76].

А.А. Жданов, А.С. Щербаков, Л.З. Мехлис входили в “первый эшелон”, представляли высшее руководство пропагандистской сферой ЦК ВКП(б). В отличие от них, среднее и низовое звено состояло из функционеров (их правильнее назвать не “соратниками”, а “выдвиженцами” Сталина), пришедших на смену “старой гвардии”, против которой он вел изнурительную борьбу в течение ряда лет. Из 32899 государственных и хозяйственных руководителей, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б), чуть менее половины (15485) были

назначены в 1937—1938 гг. Они выдвигались с “низовой работы”, занимали высокие кресла даже не имея высшего образования [200. С. 380-381].

Эти молодые, но преданные режиму и тщеславные люди в какой-то степени поддерживали живучесть создававшейся сталинской политической системы. Уровень подготовки, по крайней мере на начальной стадии карьеры, не давал им возможности стать хорошими специалистами. Чтобы не лишиться занимаемой должности следовало неукоснительно выполнять волю вышестоящего руководства при минимуме самостоятельности и инициативы, всемерно демонстрировать верность “генеральной” линии партии. Даже способный от природы человек мог превратиться в этих условиях в безынициативного исполнителя чужих указаний и приказов. Подмена компетентности идеологической “правоверностью” порождала практику передачи права принятия решений “на верх” [317. С. 48].

С 6 сентября 1940 г., когда по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) А.А. Жданов стал осуществлять лишь общее наблюдение за работой Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), начальником этого управления был назначен Г.Ф. Александров (1908—1961). В исследовательской литературе высказано мнение, что А.А. Жданов был “освобожден” от контроля за “идеологией”, поскольку, будучи занятым на партийной работе в Ленинграде, уже не мог осуществлять этот контроль “должным образом” [158. С. 24]. Однако данная версия представляется спорной, ибо и после прихода Александрова в Управление пропаганды и агитации Жданов продолжал играть “первую скрипку” в руководстве идеологической работой в масштабах страны. Именно он председательствовал на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросу о фильме “Закон жизни” 9 сентября 1940 г., где с программной речью выступал Сталин.

Одни исследователи считают Александрова “ставленником Маленкова” [158. С. 24; 250.], другие — “человеком Жданова” [263.]. Возможно, история с назначением Александрова в Управление пропаганды и агитации в какой-то степени отражала противоборство обоих ближайших “соратников” Сталина. В отличие от “вождя”, Г.М. Маленков не любил и не уважал А.А. Жданова [124. С. 44]. В любом случае, УПА ЦК ВКП(б) оказывалось после 6 сентября 1940 г. под двойным (Александров — Жданов), а, может быть, и под тройным (Александров — Маленков — Жданов) контролем, естественно, не считая сталинского.

Конкретный эпизод с назначением Г.Ф. Александрова можно рассматривать как пример воплощения на практике сталинского принципа, сформулированного на совещании в ЦК ВКП(б) 9 сентября 1940 г.: “Партия, литература, армия — всё это организмы, у которых некоторые клетки надо обновлять, не дожидаясь того, когда отомрут

старые" [278. С. 507]. Термин "литература" на упомянутом совещании трактовался Сталиным расширительно, ибо на нем обсуждались важнейших вопросы постановки идеологической работы и пропаганды в стране.

Г.Ф. Александров закончил Институт Красной профессуры, Коммунистический университет преподавателей общественных наук (КУПОН), в разные годы преподавал на философском факультете Московского института истории, философии и литературы им. Н.Г. Чернышевского (ИФЛИ), исполнял обязанности декана, заведовал кафедрой истории философии, философским отделением ИФЛИ. Александров являлся секретарем парткома ИФЛИ, заместителем начальника, наконец, начальником УПА ЦК ВКП(б). В феврале 1941 г. на XVIII Всесоюзной конференции ВКП(б) он был избран кандидатом в члены ЦК большевистской партии.

По-разному оценивались современниками его личностные качества. По мнению одних, Г.Ф. Александров, несмотря на влияние на него "заразы "правительственного цинизма", сохранил какие-то "человеческие" чувства. Другие более безапелляционны в своих суждениях: начальник УПА якобы являлся "типичным представителем партийно-руководящей научной элиты времен сталинизма".

Александров, хотя и "был изломан, искорежен эпохой тоталитаризма", но все-таки "верно служил этому монстру на протяжении многих лет". Начальник УПА ЦК ВКП(б) не получил специального образования, не владел иностранными языками, не был начитанным человеком, что, однако, не помешало ему стать доктором философских наук [226. С. 122-124].

Ближайшими помощниками Г.Ф. Александра по УПА являлись Д.А. Поликарпов (1905—1965) и А.А. Пузин (1905—?). С августа 1939 г. Поликарпов — заведующий отделом культурно-просветительских учреждений. 18 сентября 1940 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) утвердило его первым заместителем начальника Управления пропаганды и агитации, а А.А. Пузина, до этого занимавшего должность начальника отдела агитации, — заместителем начальника и заведующим отделом печати [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 53. Л. 25]. Пузин в ноябре 1940 г. также стал редактором журнала "Большевистская печать" [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 61. Л. 37]. Оба активно участвовали в кампаниях "проработок" представителей литературы и искусства в 40-е гг., в результате которых серьезно пострадали писатели А.О. Авдеенко, М.М. Зощенко, В.П. Катаев, М.Э. Козаков, Л.М. Леонов, поэтесса А.А. Ахматова и многие другие.

Именно Поликарпову и Пузину от имени руководства Управления пропаганды и агитации поручалось составление проектов постановлений и решений ЦК ВКП(б) по вопросам, связанным с идеологическим контролем за художественной литературой, театром,

киноискусством в стране [15.; 239]. Наглядным примером практического воплощения сталинской мысли о необходимости “обновления клеток” такого важнейшего организма, как армия (вернее, руководства её политико-пропагандистского аппарата), может служить и назначение А.И. Запорожца (1899 — 1959) начальником ГУППКА. Запорожец занимал эту должность с 7 октября 1940 по 23 июня 1941 гг. Член большевистской партии с 1919 г., во время гражданской войны он был красноармейцем, политруком роты. Затем А.И. Запорожец прошел путь от комиссара полка до военкома Генштаба, члена Военного совета Московского военного округа.

Ответственный пост начальника ГУППКА позволил ему продвигаться и по партийной линии, и по служебной лестнице. На XVIII партконференции А.И. Запорожец был избран кандидатом в члены ЦК ВКП(б), в марте 1941 г. назначен заместителем народного комиссара обороны.

Характеризуя на Пленуме ЦК ВКП(б) в феврале 1937 г. результаты развития информационно-пропагандистского комплекса, А.А. Жданов подчеркивал: “Возможности у нас здесь исключительные. Все в наших руках находится: и радио, и кино, и газеты” [209. С. 205].

Особое внимание большевистское руководство уделяло периодической печати. Сталин прямо говорил по этому поводу, выступая перед пропагандистами в конце сентября 1938 г.: “Нет в мире лучшей пропаганды, чем печать — журналы, газеты, брошюры. Печать — это такая вещь, которая дает возможность ту или иную истину сделать достоянием всех”. По его определению, это было “крупное машинное производство” [РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 130. Л. 135].

Ссылаясь на указания ЦК ВКП(б), начальник Генерального штаба Красной Армии К.А. Мерецков подчеркивал на совещании высшего командного состава в конце декабря 1940 г., что “газета — это важнейшее оружие, которое мы имеем в руках”, позволяющее “дойти непосредственно” до каждого бойца [37. С. 127].

В 1940 г. в СССР выходило свыше 1800 журналов и других периодических изданий с общим годовым тиражом 245 млн. экз. и более 8800 наименований газет, разовый тираж которых достигал почти 40 млн. экз., а годовой — 7,5 млрд. экз. [360. С. 453].

Ведущими партийно-политическими изданиями являлись журналы “Спутник агитатора”, “Партийное строительство”, “В помощь марксистско-ленинскому образованию”, “Большевистская печать”, тиражи которых в 1939 г. составляли соответственно 675 тыс., 570 тыс., 321 тыс. и 50 тыс. экз. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 13. Л. 149, 150].

Большое количество изданий в стране было посвящено военной и оборонной тематике. В 1938—1939 гг. в СССР выпущено по ней

свыше 2300 названий книг общим тиражом 126 млн. экз. Мощная издательская база имела в распоряжении ГУППКА. Всего в 1941 г. Красная Армия располагала 15-ю центральными журналами [356. С. 194] (по другим данным, только военно-политических журналов насчитывалось 17) [184. С. 44, 45] с ежегодным тиражом в 450—600 тыс. экз. Крупнейшими печатными органами Политуправления РККА являлись журналы “Пропагандист и агитатор РККА” и “Политучеба красноармейца”. Последний начал выходить по решению ЦК ВКП(б) с февраля 1939 г. и предназначался для групповодов (руководителей) политических занятий с личным составом [198. С. 330, 331]. В 1939 г. его тираж составлял 80 тыс. экз. Оргбюро ЦК ВКП(б) в 1939 г. постановило увеличить тираж журнала на 25 тыс. экз., а с 1 января 1940 г. он достигал уже 115 тыс. экз. [9. С. 198, 202, прим. 16; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 9. Л. 45; Д. 13. Л. 138; Оп. 117. Д. 58. Л. 150 об.], что составляло одну пятую часть объема всех выпускавшихся в РККА журналов. Вдвое меньшим был в 1939 г. тираж журналов “Партийно-политическая работа в РККА” и “Красноармеец” (по 50 тыс. экз.) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 13. Л. 138].

Армейская периодическая печать играла большую роль в политико-пропагандистской работе. Помимо центральных журналов (“Политучеба красноармейца”, “Пропагандист и агитатор РККА”) и газет (“Красная звезда”, “Боевая подготовка”, тиражом по 500—600 тыс. каждая) [184. С. 44] в 1940 г. издавалось 18 окружных газет. В апреле 1939 г. по решению ЦК ВКП(б) стали создаваться армейские газеты, число которых в 1941 г. достигло 15-ти, а занято в них было (по состоянию на 1940 г.) свыше 2 тыс. политработников и командиров [9. С. 198]. Всего же накануне войны с Германией в РККА выходило около 500 дивизионных и армейских газет в воинских соединениях и учебных заведениях [198. С. 331], годовой тираж которых достигал 1725 тыс. экз. [184. С. 45].

Для постоянного идеологического контроля за печатной продукцией в стране были созданы соответствующие структуры. В частности, более трети ответственных работников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) сосредоточивались в отделе печати. Этот отдел, во-первых, осуществлял наблюдение за работой центральной и местной периодической печати, проводя в жизнь указания высших партийных органов; во-вторых, следил за проверкой и подбором кадров для редакций газет и журналов; в-третьих, рассматривал тематические планы основных издательств; в-четвертых, отвечал за тиражную политику. Помимо этого, отдел печати УПА курировал работу Главлита и Телеграфного Агентства Советского Союза (ТАСС) [158. С. 17].

Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) было учреждено Декретом СНК СССР от 6 июня 1922 г.

Сотрудники Главлита занимались предварительным просмотром предназначенных к опубликованию или распространению как рукописных, так и печатных периодических и непериодических изданий, снимков, рисунков, карт и т. д., а также распространением распоряжений и инструкций по делам печати, издательств, типографий, библиотек и книжных магазинов. 5 октября 1930 г. было принято постановление СНК СССР “О реорганизации Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита)”, согласно которому значительно расширялся список запрещенных для распространения в открытой печати и по радио сведений, главным образом, негативно характеризовавших положение внутри СССР. С 1933 г. в круг обязанностей начальника Главлита стало входить помимо прочего руководство охраной военных тайн в печати. С 1938 г. вводился специальный институт политредакторов, которые проверяли работу цензоров, строго следя за соблюдением специального “Перечня сведений, составляющих государственную тайну” [253. С. 20, 27, 30, 35].

Цензурные действия Главлита были направлены на утверждение в общественном сознании новой мифологии. Эта структура оказалась своеобразным рычагом для идеологической подготовки изменений внутренней и внешней политики [266. С. 34].

Телеграфное Агентство Советского Союза, возникшее в 1925 г., являлось центральным информационным органом СССР. В ноябре 1934 г. было принято постановление ЦК ВКП(б), согласно которому ТАСС наделялось исключительным правом распространения сведений о СССР за границей, а внутри страны — иностранной и общественной информации [13. С. 181]. В 1940 г. в штатном расписании ТАСС’а имелось 761 чел. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп.125. Д. 57. Л. 59-74]. 4 декабря 1939 г. ответственным руководителем ТАСС’а Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило Я.С. Хавинсона [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1016. Л. 35].

Одновременно с ТАСС’ом возникло Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС). Название его говорило само за себя. Основной функцией ВОКС’а являлось распространение за рубежом сведений (исключительно позитивного характера) о жизни в СССР [3.]. 8 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило председателем правления ВОКС’а В.С. Кеменова (1908—1988). До этого Кеменов преподавал в ГИТИС’е и других высших учебных заведениях Москвы, в 1938—1940 гг. являлся директором Третьяковской галереи. Это был, несомненно, образованный человек. Но в то же время В.С. Кеменов отличало честолюбие. “Хотел быть наверху”, — писала об этом работавшая в ВОКС’е под его началом Р.Д. Орлова [127. С. 125]. Деятельность ВОКС’а курировалась как НКВД’ом, так и НКВД. По штату в ВОКС’е числилось в 1940 г. 129 чел., в том числе — 47 “ответственных работников” (председатель, его заместители,

заведующие отделами, редакторы и референты). В своей повседневной работе Общество опиралось на постоянное содействие представителей интеллигенции (кинематографистов, художников, писателей и т. д.), объединенных в одноименные секции. Смета ВОКС'а в 1940 г. была утверждена в сумме свыше 300 тыс. руб. [3. С. 318, прим. 26, 27].

В СССР к июню 1941 г. насчитывалось 5,9 млн. трансляционных точек и 1,1 радиоприемников. 30 млн. чел. имели возможность постоянно слушать радио [209. С. 82]. Радиовещание, наряду с издательской деятельностью, играло важную роль в большевистской пропаганде. Существовала целая система центральных, республиканских и местных программ с общим объемом вещания около 400 часов в сутки [164. С. 46]. Центральное радиовещание, включая передачи на 14 языках за границу, ежедневно передавало в эфир свыше 30 печатных листов текста [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 73. Л. 18]. Помимо этого в рамках Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР (ВРК) функционировал Иностраный отдел (отдел Инорадио). Вещанием на зарубежные страны постоянно занималось в тот период около 150 чел. [316. С. 166, 169].

Впоследствии, уже в ходе войны против СССР даже Гитлер был вынужден констатировать, что если нацистская пропаганда не смогла взять на вооружение такое "идеальное средство", как радиотрансляционная сеть, дававшую "компетентным органам возможность контролировать содержание радиопередач", то "Советы... вовремя оценили" её значение [91. С. 434].

"Важнейшее из всех искусств", по определению Ленина, — кино было весьма популярно в СССР. Количество киноустановок в 1940 г. достигло почти 30 тыс. [209. С. 86].

Все внутренние и внешнеполитические акции советского руководства полностью поддерживались Исполнительным Комитетом Коммунистического Интернационала (ИККИ). Наиболее важные решения Коминтерна согласовывались с В.М. Молотовым и А.А. Ждановым, однако не могли осуществиться без сталинского утверждения. Исполком, Президиум и Секретариат Коммунистического Интернационала вели большую пропагандистскую работу. Коминтерну были подчинены либо подконтрольны издательства, телеграфные агентства, радиостанции, периодические издания, выходившие в СССР и за границей.

В ведении ИККИ находилось Издательство литературы на иностранных языках, которым руководил специальный Редакционно-издательский совет (одно время им заведовал Г.Ф. Александров). В функции Редакционно-издательского совета входило утверждение издательских планов, наблюдение за "идеологической выдержанностью" печатной продукции, назначение директора и т. д. ИККИ осуществлял руководство своим главным теоретическим органом — журна-

лом “Коммунистический Интернационал”. Во избежание каких-либо несоответствий публикуемых в журнале материалов политическому курсу генеральный секретарь Исполкома Коминтерна Г.М. Димитров (1882—1949) регулярно направлял в ЦК ВКП(б) рукописи наиболее важных статей и материалов.

За печать Коминтерна отвечал специальный Отдел прессы и агитации, включавший ряд секторов (прессы, радиоинформации, политического просвещения, телеграфное агентство, фотослужба, газетное бюро, архив вырезок).

С началом Второй мировой войны каждую пятидневку в отделе делались доклады о состоянии коммунистической печати с целью пресечения любых отклонений от выработанной в Москве стратегической линии.

Активно работал Отдел пропаганды ИККИ во главе с М.Т. Иовчуком, в компетенцию которого входили не только чтение различных лекций для политэмигрантов и советской общественности, но и организация семинаров для ответственных сотрудников аппарата ИККИ, курсов и школ для иностранных коммунистов [12. С. 3, 58, 59, 60, 61].

Работа по организации советской пропаганды за границу выполнялась, помимо ИККИ и ВОКС, иностранными отделами ТАСС’а и Всесоюзного комитета по радиовещанию при СНК СССР. Как уже отмечалось, напрямую к этой работе был подключен и народный комиссариат иностранных дел. Помимо публикаций в прессе статей его сотрудников, редколлегии периодических изданий регулярно получали от НКВД’а рекомендации по содержанию помещаемых на газетных и журнальных страницах информационных материалов [118. С. 26].

По постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 октября 1939 г. для “улучшения информации по вопросам международного положения и внешней политики Советского Союза” руководство ею сосредоточивалось в отделе печати Народного комиссариата иностранных дел СССР. Под контролем этого структурного подразделения НКВД’а оказывались иностранные отделы всех центральных газет, а также ИноТАСС, Инорадиовещания [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1014. Л. 62], журнал ИККИ “Коммунистический Интернационал” [129. С. 59]. Основная задача отдела печати наркомата иностранных дел состояла в ознакомлении с зарубежной прессой, подготовке официальных коммюнике, рассмотрении всевозможных претензий иностранных посольств, миссий и отдельных журналистов, имевших отношение к вопросам печати и информации. Тогда, за редчайшим исключением, не практиковались встречи зарубежных корреспондентов с политическими лидерами СССР, но репортеры западных газет и журналов то и дело обращались в отдел печати НКВД’а с просьбами

о предоставлении возможности взять у них интервью либо получить информацию “из первых рук” в виде заявлений, комментариев и т. д. по поводу тех или иных публикаций, дополнявшую официальные сообщения советской прессы. Отдел печати был наиболее представительным в народном комиссариате иностранных дел по числу сотрудников [129. С. 228-229], а всего штат НКВД’а к началу советско-германской войны состоял из 641 чел. [43. С. 27].

20 сентября 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление о предварительном утверждении в должностях в ЦК партии работников ряда наркоматов, в том числе — наркомата иностранных дел [45. Док. № 27]. Это постановление, в частности, касалось заведующего отделом печати НКВД’а. Секретариат ЦК 23 июня 1940 г. утвердил Н.Г. Пальгунова заместителем заведующего, а 17 июня 1941 г. — заведующим отделом печати наркоминдела [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 43. Л. 39; Д. 97. Л. 12]. Н.Г. Пальгунов (1898—1971) с 1920 г. находился на партийной работе, являлся редактором областных газет в Курске и Ярославле. В 1931—1940 гг. он был корреспондентом ТАСС в Иране, Финляндии и Франции. Судя по воспоминаниям знавших его по совместной работе, Н.Г. Пальгунов обладал характерным качеством — осторожностью, причем “на грани фантастики”. В НКВД’е ходил анекдот: даже о том, что в Париже льет дождь, Пальгунов сообщал из французской столицы, ссылаясь на публикацию газеты “Тан” [142. С. 107; 144. С. 224-225].

Н.Г. Пальгунов в своих мемуарах утверждал, что двери отдела печати наркомата иностранных “были широко открыты для всех обращавшихся в него советских людей”, и туда, в частности, заходили деятели культуры, среди которых он называл И.Г. Эренбурга [129. С. 231]. А вот как сам писатель рассказывал об одной из таких встреч. По возвращении из Парижа в Москву в 1940 г. И.Г. Эренбург пытался опубликовать стихи о трагической судьбе побежденной нацистами Франции. Получив отказ, он обратился к Н.Г. Пальгунову. Тот никак не мог поверить, читая лирическое стихотворение Эренбурга, что упоминавшееся в нем слово “явор” означает всего-лишь дерево, разновидность клена. При этом Пальгунов вопрошал: “Вы понимаете, какая на мне ответственность?” [144. С. 224-225].

Подобная осторожность заведующего отделом печати НКВД’а, однако, была вполне обоснованна. По образному выражению З.С. Шейниса, Н.Г. Пальгунов буквально “ходил по лезвию ножа” [142. С. 107]: судьбы его предшественников, работавших в этом отделе, сложились трагически. Чувствительный урон работе НКВД’а был нанесен в результате увольнений, преследования и незаконного осуждения в 30-е годы значительной части его наиболее квалифицированных кадров [43. С. 24; 109. С. 169]. После снятия с поста наркома иностранных дел М.М. Литвинова репрессии обрушились на головы его

ближайших сотрудников. В мае 1939 г. подвергся аресту, а затем был осужден заведующий отделом печати НКВД'а Е.А. Гнедин [148. С. 20]. 19 декабря 1939 г. решением Секретариата ЦК ВКП(б) освобожден от работы заместитель заведующего отделом А.П. Медведев, который дал согласие на публикацию статьи, “грубо противоречившей внешней политике СССР”. Более того, ему вообще было запрещено работать в НКВД'е [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 24. Л. 112].

27 мая 1938 г. В.И. Вернадский, размышляя по поводу “исчезновений” людей в СССР как новой формы “гражданской смерти” (ученый даже не исключал возможности “заимствования” её у Гитлера), записал в дневнике, что в подобных случаях “человек *пропадает*” (курсив публикатора — В. Н.) и остается без сношений с окружающими близкими и дорогими” [95. С. 254]. Столь трагическая участь постигла многих в 30-е гг. и в их числе — профессора философии А.А. Щеглова, назначенного заведующим отделом печати НКВД'а после ареста Е.А. Гнедина. Щеглову по роду службы приходилось бывать на приемах в сталинском кабинете в Кремле [33. С. 50, 54]. После одного из таких приемов он позволил себе сказать “лишнее” о содержании разговора со Сталиным и Молотовым, а затем просто “исчез” [142. С. 106-107]. В своих мемуарах Н.Г. Пальгунов отмечал, что поскольку “заведующего отделом не было”, он числился “первым заместителем”, а заведующим стал официально только в 1941 г. [129. С. 228].

Сходная ситуация сложилась в редакциях центральных газет. Должность заместителя главного редактора газеты “Известия” в 1939 г. исполнял Я.Г. Селих, а самого главного редактора не было несколько лет [118. С. 5]. Аналогичным образом обстояло дело и на периферии. ЦК ВКП(б) даже был вынужден обратиться к редколлегиям районных газет с призывом покончить с таким положением, когда годами их очередные номера подписывались временно исполняющими обязанности (“вридами”) и заместителями (“замами”) [59. С. 2].

Феномен “временно исполняющего обязанности”, несомненно, был порождением репрессий 30-х гг. и в полной мере относился к пропагандистским структурам.

Другим последствием сталинских “чисток” являлось нагнетание “внутриведомственного страха”. “Начальники” и “ответственные лица”, подобно вышеупомянутому профессору А.А. Щеглову, “внезапно” исчезали со своих важных постов.

Очередной номер “Красной звезды” от 28 октября 1937 г. был подписан одним ответственным редактором, а от 29 октября — уже другим. Руководству ПУРККА, по свидетельству Д.И. Ортенберга, “подвернулся” под руку полковой комиссар Г.В. Барандов и его тут же “запрягли” на редакторскую должность. Между тем, Барандов за всю свою жизнь не только не написал, но и не отредактировал

ни одной статьи. К тому же, он находился “на подозрении” в НКВД. Д.И. Ортенберг вспоминал, что когда в январе 1938 г. приступил к обязанностям заместителя ответственного редактора печатного органа наркомата обороны газеты “Красная звезда”, то очутился “в опустошенной редакции”. В 1937 г. один за одним были сняты с должности и репрессированы органами НКВД ответственный редактор, его заместитель, заместитель ответственного секретаря и начальник партотдела. Естественно, сотрудники редколлегии “Красной звезды” находились в 1938 г. в сумрачной и гнетущей обстановке, чувствовали себя неуверенно, ожидая “и скверного, и злого” [128. С. 10, 15, 16].

Репрессии, сопровождавшиеся “исчезновениями”, сказались на профессиональном уровне руководителей “среднего” звена пропагандистских структур. Д.Ф. Краминов, описывая свои впечатления от общения в отделе печати НКВД с начальником данного структурного подразделения, “профессором философии” (речь шла, несомненно, о А.А. Щеглове) подчеркивал, что последний “имел очень смутное представление о печати”, в чем и признался “с обаятельной откровенностью” [118. С. 76].

Преемник Щеглова Пальгунов писал: “Если я без колебаний согласился сменить журналистику на дипломатическую работу, то, по-видимому, и у руководителей НКВД не было большой уверенности в моем дипломатическом призвании”. Между тем, назначение его в народный комиссариат иностранных дел было “обставлено” по всем правилам. Н.Г. Пальгунов имел беседы последовательно с В.М. Молотовым, заместителем наркома, а затем — с одним из секретарей ЦК ВКП(б) (скорее всего, с заведующим Управления кадров ЦК Г.М. Маленковым) и лишь после этих необходимых “формальностей” назначен на ответственную должность в отдел печати НКВД [129. С. 227, 228].

В связи с репрессиями в большой спешке производился подбор руководящего состава редакций армейских газет. Газету младшего начальствующего состава РККА “Боевая подготовка” (выходила в свет три раза в неделю) возглавлял полковой комиссар П.М. Литовченко. Поскольку он не имел прямого отношения к военному делу, то не справлялся со своими обязанностями: содержание “Боевой подготовки”, как отмечалось в приказе ГУППКА от 3 марта 1941 г., было крайне низким, часто в материалах допускались опечатки и грубые ошибки [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 275. Л. 27-28 об.].

Особенно явственно некомпетентность руководящего состава давала о себе знать в такой специфической и повсеместно распространенной в условиях сталинского режима сфере, как государственная цензура. В феврале 1938 г. начальником Главлита был назначен Н.Г. Садчиков. В.И. Вернадский так отзывался о нем в дневнике:

“Молодой, скорее симпатичный... Благожелательный”. В то же время, Садчиков был уверен, что “Manchester Guardian” — английский “реакционный” журнал. По этому поводу Вернадский иронически заметил: “И в руках этих Гоголевских типов — проникновение к нам свободной мысли!” [95. С. 234].

В результате репрессий 30-х гг. существенно пострадал кадровый состав центральных органов цензуры. В 1937—1938 гг. из 144 работавших в нем сотрудников было “изъято органами НКВД” 44 человека (по другим данным — 31 чел. из 169). Кроме того, “по политическим и деловым соображениям” оказались отстраненными от работы 14 цензоров центральных газет. Репрессии не миновали и кадры местных органов цензуры. Культурная и политическая подготовка цензорского состава была очень слабой. На 1938 г. в местных органах Главлита работало 75,7% сотрудников с высшим, средним и незаконченным средним и 24,3% — с низшим образованием. В 1939 г. первый показатель составил 73%, а в 1940 г. — лишь 55% [253. С. 31; 266. С. 29, 32].

Из 3435 районных уполномоченных в 1938—1939 гг. впервые стали заниматься цензорской работой 3144 чел., а из 118 начальников краевых и областных отделений Главлита — 63 чел. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 72. Л. 144]. Из 3400 цензоров районных газет порядка 1800 человек имели низшее образование, а около 1750 работали в области цензуры менее года [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 283. Л. 49].

Таким образом, большинство цензоров на местах не обладали практическим опытом в данной сфере деятельности и не имели элементарного образования.

Начальник Главлита и уполномоченный СНК ССР по охране военных тайн в печати Н.Г. Садчиков, которого В.И. Вернадский относил к числу “гоголевских типов”, представил в своей докладной записке, адресованной в ЦК ВКП(б), колоритный портрет одного из представителей местных органов цензуры. Речь шла об уполномоченном Орджоникидзево-го крайлита (г. Ворошиловск) Скуратове. Последний, в частности, предложил директору краевого музея изъять картины И.Е. Репина “Лев Толстой” (слишком длинной показалась цензору рубаха великого писателя, не понравилось, что Толстой был изображен босым), а также — “Крестный ход” (ведь на ней “присутствовали” священник и городской). Кроме того, Скуратов высказал пожелание изъять бюст Аристотеля, поскольку личность последнего цензору была неизвестна [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 72. Л. 158]. Следует добавить, что в Орджоникидзево-м крайлите 60 цензоров из 81 (более 75% !) имели начальное образование [266. С. 29].

Высшее партийное руководство неоднократно констатировало неудовлетворительное состояние кадров районной периодической

печати. 20 августа 1940 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) "О районных газетах", в котором отмечались низкий уровень ряда районных газет, элементарная неграмотность их сотрудников, бедность и сухость их языка, наличие многочисленных опечаток в публикациях. Ставилась задача устранения этих недостатков [13. С. 209].

Но в районных газетах в качестве редакторов продолжали работать люди, не проявлявшие интереса к международным событиям, не читавшие художественной литературы, просто неграмотные, допускавшие в публикациях орфографические ошибки [59. С. 2]. Подобно местным органам цензуры, кадры районной печати подвергались периодическим "проработочным" кампаниям, пополняясь за счет тех, кого освобождали с другой работы.

Средства массовой информации настраивались на восприятие значительными контингентами людей. В таких условиях не учитывались запросы небольших групп, а тем более — отдельной личности. Подобная задача и не ставилась. Кроме того, специфика средств массовой информации предопределяла отсутствие живой обратной связи, характерной для непосредственного общения людей между собой. Они нуждались в дополнении устной агитационно-пропагандистской работой, которую периодическая печать заменить была не способна. Устной пропагандой в конце 30-х гг. постоянно занималось более 112 тыс. чел. [209. С. 212].

Осуществление общего идеологического надзора за устной пропагандой, так же, как и за печатной, входило в компетенцию высших партийных органов. В октябре — ноябре 1940 г. вопрос о тематике и содержании лекционной пропагандистской работы на местах стоял в повестке дня вначале Секретариата, а затем — Оргбюро ЦК ВКП(б). Было установлено, что некоторые областные и городские лекционные бюро при отделах народного образования, облисполкомах и горсоветах, домах культуры и клубах профсоюзов организовывали лекции и доклады об внешней и внутренней политике СССР "через посредство всякого рода "жучков — антрепренеров". В результате лекционная работа велась "вне контроля партийных организаций", что приводило к "невежественным, халтурным, дискредитирующим советскую пропаганду выступлениям". Считая необходимым "немедленно покончить с такой порочной практикой организации чтения лекций и докладов", Оргбюро ЦК ВКП(б) 21 ноября 1940 г. приняло постановление, согласно которому вся лекционная работа на местах целиком стала подведомственной местным партийным органам, действовавшим под контролем отделов пропаганды и агитации обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик.

Данное постановление, утвержденное Оргбюро ЦК ВКП(б), распространялось на все организации, занимавшиеся лекционной деятельностью (в том числе — профсоюзные). Категорически запре-

шалось допускать к лекционной работе посредников (“жучков – антрепренеров”), “не имеющих на то специальных поручений или разрешений” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 61. Л. 62-63].

После репрессий 30-х гг. процесс выдвижения пропагандистских кадров низового звена активизировался. Однако, в своей массе они имели невысокий образовательный ценз и, как правило, не обладали опытом работы в пропагандистских структурах.

Наглядное представление об одном из “низовых” агитаторов дает его письменное обращение, направленное в конце 1940 г. в редколлегию издававшегося УПА ЦК ВКП(б) журнала “Спутник агитатора”. К.А. Гудок-Еремеев, член большевистской партии с 1924 г., предкульта совета транспортно-гужевой артели из г. Красный Луч (Ворошиловградская обл.), сообщал в своем письме, что ему 47 лет, из которых 29 лет от проработал на заводе и на шахте. Гудок-Еремеев считал необходимым сообщить: “Скажу правду, я не первый, но и не последний пропагандист в районе...” Из письма следовало, что он был направлен парторганизацией “укреплять политработу”, “перевоспитывать” “бывших раскулаченных” и “извозчиков царского времени”, составлявших большую часть членов артели. Эти “очень хитрые граждане” задавали агитатору много “ехидных” и “коварных” вопросов, на которые тот, по собственному признанию, затруднялся ответить, хотя и искал ответа на них в “сильно любимом” журнале “Спутник агитатора”, а также в “истории ВКП(б)” и “трудах Ленина—Сталина”. Примечательно, что вопросы задавались “хитрыми гражданами” не после “ежедневных политбесед и политинформаций”, а приватно, ибо спрашивавшие не желали “сидеть париться в НКВД”.

Характерна реакция П.Н. Лященко (с ноября 1940 г. он являлся редактором журнала “Спутник агитатора”) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 61. Л. 37] на письмо К.А. Гудок-Еремеева. “Методическая помощь” агитатору, дословно переписавшему и переславшему в редакцию журнала “Спутник агитатора” поставленные вопросы, состояла в следующем. Лященко обратился в... НКВД и от имени Управления пропаганды и агитации ЦК попросил “заинтересоваться” авторами этих вопросов. По мнению редактора “Спутника агитатора”, большинство перечисленных в письме Гудок-Еремеева вопросов носили “ярко враждебный, антисоветский характер” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 46. Л. 1-2].

Процесс выдвижения пропагандистских кадров затронул и армейских политработников. По предложению Главного военного совета ЦК ВКП(б) 1 апреля 1938 г. постановил отобрать 5000 лучших коммунистов и комсомольцев — заместителей политруков, зачислить их в кадровый состав армии и флота и направить на учебу на курсы младших политруков [27. С. 500, прим. 64]. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 сентября 1938 г. регламентировало предвари-

тельное утверждение в должностях в ЦК не только начальников политотделов округов и армий, но также их заместителей, начальников политотделов корпусов, дивизий, бригад.

Однако даже строжайший идеологический контроль за деятельностью этой категории политработников не давал возможности избавиться от серьезных недостатков. Руководство ПУРККА неоднократно указывало на то, что политработники не всегда понимали свои задачи, действуя в отрыве от насущных требований боевой подготовки личного состава. В его директиве (№ 188 от 22 июня 1939 г.) подчеркивалось: “Элементы академизма в пропагандистской работе привели к отрыву пропаганды от важнейших вопросов жизни части”. При “всеохватности” планов, составлявшихся политработниками, отходила на второй план пропагандистская работа среди красноармейцев. Как отмечалось в вышеупомянутой директиве ПУРККА, система политучебы в войсках не использовалась “для борьбы с безобразиями” [27. Док. № 27, 152].

Политико-пропагандистской работой в армейских частях в 1940 г. занималось более 70 тыс. человек (в том числе — свыше 40 тыс. чел. вновь назначенных в 1938—1939 гг.), т.е. в три раза больше, чем в 1937 г. При этом к высшему звену (полковые комиссары и выше) принадлежало 1780 чел., к старшему (старшие политруки и батальонные комиссары) — 22500 чел., к среднему (младшие политруки и политруки) — 45900 чел. [198. С. 310]. Для сравнения, численность командно-начальствующего состава РККА (включая ВВС) на 1 января 1941 г. составляла 540 тыс. чел. [218. С. 48].

Осенью 1939 года в ряды армии влились партийные работники, которые по преимуществу имели почти тот же военный стаж, что и красноармейцы срочной службы. Опыт политической работы в армейской среде эти люди не обладали, поскольку ранее занимались сугубо гражданской деятельностью в ликбезах, политотделах МТС и совхозов, на “ударных” стройках, рабфаках и в институтах. Некоторые из них в соответствии со своими высокими постами на гражданской службе сразу получали звание полковых комиссаров, а зачастую и выше — бригадных, дивизионных комиссаров. Другие осваивали военное дело как политруки, но быстро продвигались по служебной лестнице. Начиная в батальонах, дивизионах и эскадронах, полках, через некоторое время большинство этих бывших сугубо гражданских людей направлялось в политотделы дивизий и корпусов: сказывалось “ускорение”, присущее тому времени. Младший политсостав выдвигался из рядовых красноармейцев, вступавших в партию, бывших комсомольских активистов.

В 1939—1940 гг. названная категория политработников принимала участие в “освободительных походах” Красной Армии и в советско-финляндской войне. [178. С. 98-99].

“Ускорение” в деле ликвидации некомплекта политсостава было охарактеризовано Л.З. Мехлисом как “огромная спешка”. Эта спешка привела к тому, что в годы советско-финляндской войны 1939—1940 гг. на должностях политсостава армии оказались люди, которые “по своим волевым качествам или общему уровню развития” не соответствовали все возрастающим требованиям, “предъявляемым партийно-политическому аппарату армии” [9. С. 194].

Сталин, в отличие от Ленина, “и минуты не мог прожить без писателей” [161. С. 34]. Именно они во многом способствовали формированию сталинского культа в общественном сознании. Огромное значение правящий режим придавал “руководству” литературой и искусством. Интеллектуальная элита являлась постоянным объектом внимания большевистских функционеров, целью которого было использование её духовного потенциала для пропаганды советского строя и коммунистической идеологии. Около 45 тысяч писателей, журналистов, редакторов, а также свыше 100 тысяч человек, принадлежавших к “прочему культурно-политико-просветительскому персоналу”, десятки тысяч “работников искусства” [357. Табл. 35] были призваны участвовать в этой нелегкой и по-своему опасной деятельности. Волна сталинских репрессий заставила тех представителей интеллигенции, кто не был “выбит” из своей социальной ниши, адаптироваться к новым условиям и принимать “правила игры”, которые предлагал большевистский режим. Она оказалась под строгим идеологическим контролем. В конце 30-х — начале 40-х гг. при активном участии сотрудников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) было проведено несколько идеологических кампаний и “проработок” творческой интеллигенции.

Созданная Сталиным политическая система основывалась на дисциплине, страхе и поощрении [109. С. 222]. Использование мощных рычагов воздействия — карательного аппарата (НКВД) и разветвленной системы политико-идеологического контроля за деятельностью интеллигенции (УПА ЦК ВКП(б) и разного рода государственные учреждения и общественные организации) сталинский режим сочетал с применением методов поощрения. А.Г. Маньков записывал по этому поводу в дневнике: “Вдруг обнаружили интеллигенцию, пришли в умиление, в несказанный восторг и тут же её под улюлюканье газет объявили солью земли. А за спиной этой шумихи одного за другим таскают в НКВД” [101. С. 171].

Представители интеллектуальной элиты, проявившие, с точки зрения властей, наибольшую “благонадежность” (как правило, эти люди одновременно отличались талантом), имели хорошее материальное обеспечение и обладали рядом привилегий (становились “орденоносцами”, лауреатами Сталинской премии, имели дачи, были социально защищены и т. д. и т. п.).

В.В. Вишневский признавал в дневниковой записи от 7 мая 1940 г.: “Стимул заработка отсутствует, мы обеспечены, многие писатели, прочно, на годы” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 56]. Действительно, ежегодный доход некоторых деятелей литературы и искусства многократно превосходил денежное содержание тех, кто осуществлял идеологический контроль над ними. Например, в 1939 г. известный писатель и драматург Н.Ф. Погодин, автор пьесы “Человек с ружьем”, имел заработок 732 тыс. руб. Для сравнения отметим, что в отпускных ценах 1941 г. эта сумма превышала стоимость лучшего танка Второй мировой войны Т-34, либо тяжелого танка КВ. В то же время, заработная плата начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрова составила в 1940 г. 27 тыс. руб., т.е. в 28 раз (!) меньше, чем у Н.Ф. Погодина [158. С. 41; 217. Табл. 26].

В среде художественной интеллигенции, главным образом, проживавшей в крупных городах страны и “приближенной” к большевистской власти, существовала своя элита. Этот узкий слой самоосознавал себя в полном соответствии с реальностью. В.В. Вишневский, имея в виду “мир верхней интеллигенции” Москвы, подчеркивал, что она “скромно сохраняет своё положение “элиты” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 10].

Механизм выдвижения кандидатур на ответственные посты, обеспечивавший безотказное действие пропагандистской машины, был отработан с 20-х годов и находился под контролем ЦК ВКП (б) и лично Сталина. Но вопреки мнению М.М. Литвинова о негативном отношении “вождя” к “умным людям”, последний (возможно, в виде исключения) прибегал к помощи уцелевших после репрессий видных представителей интеллектуальной элиты (председатель правления ВОКС В.С. Кеменов говорил о них, как о перешедших “живыми из 19-го столетия”) [3. С. 359]. Приближая к себе подобного рода специалистов в качестве главных “советников” по основным вопросам внутренней и внешней политики, Сталин действовал настолько тонко, что привлечение их к сотрудничеству превращалось в “приручение”. Наглядным примером такого рода “приручения” может служить случай с известным историком Е.В. Тарле. Не без вмешательства Сталина были инспирированы в 1937 г. разгромные рецензии в “Правде” и “Известиях” на новую книгу Тарле “Наполеон”. Из них следовало, что уже “привлекавшийся” по так называемому “академическому делу” Е.В. Тарле являлся “врагом народа”. Последний обратился за помощью к... Сталину и вскоре не только нашел в “Правде” и “Известиях” опровержения по поводу ранее опубликованных обвинительных отзывов на монографию “Наполеон”, но и получил личное послание “вождя”. В 1938 г. Е.В. Тарле был восстановлен в составе Академии наук, превратился в сталинского консультанта по вопросам истории

международных отношений. Весь этот трюк с “обвинениями” и “опровержениями” нужен был Сталину исключительно для того, чтобы основательно запугать, а затем — приблизить к себе маститого ученого [225. С. 103-105].

Аналогичным образом “вождь” действовал в случае с академиком Е.С. Варгой, своим “экономическим советником”. Варга на склоне лет признавал: Сталин дважды — в 1938 и 1943 гг. лично спасал его от репрессий и неминуемой гибели. Академик так объяснял мотивы действий большевистского лидера, обрешшего на гибель десятки тысяч людей: “Может быть, [Сталин] думал, что я ему ещё понадоблюсь”. Подобно Е.В. Тарле, Е.С. Варга в минуту смертельной опасности лично обратился за заступничеством к Сталину [112. С. 156-157].

Противоречия эпохи 30-х гг. сказывались на характере действий людей, причастных к партийно-пропагандистской работе. Демонстрация приверженности идее, готовность жертвовать личными интересами сочеталась с проявлениями приспособленчества и конформизма. В обстановке систематических разоблачений “врагов народа” и шпиономании формировались такие качества, как бездушие и карьеризм. Провозглашенная Сталиным установка на усиление “классовой борьбы” по мере укрепления Советского государства создавала обстановку, когда исключалась возможность обсуждения политических альтернатив. Апелляция к авторитету снизу приводила к безоговорочной передаче своих прав высшему руководству. Отказ от ответственности в низовых звеньях пропагандистских структур объяснялся недостаточным уровнем общей, профессиональной и политической культуры масс. Даже в сфере собственной компетенции большинство местных работников нуждались в детальных инструкциях “сверху”. Постепенно складывался стереотип исполнительства. Стандартизация информации, оценок, методов работы способствовали разрастанию конформизма [209. С. 217-218].

В условиях усиливавшегося сталинского режима на первый план выходило не наличие профессиональных навыков кадрового состава (хотя и они были необходимы), а способность адаптироваться к перманентным “проработкам” и “чисткам”. Как и другие люди, занимавшие в сталинскую эпоху ответственные посты в различных учреждениях и организациях, представители пропагандистских структур были вынуждены действовать по принципу (в западной историографии он назван “синдромом трех “у”): “угадать”, “угодить”, “уцелеть” [228. С. 258, 271; 233. Р. 618].

В.И. Вернадский подчеркивал в 1940 г., что в большевистскую партию, являвшуюся опорой режима, пробивался “всякий отброс”, поскольку “настоящих людей” найти было трудно. Подбор кадров, и не только партийных, как никогда ранее, определялся “благонадежностью” [97. С. 173].

“Первый эшелон”, руководящие лица, имевшие отношение к организации пропаганды в стране, демонстрировали эти качества уже в силу близости к Сталину. Лишним доказательством могут служить факты их причастности (хотя её степень для каждого была различной) к проведению массовых репрессий в стране.

Представители “второго эшелона” — функционеры “среднего звена” выказывали свою преданность, чтобы попасть в номенклатурную “обойму”, ибо такая возможность создавалась в результате повсеместного “исчезновения” предшественников. Благонадежность людей из интеллектуальной элиты, привлекавшихся к пропагандистской деятельности, сталинский режим приобретал путем предоставления им разнообразных материальных благ в сочетании с перманентными идеологическими кампаниями — “проработками”. Имевшие низкий образовательный ценз и не обладавшие необходимыми профессиональными навыками “местные кадры” пропагандистов, политических агитаторов и цензоров составляли опору режима, поскольку именно из этой среды пополнялось среднее звено пропагандистского аппарата.

Сталин и его “идеологи” обеспечивали абсолютный контроль над пропагандистской сферой. В подобной обстановке все “новации”, политико-идеологические кампании, где пропаганде отводилась решающая роль, начинались лишь после принятия “вождем” соответствующих решений, которые “озвучивались” его ближайшими “соратниками”. Это создавало определенные условия для стабильного функционирования партийно-пропагандистской машины. Серьезным испытанием её стабильности и своеобразным способом проверки надежности и преданности кадрового состава явился период сближения с нацистской Германией, сопровождавшийся колебаниями внешнеполитического курса руководства СССР и сменой идеологических лозунгов.

2. “ДРУЖБА” С НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ АНОМАЛИЯ

С середины 30-х гг. стали заметно ухудшаться взаимоотношения между СССР и Германией, где к власти пришли нацисты (как было принято писать и говорить, германские фашисты) во главе с Гитлером. Идеологические разногласия советского и нацистского режимов привели к развертыванию настоящей пропагандистской войны между ними.

3 декабря 1935 г. нарком иностранных дел М.М. Литвинов сообщал, что в Германии достигла больших размеров антисоветская кампания, в которую были втянуты не только политические деятели и

дипломаты, но “почти все органы печати”. Исходя из этого, Литвинов предлагал Сталину открыть систематическую контркампанию “против германского фашизма и фашистов”, которая впоследствии и развернулась в прессе, по радио, в театре и кино [301. С. 129-130; 302. С. 164].

В течение ряда лет после прихода Гитлера к власти в Германии она изображалась в советской пропаганде (и это постепенно вошло в общественное сознание) как наиболее агрессивная, непосредственно угрожавшая интересам СССР держава. В её трактовке обнаруживалось практически полное “совпадение” образа внутреннего и внешнего врага, ибо внушалось, что ведущие военачальники Красной Армии были казнены, якобы, за связь с германским рейхсвером, а уничтожение бывших ближайших соратников Ленина трактовалось как борьба с “изменой” в преддверии советско-германской войны. Здравомыслящие люди понимали всю абсурдность подобной интерпретации. Так, М.М. Литвинов объяснял феномен массовых репрессий в СССР “великой страшной ложью”, которая одурманивала всех — о массовом проникновении в СССР фашизма, “его бесчисленной агентуры, невидимой народом”. Он был убежден, что если бы десятки и сотни тысяч репрессированных большевиков действительно являлись “агентами буржуазно-фашистских разведок, затесавшихся в партию”, то такая сила могла привести к уничтожению и самой партии, и советской власти [104. С. 204].

Во второй половине 30-х гг. в советской пропаганде стала преобладающей установка о грядущей войне как о войне “на чужой территории”, о возможности легкой победы в ней “малой кровью”. Много внимания уделялось вопросу о перспективах вооруженного столкновения с германской армией. Последняя выступала в качестве военного противника Советского Союза (правда, в гипотетических ситуациях) в известной повести Н.Н. Шпанова “Первый удар”, а также в киноленте “Если завтра война”. В полном соответствии с господствовавшими пропагандистскими “установками” по воле Шпанова “вторгшиеся” на советскую территорию немцы были “отброшены” и “разгромлены” всего за 11 часов боевых действий!

Фильм “Если завтра война” особенно нравился Сталину, причем он старался при случае продемонстрировать его своим зарубежным гостям [119. С. 46]. Память о названной кинокартине, выдержанной в “шапкозакидательском” и “ура-патриотическом” духе, на десятилетия сохранили современники [113. С. 98; 115. С. 58, 64; 122. С. 9; 145. С. 254-257; 187. С. 227-228].

На исходе 30-х гг. большевистское руководство оказалось перед выбором дальнейшего внешнеполитического курса. Мир или война — такие альтернативы имелись в распоряжении Сталина, наблюдавшего за тем, как расширялась территория нацистской Германии, которая после Мюнхенского договора 1938 г. оккупировала большую часть

Чехословакии, реально угрожала Польше. Он выбрал договор о ненападении с немцами, который был подписан в Москве 23 августа 1939 г.

Свидетельства Й. Риббентропа, Ф. Гауса и Г. Хильгера запечатлели сталинский призыв считаться с общественным мнением в СССР и Германии, “с большей осмотрительностью” информировать их народы “о перемене, происшедшей в отношениях” между обеими странами и не превозносить только что возникшую “германо-русскую дружбу” [151. С. 65; 219. С. 296, 463, прим. 128].

Возможно, во время переговоров в Москве 23—24 августа и прозвучал сталинский призыв “считаться с общественным мнением”, но последовавшие сообщения о подписании пакта о ненападении с Германией, публикации в центральных советских газетах, а также выступления В.М. Молотова отражали высокую степень “идеологической мимикрии” режима и послужили сигналом для развертывания в СССР пропагандистской кампании в духе достигнутой договоренности. Большевицкое руководство взяло на вооружение идею о начавшейся “дружбе” с нацистским рейхом.

Уже на следующий день после подписания пакта о ненападении в передовой статье газеты “Правда” отмечалось, что различие в идеологии и политических системах государств, заключивших этот договор, не должны и не могут служить препятствием для установления “добрососедских отношений” между ними. “Дружба народов СССР и Германии, — подчеркивалось в статье, — загнанная в тупик стараниями врагов..., отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета”.

Спустя неделю, выступая на внеочередной сессии Верховного Совета СССР (31 августа 1939 г.), В.М. Молотов почти слово в слово повторил этот же тезис. Он прозрачно намекнул на необходимость свертывания антифашистской и антигерманской пропаганды, подчеркнув, что в СССР “были некоторые близорукие люди”, которые якобы увлекались “упрощенной антифашистской агитацией” [22. С. 73, 83, 84].

В выступлениях Молотова были “озвучены” основные указания по перестройке советской пропаганды, начавшейся после пакта о ненападении и договора о дружбе и границе с Германией от 28 сентября 1939 г. Теперь следовало отказаться от прежних антифашистских установок и открытой пропагандистской кампании против нацистов.

Приведенное выше высказывание В.М. Молотова 31 августа 1939 г. прозвучало как своеобразное предупреждение тем, кому было присуще “непонимание” сущности курса большевицкого руководства на сближения с нацистами. Но оно ещё не воспринималось в качестве официальной установки. И.Г. Эренбург, работавший в 1939 г. в Париже, не без иронии отмечал по этому поводу в мемуарах: “Слова

Молотова о “близоруких антифашистах” меня... резанули. В ту зиму (1939—1940 гг. — В. Н.) мне пришлось впервые обзавестись очками, но признать себя “близоруким” я не мог: свежи были картины испанской войны; фашизм оставался для меня главным врагом” [144. С. 204].

Однако тем, кто жил и действовал в самом СССР, тогда было не до иронии. Поворот в сторону сближения с нацистской Германией, которая на исходе 30-х гг. воспринималась в Советском Союзе исключительно как “фашистская страна”, вызвал в общественном сознании сложные процессы.

В телеграмме германского посла в Москве Ф. Шуленбурга в МИД Третьего рейха от 6 сентября 1939 г. подчеркивалось, что неожиданное изменение политики советского правительства “после нескольких лет пропаганды, направленной именно против германских агрессоров, ~~все-таки не очень~~ хорошо понимается населением”. Особенно сомнительными представлялись “заявления официальных агитаторов о том, что Германия больше не является агрессором” [22. Док. № 41].

Характеризуя создавшуюся ситуацию, британский журналист А. Верт впоследствии отмечал: “миллионы русских были просто шокированы случившимся”. Ведь с момента прихода нацистов к власти Советский Союз находился “все время в авангарде “антифашистской борьбы” [165. С. 67]. Неясно было, почему коммунистам, антифашистам, стоявшим на совершенно противоположных политических позициях с нацистами, следовало “вдруг объединить свои усилия с фашистской Германией”.

Подобные чувства обуревали не только “рядовых граждан”, но и партийных руководителей, которым, по словам Н.С. Хрущева, “было трудно понять и переварить это событие, найти *оправдание случившемуся* (курсив мой — В. Н.) для того, чтобы, опираясь на него, разъяснять дело другим людям”. Действительно, нелегко оказалось даже “при всем понимании ситуации” совмещать доказательства “выгоды” для СССР договора 23 августа 1939 г. с констатацией вынужденности его заключения [141. С. 87].

В то время, как подчеркивал В.И. Вернадский, происходило “большое скрытое брожение мысли в связи с резким противоречием между реальностью и официальным изложением положения”. Расхождения “между этими двумя реальностями, всегда в государственной жизни существующие”, резко увеличивались, выявляя сильный диссонанс [97. С. 174].

Представители интеллигенции, воспитанные (и воспитывавших других) в антифашистском духе, особенно болезненно восприняли известие о пакте Риббентропа-Молотова. Ведь свежи были в памяти негативные характеристики нацистской партии, данные в “Кратком курсе”, а, кроме того, определения Германии, как крайне агрессивной

страны [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 39 об.; 136. С. 78; 144. С. 202; 189.].

23 декабря 1939 г. Гитлер прислал поздравительную телеграмму по случаю сталинского шестидесятилетия. В ней были высказаны пожелания “доброго здоровья” большевистскому лидеру и “счастливого будущего народам дружественного Советского Союза”. Фюреру вторил Риббентроп, который не забыл упомянуть о начавшемся повороте в отношениях между СССР и Германией, “создавших основу для длительной дружбы между ними”.

Сталин не остался в долгу и направил 25 декабря ответное послание Гитлеру и Риббентропу. В сталинском тексте утверждалось: “Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной” [22. С. 166-167].

“Дружественные” излияния, делавшиеся от имени всего советского народа, вызывали раздражение и недоумение, в первую очередь — у представителей интеллигенции [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2076. Л. 39 об.; 40 об.; 102. С. 276-278; 147. С. 295; 298; 144. С. 204].

Недоверие к пропагандистским установкам, последовавшим за договоренностями с Германией, проявлялось среди личного состава Красной Армии. На политзанятиях высказывалось сомнение: “Не противоречит ли договор [о ненападении] с Германией учению Ленина?” [48. С. 42]. Объявленная “дружба” с ней “была необъяснима и малопонятна для красноармейцев” [195. С. 108].

Нескрываемый сарказм и ирония сквозили в вопросах, адресованных вышеупомянутому агитатору из г. Красный Луч К.А. Гудок-Еремееву, которые затрагивали тему сближения с Германией и свертывания антифашистской пропаганды в стране. Среди них были и такие: “Почему тт. Молотов и Сталин пошли на соглашение с Гитлером?”; “На самом ли деле Гитлер любит СССР, или двурушничает, а?”; “Почему и отчего наша печать не ругает фашистов с осени 1939 года?” и, наконец: “Почему наши газеты теперь не ругают Геббельса, или он стал большевик?” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 46. Л. 5, 7, 8].

Позднее, вплоть до начала войны с Германией, в дневниковых записях и письменных обращениях в “высокие инстанции” проводилась мысль о неверии людей в прочность “дружбы” с Гитлером. Именно об этом поведал в письме на имя А.А. Жданова от 2 мая 1941 г. некий аноним. Выступая от имени других “рядовых граждан” (не случайно, письмо подписано “Гражданин”), его автор подчеркивал: “Для каждого из нас было понятно, что наша дружба с гитлеровской Германией недолговечна, в этом нас убеждало различие систем...” [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 895. Л. 42].

Официально провозглашенный большевистским руководством курс на сближение и даже на “дружбу” с нацистской Германией не находил положительного отклика в общественном сознании. Не слу-

чайно в данной связи появление меткой характеристики нацистов: “заклятые друзья”.

Однако даже внутреннее неприятие начавшейся пропагандистской кампании в духе “дружбы” с гитлеровской Германией не служило помехой для конформизма. 15 ноября 1939 г. М.М. Пришвин заметил в дневнике: “По-прежнему у нас не говорят люди между собой о политике, но она так велика, что вошла внутрь каждого, и каждый про себя является политиком, живет внутри великих событий” [102. С. 277-278]. Быть “политиком про себя” вынуждала действительность сталинского режима с его перманентными репрессиями. Атмосфера недоверия приводила порой к тому, что даже в разговорах с близкими и друзьями люди боялись высказываться “слишком откровенно”. Политика сближения с нацистской Германией, “дружбы” с ней была выбрана Сталиным, и, как полагало подавляющее большинство, открыто противостоять ей своё личное мнение было просто опасно. Господствовала вера, что “вождь” не может совершать ошибок [127. С. 233; 136. С. 82; 189. С. 60, 62].

Для людей, вовлеченных в партийно-пропагандистскую работу, период сближения с Германией стал подлинным испытанием, чреватым опасностями и непредсказуемыми последствиями. Среди представителей командного состава Красной Армии, причастных к ней, царило полное недоумение. Характерными были признания типа: “Сейчас вообще не знаешь, что писать и как писать, нас раньше воспитывали в антифашистском духе, а сейчас наоборот”, или: “Агитацию и пропаганду против фашизма нельзя проводить, т.к. наше правительство не видит никаких разногласий с фашизмом” [170. С. 132].

На вопрос “что писать и как писать” дал тогда исчерпывающий ответ сам Сталин. Он резко пресек попытки редколлегии газеты “Красная звезда” помещать информацию о Германии, отличавшуюся от новой официальной точки зрения, и в разговоре с Л.З. Мехлисом обязал немедленно прекратить публикацию материалов с критикой фашизма. Стало распространяться убеждение, что вообще “с Германией воевать не придется”. С теми, кто придерживался противоположной точки зрения, проводилась “разъяснительная” работа, как требовали того ЦК ВКП(б) и ПУРККА, после чего “они осознавали свои заблуждения” [170. С. 131, 132; 315. С. 54-55].

Можно сказать, что Мехлису “повезло”, ибо другие люди, игравшие менее значительную, чем начальник ПУРККА, роль, и, естественно, не имевшие возможности руководствоваться прямыми сталинскими указаниями, пребывали в полной растерянности.

В данной связи следует упомянуть о тяжелой доле скромных “работников с мест”, т.е. агитаторов низового звена, которые в создавшейся ситуации были вынуждены прямо апеллировать в “высокие”

партийные инстанции, обращаясь за разъяснениями по поводу резкого поворота в отношениях с гитлеровской Германией. Один из таких агитаторов, избравший псевдоним “Земляк”, вскоре после 23 августа 1939 г. направил письмо секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Жданову. В письме, в частности, обращалось внимание на противоречие между прежними сталинскими установками, данными на XVIII съезде ВКП(б) (март 1939 г.) и в других выступлениях “вождя”, подхваченных большевистской пропагандой, и новыми, непонятными для “низов” веяниями в отношении Германии и её режима. В частности, “Земляк” напомнил слова Сталина на XVIII съезде о “германских завоевательных устремлениях”, а также о сталинской характеристике Германии как одной из “самых агрессивных стран”. Анонимный ждановский корреспондент язвительно подчеркивал: теперь, т. е. после подписания договора от 23 августа 1939 г., “видите-ли, поджигатели войны в Европе — Англия и Франция”, а германский народ якобы “традиционно с нами связан”. В данном случае прямо декларировалось недоумение по поводу газетных публикаций, инспирированных выступлениями В.М. Молотова 31 августа. В письме “Земляка” имелась риторическая фраза: “Спрашивается, как нам, работникам мест, отвечать (*вернее, лгать*) рабочим и колхозникам? *Ответа не находим*” (курсив мой — В. Н.) [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 883. Л. 56].

Еще более двусмысленным было положение сотрудников центральных средств массовой информации, различных пропагандистских ведомств и организаций.

Здесь на помощь приходили органы Главлита. После подписания пакта Риббентропа—Молотова даже в центральном печатном органе ЦК ВКП(б) — журнале “Большевик” они заставили исправить часть тиража из-за “неверного” освещения отношений Германии и СССР. За резкую критику фашизма были вообще изъяты книги С. Вишнева “Как вооружались фашистские поджигатели войны” (1939), Н. Корнева “Третья империя в лицах” (1937), Э. Тельмана “Боевые речи и статьи” (1935), поскольку нацисты и фюрер характеризовались в них “как террористы и бандиты” [266. С. 33].

Д.Ф. Краминов вспоминал, что “известинцы” воспринимали пакт о ненападении с Германией как коренной поворот в советской внешней политике. Это обстоятельство повергло их в изумление: оставалось лишь разводиться руками и пожимать плечами. Сам Краминов, получивший уже 24 августа 1939 г. поручение подготовить для публикации в “Известиях” первый вариант передовой статьи о пакте, не знал, что писать, поскольку сохранял антифашистские настроения. Потребовалось вмешательство Я.Г. Селиха, который, в свою очередь, обратился за разъяснениями к наркому обороны К.Е. Ворошилову. Последний “подсказал”, что договор о ненападении с Германией сле-

дует трактовать как некую передышку, подобную по своему значению Брестскому миру 1918 г. [118. С. 55].

Аналогия между Брестским миром и советско-германским соглашением от 23 августа 1939 г., вероятно, была инициирована “сверху” (скорее всего, самим Сталиным). Она встречается, например, и в сделанных “по горячим следам” событий дневниковых записях В.В. Вишневого за сентябрь 1939 г. [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2076. Л. 43, 48], и в воспоминаниях К.М. Симонова, датированных 2 марта 1979 г. [136. С. 83-84].

Если интерпретация пакта Риббентропа-Молотова редколлегией газеты “Известия” не имела нареканий “сверху”, то публикация в ней картографического материала, относившегося к договору о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г., вызвала суровые меры со стороны сотрудников Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б). “Известия”, являясь официальным печатным органом Верховного Совета СССР, 29 сентября 1939 г. поместили карту с обозначением советско-германской демаркационной линии, которая проходила по территории занятого вермахтом и частями Красной Армии Польского государства. Многочисленные газеты, начиная от “Пищевой промышленности” и кончая “Кино”, именно оттуда перепечатали вышеупомянутую карту. Но уже день спустя после публикации “Известий” заместитель начальника УПА ЦК ВКП(б) П.Н. Поспелов сообщал А.А. Жданову, что последняя “содержит две грубые ошибки”: города Остроленка и Крыстынополь обозначались “на советской стороне”, в то время как они, оказывается, входили... “в германскую территорию”! Скандал был столь велик, что 5 октября 1939 г. на Оргбюро ЦК ВКП(б) специально рассматривался вопрос о злополучной публикации “Известий”. В результате Я.Г. Селих получил выговор. Ему также было предложено наложить взыскание на картографа редакции Г.М. Хомзор-Хомутова, “представившего неправильную копию карты границы между СССР и Германией”. 7 октября 1939 г. последний получил выговор и лишился работы [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 13. Л. 116; Оп. 117. Д. 38. Л. 132-134]. Столь вопиющий случай, выходящий за рамки обыкновенного головотяпства, грозил дипломатическими осложнениями. Трудно понять причину “промаха” Я.Г. Селиха, любившего, по свидетельству Д.Ф. Краминова, “показать свою осведомленность”. Ведь Селих уже чуть ли не спустя несколько часов после подписания пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. рассказывал своим сотрудникам не только, какие именно тосты произносились за ужином во время приема в Кремле германской делегации, но и какие рассказывались анекдоты! [118. С. 55].

На самом деле вина за допущенные газетой “Известия” “политические ошибки” при публикации советско-германской демаркационной

линии лежала вовсе не на Я.Г. Селихе и уж точно не на картографе, а на... Сталине. В ходе второго раунда переговоров с Риббентропом в Кремле (28 сентября 1939 г., 15.00—17.40) большевистский лидер обсудил с ним и вопрос о “линии окончательного начертания границы”, причем, как отмечено в германской записи переговоров, обсуждение “происходило в весьма дружественной атмосфере”. Сталин, в частности, учел пожелания немцев и согласился отказаться от так называемого “носа” — выступа в первоначальном начертании границы, которая проходила между рр. Нарев и Буг, а также в районе гг. Остроленка, Пултуск, Вышково и Остров. Он предложил “повернуть” границу на юг в направлении на Буг, не доходя Остроленки. При этом железная дорога, идущая от Остроленки, оставалась на немецкой стороне [8. С. 612]. Сталин и Риббентроп подтвердили “уточнение”, оставив автографы на германской карте восточной части Центральной Европы, датированной 29 сентября 1939 г. Сталин запечатлел даже две собственноручные подписи, одна из которых заняла на карте почти 60 см! [71].

Окончательно “линия границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства” была согласована лишь 4 октября 1939 г. [8. Док. № 657]. Естественно, в публикации “Известий” от 29 сентября 1939 г. учесть внесенные в результате договоренности Сталина и Риббентропа уточнения не представлялось возможным. Следовательно, Я.Г. Селих и Г.М. Хомзор-Хомутов подверглись наказанию за эту публикацию совершенно необоснованно...

Данный беспрецедентный случай лишний раз может свидетельствовать о серьезности ситуации, возникавшей в ходе подготовки советскими средствами массовой информации материалов на внешнеполитические темы в период действия пакта Риббентропа—Молотова.

Создавшиеся условия заставляли более оперативно адаптироваться в создавшейся ситуации сотрудников (политических редакторов) Главного управления по контролю за репертуаром и зрелищами (ГУРК) Комитета по делам искусств при СНК СССР. Деятели ГУРК, которых писатель М.А. Булгаков называл “людьми с идеологическими глазами”, воспринимали официальный курс на сближение с Германией как сигнал к усилению контроля с их стороны за тем, чтобы “нежелательные” произведения не омрачали начавшейся советско-германской “дружбы”. В июне 1939 г. в ГУРК был направлен текст пьесы некоего В. Азовского (Гавриша) “Двойным ударом”. Заголовок её явно вытекал из сталинского утверждения, провозглашенного на XVIII съезде ВКП(б), что СССР готов “ответить двойным ударом на удар поджигателей войны” [1. С. 15]. Один из политических редакторов ГУРК определил тему пьесы следующим образом: “будущая война СССР с фашистской Германией и героизм советских людей”. Но за

время, пока текст находился “на контроле” в Главреперткome, внешнеполитическая обстановка изменилась. Произведение Азовского (Гавриша) не было одобрено по понятным причинам: началась “эра дружбы” с нацистами. После авторской доработки пьеса вновь поступила в ГУРК. Тот же политический редактор ГУРК 29 августа 1939 г. дал о ней следующее авторитетное заключение: “Сама тематика, рисуемая будущую войну с Германией, в данное время политически нежелательна”. После заявления В.М. Молотова от 31 октября 1939 г., в котором прозвучала тирада о “коротком ударе” советских и германских войск по Польше [22. С. 149], В. Азовский (Гавриш) попытался провести через ГУРК своё новое детище под названием “Коротким ударом”. Однако по сути была предложена прежняя пьеса, а посему 14 февраля 1940 г. Главрепертком отверг и этот вариант [РГАЛИ. Ф. 656. Оп. 3. Д. 11. Л. 3, 4].

В архиве журнала “Знамя” сохранились письма, направлявшиеся членами редколлегии авторам, чьи произведения не принимались к публикации, в том числе — исходя из качественно нового состояния взаимоотношений с Германией. Сотрудник журнала Ан. Тарасенков 26 ноября 1939 г. сообщал писателю Е.Я. Хазину: “Я думаю, что Вы сами понимаете невозможность печатать в нынешнее время Вашу рукопись о русско-прусской войне. Это сейчас совсем неуместная тема”. 10 октября аналогичный ответ был направлен И.Л. Кремлеву-Свэн, избравшему в качестве сюжета для своего рассказа “Дед” гипотетическую германо-советскую войну 1940 г. При этом, по версии автора рассказа, Красная Армия, разбив немцев, занимала территорию Германии в районе р. Неман. Ан. Тарасенков аргументировал свой отказ тем, что произведение не может быть опубликованным в “Знамени” по “внелитературным причинам” [РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Д. 1101. Л. 114, 115, 159].

Таким образом, пресекались любые попытки отражения в художественных произведениях тематики, связанной даже с гипотетическим вооруженным столкновением между СССР и Германией.

В 1940 г. в составе ГУППКА был создан отдел по работе среди войск противника (7-й отдел) в количестве 10 чел. Но прогнозов о возможности возникновения войны с Германией 7-й отдел ГУППКА тогда не делал. В ноябре 1940 г. его сотрудники представили в ГУППКА план работы, предусматривавший, в частности, подготовку обзора о военно-политической обстановке в Германии. Однако тогда подобный обзор так и не был подготовлен [321. С. 9].

В конце июля 1940 г. в Москву из Парижа вернулся И.Г. Эренбург. Встревоженный происходившими на Западе трагическими событиями, связанными с поражением и капитуляцией Франции, он сохранял убеждение, что Германия вскоре нападет на СССР. Между тем, в Москве, по определению Эренбурга, “настроение было скорее

свадебным". Пресса восхваляла крепнувшую советско-германскую дружбу. Писатель обратился в народный комиссариат иностранных дел, намереваясь поделиться собственными впечатлениями от увиденного во Франции, рассказать о морально-политическом облике германских солдат. И.Г. Эренбург был принят заместителем наркома С.А. Лозовским. Тогда была необходима "информация, подтверждающая правильность выбранной политики", а не наоборот: "наверху" не хотели слышать ничего, что омрачало бы советско-германскую "дружбу" [144. С. 222].

Лишний раз подтвердил это В.М. Молотов, выступая с докладом о внешней политике Советского Союза на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. Он заявил, что "в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии"[22. С. 217-218].

В августе—сентябре 1940 г. исполнился год со времени подписания советско-германских договоренностей о ненападении, а также о дружбе и границе. Эти события были отмечены серией публикаций в советской печати. В июне 1940 г. заместителю директора Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР А.Ф. Бордадыну поручили написать статью о германском хозяйстве, но при этом строго-настрого предупредили: "ничего плохого о Германии писать нельзя, ибо приближается годовщина договора".

До своего назначения на должность заместителя директора Института Бордадын являлся последовательно начальником политотдела МТС, секретарем райкома, секретарем заводской партийной организации. Он подчеркивал в своем письме на имя А.А. Жданова от 12 мая 1941 г., что за все время пребывания в ВКП(б) не делал "политических ошибок", а с порученной работой "всегда добросовестно справлялся". А.Ф. Бордадын, по его собственному признанию, не имел возможности заниматься систематически научными изысканиями, будучи загружен как замдиректора Института мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР исключительно организационными и хозяйственными вопросами. Он целиком надеялся на политическую проницательность директора Института Е.С. Варги, от которого и получил задание написать упомянутую статью. Бордадын впоследствии признавал в своем обращении к Жданову, что Варга собственные "теоретические выводы" неизменно согласовывал "в вышестоящих организациях".

Вполне доверяя авторитету непосредственного начальника, начинающий научный работник подготовил рукопись статьи о военном хозяйстве Германии, опираясь на имевшиеся материалы Института, а также на германскую прессу. С этой рукописью ознакомился

Е.С. Варга. Последовал его письменный отзыв, в котором статья оценивалась как “неплохая”.

Рукопись статьи А.Ф. Бордадына, исходя из указанных замечаний, подверглась редактированию со стороны Е.С. Варги, а затем — в отделе печати народного комиссариата иностранных дел. В результате из нее оказались вычеркнутыми выводы, касавшиеся слабых сторон экономики Германии. Сам автор так и не сумел познакомиться с внесенными поправками, поскольку был направлен в командировку. Бордадын признавал впоследствии: “Мне... казалось, что раз статья получила положительный отзыв Варги и пропущена НКВД, ничего политически неправильного в ней нет” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 279. Л. 121-122].

Статья, в которой игнорировались слабые стороны германской военной экономики, была опубликована к годовщине советско-германского договора о ненападении [57]. Печатный орган ГУППКА — журнал “Политучеба красноармейца” включил её в список журнальных публикаций, рекомендованных для изучения на политзанятиях сопредельных с СССР стран [58].

Прививавшееся до 23 августа 1939 г. советской пропагандой враждебное отношение к гитлеровскому режиму “компенсировалось” с её же помощью уверенностью в быстрой победе над немцами в случае прямого вооруженного столкновения с Германией. Триумфальные успехи германской армии порождали несколько иные чувства. Даже В.В. Вишневского, которого трудно заподозрить в германофильстве, изумляла мощь гитлеровской военной машины. 18 июня 1940 г. он записывал в дневнике: “Германия подминает, всасывает страну за страной... Немцы упоены... Тяжело думать, что их организация м[ожет] б[ыть] действительно выше всех организаций в мире. Именно организация: машинность, дисциплина, слепое повиновение, автоматизм, немножко мифов, мистики... Немцы, нацизм — это ответ Европы на Версаль и большевизм. Странное сочетание, — странное, но грандиозное, сильное. Когда в 3 месяца с карты мира смахнуто 5 европейских стран, есть над чем подумать. А мы думали и изучали это явление недостаточно” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 69-69 об.].

Писатель В. Пикуль, в предвоенные годы учащийся одной из школ г. Молотовска (Северодвинска), вспоминал, как вместе с отцом присутствовал на лекции, где лектор политпросвещения “почти упоенно восхвалял гитлеровскую машину Германии” [199. С. 43]. Возникла тенденция (в частности, среди молодежи) упрощенного, но вполне однозначного восприятия германских военных успехов на Западе. Летом 1940 г. достоянием секретаря комитета ВЛКСМ ИФЛИ А.Н. Шелепина стал дневник студента-ифлийца, откровенно восхищавшегося немцами, “которые в короткий срок расколотили такую великую державу, как Франция” [367. Л. 3].

Таким образом, вопреки имеющемуся мнению, представление о вермахте, как "о хорошо отлаженной машине, которая прет стальной лавиной" [208. С. 49], возникло не после, а до нападения Германии на СССР, когда она ещё не являлась реальным противником.

И.Г. Эренбург, стремившийся донести до читателя информацию о причинах поражения Франции, столкнулся с большими трудностями. Он намеревался показать с помощью своих публикаций в центральной прессе, что быстрый разгром этой страны объяснялся не чудодейственной силой вермахта, а моральной слабостью правящего французского режима. Но в иностранном отделе газеты "Известия" писателю заявили, что публиковать его статьи не будут. Тогда Эренбург обратился в газету "Труд". Заведующий иностранным отделом газеты З.С. Шейнис объяснил, что не следует "ничего писать о немцах", а "ругать французских предателей" дозволяется [144. С. 223-224]. Наконец, писатель сообщил членам редколлегии журнала "Знамя" о намерении поместить на его страницах роман "Падение Парижа" отдельными частями. Аргументируя своё намерение, И.Г. Эренбург отмечал: "Читателя справедливо интересуют теперь причины разгрома Франции. Если мы не можем говорить о многом, даже часть полезная" [РГАЛИ. Ф. 618. Оп. 2. Д. 1101. Л. 206, 209].

В который раз местные агитаторы и пропагандисты оказывались в трудном положении, когда им приходилось освещать международные события, связанные с экспансионистской политикой Гитлера. Действительно, что мог ответить, например, малограмотный агитатор К.А. Гудок-Еремеев на такие вот вопросы: "Можно ли Гитлера сравнить с Наполеоном? И в самом ли деле Гитлер военный стратег?.." [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 46. Л. 9].

В.В. Вишневский впоследствии, весной 1941 г., анализируя общественные настроения, подчёркивал, что некоторые люди ("элементы"), переоценивали мощь Германии, рассуждая о немцах таким образом: "ох и сила, ох и ловкие" [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 24].

Лишним подтверждением правоты данного суждения может служить следующий факт. В центре г. Ростова-на-Дону была вывешена огромная карта Европы, украшенная флажками с нацистской символикой. С помощью этих флажков ежедневно отмечалось продвижение германских войск в весенней кампании 1941 г. Ежедневно у карты собирались группы людей, оживленно обсуждавших события на фронте войны Германии против её противников. Комментарии по поводу каждого нового успеха вермахта сводились к следующему: "он, немец, хитрый", "супротив его никто идти не может", "он пройдет куда угодно". Не исключено, что карта Европы, вывешенная в центре Ростова-на-Дону, принадлежала ростовскому отделению ТАСС'а. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 29. Л. 27].

Курс на сближение с Германией, как представлялось тогда большинству советских людей, был вынужденным, и они “молчаливо приняли эту новую дружбу с нацистами”, не проявляя, однако, особого воодушевления по данному поводу [189. С. 63]. Независимо от официальных “дружественных” славословий в адрес гитлеровской Германии, господствовало убеждение, что всё делалось исходя из тактических соображений [339. С. 28].

Между тем, сам Сталин лишь в упомянутой телеграмме на имя Риббентропа от 25 декабря 1939 г. открыто затронул вопрос о советско-германской “дружбе”. В своих весьма немногочисленных публичных выступлениях в период, начиная с пакта о ненападении и вплоть до 5 мая 1941 г., большевистский лидер не развивал тему отношений с Германией, предоставив В.М. Молотову возможность импровизировать по данному поводу. Это позволяло Сталину “оставаться в тени”, что способствовало появлению слухов о наличии “прогерманского течения” в советском руководстве, которое якобы возглавлял Молотов [97. С. 186, 189].

Не проясненная до конца (по крайней мере, публично) сталинская позиция в отношении советско-германской “дружбы” давала основания и для возникновения несколько иных настроений. 18 апреля 1940 г. А.Г. Соловьев, исполнявший тогда обязанности начальника библиотечного управления Наркомпроса РСФСР, записал в дневнике свои впечатления от беседы “об общеполитической обстановке”, состоявшейся у него с председателем Госплана СССР А.Н. Вознесенским. Накануне в ЦК ВКП(б) прошло представительное совещание членов Главного военного совета, руководителей центрального аппарата, округов и армий, на котором подводились итоги советско-финляндской войны 1939—1940 гг. и выступил Сталин. Соловьев подчеркивал, что преобладающим у участников совещания являлось мнение о неизбежности вооруженного столкновения между СССР и Германией. “Но, — отметил автор упомянутой дневниковой записи, — т. Сталин надеется на договор (о ненападении — В. Н.) и верит Гитлеру” [104. С. 209].

Таким образом, политический выигрыш от договоренностей с Германией 1939 г. омрачался идеологическими издержками и противоречиями. Официальные установки, которые периодически “озвучивались” в речах В.М. Молотова, не оставляли надежды на их сглаживание. Нацеливание пропаганды на культивирование “дружбы” с нацистским Третьим рейхом после нескольких лет интенсивной антинацистской кампании, к тому же происходившее на фоне его усиливающейся агрессивности в Европе, вызывало недоумение и раздражение.

Литературные произведения, периодическая печать, театральные постановки, кинопрокат были “освобождены” от тематики,

связанной с возможным военным конфликтом между СССР и Германией. Органы ГУППКА оказались не готовыми к объективному изучению морально-политического состояния вермахта. В советской пропаганде и в общественном сознании стал проявляться некоторый перекося в сторону апологетики успехов германского оружия. То, что из тактических соображений она была настроена на обеспечение лозунга о “расцвете дружбы” с Германией, вводило в заблуждение и воспринималось как своеобразное “отклонение” от её прежнего антифашистского характера. Нелегкие времена наступили для тех, кто был задействован в пропагандистских структурах. Требовалось проявлять особое политическое чутье, чтобы избежать отклонений от официальной провозглашенной линии на сближение с “заклятыми друзьями”.

Но в подобной ситуации любое изменение этой линии и возвращение сталинского руководства на “правильный” антифашистский путь рассматривалось как реальный, а, главное, желательный исход событий. Очевидно, чтобы компенсировать ожидание большинством людей очередного поворота в пропаганде, сталинское руководство сразу же вслед за подписанием пакта о ненападении с Германией поспешило преподнести доказательства несомненных преимуществ для СССР от сближения с ней, приступив к “освободительным походам”, которые сопровождались мощными пропагандистскими кампаниями в наступательном духе.

ГЛАВА ВТОРАЯ ОБОСНОВАНИЕ АКТИВИЗАЦИИ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

1. В АТМОСФЕРЕ “АНТИПОЛЬСКОЙ ИСТЕРИИ”

В конце 30-х годов уже сформировались основы идеологической концепции, которая стала превалировать в официальной советской пропаганде. Большевистский режим активно использовал обращение к патриотическим традициям русского народа. Внимательно наблюдая за изменениями в характере советской пропаганды немецкие дипломаты накануне переговоров СССР и Германии августа 1939 г. даже представляли дело таким образом, что якобы большевистская идея слилась с “национальной историей России”. В качестве реального подтверждения подобных далеко идущих выводов они рассматривали факты прославления в СССР героев прошлого (Александра Невского, Петра I) и их подвигов (празднование годовщин Ледового побоища и Полтавской битвы) [22. Док. № 9].

События 1939—1941 гг. показали, что Сталин не отделял национальных интересов страны от конечной стратегической цели — уничтожения “капиталистического окружения”. На исходе 30-х годов большевистское руководство уже не рассматривало саму по себе “мировую революцию” в качестве главного инструмента для достижения этой цели. Миссию сокрушения враждебного “буржуазного мира” должна была взять на себя, по замыслу Сталина, Красная Армия. Об этом во всеуслышание говорилось на XVIII съезде ВКП(б). Так, Л.З. Мехлис в своем выступлении категорически заявил, что не за горами время, когда Красная Армия “в ответ на наглую вылазку врага поможет рабочим стран-агрессоров освободиться от ига фашизма, от ига капиталистического рабства и ликвидирует капиталистическое окружение, о котором говорил товарищ Сталин” [1. С. 280].

Германский посол в СССР Ф. Шуленбург вполне адекватно воспринял угрозы Л.З. Мехлиса, прозвучавшие на большевистском партийном съезде, и в начале апреля 1939 г. передал их своему руководству. Спустя пять десятилетий И. Фляйшхауэр не без сарказма назвала приведенное высказывание начальника ПУРККА “пустой фразой”, направленной лишь на “военное утрашение” [219. С. 395, прим. 57].

Между тем, дальнейшие события показали, что Красная Армия по существу приступила к практическим шагам по ликвидации “капиталистического окружения”, но в условиях, когда Советский Союз формально оказался после пакта Риббентропа-Молотова в состоянии “нейтралитета” в войне, начав “освободительный поход” в Западную Украину и Западную Белоруссию.

Особый пункт секретного дополнительного протокола к пакту зафиксировал намерение обеих договаривающихся сторон по “обоюдному согласию” разрешить вопрос о самом существовании независимого Польского государства [7. Док. № 485]. 1 сентября 1939 г. Польша подверглась нападению со стороны Германии. Хотя в секретном дополнительном протоколе прямо не фиксировалось, что советская сторона должна выступить с вооруженной силой для освоения своей “сферы интересов” в Польше, уже 3 сентября Й. Риббентроп направил германскому послу в Москве Ф. Шуленбургу телеграмму, в которой содержалась просьба немедленно обсудить с руководителем правительства СССР вопрос о желательности подобного выступления. Однако Молотов на следующий день вручил Шуленбургу памятную записку, из которой следовало, что момент “конкретных действий” в Польше для советской стороны ещё не наступил [8. Док. № 540. С. 600, прим. 202]. В Москве опасались чрезмерной поспешности в этом вопросе, ибо она могла привести если не к открытой военной конфронтации с западными державами, то уж по меньшей мере к серьезному обострению взаимоотношений с ними. К тому же, вплоть до середины сентября 1939 г. не был разрешен советско-японский вооруженный конфликт на территории Монголии.

Но уже в первые дни после германского вторжения в Польшу советское руководство провело ряд мероприятий по усилению боеготовности Красной Армии. 1 сентября Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об увеличении количества стрелковых дивизий РККА до 173, а 3 сентября — о продлении на месяц срока службы в Красной Армии для рядового и сержантского состава, подлежавшего демобилизации. Свыше 300 тыс. чел. остались, таким образом, в рядах РККА.

6 сентября начались сборы военнообязанных запаса начальствующего и рядового состава — так называемые большие учебные сборы (БУС) в Московском, Калининском, Ленинградском, Белорусском

и Киевском особых, Харьковском, Орловском военных округах, которые охватили 2,6 млн. чел. [291. С. 495]. Ничего не подозревавших людей зачастую даже поднимали ночью с постели, “брали с работы в чем есть” [101. С. 179].

Пропагандистская подготовка СССР к предстоящим военным акциям против Польши началась незадолго до самой скрытой мобилизации, по крайней мере во второй половине августа 1939 г. Первым делом на страницах печатных органов ПУРККА появились материалы, содержавшие теоретическое обоснование подобных акций. Так, под рубрикой “Консультация” в очередном номере журнала “Пропагандист и агитатор РККА” (примечательно, что номер сдан в производство 23 августа, т.е. за неделю до нападения Германии на Польшу) была опубликована специальная статья члена редколлегии этого журнала полкового комиссара Н.Я. Осипова о марксистско-ленинском понимании “характера войн в современную эпоху” [70]. Автор, опираясь на работы Маркса, Энгельса, Ленина и, наконец, на сталинский “Краткий курс”, разъяснял, что войны бывают лишь двух родов: справедливые и несправедливые, причем если первые — непременно “являются продолжением политики прогрессивных, революционных классов” и всегда “связаны с интересами народа”, вторые, наоборот, — “грабительские”, “антинародные и реакционные” по своей сути. Следовательно, вовсе неважно, на чьей именно территории ведутся боевые действия, и вообще, кто их первый начал. Гораздо важнее другое: “Красная Армия будет вести войну за дело всего передового, прогрессивного человечества, против извергов реакции, эксплуатации, контрреволюции” и при известных условиях “может *предупредить нападение агрессоров* (курсив мой — В. Н.) на отечество социализма”. Как образно говорилось в названной статье, Красная Армия “возьмет разбойника за горло” “железной рукой”, прежде, чем тот “успеет вынуть свой кровавый нож”. Далее её автор разъяснял, что характерными качествами РККА являются “активность и наступательность”, а посему не исключена возможность, когда самим ходом исторического процесса рабочий класс вынужден будет взять на себя инициативу военных действий. Н.Я. Осипов ссылаясь при этом на авторитет М.В. Фрунзе, который в своё время обосновывал подобные действия как “полное совпадение требований военного искусства и общей политики”. Полковой комиссар Осипов утверждал следующее: поскольку Красная Армия призвана решать интернациональные задачи, то в случае если её помощь “может дать решающие политические и военные результаты”, такая помощь будет оказана. Адресуясь к буржуазным “политикам” и “стратегам”, он заверил: “справедливый характер войны СССР и наша принципиально мирная политика” вовсе не исключают “наступательные действия Красной Армии в военно-стратегическом и оперативно-тактическом смысле”

Далее Н.Я. Осипов процитировал ленинское высказывание, прозвучавшее на VIII Всероссийском съезде Советов в 1920 г. (оно приводилось нами выше) о необходимости действовать наступательным образом.

Упомянутая статья в одном из ведущих печатных органов ПУРККА заканчивалась убедительным выводом, разительно сходным с прозвучавшим на XVIII съезде ВКП(б) высказыванием Л.З. Мехлиса: “Верная заветам Ленина и указаниям Сталина, Красная Армия перейдет границы агрессора, раздавит врага мощью своего оружия и вооруженной рукой поможет трудящимся стран-агрессоров свергнуть капиталистическое рабство” [70. С. 27].

Параллельно с публикацией подобного рода печатных материалов, в глубокой тайне шла подготовка кадров и необходимых технических средств для ведения агитационно-пропагандистской работы среди войск потенциального противника и населения западно-украинских и западно-белорусских земель [66. С. 35; 320. С. 47-48].

В ночь с 7 на 8 сентября 1939 г. большевистский лидер имел продолжительную беседу с генеральным секретарем Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала (ИККИ) Г.М. Димитровым, на которой присутствовали В.М. Молотов, А.А. Жданов, а также представитель ЦК ВКП(б) в ИККИ Д.З. Мануильский [33. С. 50-51]. Сталин, указав на наличие в начавшейся вооруженной схватке двух основных группировок капиталистических стран (Германии и её западных противников — Англии и Франции), со всей прямотой обрисовал позицию СССР в создавшихся условиях: “Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались”. Призывая внешне дистанцироваться от обеих участвовавших в войне группировок, Сталин высказал мысль о неизбежности поражения Польши в противоборстве с Германией, что, по его мнению, было бы только на руку СССР. Польское государство, продолжал он, “раньше” являлось национальным, и поэтому “революционеры защищали его против раздела и порабощения”. “Теперь”, т. е. в сентябре 1939 г., продолжал Сталин, Польша — “фашистское государство”, которое “угнетает украинцев, белорусов и т. д.”. Безапелляционно прозвучал сталинский “приговор” в его адрес: “Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше!” [12. С. 10, 11; 335. С. 19].

Исходя из сталинских указаний, 8 сентября Президиум Исполкома Коминтерна начал рассылать директиву Секретариата ИККИ компартиям об отношении к начавшейся войне. В директиве, в частности, подчеркивалось: “Международный пролетариат *не может ни в коем случае* (курсив мой — В. Н.) защищать фашистскую Польшу,

отвергнувшую помощь Советского Союза, угнетающую другие национальности". 15 сентября Секретариат ИККИ высказался резко отрицательно по вопросу о вступлении коммунистов и "революционных элементов" в национальные легионы — добровольные военные формирования эмигрантов-антифашистов для участия в военных действиях на стороне Польши и англо-французской коалиции против нацистской Германии [12. Док. № 9, 12, 13].

Наркоматы внутренних и иностранных дел получили конкретное задание: представить материалы о государственном устройстве, национальном составе, экономике, вооруженных силах, транспорте польского государства [280. С. 242].

Вполне вероятно, что во время вышеупомянутой беседы в Кремле с 7 на 8 сентября, на которой в числе других присутствовал и А.А. Жданов, последнему было поручено написать статью для газеты "Правда", своеобразный программный документ для развертывания антипольской пропагандистской кампании. Именно в адрес Жданова по предложению Политбюро направлялись подготовленные в срочном порядке и систематизированные сотрудниками НКВД и НКВД'а записки о государственном устройстве Польши.

Согласно официальным польским данным 1938 г., население этой страны составляло около 35 млн. чел., из которых поляков было 69%, украинцев — 14,3%, белорусов и евреев — по 3,9%, немцев — 7%. Однако по "уточненным" сведениям ведомства Берии национальный состав Польского государства оказался несколько скорректирован: 60% якобы являлись поляками, 40% — представителями вышеперечисленных "национальных меньшинств". В свою очередь, из материалов, подготовленных в НКВД'е, был сделан вывод: "Государственный строй Польши — республика фашистского типа" (sic! — В. Н.) [188. С. 13-14].

Свою статью, основанную на сведениях НКВД и НКВД'а, А.А. Жданов назвал "Почему Польша терпит военное поражение". В первой её фразе содержалось утверждение: "Хотя с момента начала военных действий между Германией и Польшей прошел какой-либо десяток дней...". Это позволяет отнести время начала написания самой статьи к 10—11 сентября 1939 г.

В полном соответствии со сталинскими указаниями, опираясь на представленные НКВД и НКВД'ом материалы о Польском государстве, Жданов назвал последнее "помещичье-буржуазным государством полуфашистского типа", в составе которого поляков якобы было "всего лишь около 60%", а остальное составляли "национальные меньшинства — украинцы, белорусы, евреи, немцы и т. д.". В первоначальной версии статьи численность украинцев и белорусов определялась в пределах "до 10 миллионов населения" (соответственно, "свыше 7 миллионов" и "около 3 миллионов" человек). Но А.А. Жданов

несколько переработал текст. Сохранившийся экземпляр ждановской рукописи с пометой “экз. т. Сталина” позволяет предположить, что окончательная доработка проходила при участии “вождя” [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 886. Л. 3, 9, 12 а, 14]. Вероятнее всего, указания на сей счет были получены 12 сентября: в этот день Жданов находился в течение длительного времени (с 18 час. 35 мин. до 22 час. 20 мин.) в кабинете Сталина в Кремле [33. С. 51].

8 сентября 1939 г. начальник ПУРККА Л.З. Мехлис обратился к секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, А.А. Жданову и Г.М. Маленкову и в УПА с просьбой об увеличении тиражей окружных красноармейских газет, а также о выделении дополнительных лимитов центральных газет и журналов в шести военных округах, где развернулись большие учебные сборы. Уже 9 сентября просьба Мехлиса, поддержанная заместителем начальника и заведующим отделом печати Управления пропаганды и агитации Т.И. Антроповым, рассматривалась на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б). Оргбюро приняло постановление, согласно которому разовый тираж красноармейских газет в Московском, Киевском и Белорусском особых, а также в Ленинградском, Харьковском, Орловском военных округах увеличивался более чем в полтора раза (с 320 до 515 тыс. экз.). С этой целью из резервного фонда Управления государственных резервов было выделено на IV квартал 1939 г. около полумиллиона тонн бумаги. Примечательно, что в Киевском и Белорусском особых военных округах, на базе которых были созданы действующие фронты, начавшие 17 сентября вторжение в Польшу, увеличение тиражей окружных газет оказалось наиболее существенным: соответственно 170% (с 90 до 150 тыс. экз.) и 160% (с 80 до 130 тыс. экз.).

Оргбюро ЦК ВКП(б) также постановило за счет сокращения розничной продажи в городах (главным образом, в Москве) дополнительно увеличить для личного состава Красной Армии лимиты разовых тиражей центральных газет (“Правда”, “Комсомольская правда”, “Известия”) и журналов (“Большевик”, “В помощь марксистско-ленинскому образованию”) на 140 тыс. экз. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 36. Л. 185-188].

10—11 сентября группа советских режиссеров и кинооператоров (А.Я. Каплер, М.И. Ромм и другие) получила известие о том, что им предстоит ехать на съемки действий Красной Армии в Западной Белоруссии [РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 440. Л. 59 об.].

Когда стали циркулировать слухи о взятии немцами столицы Польши, советское руководство восприняло их с оптимизмом. В ночь на 9 сентября В.М. Молотов просил Ф. Шуленбурга передать правительству Германии приветствия и поздравления по случаю вступления германских войск вошли в Варшаву. В тот же день он дал обещание послу Третьего рейха: “...советские военные действия начнутся в тече-

ние ближайших нескольких дней”. Молотов также сообщил о призыве в армию “многочисленных резервистов” [22. Док. № 42, 44].

Вероятно, со сталинского одобрения Ворошилов и Шапошников составили проекты директив военному совету Белорусского и Украинского особых военных округов “о начале наступления против Польши”. Его планировалось предпринять в ночь с 12 на 13 сентября [11. Док. № 3, 4].

10 сентября, когда выяснилось, что известие о падении польской столицы не подтвердилось, нарком иностранных дел СССР, вопреки своему прежнему заявлению, подчеркнул в беседе с Ф. Шуленбургом, что “советское правительство было застигнуто врасплох неожиданно быстрыми германскими военными успехами”, а Красная Армия пока не готова к выступлению. Именно тогда Молотов впервые изложил обоснование мотивировки военного вмешательства СССР в Польшу. Сталинское руководство явно стремилось представить дело таким образом, что лишь успехи Германии в польской кампании побуждают к активным действиям. В.М. Молотов поведал Ф. Шуленбургу о намерении правительства СССР сделать официальное заявление о развале Польши под ударами германских войск, вследствие чего Советский Союз вынужден прийти на помощь украинцам и белорусам, которым угрожали немцы. Из слов Молотова посол Третьего рейха в Москве уяснил: “Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст... возможность не выглядеть агрессором” [22. Док. № 45, 46].

Между тем, по агентурным каналам в Москву начали поступать сведения о внутренней нестабильности Польского государства. 12 сентября 1939 г. НКВД Белорусской ССР сообщало, что настроение белорусов и “батрацко-бедняцкой части польского населения” на сопредельной стороне характеризовалось “выражением симпатий к СССР”, а также нежеланием служить в армии, воевать, вплоть до намерения бежать на советскую территорию. Из этого спецсообщения следовало: имея целью скрыть от своего населения неудачи на фронте в войне с немцами, польские власти применяли репрессии, “усилили режим” (sic — В. Н.) [24. Док. № 31].

14 сентября 1939 г. в газете “Правда” был опубликован переработанный текст ждановской статьи (без подписи), получившей новое название (“О внутренних причинах военного поражения Польши”). Характеристика Польского государства как страны “полуфашистского типа” в окончательном варианте отсутствовала. Возможно, сказалось противоречие, проявившееся в ходе беседы Сталина с “соратниками” 7—8 сентября 1939 г.: тогда он, с одной стороны, заявил, что с началом войны потеряло смысл деление капиталистических стран на демократические и фашистские, а с другой — отнёс Польшу к числу последних.

Зато были усилены “национальные” мотивы, в результате чего “оказалось”, что в Польше насчитывалось не менее 8 млн. украинцев и около 3 млн. белорусов. Для сравнения, по официальным польским данным 1938 г., из 34,5 млн. населения украинцы составляли 14,3%, белорусы — 3,9 % [188. С. 13], т.е., по нашим подсчетам, соответственно около 5 млн. чел. и менее 1,4 млн. чел. “Исчезло” из текста и упоминание о немцах, как представителях нацменьшинства Польского государства.

В статье А.А. Жданова звучало неприкрытое ликование по поводу того, что “Польское государство оказалось недееспособным” и при первых военных неудачах “стало рассыпаться”. Совершенно умалчивалось в ней о подавляющем превосходстве германской армии, вторгшейся на польскую территорию [69.]. По мнению А. Верта, передовая статья “Правды” “доказывала, что польская армия *практически не сражалась вообще*” (курсив А. Верта — В. Н.) [165. С. 76].

В то же время национальная политика польского правительства, главным образом, в отношении украинцев и белорусов, объявлялась едва ли не главной причиной военного поражения Польши. А.А. Жданов не преминул прибегнуть к весьма нелестному сравнению: действия по превращению польским руководством Западной Украины и Западной Белоруссии в “бесправную колонию”, согласно его формулировке, ничем не отличалась “от угнетательской политики русского царизма” [69.].

Статью в “Правде” “О внутренних причинах военного поражения Польши”, несмотря на то, что её автор не был назван, германская сторона сразу восприняла как программную. В телеграмме, направленной 14 сентября Ф. Шуленбургом в Берлин, содержалась настоятельная просьба обратить на нее особое внимание, поскольку в статье излагалась “политическая мотивировка советской интервенции” против Польского государства [22. Док. № 48].

14 сентября К.Е. Ворошилов и Б.М. Шапошников приняли директивы за № 16633 и 16634 военным советам Белорусского и Украинского военных округов о начале наступления против Польши. Вторжение было назначено на утро 17 сентября 1939 г. [11. Док. № 3, 4].

В директиве ПУРККА от 15 сентября, адресованной политорганам шести военных округов, где проводились большие учебные сборы, Л.З. Мехлис предписывал немедленно поместить правдинскую передовицу “во всех окружных, армейских и дивизионных газетах”, а также переиздать её в виде отдельного бюллетеня. Необходимо было “развернуть массовую разъяснительную работу” вокруг статьи “О внутренних причинах военного поражения Польши”, сделав последнюю “достоянием каждого командира, политработника и красноармейца”, провести соответствующие политинформации. Политработники и командный состав нацеливались “на разъяснение

положения белорусского и украинского крестьянства панской Польши”, на использование газетного материала о начавшихся крестьянских “выступлениях и восстаниях”. Но основная задача состояла в том, чтобы доказать: “национальный гнет привел Польшу к военному разгрому”. В разъяснительной работе рекомендовалось сопоставить положение украинцев и белорусов, проживавших в УССР и БССР, с положением представителей этих же народов в Польше, подчеркивая “расцвет украинской и белорусской литературы, печати и искусства” на советских территориях.

Для командного и политического состава, согласно директиве ПУРККА от 15 сентября, должны были проводиться лекции, тематика которых затрагивалась в упомянутой передовой статье “Правды” (национальный состав, национальный гнет, “методы правящих кругов” Польши, направленные на сохранение власти, как причина военного поражения страны) [26. С. 14-15].

15 сентября нарком внутренних дел СССР Л.П. Берия издал специальную директиву, согласно которой НКВД Белорусской и Украинской ССР должны были действовать на польских территориях “в теснейшем контакте с военным командованием”. Опергруппам НКВД, в частности, предписывалось в занятых городах оказывать “всяческое содействие политотделам армии и прикомандированным к ним работникам в немедленном занятии типографии, редакций газет, складов бумаги”, а также в налаживании советских изданий [24. Док. № 33].

В преддверии, а особенно в период “освободительного похода” Красной Армии в Западную Украину и в Западную Белоруссию повсеместным в советской пропаганде было обращение к лозунгу об этническом и культурном единстве с народами этих территорий. В периодической печати широко использовалась идея общности судеб русских, украинцев и белорусов, обращение к давно минувшим временам. В частности, утверждалось, что Западная Украина и Западная Белоруссия являлись исконно русскими землями, входившими в “империю Рюриковичей” и составлявшими единое целое с прочими восточнославянскими племенами [364. С. 65].

Еще 6 мая 1939 г., когда полным ходом шла подготовка Германии к польскому походу, временный поверенный в делах СССР в Берлине Г.А. Астахов довел до сведения наркома иностранных дел В.М. Молотова, что нацисты намерены начать кампанию в своей печати с обличением политики Польского государства. Астахов, в частности, выделял в ней звучавший со всей силой тезис об “угнетении немцев”, который выглядел “угрожающе”. 14 июня он же сообщал о развертывании этой кампании “на столбцах газет и журналов”, где, в частности, был вновь поднят шум по вопросу о “национальных меньшинствах” [7. Док. 282, 370].

Советская агентура также получила информацию о подготовке нацистами “пропагандистской атаки против Польши” [30. С. 94]. 17 мая 1939 г., начальник разведывательного управления РККА И.И. Проскуров направил эти секретные сведения в ЦК ВКП(б). Сталина заинтересовала докладная записка Проскурова. Для себя он отметил на полях документа, что необходимо поговорить с начальником Разведупра и выяснить источник полученных данных [9. С. 216-219]. Разговор состоялся уже 19 мая 1939 г.: вечером того же дня И.И. Проскуров в течение полутора часов находился в сталинском кабинете в Кремле [33. С. 38]. Прошло три месяца, и советское руководство (возможно, и не осознавая этого), само взяло на вооружение пропагандистские методы нацистов, использованные при подготовке военной акции против Польши, естественно, рассматривая их в контексте советско-польских отношений.

Так, если по официальным польским данным представителей немецких меньшинств в Речи Посполитой было 750 тыс. чел., то сами фольксдойче утверждали, что накануне 1 сентября 1939 г. их насчитывалось порядка 1 млн. чел. [345. С. 380]. Аналогичная тенденция к “увеличению” численности нацменьшинств славянского происхождения, как уже отмечалось, наблюдалась в советской пропаганде накануне “освободительного похода” в Польшу.

Внимание германской пропаганды было заострено на том, что польские власти “угнетают” немцев, проживавших на территории Польши. Большевистские же пропагандисты в качестве “угнетенных” рассматривали “единокровных братьев” — украинцев и белорусов, которые являлись “нацменьшинством” Речи Посполитой. Сходной была идеологическая направленность материалов, готовившихся как в Берлине, так и в Москве для создания негативной характеристики этого государства. Под лозунгом “Польша — второе мозаичное государство” немцы с весны 1939 г. клеймили “террористическую и опасную национальную политику” её руководства. Сталин же, как уже отмечалось, назвал Польшу “фашистским государством”, угнетавшим украинцев, белорусов и другие национальные меньшинства. В упомянутой ждановской статье утверждалось: “Национальная политика Польши характеризуется подавлением и угнетением национальных меньшинств...”.

Лозунг “Польша — государство реакции и упадка” был избран нацистами для того, чтобы доказать “нищету польского крестьянства, культурную отсталость страны, феодальный способ ведения хозяйства и голодное существование польского населения”. Большевистская пропаганда, опираясь на ждановские выкладки, с учетом стоявших перед ней задач, несколько “скорректировала” этот лозунг. В частности, следовало доказать, что Западная Украина и Западная Белоруссия “являются объектами самой грубой, беззастенчивой эксплуатации

со стороны польских помещиков”, “бесправной колонией”, отданной “польским панам на разграбление”.

Наконец, нацисты в своей антипольской кампании взяли на вооружение лозунг “Паразиты у власти!” с целью “изобразить разложение господствующей верхушки Польши, продажность польских руководителей, их декадентство и классовую оторванность от широких масс населения”. Практически та же задача стояла перед большевистской пропагандой в сентябре 1939 г., когда А.А. Жданов писал о правящих кругах Польского государства, “кичащихся своим якобы свободолобием” [30. С. 94; 69.].

После 17 сентября, когда Красная Армия перешла границу с Польшей, советская периодическая печать, взявшая на вооружение ждановскую статью, начала нагнетать, по выражению Э. Росовской-Якубчик, “антипольскую истерию” [364. С. 64].

В ходе “освободительного похода” в ряде приказов командования Красной Армии, директив ПУРККА, военных советов Украинского и Белорусского фронтов упомянутые антипольские лозунги и пропагандистские темы нашли широкое отражение [320. С. 51].

В 3 часа ночи 17 сентября, буквально накануне перехода Красной Армией границы с Польшей, первый заместитель наркома иностранных дел СССР В.П. Потемкин зачитал польскому послу в Москве В. Гжибовскому официальную ноту Советского правительства за подписью В.М. Молотова. На стадии подготовки этого документа в его текст по просьбе германской стороны Сталин внес некоторые коррективы. Так, были сняты неприемлемые для немцев пункты (в частности, формулировка об “угрозе” Германии белорусам и украинцам, проживавшим в Польше). В окончательном варианте текста ноты подчеркивалось: советское правительство не оставит их, брошенных на произвол судьбы, беззащитными, для чего частям Красной Армии и отдан приказ перейти границу. В целом же документ был выдержан в антипольском духе. В нем, в частности, утверждалось, что в течение десяти дней военных операций Польша потеряла “все свои промышленные районы и культурные центры”, Варшавы, как столицы, “не существует больше”, польское правительство якобы “распалось (sic — В. Н.) и не проявляет признаков жизни”. Последнее обстоятельство, как отмечалось в ноте от 17 сентября, означало прекращение существования Польского государства и, следовательно, освобождало Советский Союз от обязанностей соблюдать в дальнейшем двусторонние соглашения, заключенные между СССР и Польшей, прежде всего — договор о ненападении 1932 г. [8. Док. № 597].

18 сентября этот документ был опубликован в центральных советских газетах. Причем публикации был предпослан заголовок: “Нота Правительства СССР, *врученная* (курсив мой — В. Н.) польскому послу в Москве утром 17 сентября 1939 года”. Однако известно,

что В. Гжибовский не принял советскую ноту, обнаружив ней ряд неточностей и передержек [207. С. 83].

На фоне дипломатических хитростей и двусмысленных формулировок боевые приказы командования Красной Армии, изданные 15 и 16 сентября, накануне вторжения в Польшу, определяли цели и задачи этого вторжения с присущей армейским документам такого рода четкостью и прямотой: следовало “уничтожить и пленить вооруженные силы Польши”, “нанести мощный и молниеносный удар по польским войскам” [202. С. 87; 280. С. 246, 247].

В директиве от 16 сентября за подписью начальника политуправления 5-й армии, входившей в состав Украинского фронта, бригадного комиссара Демина указывалось, что политико-пропагандистская работа должна быть направлена на создание духа “стремительного наступления”. В многочисленных памятках для личного состава, издававшихся политуправлениями фронтов, корпусов, дивизий, бригад, которые действовали против польских войск, настоятельно подчеркивалось: “Успех в наступательном бою достигается внезапностью действий, скрытым продвижением вперед, метким уничтожающим огнем и завершается смелой и решительной атакой”. Целью наступления, как следовало из этих памяток и других директивных документов, являлось “полное и беспощадное уничтожение врага”, а самым сильным наступательным качеством бойцов Красной Армии признавалось “неудержимое стремление вперед”, чтобы “гранатой и штыком” завершить его полный разгром [26. С.68-70, 75-76, 132-134].

Наступление Красной Армии на Польшу, или, как назвал его Молотов, “военная интервенция Советского Союза” [22. Док. № 49], началось ранним утром, в воскресенье, 17 сентября 1939 г. В походе участвовало около 470 тыс. (по другим данным — более 600 тыс. чел.), около 4000 танков; более 5500 орудий и свыше 2000 самолетов. Им противостояло около 340 тыс. польских солдат и офицеров, а также 540 орудий и 70 танков [188. С. 15-17; 207. С. 86, 88; 280. С. 241, 245; 358. С. 86]. Основные же польские силы были задействованы на Западе в боях против германских войск, имевших подавляющее превосходство в живой силе и технике.

Политическое и военное руководство Польши никак не ожидало открытого военного вмешательства СССР. Оно считало, что Советский Союз будет сохранять благожелательный нейтралитет. Органы разведки Польши не зафиксировали вызывающих тревогу передвижений сил Красной Армии вблизи границы с СССР. И даже когда (после начала германской агрессии) подобного рода передвижения стали заметными, к ним отнеслись как к объяснимой реакции советского руководства на начало германо-польской войны, грозившей перерасти в общеевропейскую. 12 сентября по агентурным кана-

лам в Варшаве стало известно о подготовке Советского Союза к антипольским действиям.

Но в целом “освободительный поход” Красной Армии, начавшийся 17 сентября 1939 г., стал полной неожиданностью для польского руководства. В то время как Польша была на грани разгрома в войне с Германией, изменение позиции Советского Союза завершило катастрофу [265. С. 361].

После получения сведений о нападении Германии на Польшу в общественном сознании, особенно среди представители советской интеллектуальной элиты, проявились внутренние симпатии к жертве агрессии [102. С. 276; 136. С. 79]. В то же время известие о вступлении Красной Армии на новые территории было встречено в СССР “с чувством безоговорочной радости”. Сказалась атмосфера предшествовавших этому событию десятилетий напряженности в советско-польских отношениях. Но удовлетворение возникло и от того, что впервые, Советский Союз шел освобождать Западную Украину и Западную Белоруссию, во-вторых, “отодвинулась” западная граница, и в-третьих, приняв участие в разделе Польши, Сталин предотвратил сделку между Германией и западными державами за счет Советского Союза. Правда этого сталинского шага ещё более подтверждалась тем обстоятельством, что ни Англия, ни Франция, объявив войну Германии, так и не пришли, вопреки своим заверениям, на помощь полякам [136. 80; 165. С. 80-81].

17 сентября 1939 г. В.М. Молотов выступил с речью по радио, обращенной к гражданам и гражданкам СССР. В тот же день дипломатическим представителям 24 стран в Москве, в том числе — находившихся в состоянии войны Германии, с одной стороны, Англии и Франции — с другой, было сообщено, что Советский Союз намерен проводить в их отношении “политику нейтралитета” [8. Док. № 598]. В речи В.М. Молотова по радио, текст которой был опубликован в советской прессе, содержались те же аргументы, что и в ноте, врученной В. Гжибовскому: Польша показала свою внутреннюю несостоятельность, местопребывание её правительства неизвестно, прежние советско-польские договоры утратили силу, а СССР подает “руку помощи своим братьям-украинцам и братьям-белорусам, населяющим Польшу”.

В выступлении Молотова обращалось внимание и на следующее: Красная Армия после проведения “частичного призыва” в шести военных округах получила “крупное пополнение” и “должна с честью выполнить поставленную перед ней почетную задачу”. Наконец, выражалась уверенность, что РККА покажет “свою боевую мощь, сознательность и дисциплину” и при выполнении этой задачи она покроет себя “новыми подвигами, героизмом и славой” [22. С. 109].

Естественно, в воинских частях и подразделениях Красной Армии, ранним утром 17 сентября 1939 г. пересекших границу с Польшей, немедленно приступили к пропаганде основных положений речи В.М. Молотова, которую предлагалось изучать наряду с передовой статьей газеты “Правда” от 14 сентября. ПУРККА издал специальную директиву “Об изучении речи главы Советского правительства тов. В.М. Молотова”, исходя из которой требовалось опубликовать текст этой речи во всех окружных и дивизионных газетах массовым тиражом. Ставилась задача, чтобы на митингах личного состава были приняты резолюции, “одобряющие мероприятия Правительства, выражающие готовность... выполнить любое боевое задание партии и правительства”.

“Освободительный поход” в директивных документах РККА был назван “революционной, справедливой войной”. В директиве военного совета и политуправления Каменец-Подольской (Южной) войсковой группы, которой командовал командарм II ранга И.В. Тюленев (она действовала в составе Украинского фронта) так и говорилось: “Наша борьба с польскими помещиками и капиталистами есть война революционная и справедливая. Мы выступаем *на свою землю* (курсив мой — В. Н.), идем и освобождаем трудящихся от ига польского капитализма”. Данный тезис нашел развитие и в красноармейской печати: “Мы смело и решительно идем вперед, ибо знаем, что ведем самую справедливую из всех справедливых войн, которые когда-либо знала история человечества” [26. С. 15-17, 24, 46, 68, 119, 120].

Таким образом, перед частями Красной Армии, перешедшими польско-советскую границу 17 сентября 1939 г., стояла двуединая задача: уничтожить противостоявшие им польские войска и “освободить”, т.е. занять территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Основным способом выполнения этой задачи должно было послужить решительное наступление под лозунгом “самой справедливой из всех войн”.

В то время, когда Польша “была стерта с карты мира”, у большинства людей в СССР не возникало вопроса о нравственности столь драматического события, совершившегося при “половинном участии” Советского Союза. Их воспитывали в понимании истины: “нравственно все то, что служит пролетариату”. Захват западнопольских областей Красной Армией в сентябре 1939 г. “служил пролетариату”, а значит — расценивался как нравственное явление. После репрессий 1937—1938 гг., при наличии “крепкого очищенного тыла”, “мало было возможностей сочувствия полякам — и по разуму, и по сердцу”. Тогда вряд ли кто-либо даже “в стол” писал о растерзанной Польше [127. С. 232-234].

В.И. Вернадский в октябре 1939 г. заносил в свой дневник суждения о “стихийном ходе истории” рядом с безапелляционной оцен-

кой: “Безумные Поляки”, размышляя о “фальшивости” суждений западных лидеров Чемберлена и Даладье относительно необходимости защиты и восстановления Польши [96. С. 25, 32].

В целом сталинский режим, который не мог “полностью пренебрегать необходимостью пропагандистско-идеологической подготовки населения своей страны к акциям, связанным с использованием крупных вооруженных сил против суверенного государства” [326. С. 24], подошел к осуществлению этой подготовки “со знанием дела”. Сталин вполне обоснованно выверял каждый шаг при проведении антипольской акции, которая была всесторонне продуманной и тщательно подготовленной в дипломатическом, военном и пропагандистском аспектах (эта подготовка шла практически синхронно), что и предопределило её конечный успех. Первый опыт “освоения” “сфер интересов” СССР, оговоренный в секретных протоколах к пакту о ненападении и договору о дружбе и границе с Германией, оказался вполне успешным. Показал свою действенность комплексный подход к пропагандистскому обоснованию территориальных приращений за счет Польши, сама законность существования которой была поставлена под сомнение Сталиным и его окружением. Поражения поляков в боевых действиях против Германии позволили усилить мотивы, связанные с доказательством “несостоятельности” политического руководство Речи Посполитой, которое изобразилось в весьма невыгодном свете.

2. С ЗАДАЧЕЙ “ПОБЕДИТЬ ФИННОВ”

На исходе 1939 г., как это было и во время “освободительного” польского похода, Красная Армия вновь превратилась в “наступающую”: 30 ноября СССР начал войну против Финляндии.

Финляндия, получившая независимость после Октябрьской революции, в 1920 г. подписала Тартусский договор с Советской Россией, а в 1932 г. был заключен пакт о ненападении между двумя странами, продленный на 10 лет в 1934 г. Однако отношения между ними омрачали взаимная подозрительность и недоверие. В Финляндии вызывали вполне закономерные опасения великодержавные устремления Сталина, беспокоили сведения о массовых репрессиях, голоде, насильственной коллективизации в СССР, дискриминационных действиях, которые имели место в отношении карелов и финнов, проживавших на пограничной советской территории. Руководство Советского Союза, в свою очередь, не исключало, что какая-либо из западных держав может использовать Финляндию в качестве плацдарма для антисоветских военных действий. Уже в 1936 г. допускалась возможность возникновения вооруженного конфликта с этой страной. С 1938 г. наркомат обороны все настойчивее стал выдвигать требование о

передаче ему лесного массива на Карельском перешейке для строительства укрепленных районов.

Однако первоначально сталинское руководство по собственной инициативе решило провести переговоры с финской стороной, целью которых было принудить её пойти на уступки по территориальным вопросам. В апреле — ноябре 1938 г. резидент НКВД Б.Н. Рыбкин (Ярцев), действовавший по личному сталинскому указанию, вступил в контакт с министром иностранных дел Финляндии Р. Холсти и министром финансов В. Таиннером. Но миссия Рыбкина (Ярцева) успехом не увенчалась.

В марте — начале апреля 1939 г. в Хельсинки прошли два тура официальных переговоров, на которых советскую сторону представлял Б.Е. Штейн, а финляндскую — министр иностранных дел Э. Эрко. Суть предложений СССР заключалась в следующем: финны должны были "отодвинуть" границу на северо-запад от Ленинграда, а взамен им предоставлялись территории, гораздо большие по размерам, чем земли на Карельском перешейке, передаваемые Советскому Союзу. Однако Б.Е. Штейн, как до этого Б.Н. Рыбкин (Ярцев), вернулся в Москву с пустыми руками: финляндская сторона сочла для себя неприемлемыми эти предложения. Руководство Финляндии понимало, что передвижение границы на Карельском перешейке открыло бы для Красной Армии прямой путь на Хельсинки.

Третий тур советско-финляндских переговоров (12 октября — 13 ноября 1939 г.) проходил уже в Москве, куда прибыла делегация Финляндии во главе с Ю.К. Паасикиви. Партнерами финнов стали В.М. Молотов, В.П. Потемкин и полпред СССР в Хельсинки В.К. Деревянский. В переговорах принимал участие и Сталин. Но их ход и исход были predeterminedены, ибо к этому времени советско-финляндский конфликт стал все стремительнее перерастать в открытое вооруженное столкновение.

Советский Союз и Финляндия формально заявили о своем нейтралитете в условиях начавшейся Второй мировой войны. Однако внешнеполитические и стратегические позиции СССР значительно усилились, во-первых, после успешного завершения "освободительного похода" в Западную Белоруссию и Западную Украину, во-вторых, после заключения соглашений с Латвией, Литвой и Эстонией (конец сентября — начало октября 1939 г.), позволивших разместить на территории этих стран контингенты Красной Армии. В Хельсинки прекрасно понимали, что усиление Советского Союза на Балтике нарушило баланс сил в этом регионе в его пользу и перед лицом нового раунда переговоров в Москве надеялись в случае ужесточения советских требований опереться на поддержку Германии. Однако руководство последней считало своё вмешательство "излишним" [22. Док. № 78, 79]. Надежды Финляндии на помощь Ан-

глии и Франции тогда представлялись столь же эфемерными, поскольку западные державы находились в состоянии войны с Гитлером.

В этих условиях Сталин рассчитывал, очевидно, с помощью прямого давления добиться от финляндской делегации территориальных уступок. Он предложил финнам заключить пакт, аналогичный тем, которые Советский Союз подписал до этого с тремя Прибалтийскими республиками. Согласие финляндской стороны означало бы создание военных баз и размещение советских войск в Финляндии, чего так опасались в Хельсинки. Ю.К. Паасикиви имел инструкцию: ввиду объявленного Финляндией нейтралитета отказываться от договора с СССР о взаимопомощи.

Тогда Сталин снял предложение о договоре и выдвинул другие варианты решения проблемы взаимной безопасности. Но финны не согласились на передачу СССР ряда островов в Финском заливе и части полуостровов Рыбачий и Средний в Баренцевом море в обмен на двойную по размерам территорию Советской Карелии. Однозначно отрицательным было их отношение к вопросу об аренде либо продаже полуострова Ханко для строительства там военно-морской базы советского ВМФ [159].

В начале ноября в Москву прибыл министр финансов Финляндии В. Таннер, который вместе с Ю. Паасикиви был включен в состав делегации на дипломатических переговорах с СССР. Одновременно в газете "Правда" появилась статья, из которой следовало, что министр иностранных дел Финляндии Э. Эррко якобы призвал к войне против СССР. На самом деле Эррко в своей речи 1 ноября лишь подчеркнул: "Финляндия не может пойти на предложение Советского Союза и будет защищать любыми средствами свою территорию, свою неприкосновенность и независимость". Данное высказывание было воспроизведено в "Правде". Министра иностранных дел Финляндии многозначительно сравнивали в Москве с его польским коллегой, который якобы совершил ошибку, ориентируясь в политике на западные державы. В упомянутой статье содержалась неприкрытая угроза в адрес самой Финляндии: "Наш ответ (Финляндии — В. Н.) прост и ясен. Мы отбросим к черту (sic! — В. Н.) всякую игру политических картежников и пойдем своей дорогой, несмотря ни на что, ломая все и всякие препятствия на пути" [57]. Подобного рода недвусмысленные формулировки свидетельствовали о том, что в ответ на уже развернувшуюся в Финляндии антисоветскую кампанию в Москве намеревались приступить к адекватным пропагандистским акциям.

3 ноября, когда была опубликована правдинская передовица, В.М. Молотов безапелляционно заявил представителям финской делегации: "Мы, гражданские лица, не достигли никакого прогресса. Сегодня получают слова солдаты" [207. С. 152]. Личный состав пограничного с Финляндией Ленинградского военного округа был

настроен весьма решительно. В донесении политуправления округа сообщалось, что после публикации в “Правде” от 3 ноября среди красноармейцев стало распространяться убеждение: “Мы, если понадобится, продвинем границу от Ленинграда не только на десятки, но и на сотни километров” [224. С. 485].

На завершающей стадии советско-финляндских переговоров в Москве Сталин выступил с собственной, довольно “оригинальной” аргументацией в пользу принятия финнами предложенных им условий. Ссылаясь на свою беседу с Риббентропом 27—28 сентября, большевистский лидер разъяснял: немцы начали войну против Польши, поскольку желали “отодвинуть польскую границу от Берлина”: ведь до её начала “от Познани до Берлина было около 200 километров”. Советская же сторона, подчеркивал Сталин в беседе с Паасикиви и Таннером, просит, “чтобы расстояние от Ленинграда до границы было 70 км”. Далее последовало сталинское замечание: “Ленинград мы отодвинуть не можем, а поэтому должна отодвинуться граница”. Смысл ответа Ю. Паасикиви сводился к тому, что Финляндия не уступит СССР требуемые им территории Ханко и районов Карельского перешейка [205. С. 134-135].

В совокупности с приведенными выше высказываниями В.М. Молотова и антифинляндскими пассажами газеты “Правда” от 3 ноября 1939 г. сталинская риторика прозвучала как неприкрытая угроза Финляндии.

Сталин все более склонялся к выводу, что военный путь — наиболее приемлемый для обеспечения безопасности Ленинграда. 29 октября 1939 г. военный совет ЛВО представил наркому обороны К.Е. Ворошилову “План операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии”. План, в частности, предусматривал следующие действия: “По получении приказа на наступление наши войска одновременно вторгаются на территории Финляндии на всех направлениях с целью растащить группировку сил противника и во взаимодействии с авиацией нанести решительное поражение финской армии” [282. С. 14]. Личный состав Ленинградского военного округа был значительно усилен дополнительными частями.

10 ноября 1939 г. в Политуправлении РККА проходило закрытое совещание Л.З. Мехлиса с писателями, освещавшими “оборонную тематику”. Присутствовавший на совещании В.В. Вишневский зафиксировал в дневнике основное содержание выступления начальника ПУРККА, который, в частности, подчеркивал, что СССР непременно добьется своего в Финляндии “не добром, так кровью”. Части Красной Армии уже стояли на советско-финляндской границе, в готовности, поскольку, как заявил Л.З. Мехлис, нельзя было упускать “исключительный случай на Балтике” [299. С. 9]. Без сомнения, начальник ПУРККА доверительно изложил писателям — “оборонщи-

кам" сталинскую точку зрения на перспективы дальнейшего развития событий.

В это время глава финляндской делегации министр финансов В. Таннер, получивший непосредственную установку от Э. Эррко, ужесточил позицию, и 13 ноября 1939 г. переговоры в Москве между СССР и Финляндией были прерваны. В. Таннер и Ю. Паасикиви вернулись в Хельсинки.

17 ноября Сталин безапелляционно заявил: "Нам придется воевать с Финляндией". В тот же день полпред в Хельсинки В.К. Деревянский в своей докладной записке на имя В.М. Молотова рекомендовал предпринять ряд мер с целью оказания давления на финнов, среди которых — создание обостренно-напряженной обстановки, вплоть до провоцирования инцидентов на границе, начало пропагандистской кампании в советской печати, организация митингов и демонстраций под антифинляндскими лозунгами и, в конечном счете — разрыв пакта о ненападении с Финляндией [159. С. 271].

Эта часть предложений полпреда начала реализоваться уже со второй половины ноября 1939 г. Советские газеты угрожали "финским забиякам", писали о "непобедимости" и "несокрушимости" РККА. По дипломатическим каналам в Москву передавалась информация о росте недовольства резервистов, призванных в финскую армию, о падении в ней дисциплины и появлении признаков "разложения" [8. Док. № 772].

Сразу же после срыва советско-финляндских переговоров К.Е. Ворошилов отдал приказ Военному совету ЛВО завершить сосредоточение войск к 20 ноября и представить план конкретных действий. На другой день соответствующее распоряжение было направлено в войска. СССР нацеливался на наступательные военные операции, а финны — на оборонительные [4. С. 55].

Как и польское руководство, финская сторона не ожидала от СССР решительных действий. Даже за пять дней до их начала ставка финляндской армии в одном из аналитических документов стремилась изобразить дело таким образом, что сосредоточившаяся на границе с Финляндией группировка советских войск не является наступательной [269. С. 51].

Между тем, в ответ на неуступчивость премьер-министра Финляндии А. Каяндера, который 23 ноября публично подтвердил нежелание идти навстречу предложениям СССР, в газете "Правда" 26 ноября была опубликована резкая по содержанию статья, в которой Каяндер был назван "шутком гороховым" [81].

Затем В.М. Молотов принял финского посла А.С. Ирие-Коскинена и вручил ему официальную ноту Советского правительства, из которой следовало: 26 ноября 1939 г., в 15 часов 45 минут финны подвергли артиллерийскому обстрелу воинскую часть Красной Армии,

расположенную в деревне Майнила на Карельском перешейке, в результате чего погибли и получили ранение несколько красноармейцев и командиров. Эти действия были охарактеризованы в ноте как “враждебный акт против СССР, уже приведший к нападению на советские войска и к жертвам” (курсив мой — В. Н.).

В ответной ноте финляндского правительства от 27 ноября не только отрицалась причастность финнов к обстрелу в Майниле, но и содержалось основанное на собственном расследовании утверждение, что роковые артиллерийские выстрелы были произведены “с советской пограничной стороны”. В то же время, в финской ноте за подписью А.С. Ирие-Коскинена со ссылкой на сообщение В.М. Молотова, выражалась уверенность: “правительство СССР не намерено преувеличивать значение пограничного инцидента, якобы имевшего место” [2. Док. № 373, 374].

Однако вряд ли можно сомневаться, что именно эти роковые “выстрелы в Майниле”, вопреки утверждению А.С. Ирие-Коскинена, рассматривались СССР как повод для вооруженного вторжения в Финляндию. Из документов, выявленных в личном фонде А.А. Жданова, следует: “инцидент в Майниле” советская сторона намечала использовать для демонстрации всеобщего возмущения против “белофиннов”, распространения 30000 пропагандистских листовок, выступления главы Советского правительства с перечислением “агрессивных действий” финляндской стороны и, наконец, обнародования так называемого “Обращения ЦК финской Компартии к трудящемуся народу Финляндии”. Вся эта цепь событий действительно имела место с 26 ноября по 1 декабря 1939 г. [283. С. 57].

Судя по воспоминаниям Н.С. Хрущева, именно артиллерия Красной Армии со сталинской “подачи” вела обстрел сопредельной финляндской территории. Для “практической организации” этого обстрела был направлен заместитель наркома обороны Г.И. Кулик. Хрущев во всех подробностях заранее знал о запланированном нападении на Финляндию от самого Сталина [327. С. 280-281], с 22 по 25 ноября ежедневно посещая в числе других сталинских “соратников” кремлевский кабинет “вождя” [33. С. 59].

Помимо уже введенных в научный оборот источников имеется и ещё одно (правда, косвенное) свидетельство того, что весь инцидент с артиллерийским обстрелом был заранее задуман сталинским руководством. Речь идет о содержании опубликованной в 22-ом номере за 1939 г. печатного органа Политуправления Красной Армии журнала “Пропагандист и агитатор РККА” заметки под заголовком “Финляндия (краткая справка)”, которая включена в раздел “Консультация”. Судя по выходным данным, этот номер был сдан в производство 11—22 ноября 1939 г., т.е. ещё до “Майнильского инцидента”. Название “Майнила” в нем не упоминалось вообще. Данное обстоятельство

представляется очень важным, ибо в заметке встречаются следующие пассажи: “Советский народ достойным образом *ответит на провокационные выстрелы* зарвавшихся и потерявших разум финляндских правителей. Финляндская буржуазия и те круги, по указке которых строятся *провокации финской армии на нашей границе*, будут долго помнить ответ советского правительства...” (курсив мой — В. Н.) [79. С. 86-87].

Но о “провокационных выстрелах”, “гнусной вылазке” финской стороны на границе советские официальные лица заговорили лишь 26—28 ноября [2. Док. № 374, 375]. Следовательно, автор упомянутой “краткой справки” (подписавшийся лишь инициалами “Ф.Л.”) по крайней мере за три дня до инцидента в Майниле знал, что во главу угла в антифинляндских пропагандистских материалах будут положены обвинения в адрес финнов, якобы несущих ответственность за обстрел советской территории.

В целом его заметка была выдержана в вызывающе-грубой форме. В частности, указывалось на факт получения Финляндией независимости от Советского правительства, за что страна должна была быть благодарной “своему великому соседу”, но “этого не случилось”. Автор “краткой справки” счел уместным напомнить и о том, что Ленин называл правительство Финляндии во главе с П.Э. Свинхувудом “свиноголовым”, поскольку оно не проявляло особой лояльности к большевикам. Говорилось также о сосредоточении 7-ми финских дивизий на Карельском перешейке, в 32-х км от Ленинграда и делался однозначный вывод: “Печать и руководители правительства [Финляндии] разжигают бешеную антисоветскую пропаганду. Они *прямо угрожают войной* (курсив мой — В. Н.) Советскому Союзу”.

В заметке перечислены (явно на основании донесений советских дипломатических представителей из Хельсинки) негативные последствия военных мероприятий “финляндских заправил”, которые якобы привели к обнищанию трудящихся и голоду. По этому поводу автор многозначительно восклицал: “Не мешало бы финляндским “свиноголовым”... вспомнить о непрочности своего тыла. Не пора ли *заткнуть рот этим зарвавшимся “воjakам!”* (курсив мой — В. Н.). Далее цитировался вышеприведенный пассаж из газеты “Правда” о “нашем ответе” финнам.

Заканчивалась “краткая справка” весьма характерным пассажем: “Советский народ не поддастся на провокации хозяев финляндской буржуазии, но он также не оставит без расплаты гнусную вылазку шутов гороховых (явный намек на премьер-министра Финляндии А. Каяндера — В. Н.) из потомства “свиноголовых” [79. С. 87].

В том же номере журнала “Пропагандист и агитатор РККА”, в разделе “Консультация” была помещена статья, посвященная принципу мирного сосуществования СССР с капиталистическим окружением.

Её автор, в частности, предостерегал “поджигателей войны”, что СССР способен не только обороняться. “Мы уничтожим любого врага на его же собственной территории”, — заявлял он [73. С. 35]. В условиях все разраставшегося конфликта между Советским Союзом и Финляндией подобного рода высказывания, опубликованные в печатном органе ПУРККА, звучали весьма зловеще.

В оставшиеся дни между “инцидентом в Майниле” и вторжением Красной Армии на финскую территорию были организованы массовые собрания и митинги рабочих, служащих, личного состава воинских частей под антифинляндскими лозунгами, которые лишь способствовали обострению конфликта с Финляндией [159. С. 283]. 28 ноября Советское правительство официально уведомило финскую сторону о денонсации договора о ненападении, заключенного в 1932 г. На другой день заместитель наркома иностранных дел В.П. Потемкин вручил А.С. Ирие-Коскинену ноту с уведомлением об отзыве советских политических и хозяйственных представителей из Финляндии в связи с невозможностью “поддерживать нормальные отношения” с этой страной.

29 ноября В.М. Молотов выступил по радио с обращением к гражданам и гражданкам Советского Союза. Из радиообращения следовало, что финское правительство проводило враждебную СССР политику, а именно: организовало “возмутительные провокации финляндской военщины, вплоть до артиллерийского обстрела наших воинских частей”, его действия якобы отличались “неприкрытым стремлением и впредь держать Ленинград под непосредственной угрозой”. По этой причине, как подчеркнул В.М. Молотов, Советское правительство пришло к выводу, что “больше оно не может поддерживать нормальных отношений с правительством Финляндии”, отозвав своих политических и хозяйственных представителей, а также дало распоряжение Красной Армии и Военно-Морскому Флоту “быть готовым ко всяким неожиданностям и немедленно пресекать возможные новые вылазки со стороны финляндской военщины” [2. Док. № 374, 376, 377].

30 ноября 1939 г. 8 часов утра войска Ленинградского военного округа перешли границу с Финляндией. В тот же день президент страны К. Каллио на заседании Государственного совета объявил, что республика находится в состоянии войны [28. Док. № 2].

Согласно вышеупомянутому “Плану операции по разгрому сухопутных и морских сил финской армии” она должна была иметь продолжительность немногим более двух недель [282. С. 14]. Заместитель наркома обороны Г.И. Кулик отдал приказание вести расчеты, касавшиеся действий артиллерии, с учетом 12-ти дневной операции [114. С. 136].

Вряд ли можно сомневаться, что Сталин, особенно после инцидента в Майниле, нацеливался на мирный исход кризиса. Думается,

всмерное раздувание этого инцидента советской пропагандой, сосредоточение для нападения на Финляндию четырех армий (7-й, 8-й, 9-ой и 14-ой) в составе 18 стрелковых дивизий и 5 танковых бригад говорят сами за себя.

В сталинском окружении в преддверии “Зимней войны” царили шапкозакидательские настроения. Примечательно, что на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), состоявшемся 27 ноября 1939 г., выяснилось, что руководство наркомата обороны имеет весьма смутное представление о характере укреплений, пересекавших Карельский перешеек — “линии Маннергейма”, а члены Политбюро впервые слышали о наличии у личного состава финляндской армии автоматического стрелкового оружия... [137. С. 36-37].

“Шапкозакидательские” настроения присутствовали и среди командного состава. Некоторые командиры и политработники не желали и слышать о необходимости внимательно изучать потенциального противника, избегать условностей в боевой подготовке. При этом они ссылались на... “указания высших инстанций” [114. С. 135].

Сталин, его “соратники”, а вслед за ними и командный состав, вероятно, имели все основания для оптимизма, начиная войну против Финляндии. Части Красной Армии, пересекшие советско-финляндскую границу 30 ноября 1939 г., явно превосходили противника в живой силе и технике. Они насчитывали 240 тыс. чел., свыше 1900 орудий, свыше 1000 танков, около 1000 самолетов (по другим данным: 450 тыс. чел., свыше 1500 орудий, около 1500 танков и около 2500 самолетов). Им противостояла группировка финских войск численностью 140 тыс. чел., имевшая 400 орудий, 60 танков и 270 боевых самолетов [207. С. 160; 287. С. 60].

В сентябре 1939 г., начиная “освободительный поход” в Польшу, большевистское руководство умело использовало реальный факт оставления польским правительством своей столицы и перехода его на румынскую территорию. Этот факт, как уже указывалось, был взят на вооружение в советской пропаганде для обличения “незадачливых руководителей” и обоснования антипольской акции, проводившейся с привлечением крупных контингентов Красной Армии. Замышляя финскую кампанию, в Москве намеревались использовать подобного рода неблагоприятный предлог с целью бросить тень теперь уже на правительство Финляндии.

В.М. Молотов, принимая 4 декабря 1939 г. в Москве шведского посланника В. Винтера, безапелляционно заявил, что советская сторона не признает правительства, “покинувшего г. Хельсинки и направившегося в неизвестном направлении”. В то же время глава советского внешнеполитического ведомства напомнил о подписании договора о дружбе и взаимопомощи между СССР и Народным Правительством Финляндской Демократической Республики (НПФДР), назвав его

“надежной основой развития мирных и благоприятных отношений между СССР и Финляндией” [2. Док. № 381].

Так называемая “Финляндская Демократическая Республика”, согласно официальной советской версии, была создана 1 декабря 1939 г. в местечке Терийоки, только что занятом частями Красной Армии. Этому якобы предшествовало “Обращение ЦК Компартии Финляндии” от 30 ноября, адресованное “трудовому народу” страны, в котором анализировались причины, приведшие к возникновению советско-финляндского вооруженного конфликта, а также содержался призыв к созданию правительства левых сил [162. С. 8-20].

Однако данная версия не выдерживает никакой критики. Вызывает сомнение, что текст вышеупомянутого “Обращения...” и “Декларации Народного Правительства Финляндии” был получен с помощью “радиоперехвата”, как это утверждалось в советской прессе 1—2 декабря 1939 г. Проекты обоих документов, а также так называемого “Договора о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой”, якобы заключенного 2 декабря 1939 г. в Москве, были составлены на русском языке (а не переведены с финского) и правлены рукой В.М. Молотова [157. С. 273; 260. С. 38].

Имеются и другие факты, свидетельствующие о том, что “Обращение...” и “Декларация” являлись своеобразными “домашними заготовками” сталинского руководства на начальном этапе вооруженного вторжения в Финляндию. 28 ноября 1939 г. О. Куусинен доверительно сообщил резиденту советской разведки, что в Москве в ближайшее время будет объявлено о признании его (Куусинена) правительства, а “через 2—3 дня последует сообщение о подписании с правительством Демократической Республики Финляндии... договора о сотрудничестве и взаимопомощи” [137. С. 41]. Как известно, дальнейшие события развивались именно по этому сценарию.

В личном архивном фонде А.А. Жданова отложились тексты (также на русском языке) “Декларации Народного Правительства Финляндии”, а также проекта сообщения ТАСС от 1 декабря 1939 г. о создании этого марионеточного “правительства” с собственноручными ждановскими пометками. Именно Жданов начертил слова “Радиоперехват. Перевод с финского”, которые появились в заголовке “Декларации...”. Он же вписал фамилии членов “правительства Финляндской Демократической республики”, перечисленных в этом документе [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 888. Л. 1-9].

Что касается текста “Обращения ЦК компартии Финляндии”, то он изобиловал пропагандистскими штампами явно нефинляндского происхождения. Так, в документе говорилось: “Больше чем в течение 21 года наша страна (sic — В. Н.) была, подобно *панской Польше* (курсив мой — В. Н.), гнездом антисоветских интриг...”. Совершенно

ясно, что несомненный приоритет в изобретении бессмысленного термина “панская Польша” (“пан” — вежливое обращение к лицам мужского пола в Польше) принадлежит сталинской пропаганде.

В вышеупомянутом “Обращении...” утверждалось, что правительство Финляндии (не путать с “Народным Правительством Финляндии!”) не может защищать дело мира, ибо оно является правительством *поджигателей войны*” (курсив мой — В. Н.). Между тем, хорошо известно, что выражение “поджигатели войны” — одно из наиболее распространенных в советской (да и в нацистской) пропаганде конца 30-х гг.

В “Обращении...” и в “Декларации...” встречается утверждение: Красная Армия якобы придет в Финляндию не как завоеватель, а как освободитель финского народа, не как враг, а как друг этого народа [162. С. 9, 10, 13, 17]. Но стереотипная формулировка “мы идем не как завоеватели, а как освободители”, адресованная к личному составу частей РККА, как отмечалось, уже использовалась в период антипольской сентябрьской акции. Она же встречается в приказе войскам Ленинградского военного округа, изданном до начала войны против Финляндии [159. С. 270; 260. С. 39].

В “Декларации...” зафиксировано следующее утверждение: “Для участия в совместной борьбе рука об руку с героической Красной Армией СССР народное правительство Финляндии уже сформировало первый **финский корпус** (здесь и далее выделено в тексте документа — В. Н.), который в ходе предстоящих боев будет пополняться добровольцами из революционных рабочих и крестьян и должен стать крепким ядром будущей **народной армии Финляндии**” [162. С. 18]. Между тем, хорошо известно, что формирование “финского корпуса” началось ещё 11 ноября 1939 г. на советской территории [159. С. 275]. Спустя две недели его численность достигла 13405 чел., а к февралю 1940 г. — 25 тыс. чел [260. С. 39; 287. С. 61]. В “Декларации...” недвусмысленно подчеркивалось: “Первому финскому корпусу предоставляется честь принести в столицу знамя(Хельсинки — В. Н.) Финляндской демократической республики и водрузить его на крыше президентского дворца, на радость трудящимся и страх врагам народа” [162. С. 18]. В приведенном пассаже зловещий термин “враги народа” явно вызывает “московское” авторства всего документа.

Что касается вышеупомянутого воинского формирования, то оно так и не участвовало в боях. Отношение красноармейцев к бойцам “финского корпуса” (“Финской народной армии”) было негативным. Входивших в его состав карелов и ингерманландцев они считали “тыловыми крысами” и чуть ли не шпионами [332. С. 172].

Все вышеизложенные факты и наблюдения дают основание предположить, что “Обращение ЦК компартии Финляндии”, адресованное “трудовому народу” страны, и “Декларация Народного

Правительства Финляндии” (равно как и “Договор о взаимопомощи и дружбе между Советским Союзом и Финляндской Демократической Республикой”, датированный 2 декабря 1939 г.) являлись чисто пропагандистскими документами, составленными в Москве под диктовку В.М. Молотова и А.А. Жданова не без сталинского участия, и не имели никакой юридической силы. Именно так и воспринимались они здравомыслящими современниками событий. Например, А.Г. Маньков записал в дневнике 3 декабря 1939 г.: “Конечно, договор этот (с НПФДР — В. Н.) не имеет юридического и фактического значения, ибо то правительство — ещё не правительство. Оно станет таковым, когда его посадят по меньшей мере в Хельсинки. Но этот договор имеет колоссальное агитационное значение, ибо нужно показать финской армии, что проливать кровь в сущности не за что” [101. С. 181].

“Советская природа” пропагандистской подготовки “Зимней войны” не внушала доверия. Противопоставление “народного правительства” законному, названному “плутократическим” правительству социал-демократов и центристов само по себе казалось финнам невероятным. Соглашение от 2 декабря 1939 г. предусматривало пересмотр границ. В нем, а также в “Обращении...” и “Декларации...” говорилось, что “вековая мечта” финского и карельского народов о воссоединении “в едином независимом финляндском государстве” имеет возможность воплотиться в жизнь [162. С. 12, 18, 21]. Для большинства финнов это означало присоединение Финляндии к советской Восточной Карелии, где, как было известно, царили репрессии. Признание СССР исключительно “правительства” Куусинена, утверждения советской пропаганды о “белогвардейском терроре” в самой Финляндии, противоречившие действительности, ставили финнов перед выбором: бороться либо подчиниться новому режиму, который имел советскую природу. Подавляющее большинство финского населения выбрало первый путь [246. С. 76].

В СССР подобного рода пропагандистские материалы первоначально понимались иначе, оказывая своё воздействие даже на тех представителей советской интеллектуальной элиты, которые были привычны к глубокому анализу событий. Уже 2 декабря 1939 г. (на третий день советско-финляндской войны) в дневнике В.И. Вернадского появилась характерная запись: “Огромное впечатление от Финляндских дел. В сущности, сейчас народные массы решают”. 12 декабря ученый отмечал: “...сейчас я ярко чувствую, что... у нас масса... сознательно (подчеркнуто Вернадским — В. Н.) за активную политику Сталина в Финляндии и в Польше” [96. С. 36, 39].

Однако финский народ, имевший широкую поддержку со стороны общественного мнения на Западе, в первую очередь — в США и Великобритании, был намерен до конца бороться за свою независимость. Кроме того, западные державы предоставили Финляндии зна-

чительную помощь вооружением и боевой техникой, на театре военных действий появились добровольцы из ряда стран, сражавшиеся против Красной Армии.

В период советско-финляндской войны, когда потерпела крах установка на возможность достижения легкой победы “малой кровью на чужой территории”, морально-политическое состояние личного состава Красной Армии подверглось колебаниям. Среди красноармейцев и командиров, несмотря на угрозу наказания в судебном порядке по законам военного времени, были распространены разговоры о несправедливом характере действий СССР в отношении Финляндии, о нежелании народа и армии воевать против нее [222. С. 82]. Различными инстанциями отмечались многочисленные случаи невыполнения приказов, самовольного ухода с передовой [319. С. 50]. Именно в тот период, несмотря на официальные, весьма оптимистические пропагандистские установки в сознании красноармейцев и командиров стала возникать “стихийные мифы”, к числу которых относятся слухи о так называемых “кукушках” (финляндских снайперах), “многоэтажных”, “покрытых резиной” дотах на линии Маннергейма, от которых “отскакивали артиллерийские снаряды” и т. д. и т. п. [114. С. 146-147; 332].

4 января 1940 г., когда стали приходиться первые известия о неудачных действиях Красной Армии против финских войск и её больших потерях, В.И. Вернадский записал в дневнике: “Очевидно, допущена крупная ошибка: плохая разведка. Зарвались” [97. С. 174]. Действительно, представители разведки Ленинградского военного округа были настроены таким образом, что “с первых же дней войны белофинны побегут, в их тылу будет хаос”. Поэтому они, в частности, считали вполне достаточным дать своим агентам простое задание: “с помощью радио сообщать о путях отступления финской армии” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 293. Л. 88].

Позднее, в мае 1940 г. руководство наркомата обороны было вынуждено признать, что настоящей “политической разведки” среди населения в районах, где приходилось действовать частям Красной Армии, не велось. Оно попросту не знало, “с какими лозунгами идти к этому населению и вести работу среди него”. В целом, столкновение с действительностью нередко “ошарашивало” бойцов и командиров, знавших население зарубежных стран по “трафаретным лозунгам и упрощённой пропаганде” [207. С. 197; 257].

Наносили свой вред и “шапкозакидательские” настроения предшествовавшего времени, а также “победный” настрой политического и военного руководства. В начале декабря 1939 г. некоторые из писателей, направленных на финский фронт в качестве военкором, желали друг другу “свидания через три дня в Гельсинфорсе” (Хельсинки). В начале финской кампании бытовало представление,

что “достаточно Красной Армии дунуть, как весь мир капитализма рассыпется подобно миру”.

Позднее поэт А.А. Сурков приводил свой разговор с капитаном лыжного батальона, который понес большие потери в боях с финнами. На прямой вопрос Суркова, обращенный к командиру батальона, кто виноват в “этом страшном конфузе”, т. е. разгроме его подразделения, последний ответил: “Во-первых,... виноват я, во-вторых, командование, в-третьих — больше всего кинокартины “Истребители” и “Горячие денечки” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 4, 40]. В названных кинокартинах, созданных соответственно в 1939 и 1935 гг., военная служба изображалась как легковесное времяпрепровождение.

Л.З. Мехлис подчеркивал после окончания войны с Финляндией, что в ходе нее выявилась истина: без военных знаний комиссары и политработники не могли быть “полноценными руководителями” [9. С. 194]. Живая картинка, дающая наглядное представление об уровне пропагандистской работы среди личного состава Красной Армии в начальный период финляндской кампании, представлена в воспоминаниях одного из её участников, разведчика 17-го отдельного лыжного батальона. Это подразделение, находясь ещё на границе с Финляндией, во время краткой передышки перед походом получило “патриотическую зарядку со стороны подвернувшегося (sic! — В. Н.) малограмотного политрука”. Разъяснения последнего сводились к следующему: “Наши самолеты бомблят и бомблят, а финны убегают” [143. С. 65].

Война с Финляндией 1939—1940 гг. нашла отражение в советском кинематографе. Фронтовыми операторами был снят материал для хроникально-документального фильма “Линия Маннергейма”. В.В. Вишневский 30 апреля 1940 г. таким образом излагал в дневнике свои впечатления от просмотра этой картины: “Вчера смотрел “Линию Маннергейма”. Ни одного аплодисмента. Зрители молча, испытующе смотрят на тяжести войны. Натурализм документа предельный... Витает смерть и разрушение... А вырезано все, что только можно: нет подл[инных] смертей, раненых, нет обмороженных, нет трагизма...” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 46].

Режиссер В.В. Эйсымонт работал над художественным фильмом “Фронтовые подруги”, который должен был показать “героическую работу советских девушек-медсестер в период борьбы с белофиннами” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 71. Л. 110]. Впоследствии, уже в годы Великой Отечественной войны картина шла под другим названием (“Девушки из Ленинграда”). Однако руководство ВОКС’а посчитало нецелесообразным популяризировать её в Англии и США, ставших союзниками СССР, лишь потому, что лента была снята во время советско-финляндского вооруженного конфликта, когда симпатии общественного мнения этих стран были на стороне финнов [300. С. 221].

По словам Р. Орловой, в период кампании 1939—1940 гг. была произведена “простейшая филологическая операция”: финны стали называться “белофиннами”. Эта метаморфоза способствовала упрощению понятий и как бы расставляла все на свои места: “захватническая война превращалась в другую”. К тому же, опять “отодвинулась граница” [127. С. 235-236].

Подводя итоги войны с Финляндией в апреле 1940 г., Сталин заметил: “Финнов победить — не Бог весть какая задача” [92.]. Между тем, решение её дорого обошлось СССР: по разным данным от 54 тыс. до более 72 тыс. убитых, от 164 до 190 тыс. раненых, от 10 до 13 тыс. обмороженных, до 17,5 тыс. пропавших без вести [19. С.7; 358. С. 99; 207. С. 167]. На ведение “Зимней войны” было затрачено более 7,5 млрд. руб. [207. С. 167-168]. Для сравнения, бюджетные расходы на народное хозяйство СССР по официальным данным в 1940 г. составили лишь 5,8 млрд. руб. [360. С. 481].

Что касается Финляндии, то в мае 1941 г. М.И. Калинин откровенно сокрушался, выступая закрытой аудитории, что не удалось “присоединить” её к СССР [176. С. 138]. Позднее, в конце июня 1941 г. в окружной газете Ленинградского военного округа недвусмысленно подчеркивалось, что подписание советско-финляндского договора 13 марта 1940 г. — “первый пример в истории, когда армия — победительница (РККА — В. Н.) остановилась в своем стремительном наступательном марше, снисходя к мольбам потерпевшего поражение противника” [53.].

3. Под ФЛАГОМ “ОСВОБОЖДЕНИЯ” И “РАСШИРЕНИЯ ФРОНТА СОЦИАЛИЗМА”

Пропагандистское обеспечение боевых действий Красной Армии против сопредельных стран, ограничились ли они лишь стадией подготовки (Литва, Латвия, Эстония), воплотились ли в форме бескровного похода на заранее оговоренные территории (Бессарабия, Северная Буковина), вылились ли в настоящие наступательные войны (Польша, Финляндия) — во всех случаях опиралось на основополагающий лозунг “освобождения”. Этот лозунг, как уже отмечалось, был взят на вооружение накануне, в период проведения и после окончания антипольской акции Красной Армии. Провозглашенный на XVIII съезде ВКП(б) Л.З. Мехлисом, в выступлении В.М. Молотова по радио 17 сентября 1939 г. он принял более конкретную форму. Радостная встреча красноармейцев и командиров “единокровными братьями” в Западной Украине и Западной Белоруссии, красочно описанная в репортажах с места событий и в восторженных пропагандистских статьях, подавалась как подтверждение справедливости “освободительной” миссии Красной Армии.

В 1940 г. “лозунг освобождения” не раз фигурировал в официальных выступлениях и докладах большевистских лидеров. После присоединения к СССР Прибалтийских стран, Бессарабии и Северной Буковины на собрании партийного актива Москвы и Московской области 12—13 августа 1940 г. А.С. Щербаков заявил: “С радостью принял советский народ в свою братскую семью новые союзные республики — Литовскую, Латвийскую и Эстонскую. Уже один тот факт, что 10 млн. рабочих и крестьян навсегда освобождены из-под власти румынских бояр, прибалтийских помещиков и капиталистов и вместе с нами теперь будут строить социализм — достаточно убедительное свидетельство замечательных побед сталинской внешней политики Советского Союза” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1810. Л. 5].

В речи на совещании в ЦК ВКП(б) 9 сентября 1940 г. по поводу фильма “Закон жизни” уже сам Сталин уверял: “Мы расширяем фронт социалистического строительства, это благоприятно для человечества, ведь счастливыми себя считают литовцы, западные белорусы, бессарабцы, которых мы избавили от гнета помещиков, капиталистов, полицейских и всякой другой сволочи” [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 907. Л. 79].

Подобного рода идеологические установки, естественно, воспринимались пропагандистскими органами как подлежащие неукоснительному подтверждению. Для решения этой задачи мобилизовались все имевшиеся средства и методы воздействия на массовое сознание.

День начала “освободительного похода” в Польшу подавался пропагандой как преддверие “величественного эпоса”, в котором должна была выразиться вся современная история, “весь смысл передовых идей человечества” [127. С. 234]. Под влиянием официальной пропаганды красноармейцы — участники этого похода давали ему эмоционально окрашенную оценку. “В этом году и мне пришлось идти в рядах непобедимой славной Красной Армией вызволять от гнета помещиков наших братьев Украинцев и Белорусов”, — сообщал один из них родным и близким 25 ноября 1939 г. [181. С. 356].

Даже временно мобилизованные в сентябре 1939 г., но не участвовавшие непосредственно в антипольском походе, получили по возвращении домой прозвище “освободители” [101. С. 181].

“Эпос освобождения” были призваны воспевать известные писатели [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 13. Л. 69].

“Освободительный поход” пыталась запечатлеть на киноплёнке группа операторов и режиссеров. Итоги работы этой группы обсуждались 10 ноября 1939 г. на совещании в Комитете по делам кинематографии при СНК СССР. Выступавшие на совещании режиссеры и операторы сформулировали своё понимание “политической установки” и задач, стоявших перед ними как перед участниками сентябрьского похода: “Красная Армия — освободительница своих бра-

тьев" (украинцев и белорусов) [РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 440. Л. 77]. Хотя в целом работа этой бригады была оценена неудовлетворительно, сама идея отразить средствами кинематографа эпос "освобождения" Западной Украины и Западной Белоруссии была использована и в дальнейшем. Комитет по делам кинематографии при СНК СССР приступил к съемке ряда картин по данной тематике. Так, в фильме М.Н. Ромма "Мечта" грезы главной героини о человеческом счастье (в полном соответствии с "социальным заказом", определенным сотрудниками Управления пропаганды и агитации), "осуществились только после исторических сентябрьских дней 1939 г., когда победоносная Красная Армия освободила трудящихся западных областей Белоруссии и Украины от панского гнета". Аналогичную тему должна была раскрыть лента режиссера С.Ф. Навроцкого "Жатва" [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 71. Л. 113, 117].

Участники "освободительного похода" 1939 г. хорошо усвоили очевидную истину: советское руководство было намерено и в дальнейшем при проведении внешнеполитических акций опираться главным образом на силу Красной Армии. Один из красноармейцев писал на родину из Западной Украины в ноябре 1939 г., что его однополчане внимательно следят за международной обстановкой и "всегда готовы по зову правительства выступить на защиту своих священных границ, а также для освобождения трудящихся любого государства, которые хотят мирной жизни". Сакраментальное выражение: "по приказу партии и правительства" делало излишними всяческие другие обоснования внешнеполитических акций руководства СССР. Лозунг "освобождения" не только определял "идеологию войны", но и фактически способствовал становлению "освободителя" как особой профессии [181. С. 172-173, 332]. 25 октября 1939 г. английский посол в Москве У. Сидс отмечал, что, начав процесс советизации на землях Западной Украины и Западной Белоруссии, где проживали "русские побратимы", большевистское руководство в целях оправдания своих дальнейших действий по территориальному расширению СССР "сможет в любой момент отказаться от защиты преследуемых братьев и перейдет к защите угнетенных жертв капитализма вне зависимости от их национальности". Британский дипломат в этой связи задавался закономерным вопросом: "...какие ещё *нерусские пролетарии* (курсив мой — В. Н.) Восточной или Юго-Восточной Европы окажутся в списке на спасение?" [364. С. 75].

Осенью 1939 г., употребляя терминологию У. Сидса, в сталинском "списке на спасение" оказались "нерусские пролетарии" Финляндии. Накануне "Зимней войны" советская пропаганда стремилась создать впечатление, что "финские трудящиеся" готовы чуть ли не с цветами и красными флагами встретить Красную Армию — "освободительницу" [235. С. 29; 268. С. 48]. Источником подобного

рода настроений были, в частности, оптимистические сообщения Б.Н. Рыбкина (Ярцева) из Хельсинки. Их суть сводилась к следующему: в случае начала войны против Финляндии финны сдадутся так же быстро, как и поляки, а финский рабочий класс поддержит Красную Армию. Эти сообщения, как оказалось впоследствии, не соответствовали истине, однако имели целью стимулировать сталинский оптимизм в преддверии советско-финляндской войны [228. С. 266-267].

“Лозунг освобождения” активно внедрялся в общественное сознание, что порой сказывалось самым неожиданным образом. В своем письме на имя секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Андреева (оно относится к периоду “Зимней войны”) трое демобилизованных в 1938 г. военнослужащих Красной Армии подчеркивали, что они намереваются вернуться в ряды РККА, поскольку переживают “явный стыд и угнетение”, оказавшись “в стороне от величайших исторических событий, переживаемых страной (СССР — В. Н.) в связи с той миссией, которую выполняла наша Красная Армия по освобождению Западной Украины и Западной Белоруссии и выполняет сейчас по освобождению финского народа от капиталистического рабства” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 64. Л. 117-118].

Но провозгласить лозунг “освобождения”, естественно, было гораздо труднее, чем доказать на практике его действенность, а главное — убедить людей как в самом Советском Союзе (в первую очередь, на вновь “освобожденных” Красной Армией землях), так и за пределами СССР в справедливости внешнеполитических акций Сталина. С первых же шагов по воплощению в жизнь установок об “освободительном” характере подобного рода акций большевистская пропаганда столкнулась с целым рядом трудностей субъективного и объективного характера.

Так, не смогли выполнить свою “политическую задачу” кинохроникеры, направленные в сентябре 1939 г. в Западную Украину и Западную Белоруссию. Председатель Комитета по делам кинематографии И.Г. Большаков признавал, что его ведомство заранее выделило для съемок “освободительного похода” группу режиссеров и операторов численностью в 18 человек, причем все кандидатуры были одобрены Л.З. Мехлисом. Из них 5 человек должны были быть вызваны начальником ПУРККА в первую очередь, “как только события начнутся”, т.е. находились в полной готовности. Но Л.З. Мехлис выехал в войска до 17 сентября, а подготовленная заранее пятерка кинохроникеров, из которых трое направились в Западную Украину, а двое — в Западную Белоруссию (позднее в эти районы было дополнительно послано ещё около 30 операторов и режиссеров), не смогла сразу влиться в состав действующих частей Красной Армии, поскольку встретилась с трудностями в оформлении соответствующих документов и т. д.

Не случайно поэтому, что оператор, находившийся в составе 6-го кавалерийского корпуса (Белорусский фронт), прибыл к месту назначения в момент, когда двигавшиеся с запада германские войска и шедшие с востока части Красной Армии уже входили в соприкосновение на заранее определенной демаркационной линии. По его словам, “все было кончено”, стычек с поляками со стороны кавалерийского корпуса не предвиделось, поскольку шедшие впереди и разделенные 20-ти километровой зоной от РККА подразделения вермахта “освобождали” бывшие польские территории, а красноармейцы их “занимали”.

Участники ноябрьского 1939 г. совещания в Комитете по делам кинематографии подчеркивали, что в докладе В.М. Молотова по случаю годовщины Октябрьской революции как о большой победе говорилось об освобождении “наших братьев украинцев и белорусов от польского ига”, и поэтому следовало показать хотя бы один фильм, хотя бы один выпуск кинохроники на эту тему, чего, однако, не удалось сделать [РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 422. Л. 59; Д. 440. Л. 59 об, 77, 105]. В Москве распространилась весть, что все расходы на киносъёмку в “оккупированной области”, т.е. в Западной Украине и Западной Белоруссии были “истрачены напрасно” [96. С. 27]. Позднее Е.А. Долматовский прямо заявил, что во время антипольского похода Красной Армии сопровождавшие её “киноработники осрамились” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 48].

В сентябре 1939 г. немцы остановились на демаркационной линии, оговоренной в Москве, а в Восточных Кресах остались бойцы и командиры Красной Армии, выступавшие в роли “освободителей”. К своему изумлению, они столкнулись с небывалым по их меркам изобилием продуктов и товаров широкого потребления, в то время как в СССР население испытывало тогда кризис снабжения самым необходимым [14. ;311.]. Это привело к распространению мародерства и, как тогда выражались, “барахольства”. Политорганы частей Красной Армии, находившихся в Западной Украине и в Западной Белоруссии, пытались внедрить в сознание бойцов и командиров понимание того, что мародерство и “барахольство” являются уголовно наказуемыми преступлениями и пресечь их дальнейшее распространение.

Л.З. Мехлис предписывал: “Провести серьезную борьбу с случаями барахольства и мародерства” [26. С. 18, 31, 34]. Начальник ПУРККА особо подчеркивал необходимость не допускать “бесцельных шатаний военнослужащих по магазинам” и покупок в таких размерах, когда создавалось впечатление, что военнослужащий “собирается торговать и что у нас в СССР *ничего нельзя купить*” (курсив мой — В. Н.) [26. С. 20; 27. Док. № 164].

Вопреки официальному заявлению главы Советского правительства, что Красная Армия должна “взять под защиту” имущество

“населения Западной Украины и Западной Белоруссии”, прозвучавшему 17 сентября 1939 г. [22. С. 106], она вольно или невольно выступала в роли захватчика этого имущества.

Местное население в “освобожденных районах” неоднократно выражало протест против действий советских властей. По образному выражению одного западно-белорусского крестьянина, большинство простых людей было “освобождено” “от хлеба, соли и обуви”, а, кроме того, “в три раза больше податей стали накладывать” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 1. Л. 114]. Сельский учитель, проживавший в Вилейском районе Западной Белоруссии, прямо заявлял: “Все говорят и в газетах пишут, что РККА освободила Белорусский народ, а кто просил её и какая потребность в этом была: Красная Армия освободила народ Западной Белоруссии и Западной Украины не от нищеты и бесправия, а от хорошей жизни” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 6. Л. 6].

Аналогичные суждения были в 1940 г. характерны для многих жителей “освобожденных” западных земель, причем отнюдь не все они принадлежали к зажиточным слоям [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 1. Л. 128, 129, 134, 135; Д. 5. Л. 55].

На пленуме Львовского обкома ЦК КП (б) Украины в октябре 1940 г. подверглись критике пропагандисты и агитаторы из только что присоединенных к СССР западных областей, которые заявляли, что там “всего полно, полки аж ломаются, трещат от товаров”. Один из выступавших следующим образом обрисовал задачи пропаганды в условиях наступившего дефицита: “Требуется разъяснять, что, действительно, у нас гораздо меньше разных побрякушек (sic — В. Н.), нежели было у Шляхетской Польши, зато у нас есть самолеты, есть танки, есть армия и мы мирно живем” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 3272. Л. 267].

Подобного рода “разъяснения”, естественно, не могли удовлетворить жителей западных районов. Некоторые из них с ностальгией вспоминали, что находившиеся небольшое время в 1939 г. на этих территориях немцы давали “хлеб”, а “пришли советы, отняли последнее” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 1. Л. 114].

14 декабря 1940 г. заведующий Организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) с тревогой сообщал секретарям ЦК А.А. Андрееву, А.А. Жданову и Г.М. Маленкову, что в ряде населенных пунктов Западной Белоруссии накануне выборов в местные советы депутатов трудящихся широко распространился слух: якобы эти выборы примут форму своеобразного референдума по вопросу, оставаться ли в составе СССР или перейти в подданство Германии? [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 1. Л. 132-135; Д. 5. Л. 10, 29]. Подобного рода слухи начали распространяться осенью 1940 г. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 2. Л. 90, 91, 114, 130]. Наиболее активными их проводниками являлись люди, не включенные “в список на освобожде-

ние”, а именно — поляки. “Антипольская истерия” советской пропаганды приводила к тому, что так называемые “нацменьшинства” бывшей Речи Посполитой (украинцы, белорусы, евреи) стали все активнее проявлять открытую враждебность в отношении “коренной нации”. Не помогали разъяснения и обращения политорганов РККА, в которых, в частности, утверждалось, что “трудящийся еврей — равный брат трудящемуся украинцу, трудящемуся поляку” [26. С. 151]. Жертвами сталинского террора в Западной Украине и в Западной Белоруссии становились в большей степени поляки. Из общего числа депортированных из этих районов людей более 1/3 составляли именно поляки [207. С. 104].

Притеснения представителей польской национальности на “освобожденных землях” достигли таких размеров, что даже Сталин был вынужден направлять специальные указания на места об их срочном пресечении. 3 июля 1940 г. он дал шифротелеграмму секретарю Львовского обкома Компартии Украины Л.С. Грищуку с предложением незамедлительно ликвидировать притеснения поляков, касавшиеся запрета польского языка, отказов в устройстве на работу, в помощи беженцам и т. д. и т. п., а также — принять меры “к установлению братских отношений между украинскими и польскими трудящимися” [354. С. 21].

Однако эти притеснения продолжались. Польские общественные организации во Львове перестали существовать, были произведены “изъятия” литературы из книжных магазинов, часть которой уничтожалась [98. С. 197].

В СССР в 30-е гг. больших размеров достигла антирелигиозная кампания, о чем было известно в пограничных с ним странах, в том числе — в Польше. В период подготовки к предвыборной кампании в Западной Украине осенью 1939 г. агитаторам — представителям политуправления Украинского фронта предписывалось разоблачать “буржуазную агентуру, сеющую ложь о религиозных преследованиях в СССР” [26. С. 73]. Но после советизации “освобожденных районов” преследованиям, моральному и физическому террору подверглись именно служители церкви — греко-католической и украинской автокефальной [207. С. 104].

Пропаганда в Западной Украине и в Западной Белоруссии, проводившаяся под лозунгами “освобождения”, наталкивалась на неприятие со стороны тех, кому она предназначалась, т.е. местного населения. Характерным явлением становилось снижение её активности, поскольку наряду с провозглашением подобного рода лозунгов приходилось вести контрпропаганду, оправдывать или отрицать реально имевшие место кризис снабжения, религиозные преследования в СССР, а также снижение благосостояния, антипольскую национальную политику на вновь присоединенных территориях. Однако данный

процесс оказался как бы “законсервированным”, поскольку негативные моменты приглушались в условиях, когда на “освобожденных” землях разместились многочисленные воинские части и появились сотрудники НКВД. Но и в подобных условиях недовольство местного населения давало знать о себе. Например, во время предвыборной кампании осенью 1940 г. в одном из районов Белостокской области Западной Белоруссии “враждебные элементы” агитировали против кандидатуры представителя высшего командного состава Красной Армии, заявляя, что “если мы его выберем, то он нас выселит” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 1. Л. 123].

После вхождения Западной Украины и Западной Белоруссии в состав СССР и начала советизации этих земель сталинское руководство, вероятно, стал задумываться над вопросом не только о польских, но и о чешских территориях, занятых Гитлером. 10 ноября 1939 г. на закрытом совещании в ПУРККА Л.З. Мехлис разъяснял приглашенным туда писателям: “У немцев много беспокойства в Польше и Чехословакии. Здесь до 25—27 миллионов чехов и поляков, ожесточенно настроенных. Война, пропаганда с Запада, пропаганда с Востока, внутренние события накаляют этот огромный этнический массив, всегда антинемецкий. Мы неплохо сделали, не мешая Гитлеру получить такой повстанческий очаг на восточной границе. Это вероятные на случай нашего движения на Запад союзники. Массы рабочих и крестьян можно будет поднять в Польше и Чехословакии лозунгами национального освобождения, конфискации земли и пр.” [99. С. 105].

Год спустя по указанию Сталина начали предприниматься конкретные меры с целью подготовки “национального освобождения” оккупированных немцами польских и чешских земель [44. С. 60-62].

С большими трудностями пришлось встретиться большевистским пропагандистам, призванным доказывать действенность лозунга “освобождения”, в условиях “Зимней войны”. Начиная военную кампанию против Финляндии, советское руководство имело “программинимум” (“передвижение” границы на северо-запад от Ленинграда) и “программу-максимум” (“освобождение финского народа от гнета помещиков и капиталистов”). Впоследствии Сталин откровенно высказывался на сей счет: “Перед финнами мы с начала войны поставили два вопроса — выбирайте из двух одно: либо идите на большие уступки, либо мы вас распылим и вы получите правительство Куусинена, которое будет потрошить ваше правительство”. По его мнению, вышло так, что финляндская сторона предпочла “пойти на уступки”, “чтобы не было народного правительства”, а СССР полностью обеспечил безопасность Ленинграда [92.].

Но на первом этапе “Зимней войны” тезис об “обеспечении безопасности Ленинграда” был на время “забыт”. Как подчеркивалось в пропагандистских материалах, предназначенных для личного сос-

тава Красной Армии, договоры конца сентября — начала октября 1939 г. между СССР и Прибалтийскими странами (Литвой, Латвией и Эстонией) “создали крепкий пояс обороны вокруг Ленинграда и выбили из рук империалистов Англии и Франции возможность для антисоветских целей” [76. С. 16].

В этих условиях преобладающим в пропаганде, особенно среди красноармейцев и командиров, стал лозунг об “освободительной миссии” РККА в Финляндии. Личному составу объясняли, что угнетенные трудящиеся Финляндии встретят их с распростертыми объятиями. Бомбардировщики советских ВВС сбрасывали над Хельсинки листовки с призывами к рабочим объединиться с красноармейцами и свергнуть иго “капиталистических эксплуататоров” [228. С. 267]. Частям Красной Армии ставилась задача не только разгромить финскую группировку, но и быть готовыми развивать наступление на Хельсинки, а при выходе к шведской и норвежской границам приветствовать военнслужащих Швеции и Норвегии отдаaniem чести [207. С. 159-160].

Соответствующим образом обрабатывалось пропагандой и гражданское население. Это порождало суждения типа тех, которые были зафиксированы в дневнике В.И. Вернадского в декабре 1939 г. Размышляя о недостаточно широком распространении среди финского общества “идеи свободы бедных и обездоленных”, Вернадский высказывал уверенность, что “в конце-концов, особенно в той форме, в какой социализм охватывает финскую жизнь, Финляндия должна будет подчиниться и встанет за то, что огромное большинство населения выиграет” [96. С. 36, 39].

Опорной базой, с помощью которой Сталин надеялся “освободить Финляндию”, как уже отмечалось, являлось марионеточное “Народное Правительство Финляндской Демократической Республики”. Уже 4 декабря 1939 г. Секретариат Исполкома Коминтерна направил в Стокгольм и Амстердам шифрограмму с призывом к шведским, голландским и бельгийским “товарищам” принять всесторонние меры “для самой широкой популяризации финского правительства и финской компартии”, а также речи В.М. Молотова по радио от 29 ноября и договора о взаимопомощи между СССР и ФДР от 2 декабря 1939 г.

В шифрограмме содержались требования организовать “энергичную кампанию солидарности”, опубликовать “заявления и резолюции собраний”, а также приветствия “в адрес финского народного правительства и Красной Армии, подчеркивающие её *освободительную миссию*” (курсив мой – В.Н.). 7 декабря Секретариат ИККИ на своем заседании одобрил предпринятые меры по развертыванию кампании солидарности с Демократической Республикой Финляндии и её правительством [12. Док. № 41, 42].

В пропагандистских материалах, предназначенных для красноармейцев и командиров, рассказывалось, как “победившая контрреволюция” после получения Финляндией независимости “начала физическое уничтожение рабочего класса”. Их авторы уверяли, что “в период белого террора” в стране погибло “не менее 40000 человек”, а “в концентрационных лагерях” содержалось “около 100000 заключенных” (и это при 3-х миллионном населении). Далее в стандартных выражениях, применявшихся анонимными авторами из ПУРРКА, рассказывалось о том, как “бездарное правительство и финляндская военщина” “спровоцировали” вооруженный конфликт с СССР и высказывалась мысль, что “дни незадачливых политических шутов из лагеря финской буржуазии сочтены”. “Их ждет судьба обанкротившихся правителей бывшей панской Польши. Свободолюбивый финский народ под руководством народного правительства... с братской помощью великого советского народа и его героической Красной Армии... создадут свободную народную Финляндию”, — предрекали сталинские пропагандисты [162. С. 27-28].

В конце декабря 1939 г. под руководством А.А. Жданова велась разработка документов, подробно регламентировавших мероприятия по созданию “Народного фронта” на оккупированных Красной Армией территориях Финляндии. Они включали в себя популяризацию “Народного Правительства Финляндской Демократической Республики”, агитационную работу по привлечению симпатий местного населения на его сторону и т. д. и т. п. Вторым этапом должно было явиться организационное оформление “движения трудового Народного Фронта”, что открывало радужные перспективы для “диктатуры пролетариата” [285.; 287.].

Между тем, О. Куусинен и его марионеточное “правительство” крайне негативно воспринимались не только большинством населения Финляндии, но даже руководством финляндских коммунистов. В ноябре 1939 г. секретарь ЦК Компартии Финляндии и кандидат в члены Президиума ИККИ А. Туоминен получил предложение приехать в Москву, а затем войти в это “правительство” (первоначально предполагалось, что Туоминен и возглавит его). Но он отказался выполнить указание Коминтерна [12. С. 17; 327. С. 282-283].

В открытом письме на имя Г.М. Димитрова (4 апреля 1940 г.) А. Туоминен подчеркивал, что сталинское наступление на Финляндию явилось “преступлением против самоопределения народов и политики мира”. По мнению Туоминена, “Зимняя война”, начатая против финской буржуазии, фактически была направлена и против финского народа — рабочих и крестьян, составлявших большую часть армии этой страны. Он сравнивал захватнические акции Гитлера, “забывшего” спросить народы Австрии, Чехословакии и Польши, желают ли они иметь “освободителя в лице гитлеровской армии”, с методами советс-

кого руководства, которое “забыло или высокомерно не считало нужным спросить” народ Финляндии, или, по крайней мере, ту его часть, на которую рассчитывало, начиная наступление: хотели ли сами финны “народного правительства” и Красной Армии для своего освобождения”. А. Туоминен приходил ко вполне закономерному выводу, что сталинская антифинляндская вооруженная акция стала возможной лишь благодаря советско-германской договоренности [12. Док. № 101].

Вопреки попыткам официальной большевистской пропаганды доказать, что граждане СССР одобряют решение о создании “правительства Куусинена”, дело обстояло не совсем так. Трезвомыслящие люди понимали всю бесперспективность подобной затеи. 10 декабря 1939 г. в дневнике А.Г. Манькова появилась характерная запись, которая в какой-то степени отразила неверие утверждениям официальной пропаганды: “Мы (СССР — В. Н.) несомненно пролили (и ещё прольем) уйму крови. Во имя чего? Посадить Народное правительство и ратифицировать заключенный с ним договор? Если только это, то это будет дорого окупленной роскошью... Сами финны несомненно повели против нас партизанскую войну, хотя газета пишет, что “лесные разбойники” вербуются из кулаков. Да иначе и быть не может. Вековая ненависть к москалям, сгущенная агитацией правительства и страхом крестьянства перед колхозным чудовищем, пришествие которого ожидается вслед за нашими войсками, национальная упрямость — все это потребует многих лишних жертв на потребу гнусной затеи” [101. С. 182].

Майор Пискунов из Ленинградского артиллерийского училища говорил своим сослуживцам: “Создали какое-то правительство во главе с членом исполкома Коминтерна (Куусиненом — В. Н.) и договариваются. Какая тут в сущности разница между нами и Японией, ведь она поступает так же, не присоединяя завоеванные области Китая, насаждает там китайские правительства, а всем управляет сама. Нужен лозунг, что ведем войну не для захвата, а для освобождения, и его создали, но пойдут ли сами финны за новым правительством, это ещё вопрос” [319. С. 50].

В.И. Вернадский следующим образом размышлял о развитии событий в Финляндии: “Никто об этом не говорит, но наши финляндские экспедиции многим *непонятны* (курсив мой — В. Н.) — возможно, опять как в неудачном плане с Коммунистическим правительством Финляндии. Фигура Куусинена здесь (в СССР — В. Н.) известна и, по-видимому, непопулярна” [96. С. 39].

13 марта 1940 г., когда поступило сообщение о заключении перемирия с Финляндией, среди советских граждан стал возникать закономерный вопрос: “А как же Народное правительство?”, поскольку газеты не писали о нем “ни слова”. А.Г. Маньков, внимательно

следивший за событиями, следующим образом выразил тогда своё отношение к “правительству Куусинена”: “Впрочем, смешно было бы говорить о несуществовавшем и несуществующем, о фикции. Для меня это не вопрос. Его гениально замолчат. И только” [101. С. 186].

В ходе “Зимней войны” выяснилось, что “безотказно” действовавший в период антипольского похода сентября 1939 г. пропагандистский “лозунг освобождения” не сработал. 4 февраля 1940 г., в разгар боевых действий ПУРККА приняло директиву № 29 о задачах агитационно-пропагандистской работы в связи с советско-финляндским конфликтом, которую подписал заместитель Л.З. Мехлиса бригадный комиссар Ф.Ф. Кузнецов. Как серьёзную ошибку квалифицировало руководство Политуправления Красной Армии выдвижение на первый план в партийно-политической работе среди личного состава вопроса “об интернациональных обязанностях..., о помощи финскому народу в его борьбе против гнета помещиков и капиталистов”. Составители вышеупомянутой директивы квалифицировали подобное направление в агитационно-пропагандистской работе в войсках как свидетельство “схематизма” и “книжности” комиссаров и политруков, их отрыв от конкретной обстановки.

Именно поэтому Политуправление РККА сочло необходимым переориентировать политработников и нацелить их на разъяснение вопроса: какую же “главнейшую задачу в войне с белофиннами” решала Красная Армия? Она, как следовало из директивы № 29, состояла в следующем: “обеспечить безопасность наших северо-западных границ” и Ленинграда, “ликвидировать плацдарм для войны империалистов против СССР”. Примечательно, что руководство ПУРККА предлагало разъяснять данный вопрос, опираясь на речь В.М. Молотова, прозвучавшую 29 ноября 1939 г., т.е. ещё до начала советско-финской войны. Но оно предало забвению собственные пропагандистские установки, выдвигавшиеся на первом этапе войны с Финляндией, которые нацеливали бойцов именно на выполнение “интернациональных обязанностей” перед финскими рабочими и крестьянами.

Хотя директива ПУРККА от 4 февраля 1940 г. прямо декларировала отказ от “освободительных” лозунгов, в документах “правительства Куусинена” эти лозунги продолжали оставаться ключевыми. В поздравительной телеграмме Куусинена по случаю 22-й годовщины Красной Армии говорилось, что с её помощью народ Финляндии “добьётся своего полного освобождения от варварского ига плутократической шайки Маннергейма—Рюти—Таннера — преступных провокаторов войны, подкупленных иностранными империалистами” [287. С. 63].

Причина отказа от лозунга “освобождения” заключалась прежде всего в том, что окончились полным провалом все попытки большевистского руководства опереться на марионеточное “правитель-

ство Куусинена". Давало знать о себе и другое немаловажное обстоятельство: ожесточенное сопротивление противника. Естественно, у личного состава РККА возникали растерянность и недоумение: ведь "освободительные" лозунги, с которыми красноармейцы во главе со своими командирами и политработниками вступили на финскую территорию, оказались несостоятельными.

Как и во время "освободительного похода" в Польшу, в период "Зимней войны" имели место случаи откровенного мародерства на занятых Красной Армией территориях [28. Док. № 24]. В.В. Вишневский, участвовавший в военных действиях в Финляндии, записал 2 января 1940 г. в дневнике, что ему было "до ужаса стыдно" наблюдать, как красноармейцы "растаскивали подряд все вещи" из домов, где проживали финны [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2076. Л. 2].

Как отмечалось в директиве № 29 от 4 февраля 1940 г., "односторонняя ориентация и плохая постановка разъяснительной работы" (еще раз подчеркнем, организованной ПУРККА), приводили к "неправильным рассуждениям некоторых красноармейцев", и что было совершенно недопустимо в боевых условиях, "ко многим недоуменным вопросам". По окончании "Зимней войны" в материалах наркомата обороны и ПУРККА неоднократно указывалось на наличие "вредного предрассудка": якобы население стран, с которыми будет воевать Советский Союз, неизбежно восстанет и чуть ли не поголовно перейдет на сторону Красной Армии, а рабочие и крестьяне будут встречать её с цветами [9. С. 197].

На совещании с писателями 25 июня 1940 г. ответственный редактор газеты "Красная звезда" Е.А. Болтин напомнил, что "войну с Финляндией мы начали (sic — В. Н.) под лозунгом выполнения [Красной Армией] её интернациональных задач". Однако, по его словам, практика заставила убедиться: "этот лозунг, обращенный к красноармейцам, для данной войны оказался неправильным". Поэтому, признавал Е.А. Болтин, пришлось заменить его "другим, правильным" — о защите северо-западных границ СССР и города Ленинграда [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 5].

Не случайно, сразу же вслед за подписанием мирного договора с Финляндией в центральных газетах публиковались статьи, утверждавшие, что поставленные перед собой задачи Советское правительство разрешило: безопасность северо-западных государственных границ, особенно Ленинграда обеспечена. На конференции партийного актива Москвы и области (март 1940 г.) А.С. Щербаков заявил: "Красная Армия ликвидировала опаснейший очаг на северо-западной границе, разбила плацдарм, созданный поджигателями войны против страны Советов". Это обезопасило Ленинград, а СССР, по словам Щербакова, "одержал новую крупную победу сталинской политики" [194. С. 131-132; РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1773. Л. 16].

15 марта А.Г. Маньков обратился к одному из доцентов исторического факультета Ленинградского государственного университета с вопросом о судьбе Народного правительства. Но “от вопроса он увильнул, а распелся о том, что поставленной цели — обезопасить Ленинград — мы блестяще достигли”. “Так поёт любая газетка”, — не без иронии заключил Маньков [101. С. 186].

Причина столь откровенного манипулирования лозунгами заключалась, наконец, в том, что после начала “Зимней войны” западные державы — Англия и Франция, продемонстрировали готовность поддержать финнов. Оставляя в стороне дискуссионный вопрос о реальных возможностях появления англо-французского экспедиционного корпуса в Финляндии, следует отметить: большевистское руководство вполне адекватно реагировало на антисоветские замыслы западных держав. Сталин в апреле 1940 г. заявил, что Красная Армия участвовала в войне против финнов, которая велась “по указке, по наущению, по совету Англии и Франции”. Она, по сталинской мысли, победила не только финнов, но и технику, тактику, стратегию помогавших им “передовых государств Европы” [92.].

Очевидно, уроки “Зимней войны” не прошли даром. В директиве ПУРККА в начале июня 1940 г. Л.З. Мехлис на первый план ставил следующую задачу: “обеспечить безопасность СССР”. И лишь в дополнение к основной задаче, “заодно”, как говорилось в директиве начальника ПУРККА, Красная Армия была призвана помочь “трудовому народу” Литвы, Латвии и Эстонии “освободиться от эксплуататорской шайки капиталистов и помещиков”. В документе делался оптимистический вывод: все три прибалтийские государства “станут советским форпостом на наших морских и сухопутных границах” [262. С. 44].

Оказавшись на территории Прибалтики, где население было зажиточным, а его снабжение самым необходимым хорошо налажено, советские граждане смогли воочию убедиться в противоречивости навязывавшихся пропагандой стереотипов об “угнетательской политике” правительств Литвы, Латвии и Эстонии. В свою очередь, “освобожденные” эстонцы задавали красноармейцам вопросы типа: правда ли, что в СССР “нечего есть, живут очень бедно и даже в воинских частях нет столовых?” [31. Док. № 277].

Личный состав размещенных в Прибалтике строительных батальонов, возводивших аэродромы и взлетно-посадочные полосы для ВВС Красной Армии, занимал нежилые помещения, не имея в достаточном количестве одежды, обуви, плохо было налажено его питание и медицинское обслуживание. В результате возникали “отрицательные настроения”. Один из военных строителей заявил буквально следующее: “Видите, как у них (в Прибалтике — В. Н.) все одеты, не то, что у нас, а ещё говорят догнать и перегнать. Нет... в лаптях не пере-

гонишь, все равно расплетутся... Побудет здесь советская власть и их в лапти обуют. Пожалуй, они скоро от нас откажутся" [РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 4006. Л. 3, 5].

В пропагандистском обеспечении следующей внешнеполитической акции с привлечением Красной Армии, осуществленной в конце июня 1940 г. в Бессарабии и Северной Буковине, лозунг "освобождения" занимал ведущее место. Как и в период подготовки к "освободительному походу" сентября 1939 г. сотрудники НКВД'а по указанию "высоких инстанций" и "компетентных ведомств" готовили справки о политическом, экономическом положении этих районов [126. С. 40]. Они, по всей вероятности, были использованы в директиве ПУРККА от 21 июня 1940 г., направленной Л.З. Мехлисом Военным советам и начальникам политических управлений Киевского особого и Одесского военного округов. Встречающиеся в документе формулировки типа: "Этнографически (sic - В. Н.) Бессарабия не имеет никакого отношения к Румынии" явно "заимствованы" из справочных материалов, предоставленных НКВД'ом. В директиве отмечалось, что в 1918 г. эта страна "воровски захватила у нас" Бессарабию. Румынское правление, утверждалось далее, заключалось в неслыханных издевательствах и эксплуатации рабочих и крестьян в этой области. Дополнив документ данными о "революционных выступлениях и восстаниях" в Бессарабии, которые на протяжении всех 22 лет "жестоко подавлялись", его составители декларировали: "Мы идем освобождать наших единокровных братьев украинцев, русских и *молдаван* из-под гнета боярской Румынии и спасти их от угрозы разорения и вымирания. Вызволяя *советскую Бессарабию* (курсив мой — В. Н.) из-под ига румынских капиталистов и помещиков, мы защищаем и укрепляем наши южные и юго-западные границы".

Исходя, очевидно, из негативного опыта "освободительного похода" 1939 г., когда красноармейцы и командиры осуществляли массовые закупки товаров ширпотреба, Л.З. Мехлис в своей директиве от 21 июня 1940 г. указывал на необходимость запрета "совершать какие бы то ни было личные покупки в магазинах всем военнослужащим, не взирая на лица" [36. С. 62, 63, 64, 66].

Лозунг "освобождения", как уже отмечалось, далеко неоднозначно воспринимался как самими "освободителями", так и "освобожденными". Постоянные попытки официальной пропаганды внедрить его в сознание вольно или невольно вызывали протест, вернее, критический настрой, особенно у тех людей, которые в той или иной степени пострадали от советской власти и поэтому стремились чем-то "компенсировать" свои обиды. Так, "бывшие раскулаченные" и "извозчики царского времени", о которых писал в послании вышеупомянутый агитатор из г. Красный Луч К.А. Гудок-Еремеев, не без сарказма обращались к нему за разъяснениями по внешнеполитическим

проблемам. Из контекста задававшихся ими вопросов следует, что “хитрые граждане” хотели “поддеть” агитатора, но на самом деле весь их неприкрытый сарказм адресовался к сталинскому руководству.

Некоторые из вопросов являлись своеобразной оценкой войны с Финляндией и её итогов. Прекрасно понимая, что в данном случае лозунг “освобождения” дал “сбой”, подопечные К.А. Гудок-Еремеева спрашивали: “Почему СССР 13. III. 1940 г. не захватил Гельсинки [Хельсинки], ведь пролетариат Финляндии с нами?”, или: “Скоро ли будет соввласть в Финляндии?”.

Другой блок вопросов касался “освобождения” Прибалтики. Вот наиболее типичный из них: “Ответьте, действительно ли радуются в Эстонии, в Литве и Латвии трудящиеся соввласти, ведь и у них теперь хвосты, да очереди за всем?” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 46. Л. 4, 6].

Таким образом, пропагандистский “лозунг освобождения” встречал не только понимание и сочувствие, но при сопоставлении с действительностью воспринимался различными слоями населения СССР по-разному. Трудно сказать, насколько близок был он основной массе людей.

Совершенно очевидно, что критически настроенные по отношению к советской власти, в том числе — потерявшие своё гражданское лицо по причине принудительного “освобождения”, относились к сталинским акциям 1939—1940 гг. однозначно отрицательно. Такие люди неизбежно оказывались “изолированными”. Демонстрировавшие лояльность к советской власти в условиях “единомыслия”, достигнутые репрессиями (например, представители привилегированной интеллектуальной элиты), понимали, что “освобождение”, которое было принесено с применением вооруженной силы, не есть абсолютное благо. Но они практически никогда (за редчайшим исключением) не выражали своего критического отношения к внешнеполитическим акциям Сталина публично.

Благодаря этому сталинское руководство имело возможность, вооружившись пропагандистским лозунгом “освобождения”, готовиться к новым территориальным приращениям. Для усиления воздействия на общественное сознание у себя в стране и за границей Сталин использовал основополагающий тезис — о неизбежном и постоянном “расширении фронта социализма”.

Как уже отмечалось, в беседе со своими “соратниками” в ночь с 7 на 8 сентября 1939 г. он заявил, что не видит ничего плохого в “расширении социалистической системы” “на новые территории и население”, даже если оно будет достигнуто за счет гибели Польского государства. Эта мысль была подхвачена и на основе итогов антипольского “освободительного похода” заново интерпретировалась В.М. Молотовым. В речи на торжественном заседании Моссовета по

поводу годовщины Октябрьской революции (6 ноября 1939 г.) глава Советского правительства с удовлетворением провозгласил, что с присоединением Западной Украины и Западной Белоруссии “капиталистическому миру пришлось... потесниться и отступить”, а СССР, соответственно, “вырос по своей территории, а также по количеству населения — примерно, на 13 миллионов человек” [90].

В докладе на VIII Московской областной и VII городской объединенной конференции ВКП(б) 15 марта 1940 г. А.С. Щербаков, вторя В.М. Молотову, следующим образом охарактеризовал результаты первого “освободительного похода”: “Советский Союз продвинул свои границы на западе, а капиталистический мир вынужден был потесниться”. Аналогичным образом говорил об этом на конференции и заместитель председателя Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов [194. С. 131-132].

“Освободительный поход” в Бессарабию и Северную Буковину явился последней акцией советского руководства по “освоению” “сфер государственных интересов”, оговоренных в секретном протоколе к пакту Риббентропа—Молотова. О том, как представляло себе большевистское руководство дальнейшие действия по “расширению фронта социализма”, дает наглядное представление запись беседы В.М. Молотова с прибывшим в Москву исполнявшим обязанности премьер-министра и министром иностранных дел формально независимой, но уже наводненной частями Красной Армии Литвы В. Креве-Мицкявичусом. Эта беседа состоялась в Кремле в ночь со 2 на 3 июля 1940 г. Гениальный Ленин, заявил Молотов, якобы не ошибался, будучи уверенным в том, что вторая мировая война позволит большевикам “завоевать власть во всей Европе”, подобно тому, как первая мировая война способствовала захвату ими власти в России [232а. Р. 24-25; 261. С. 39].

В речи на совещании 9 сентября 1940 г. по поводу фильма “Закон жизни” Сталин заявил, что “с точки зрения борьбы сил в мировом масштабе между социализмом и капитализмом” СССР делает большое дело, поскольку “мы (Советский Союз — В. Н.) расширяем фронт социализма и сокращаем фронт капитализма” [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 907. Л. 79].

Одно из основополагающих понятий, присущих общественному сознанию в условиях “капиталистического окружения” — граница, как некая магическая линия, очерчивающая пределы освоенной территории, за которыми таилась опасность и действовали враждебные силы [255. С. 105], на исходе 30-х гг. претерпело определенную эволюцию. Она начала двигаться, являя, как пыталась доказать официальная пропаганда, расширение сферы “советского влияния” и сужение ареала “капиталистического” господства. Это дало основание прямо провозгласить задачу необходимости “дальнейшего расширения

фронта социализма". А.А. Жданов, обращаясь с делегатам Объединенного пленума Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) 20 ноября 1940 г. заявил: "Политика социалистического государства заключается в том, чтобы в любое время расширить, когда представится это возможным, позиции социализма. Из этой политики мы исходили за истекший год, она дала... расширение социалистических территорий Советского Союза. Такова будет наша политика и впредь, и тут вам ясно по какой линии должно идти дело" (курсив мой — В. Н.). Судя по стенограмме, последняя ждановская фраза вызвала одобрителный смех присутствовавших в зале [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 913. Л. 118-119].

Высказывания большевистских лидеров о необходимости "расширения фронта социализма", как и лозунг "освобождения", отражались в многочисленных статьях, брошюрах, книгах, в радиопередачах, в которых часто извещалось тогда "об очередных триумфах сталинской внешней политики, о новых приращениях к советской земле" [173. С. 67].

Но массированная идеологическая обработка сознания людей, вопреки стремлениям её инициаторов, будила мысль и приводила к пониманию истинной направленности внешнеполитических акций Сталина в отношении Польши, Финляндии и Прибалтийских стран в 1939—1940 гг. В подобных случаях вместо казенных фраз "одобрения" звучали откровенные высказывания по поводу явных противоречий между утверждениями пропаганды о "миролюбии" и "нейтралитете" СССР и реальными действиями большевистского руководства, которые привели в конечном счете к поглощению целиком либо частично соседних с ним стран.

После "освободительных походов" 1939—1940 гг. имели место следующие суждения. В правительстве якобы "сидят враги народа" (в их числе — Сталин), которые говорят: "чужой земли не хотим", а сами "захватывают" (курсив мой — В. Н.) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 290. Л. 180].

Во время антифинляндской пропагандистской кампании в начале ноября 1939 г. среди личного состава Ленинградского военного округа возникали вопросы о законности действий СССР. Высказывались соображения, что незачем настаивать на территориальных уступках со стороны финнов: "Мы ведь японцам не отдали высоты Заозерной. Не являются ли наши требования агрессивными?" [224. С. 485].

Присоединение Прибалтики в 1940 г., вопреки большевистским пропагандистским декларациям, приводило к выводу, что СССР действовал подобно гитлеровской Германии 1938—1939 гг., когда "захватил" (курсив мой — В. Н.) Латвию, Литву и Эстонию" [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1829. Л. 243]. Аналогичные мнения выражались отк-

рыто не только беспартийными, но и членами ВКП(б). На партсобрании, происходившем в феврале 1941 г. в Молотовской (Пермской) области, один из выступавших заявил: “У нас есть лозунг “чужой земли мы не хотим, но и своей не отдадим”. Однако, сами *захватили* (курсив мой — В. Н.) Прибалтийские страны” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 569. Л. 15].

По воспоминаниям очевидца событий Л.К. Шкаренкова, в июне 1941 г. жители Литвы, ставшие к тому времени свидетелями проведенной НКВД депортации, уже не приветствовали проходившие части Красной Армии, как это было за год до этого, в июне 1940 г. [143а. С. 269]

В дневниковых записях В.И. Вернадского после положительных оценок внешнеполитических акций СССР, по мере переосмысления событий, появлялись формулировки типа: “*захват* западных областей Украины и Белоруссии”, “*оккупированная* область”(курсив мой — В. Н.) [96. С. 31, 32].

Постоянная и настойчивая деятельность большевистской пропаганды по внедрению в сознание установки о неизбежном “дальнейшем расширении фронта социализма” наводила простых обывателей на мысль, что подобное “расширение” просто невозможно осуществить без военных действий против сопредельных стран. Характерны в этом смысле вопросы, задавшиеся вышеупомянутому агитатору К.А. Гудок-Еремееву. Один из них звучал следующим образом: не придется ли Советскому Союзу, несмотря на наличие пакта о ненападении, воевать “с фашистами Германии и Италии” — “ведь *границы СССР и дальше на Запад должны расти*” (курсив мой — В. Н.). Другой вопрос был сформулирован столь же категорично: “Скажите, ведь по всему видно, что СССР готовится к войне, с кем воевать и когда?” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 46. Л. 5].

Естественно, подобного рода вопросы задавали себе не только люди, далекие от политики, но и те, кто был напрямую задействован в подготовке к грядущей войне.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ “ ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ ”

1. ОЖИДАНИЕ БОЛЬШОЙ ВОЙНЫ И ЭВОЛЮЦИЯ ОБРАЗА ВРАГА

На исходе 30-х гг. одной из наиболее характерных черт общественного сознания в СССР являлось враждебное представление о “капиталистическом окружении”, переходившее в ксенофобию [255. С. 116]. Неизбежность вооруженной схватки с этим “окружением” (Большой войны), о чем не уставало твердить сталинское руководство, воспринималась вполне адекватно: люди жили в постоянном ожидании страшной катастрофы, сравнимой по своим масштабам с концом света. Это ожидание подпитывалось официальной большевистской пропагандой [328. С. 70].

Выбор Сталина, пошедшего 23 августа 1939 г. на заключение договора о ненападении с гитлеровской Германией, в сознании большинства современников в СССР отдалил на некоторое время внешнюю опасность. Но вопрос о неизбежности в скором будущем Большой войны оставался одним из наиболее актуальных. Как подчеркивал Н.С. Хрущев, она неумолимо надвигалась, и это чувствовали “все граждане, но особенно руководители страны”. Однако нападение Германии на Польшу ещё не воспринималось в СССР как начало Большой войны: она предполагала обязательное участие Советского Союза [141. С. 75, 80, 90].

Возникла уверенность, что сам факт подписания договора от 23 августа 1939 г. означал наступление “спокойной и безмятежной эры” [135. С. 38-39; 136. С. 79]. Но надежды на наступающую “эру относительного спокойствия” пресекались “сверху”. Так, на совещании партийного актива в конце августа 1939 г. командующий войсками Белорусского особого военного округа командарм II ранга

М.П. Ковалев заявил: нет никаких гарантий, что СССР не будет втянут в войну [135. С. 38-39]. После падения Польши протяженность советско-германской границы достигла около 2000 км [207. С. 100]. В числе других последствий договора о дружбе и границе с Германией от 28 сентября 1939 г. было и следующее: война вплотную подошла к рубежам СССР [170. С. 49].

Среди современников событий зрело убеждение, что Советский Союз, несмотря на объявленный нейтралитет в начавшейся в Европе войне, не мог рассчитывать на роль “стороннего” наблюдателя. 1 января 1940 г. заведующий акционерным обществом “Международная книга” А.Г. Соловьев записал в дневнике: “Должно быть, нам не избежать большой войны. Либо Англия и Франция договорятся с Гитлером и натравят его на нас (СССР — В. Н.), либо Гитлер расправится с ними, а затем с Италией и Японией бросится на нас. Нельзя верить этому фашистскому прохвосту”.

Три недели спустя А.Г. Соловьев имел беседу с заместителем наркома иностранных дел В.П. Потемкиным, в ходе которой были затронуты и международные события. В разговоре с А.Г. Соловьевым 22 января 1940 г. дипломат заявил: СССР “надо быть готовым к *большой войне*” (курсив мой — В. Н.), поскольку Советский Союз “все капиталистические страны ненавидят, а Гитлер больше всех”. Об отношении Гитлера к пакту о ненападении В.П. Потемкин высказался следующим образом: “Договор для него ничего не стоит, может порвать в любое время” [104. С. 207].

4 апреля 1940 г. В.В. Вишневский отметил в дневнике: “Думается мне, что в планах Гитлера нейтрализация, “использование” СССР, удар на Западе и, в случае успеха, удар по СССР (подчеркнуто В.В. Вишневским — В. Н.) объединенными силами с довооружившейся Японией”. По его мнению, нацисты не оставляли своих антисоветских замыслов. “Логика подсказывает: если они одержат верх над главными капиталистическими силами, кто и что может остановить их в борьбе с лютым врагом: большевизмом”, — размышлял писатель [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 30, 34]. Вывод В.В. Вишневского был однозначен: “Рано или поздно станет вопрос о *большой войне* (курсив мой — В. Н.), о самом существовании СССР” [147. С. 309].

18 апреля 1940 г. А.Г. Соловьев передавал в дневнике впечатления от разговора с председателем Госплана СССР Н.А. Вознесенским, который также считал, что, несмотря на наличие пакта, СССР не миновать войны. При этом Вознесенский ссылался на высказывания участников расширенного совещания Главного Военного Совета 14—17 апреля 1940 г., на котором присутствовал Сталин и где обсуждались уроки советско-финляндской войны [104. С. 209].

В мае 1940 г., когда вермахт начал грандиозную военную кампанию на Западе против Франции, Англии и их союзников, стало

очевидно, насколько эфемерными были надежды “спрятаться” за договор о ненападении. В.В. Вишневский в своих дневниковых записях от 18 мая 1940 г. выразил сомнение в действенности германо-советских дипломатических соглашений: “Дружба с Германией, пакт и пр. — всё это временный ход, это тактические приемы. Выиграем ли мы? Или только дадим немцам время, передышку, снабжение. Не знаю”. 21 мая 1940 г. писатель сделал вывод: “На мирное сосуществование боевой, озлобленной и хитрой фашистской силы с СССР надеяться нельзя” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 64 об., 66]. Всё больше людей осознавали, насколько приблизилась летом 1940 г. опасность войны с Германией. Наиболее остро ощущали это призванные тогда в ряды Красной Армии [113. С. 98].

Присоединение Румынии и Венгрии к державам “оси” дало новый импульс для тревожных размышлений. Приходило понимание того, что данные события могут привести к выходу германских войск к новой границе с СССР “от Немана до Дуная”, а это означало бы открытие фронта. “Нужно действовать, пока Германия занята на Западе, — делал в ноябре 1940 г. вывод Ю. Баранов, — иначе, когда она освободится, будет во много раз хуже. И мы это понимаем. В Кремле это понимают” [146. С. 97].

Пакт о ненападении с Германией, территориальные захваты 1939—1940 гг., репрессии внутри страны осознавались современниками, но реакция на эти события были разной: от молчаливого несогласия до “наплевизма”, т.е. полной апатии. Однако все говорили о приближающейся войне. Причем каждый рассуждал о ней так, “будто сделал открытия другим”. Большая война, этот “рок, нависший над страной”, ощущался повсюду [131. С. 10].

Ожидание Большой войны стимулировалось пропагандой, которая постоянно прививала советским людям чувство страха, ощущение себя защитниками осажденной крепости, которую враги хотят уничтожить изнутри и извне. При этом внешние враги существовали практически всегда, а для их обозначения в открытых пропагандистских материалах применялись порой бессмысленные (“белополяки”, “белофинны”), но вместе с тем в свете политических “процессов” 30-х гг. звучавшие зловеще термины (“империалисты”, “буржуазные пацифисты”, “румынские бояре”, до августа — сентября 1939 г. и после 22 июня 1941 г. — “фашисты”), которые оказывали гипнотическое воздействие на сознание советских людей.

Вероятно, официально провозглашенный курс на сближение и даже на “дружбу” с нацистской Германией не находил широкого отклика прежде всего потому, что фактически “отнимал” формировавшийся годами враждебный стереотип германского фашизма.

Однако неизменно “срабатывал” более всеобъемлющий образ “капиталистического окружения”. Наличие этого образа позволяло

сталинскому руководству произвольно, но в зависимости от конкретных внешнеполитических целей, любых “внешних врагов” представлять в качестве потенциальных и реальных военных противников. Следовало лишь целенаправленно манипулировать имевшимся пропагандистским калейдоскопом, высвечивая “необходимый” объект в “нужное” время, главным образом — для подготовки и осуществления перманентных акций наступательного характера, в том числе — с привлечением крупных контингентов Красной Армии.

Главным “режиссером” в подобного рода манипуляциях всегда выступал Сталин. С.И. Аллилуева свидетельствовала, что он всюду видел врагов, и это стало патологией, превратилось в манию преследования [106. С. 149]. Хотя сталинские выступления и речи конца 30-х гг. полны высказываний о внешней угрозе с указанием конкретных “врагов СССР”, его мысли на сей счет порой “озвучивались” не им самим, а кем-либо из “соратников” (чаще всего — В.М. Молотовым либо А.А. Ждановым).

Еще до начала Второй мировой войны в высшем большевистском руководстве активизировались антибританские и антифранцузские настроения. Всю вину за срыв переговоров в Москве между делегациями СССР, Англии и Франции летом 1939 г. оно отнесло на счет англичан и французов. Между тем, с его стороны тогда не было проявлено особого желания заключать антигерманский союз с западными державами, о чем красноречиво свидетельствует сталинская инструкция главе советской делегации на переговорах маршалу К.Е. Ворошилову от 7 августа 1939 г. [7. Док. № 453; 365. С. 12].

Во время беседы с Риббентропом в Кремле 23-24 августа 1939 г. Сталин позволил себе несколько враждебных выпадов против Англии, презрительно оценив потенциал британской армии, военноморского флота и боевой авиации [22. Док. № 34]. Спустя неделю устами В.М. Молотова было провозглашено, что Англия и Франция являются “зарвавшимися поджигателями войны”, и тем самым как-бы заранее отводился удар от новоявленных “друзей” — нацистов.

Французский журналист Ж. Шампенуа писал, что пакт о ненападении с Германии “многие русские” восприняли как своеобразную пощечину западным державам: они выражали явное удовлетворение по поводу того, что Англию и Францию “после всех их грязных махинаций постигло такое наказание” [165. С. 67, прим. 1]. Подобные чувства в какой-то мере отразились в дневниковой записи В.В. Вишневского от 31 августа 1939 г.: “Франция рвет и мечет... Англия — в тяжелом положении. Мы опрокинем ей на голову, то что она сама собиралась опрокинуть на нас: германскую злобу, ярость” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2076. Л. 31 об.]. Заключение договора о ненападении от 23 августа 1939 г. рассматривалось во многом как своеобразная “пощечина”, нанесенная Англии и Франции [16. Док. № 1].

После подписания пакта Риббентропа-Молотова командир танкового дивизиона, дислоцировавшегося в Харьковской области, обращаясь к своим бойцам, заверял: “Великая Германия и Советский Союз заключили договор о дружбе и в любой момент могут поставить на колени англо-американскую буржуазию” [195. С. 108]. В конце августа — сентябре 1939 г. военнослужащим Красной Армии стала навязываться убеждение: СССР и Германия “теперь настоящие друзья” и вместе выступают “против мирового капитализма”. Командарм II ранга И.В. Тюленев настойчиво разъяснял плененному польскому военачальнику В. Андерсу: во-первых, “дружественный союз” между СССР и Германией вечен, поэтому править миром будут только большевики и немцы; во-вторых, СССР поможет последним разбить Англию и Францию.

Те же самые мотивы звучали и в “беседах” офицеров НКВД с Андерсом, проходивших во Львове. Другие командиры и политработники РККА, участвовавшие в “освободительном походе”, выражали уверенность, что Польша “выслуживалась перед Англией”, являясь “агентом” (sic! — В. Н.) последней. Именно поэтому гибель Польского государства оказалась неизбежной. Пленным польским офицерам приходилось выслушивать многочасовые пропагандистские доклады “о мудрости и всемогуществе Советского Союза и плохой политике Польши”, которую якобы могло спасти лишь присоединение к СССР [107. С. 237, 238, 240].

На переговорах с Риббентропом в Москве 27—28 сентября 1939 г. вновь наглядно проявились антибританские настроения большевистского “вождя” [8. С. 608-610, 616]. Сталин к моменту встречи с Риббентропом уже имел на руках проект тезисов Исполкома Коминтерна “Война и задачи коммунистов”, работа над которыми была завершена не позднее 26 сентября 1939 г. В проекте содержался целый набор обвинений в адрес английских, французских и американских “империалистов” [12. Док. № 17].

В данной связи представляется закономерным, что, как показывали очевидцы событий, на советских пропагандистских карикатурах “толстяк Джон Булль и дядя Сэм по-прежнему восседали на толстых денежных мешках, но нацисты были избавлены от таких издевательств”. Если и говорилось об “империализме”, то с прямым указанием или косвенными намеками на “англо-французских империалистов” [189. С. 72-73.]. И визиты Риббентропа в Москву в 1939 г., и ответный визит Молотова в Берлин 1940 г. — “события довольно странные, учитывая природу гитлеровского фашизма”, подавались советской пропагандой в то время “под соусом сталинской дипломатии и нелестных слов по адресу Англии и Франции, отношение к которым было прежним, т. е. по меньшей мере настороженным” [367. С. 2]. По свидетельству В. Пикуля, лектор политпросвещения, высту-

павший в г. Молотовске (Северодвинске) и “упоенно” восхвалявший Германию, “при этом не забывал издеваться над англичанами и французами” [199. С. 43].

В уже упоминавшейся беседе со своими ближайшими “соратниками” в ночь с 7 на 8 сентября 1939 г. Сталин высказал следующее пожелание: “Неплохо, если [бы] руками Германии было расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)” [12. С. 10].

Из дневниковой записи В.И. Вернадского, относящейся к началу октября 1939 г., следует, что данная сталинская мысль получила распространение за пределами Кремля. Как подчеркивал ученый, шли разговоры “о возможности похода [немцев] на Индию”. “...Возможно, мы переживем крушение Британской империи”, — предположил тогда В.И. Вернадский [96. С.27].

Подобного рода настроениям соответствовали пропагандистские установки. 10 ноября 1939 г. Л.З. Мехлис на совещании с писателями поставил конкретные задачи по освещению внешней политики СССР. Начальник ПУРККА прямо заявил: “Германия делает в общем полезное дело, *расшатывая британскую Империю* (курсив мой — В. Н.). Разрушение её (Британской империи — В. Н.) поведет к общему краху империализма — это ясно”. И чтобы не оставалось уже никаких сомнений, Л.З. Мехлис подчеркнул, что главный враг СССР, “конечно — Англия” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2076. Л. 69].

В.В. Вишневский, присутствовавший на этом совещании, адекватно воспринял подобные указания, исходившие “сверху”, и постарался донести их до других. 11 ноября 1939 г. на заседании сценарного совета Комитета по делам кинематографии при СНК СССР, где обсуждалась тематика кинофильмов на 1940—1941 гг., В.В. Вишневский высказался следующим образом: “Очень остро встанет вопрос о британской империи, о разгроме этой гигантской колониальной империи и здесь, как это ни парадокс[ально]..., но Германия делает своё прогрессивное дело” [РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 445. Л. 23].

Однако не все могли быть столь откровенны в своей англофобии. В архивных документах можно найти яркие подтверждения свидетельств мемуаристов об исключительной осторожности заместителя начальника отдела печати НКВД’а в случаях, когда речь шла о материалах, касавшихся Англии. В первые месяцы 1941 г., по сведениям сотрудников Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР, Н.Г. Пальгунов своей властью не пропустил в эфир довольно “безобидные” с политической точки зрения материалы. Так, он отказался визировать передачу под названием “Эпизоды борьбы за Ла-Манш”, в которой излагались в хронологической последовательности события, связанные с походами Юлия Цезаря, Вильгельма Завоевателя, испанской “Непобедимой Армады” и Наполеона I.

Пальгунов и его коллега Орехов мотивировали свой отказ наличием в тексте предполагаемой радиопередачи “нежелательных параллелей”. Но спустя некоторое время этот же самый текст был опубликован в виде статьи в журнале “Знамя”. Аналогичным образом Пальгунов и Орехов поступили с материалом известного специалиста по истории Англии И.С. Звавича “Томми Аткинс”. В нем освещались история английской армии, методы её комплектования с XVI в. до начала Второй мировой войны. Однако сотрудники отдела печати НКВД также отказались завизировать представленный текст и заявили, что “нужно выждать”. Пальгунов и Орехов пояснили, что “сегодня” эту передачу пускать в эфир не следует, а “недели через две может быть её даже нужно пустить”. Между тем, статья “Томми Аткинс” благополучно вышла в том же “Знамени” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 73. Л. 15].

В начале 1940 г. советское руководство имело все основания полагать, что наиболее вероятными противниками в будущей войне станут государства, граничащие с СССР на юге, которые находились под влиянием Англии и Франции. Согласно директиве от 16 февраля 1940 г. был увеличен штат редакций газет Среднеазиатского военного округа на языках фарси, афганском, урду и английском, создана редакция на языке пенджаби. Началась подготовка к ведению пропаганды на войска и население потенциального противника. Сотрудником отделения по руководству печатью на иностранных языках ПУРККА был назначен работавший до этого редактором газеты “Коммунист Таджикистана” И.С. Брагинский, владевший таджикским и фарси. Началась подготовка к ведению пропаганды на войска противника и население стран Южного ТВД [32]. С. 8].

Весной 1940 г., после подписания мирного договора между СССР и Финляндией, отношения с западными державами достигли такого накала, что уже не исключено было прямое вооруженное столкновение Советского Союза и западных держав. В случае его возникновения Англия и Франция могли бы, в частности, осуществить бомбардировки нефтяных промыслов Баку.

Возможно, именно тогда и возникла идея нанесения удара СССР и Германии по британским владениям, в частности, на Ближнем Востоке. В дневниковой записи В.В. Вишневого от 3 мая 1940 г. содержатся интереснейшие размышления о дальнейшем развитии событий в войне между Германией и западными союзниками, основанные, очевидно на объективной информации, которую писатель получал в ПУРККА.

Вишневский не исключал, что в случае, если немцы и итальянцы нанесут удар англичанам и французам на ближневосточном направлении, СССР поддержит первых. “Вероятно, — подчеркивал он, имея в виду действия Красной Армии в Польше, — повторится история

17 сентября 1939 г. — краткий поход и занятие нужных нам территорий”. Совместные действия Италии с южного фланга, Германии — с северного, СССР — с восточного направления, по мнению Вишневецкого, могли бы “в кратчайшие сроки подшибить союзников” (он подразумевал прежде всего Англию), привести к потере ими Ближнего Востока, Средиземного моря, Суэцкого канала [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 48, 49].

Как подтверждение вывода В.В. Вишневецкого об обострении обстановки на южном направлении — его беседа с С.М. Эйзенштейном вечером 6 мая 1940 г. Последний сообщил, что “дороги на юг забиты воинскими эшелонами” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2077. Л. 55].

Передислокация частей Красной Армии могла быть связана с назреванием вооруженного конфликта против западных союзников. Она оказалась возможной благодаря тому, что был подписан мирный договор с Финляндией. Усиленное внимание к южному направлению весной — летом 1940 гг. сопровождалось специфическими мероприятиями, которые касались объемов выпуска красноармейских газет в боевых частях. Об этом свидетельствует официальное письмо Л.З. Мехлиса от 15 мая 1940 г., направленное секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву, А.А. Жданову и Г.М. Маленкову, а также — в Управление пропаганды и агитации ЦК. На экземпляре этого письма имеется резолюция А.А. Жданова, адресованная П.Н. Поспелову: “Срочно рассмотреть и внести на утверждение ЦК”.

Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло по данному вопросу специальное постановление, согласно которому с 1 июня 1940 г. существенно сокращались тиражи красноармейских газет в военных округах, расположенных на севере, востоке, в центре страны (Ленинградский, Забайкальский, Сибирский, Орловский, Харьковский, Московский, Калининский, Белорусский особый) и, наоборот, увеличивались в южных военных округах (Киевском, Одесском, Закавказском, Северо-Кавказском, Среднеазиатском). Причем тираж последних возрастал на 52 тыс. экз. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 101. Л. 195, 200, 201].

Вышеприведенная информация дает основание предположить, что после окончания финской кампании и передислокации высвободившихся частей Красной Армии на южные рубежи намечалось усилить пропагандистскую работу среди личного состава в расположенных там военных округах.

Но дело не ограничилось одними лишь мероприятиями политико-пропагандистского характера. В Главном управлении Красной Армии (ГУКА), которое ведало, в частности, вопросами формирования, переформирования и расформирования различных войсковых частей [38. С. 327, прим. 56] была поставлена задача учета специфики боевых действий в горных условиях. Военком ГУКА дивизионный комиссар

Шабалин 11 мая 1940 г. изложил её в специальном письменном докладе на имя Л.З. Мехлиса. В документе акцентировалось внимание на форсирование подготовки частей Красной Армии к ведению войны “на Ближневосточном театре”, а для этого, по мнению его составителя, требовалось тщательно пересмотреть степень готовности частей и соединений. Шабалин поставил вопрос об организации такого типа дивизии, которая была бы приспособленной как для действий в горах, так и в обычных условиях. Кроме того, он считал целесообразным безотлагательно начать создание горно-артиллерийских полков в необходимом количестве, которые в нужный момент можно было бы вписать в обычные стрелковые дивизии.

Примечательно, что военком ГУКА рассматривал Ближневосточный театр военных действий как находившийся “на границах нашей страны” [РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 4559. Л. 1-3].

Таким образом, руководству РККА весной 1940 г. представлялось, что в интересах защиты советских границ вполне обоснованными были бы операции Красной Армии на... Ближневосточном ТВД. Понятно, почему, выступая в окружном Доме Красной Армии, командующий Сибирским военным округом командарм 2 ранга С.А. Калинин сказал, что в 1940 г. неизбежна война СССР, Германии, Японии и Италии против англо-французской коалиции [222. С. 81]. Корреспондент ТАСС в Афинах Успенский был более конкретен в собственных выводах. По его мнению, лишь путем вступления СССР в войну, “возможно будет выпустить кровь из мирового паразита — Великобритании”. Развивая свою мысль, Успенский высказал уверенность: “коренные государственные интересы СССР и Германии” состояли в том, чтобы разбить Британскую империю [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 57. Л. 39].

С началом Второй мировой войны, а особенно в период советско-финляндского вооруженного конфликта наряду с Англией в числе наиболее часто упоминаемых советской пропагандой в негативном плане стран находилась и Франция. Исходя из сложившегося в то время отношения к последней, сталинские цензоры были готовы предать забвению даже революционное прошлое этой страны. Подобная тенденция хорошо осознавалась, например, руководством журнала “Знамя”. 19 декабря 1939 г. Ан. Тарасенков направил письмо Р.З. Миллер-Будницкой, которая предложила для публикации в “Знамени” рукопись своей статьи. В статье, в частности, упоминались события Великой Французской революции конца XVIII в. и Парижской Коммуны 1871 г. Тарасенков сообщал, что при подготовке к публикации в предложенной рукописи была сделана купюра: “В сегодняшней международной ситуации было бы ошибочным делать акцент на французских революционных традициях... Франция сегодня агрессор, в ней сегодня хозяйничают реакционеры. Вы это сами знаете не хуже

меня и потому, думаю, согласитесь с этой купюрой” [РЦХИДНИ. Ф. 618. Оп. 2. Д. 1097. Л. 115].

Спустя три дня после капитуляции Франции, 25 июня 1940 г. состоялось представительное “Творческое совещание писателей и поэтов, созванное редакциями газеты “Красная звезда”, журнала “Знамя” и Оборонной комиссии Союза советских писателей”. В ходе дискуссии, развернувшейся на совещании, писатель Ходаков, в частности, затронул, казалось бы, не имевший отношения к делу “воспитания Красной Армии”, военной идеологии и советской военной доктрины сюжет о... качестве солдатских сапог. Напомнив присутствовавшим, насколько непрактичными и неудобными оказались так называемые “экономические” сапоги (с брезентовыми голенищами и задником) в условиях войны с Финляндией, он подчеркнул, что бойцы должны быть обмундированы соответственно театру военных действий. В данный момент, подчеркнул Ходаков, они “учатся ходить по горам в сапогах”. Он высказал следующее предложение: поставить в газете “Красная звезда” вопрос “относительно условий войны в горах, на Ближнем Востоке, в Средней Азии”.

Далее Ходаков перешел к не менее важной, на его взгляд проблеме — подготовке к боевым действиям... в песках. Он вспомнил об английском разведчике Д. Лоуренсе, который в своё время “указывал на огромное преимущество в войне в тех условиях верблюжьих отрядов”. Ходакова всерьез беспокоило наличие таких отрядов “у нас”, т. е. в Красной Армии. Ссылаясь на авторитетное мнение Лоуренса, писатель заявил, что “исход войны в пустыне решает верблюд”. Завершая свои размышления на тему Ближневосточного театра военных действий, Ходаков подчеркнул: “О специфике войны в пустынях следовало бы печати говорить теперь”.

Поэт А.А. Сурков поддержал Ходакова в вопросе о подготовке к горной войне. Он подчеркнул, что имеющиеся несколько тысяч альпинистов — “это могучая первая линия разведки, и если этих хорошо лазающих по горам людей научить по-военному читать местность, научить поражать врага — это было бы хорошо” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 24-25, 39].

Подобного рода рассуждения, относящиеся к концу июня 1940 г., на первый взгляд, представляются сюрреалистическими, учитывая специфику ситуации, в которой оказался СССР после поражения Франции. Германская военная машина могла уже тогда повернуть против Советского Союза, и, вероятно, следовало думать не о перспективах “войны в песках” и не о создании “верблюжьих отрядов”. Однако, как отмечалось выше, в инструктивных пропагандистских материалах немцы вплоть до весны 1941 г. не фигурировали в качестве потенциальных военных противников СССР. Возможно, в качестве таковых после капитуляции Франции рассматривались англичане,

которые в создавшейся ситуации уже никак не смогли бы реализовать свои прежние планы нападения на Советский Союз на юге.

12 октября А.И. Запорожец подписал директиву ГУППКА № 267 по ведению пропаганды среди войск противника в боевых условиях [РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 4989. Л. 1-12]. Документ составлялся отнюдь “не в предположении войн на Западном ТВД”. По состоянию на 13 февраля 1941 г. в 7-ом отделе ГУППКА имелось 9 географических карт Ирана, 12 — Афганистана, 13 — Индии и 14 — Турции. Таким образом, почти 80% картографических материалов (подсчет наш — В. Н.) освещали Южный ТВД. Кроме того, в начале 1941 г. 7-ой отдел Главного управления политической пропаганды Красной Армии располагал обширными справочными материалами по Ирану, Афганистану и даже Маньчжурии. Из числа офицеров отдела, изучавших социально-политическую обстановку в странах вероятных противников СССР, свыше 80% находились на Южном и Дальневосточном ТВД.

В феврале 1941 г. старший инструктор 7-го отдела ГУППКА И.П. Байков выезжал в Ташкент для участия в военно-оперативной игре Среднеазиатского военного округа. По условиям игры, Красная Армия оказывала помощь “трудящимся Ирана, Афганистана и Индии” в... свержении гнета “английских империалистов и афганской и иранской военщины”. Работниками редакций газет на иностранных языках были подготовлены макеты газет и нескольких плакатов, изображавших радостную встречу бедняками названных стран частей РККА [321. С. 8-10].

Военные приготовления СССР на юге, явно нацеленные против Англии, не остались без внимания представителей интеллектуальной элиты, в частности — С.М. Эйзенштейна. Вместе с писателем и юристом Л.Р. Шейниным 19 мая 1940 г. он обратился с письмом на имя председателя Государственного комитета по делам кинематографии И.Г. Большакова, в котором, в частности, излагался среди прочих актуальный сюжет: о колониальной политике Англии на Востоке и о деятельности Д. Лоуренса Аравийского. Раскрыть эту перспективную тему С.М. Эйзенштейн и Л.Р. Шейнин предлагали путем показа колониальной политики Великобритании “во всей обнаженности и цинизме”. Наряду с этим они намеревались “наконец, приподнять завесу над некоторыми коварными замыслами Англии в отношении СССР” [229. С. 192; 344. С. 106].

До поры антибританские выпады советского руководства и соответствующие пропагандистские установки не вступали в противоречие с общественными настроениями. Сама жизнь, по убеждению многих, научила “быть против англичан — после этого Чемберлена, Финляндии и всего прочего”. Но постепенно настроения стали меняться. Появилось восхищение англичанами, не склонившимися после

поражения Франции перед Гитлером. С октября 1940 г. в советской прессе все чаще стали публиковаться материалы о бомбардировках немецкой авиацией английских городов. У многих стало складываться представление, что война Англии против Германии является “справедливой”. Особенно “болела за англичан” интеллигенция [166. С. 64, 65, 67, 68; 197. № 214].

Сталин осенью 1940 г. неоднозначно высказался по поводу способности англичан сопротивляться германскому нажиму. 25 ноября во время беседы с В.М. Молотовым, Г.М. Димитровым и В.Г. Деканозовым он сделал следующее знаменательное признание: “Неправильно считать Англию разбитой. Она имеет большие силы в Средиземном море. Она непосредственно стоит у проливов. После захвата греческих островов Англия усилила свои позиции и в этой области” (подчеркнуто в документе — В. Н.) [336. С. 58].

Официальная советская версия начала войны с Финляндией, которая нашла отражение в большевистской пропаганде, способствовала созданию стойкого стереотипа: среди населения в СССР господствовало, что “белофинны” напали, а Советскому Союзу пришлось обороняться. В переписке красноармейцев — участников войны против Финляндии с родными и близкими наиболее типичными из пропагандистских штампов были: “белофинны”, “финские белобандиты”, “белофинские вредители”, “финляндская военщина”. В то же время встречались и такие выражения, как “иностранная плутократия”, “подстрекательство капиталистов Англии, Франции и Соединенных Штатов” [181. С.138, 143, 172].

Из материалов, предназначавшихся для узкого круга лиц, которые принадлежали к высшему командному составу РККА, из сталинских выступлений явствовало, что Финляндия традиционно, ещё со времен Российской империи рассматривалась как объект притязаний со стороны могущественного восточного соседа. Наиболее откровенно высказался по этому поводу Сталин в апреле 1940 г. Он заявил буквально следующее: “Мы знаем из истории нашей армии, нашей страны, что Финляндия завоевывалась (Россией — В. Н.) 4 раза... Мы попытались её пятый раз потрясти” [92.].

Поставив задачу “потрясти” Финляндию, сталинское руководство в пропагандистских материалах с большим презрением изображало её армию и флот. “Финская военщина, возглавляемая шутами гороховыми, многие годы потрясала картонным мечом, угрожая великому Советскому Союзу”, — говорилось в брошюре, изданной в декабре 1939 г. “в помощь пропагандисту”. По поводу “гвардейских частей” — шюцкора в этой же брошюре было написано следующее: “Он является реакционным кулаком в армии, — это отборная банда, которая призвана громить революционное движение в стране, и отборная банда *для нападения на Советский Союз*” (курсив мой — В. Н.).

Авторы названного пропагандистского материала пытались уверить, что “число ненадежных” в финской армии “все более и более возрастает” [162. С. 33, 35, 36]. Когда же дело дошло до прямых военных столкновений с ней, то руководству РККА довелось убедиться, насколько лживыми являлись подобного рода “установки”...

Однако тезис о “ненадежности” армии потенциального военного противника СССР оказался настолько живучим, что продолжал активно эксплуатироваться и позднее, например, в период “освободительного похода” в Бессарабию и Северную Буковину. В упоминавшейся уже директиве ПУРККА от 21 июня 1940 г. за подписью Л.З. Мехлиса подчеркивалось: румынская армия почти на 90% состоит из крестьян, 50% рядового состава являются представителями национальных меньшинств. Поскольку они подвергались “дикому гонению” и издевательствам, в директиве ставилась конкретная задача: “Пропагандировать переход врага на нашу сторону и антивоенные настроения в армии противника” [36. С. 67].

Для советской пропаганды 1939—1941 гг., вносившей большой вклад в формирование в общественном сознании “образа врага”, было характерно, что и после поражений реальных и потенциальных противников СССР она в своих материалах стремилась не снижать обличительного накала по их поводу. Особенно наглядно это проявлялось, когда речь шла о Польше.

Весь 4-й пункт вышеупомянутого проекта тезисов ИККИ “Война и задачи коммунистов” (конец сентября 1939 г.) был посвящен “польской проблеме”. В качестве своеобразного резюме в нём делалось безапелляционное заявление: “Польский народ и международный пролетариат не заинтересованы в восстановлении прежнего многонационального буржуазно-помещичьего польского государства, приведенного к распаду коррупцией и предательством его правящих классов” [12. Док. № 17].

В трагические для Польши дни в журнале “Большевик” в редакционной статье приводился отрывок из письма Ф. Энгельса К. Марксу от 23 мая 1851 г. явно антипольской направленности [77. С. 6]. В газете “Правда” был процитирован следующий пассаж из речи Гитлера в рейхстаге 6 октября 1939 г.: “На костях и крови немцев и русских, без всякого учета исторических, этнографических и экономических условий было создано государство, не имевшее никакого права на существование” [74.]. “Лоскутного польского государства больше не существует”, — декларировал один из авторов в журнале “Пропагандист и агитатор РККА” после окончания “освободительного похода” [54. С. 46].

Вслед за разделом Польши между Советским Союзом и Германией стали создаваться фильмы антипольской направленности, авторами которых являлись видные советские режиссеры. Эти ленты были

своеобразной демонстрацией печально известного тезиса В.М. Молотова, прозвучавшего в его докладе на заседании Верховного Совета СССР 31 октября 1939 г. (советский лидер назвал тогда Польшу “уродливым детищем Версальского договора, жившим за счет угнетения непольских национальностей”).

На другой же день после упомянутого выступления В.М. Молотова, 1 ноября 1939 г. на заседании Комитета по делам кинематографии при СНК СССР рассматривался вопрос об улучшении качества звуковых фильмов. Упоминалось и о недостатках в звукозаписи художественного фильма В.И. Пудовкина “Минин и Пожарский”. Председатель Комитета по делам кинематографии И.Г. Большаков в данной связи отметил в своем заключительном слове на заседании, что этой картине придавалось “большое значение и с точки зрения художественной, и с точки зрения идейной”. Киноленту “Минин и Пожарский” было намечено демонстрировать в массовых копиях по всему Советскому Союзу, а, главное — она, как сказал Большаков, “*перекликается с международными событиями*” (курсив мой — В. Н.) [РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 422. Л. 44.]. За неделю до этого заседания в “Правде” появилась рецензия Н. Кружкова на фильм, в которой, в частности, подчеркивалось, что он “выходит на экран как нельзя *более своевременно* (курсив мой — В. Н.): в нынешние дни, когда вся советская страна радостно переживает освобождение от польского ига братских народов Западной Украины и Западной Белоруссии, взор невольно обращается к историческим параллелям и сравнениям, когда руками народов была развеяна в прах польская интервенция” [62.].

11 ноября 1939 г., выступая на заседании сценарного совета Кинокомитета, И.Г. Большаков подчеркнул, что по плану намечено отснять три картины “польской” тематики, и “необходимо делать [их] с политической точки зрения” [РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 459. Л. 48].

По сценарию В.В. Вишневого режиссер Е.Л. Дзиган снимал грандиозное батальное кинополотно “Первая Конная”, сюжетную основу которого составлял “прорыв польского фронта (рейд в тыл белополяков Первой Конной Армии в 1920 г.)”. Работа над ним началась в 1938 г. К маю 1941 г. съемки “Первой Конной” уже обошлись государственному бюджету в 8 млн. руб., но фильм в конечном счете так и не вышел на экран [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 71. Л. 112, 145].

Осенью 1939 г. благодаря новому развитию событий, связанных с советско-германским разделом Польши, создатели фильма придали ему откровенно антипольскую направленность. 23 октября 1939 г. председатель Комитета по делам кинематографии И.Г. Большаков потребовал отказаться от двухсерийного варианта и ускорить темпы съемок. В.В. Вишневецкий записал в те дни: “Ответим этим блядам (полякам — В. Н.) — фильмом о 1920 г.! Разгром их — показать везде — в СССР и за рубежом” [359. С. 75].

В контексте конкретных обстоятельств конца 30-х — начала 40-х гг., а также в соответствии со сложившимся на протяжении предыдущих десятилетий стереотипом враждебности по отношению к Польскому государству, подобные кинокартины имели совершенно определенную политико-пропагандистскую значимость, даже несмотря на первоначальный замысел их создателей [341. С. 118-119].

Вероятно, антипольские мотивы, звучавшие в них, проявлялись слишком навязчиво, бросались в глаза. На заседании комитета по делам кинематографии при СНК СССР, состоявшемся 11 ноября 1939 г., один из его сотрудников, Семенов, даже заявил, что Польша стала своеобразным козлом отпущения: какая бы тема ни бралась для экранизации, “все переносится” на нее. По словам Семёнова, некоторые советские режиссеры стали действовать по принципу: “давайте валить все на Польшу”, но при этом “Германию брать нельзя” [РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 445. Л. 8].

В ещё большей степени, чем Польша, подвергалась остракизму со стороны советской пропаганды и поверженная Франция, которая была вынуждена подписать с Германией перемирие 22 июня 1940 г. Спустя два дня после этого события на упомянутом совещании писателей, поэтов и журналистов, работавших в области “оборонной” тематики, ответственный редактор газеты “Красная звезда” Е.А. Болтин в своем докладе специально остановился на характеристике причин поражения Франции. Её война с Германией, отметил Болтин, “показала, к каким ужасным последствиям может привести односторонность в развитии военной доктрины”. Германская военная доктрина, продолжал Е.А. Болтин, состояла главным образом в применении военной техники в наиболее современных формах, “в то время как французская армия, воспитанная на традициях первой империалистической войны, не умеет использовать в массовом масштабе современные технические средства борьбы” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 6].

Между тем, вопрос о реальном потенциальном противнике СССР вызвал настоящую полемику между Е.А. Болтиным и В.В. Вишневским. В довольно резкой форме на совещании прозвучало требование Вишневского: “Я хотел бы получить ясный ответ от руководства, от командования..., как нам правильно в литературе, в прессе ставить проблему вероятных противников — с учетом тех ошибок и иллюзий, которые были сделаны в предыдущую пору”. Ссылаясь на собственный богатый опыт участия в военных действиях, писатель призывал “всеми продуманными методами изучения перспективы, организации, демонстрацией кинокартин, рекомендацией переводной литературы и т. д. — довести до каждого гражданина, бойца знание возможных врагов”. Сам Вишневский, считал, что неизбежно вооруженное столкновение СССР с Германией (“мы будем драться с немцами”) и высказал убеждение: “В народе это чувствуют”.

Подобная прямота и настойчивость, с которой выступил В.В. Вишневский, явно пришлась не душе Е.А. Болтину. Последний, в свою очередь, поставил риторический вопрос: “Почему обязательно нам нужно прямо говорить, кто наш будущий враг?” И сам ответил на него: “Политически это вредно”. Болтин предлагал изыскивать “гибкие методы”, которые бы позволили добиться “нужного эффекта и в то же время соблюсти внешний декорум”. Он посоветовал присутствовавшим писателям так подавать в прессе материалы на внешнеполитические темы, чтобы “не обижать и не дразнить” ни Германию, ни западных союзников [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 50, 54-55].

На первый взгляд, в череде “внешних врагов”, образы которых столь активно использовались в советских пропагандистских материалах рубежа 30-х—40-х гг., “не оставалось места” Германии и германскому фашизму. Подобная версия представляется ещё более основательной с учетом широко распространенной в мемуарной и исследовательской литературе убежденности в том, что Сталин безоглядно верил в надежность пакта о ненападении с Гитлером. Однако приверженность (если таковая вообще имела место) договору о ненападении не могла помешать ему сохранять враждебное отношение к Германии.

Инструктируя генерала авиации И.Ф. Петрова, направлявшегося в марте 1940 г. в составе государственной комиссии для ознакомления с образцами военной техники в Германию, Сталин подчеркивал: “Учтите: договор с Германией хотя мы и подписали, но фашистская Германия была и остается злейшим нашим врагом” [130. С. 33]. Известный авиаконструктор А.С. Яковлев, ссылаясь на впечатления от встреч с “вождем”, вспоминал о постановке им конкретной задачи: усвоить особенности конструкций немецких самолетов для того, чтобы в конечном счете научиться “их бить” [145. С. 208, 236].

Весной 1940 г. в Москву приехала польская писательница Ванда Василевская, которой Сталин оказывал особое расположение. Он удостоил Василевскую личной сорокапятиминутной аудиенции в своем кремлевском кабинете 28 июня 1940 г. [34. С. 21]. Как утверждала писательница, Сталин заявил ей, что война с немцами начнется рано или поздно. Таким образом, были получены заверения высшего авторитета в подтверждение правоты тех, кто ожидал её развязывания [339. С. 29]. В вышеупомянутой беседе с В.М. Молотовым, Г.М. Димитровым и В.Г. Деканозовым 25 ноября 1940 г. большевистский лидер прямо заявил: “Наши отношения с немцами вежливые, но между нами есть серьезные трения” [336. С. 58].

8 января 1941 г. читатели газеты “Труд” обнаружили в ней перепечатанные из журнала “Пост меридиэм” (США) материалы Л. Фейхтвангера. Материалы поступили в иностранный отдел “Труда” по звонку из секретариата Сталина. Сотрудники отдела оказались

в замешательстве, ибо знали, что Фейхтвангер в условиях действия советско-германских соглашений 1939 г. в СССР стал “нежелательным” автором. В то время в Москве проходили переговоры между наркомом внешней торговли А.И. Микояном и высокопоставленным чиновником министерства иностранных дел Германии К.Ю. Шнурре. Германская сторона пыталась навязать невыгодные условия соглашения советской стороне. Тогда Сталин решил “подбросить им горькую пилюлю”. Публикация статей Л. Фейхтвангера в газете “Труд”, которая ежедневно доставлялась самолетом в Берлин и внимательно читывалась в ведомстве Й. Геббельса, вызвала там недовольство. 9 января, когда стало ясно, что немецкая делегация на переговорах по экономическим вопросам готова пойти на уступки, без объяснения причины публикация статей Фейхтвангера в советской “профсоюзной” газете была прекращена [142. С. 106].

Пропагандистские структуры, вынуждено “законсервировавшие” свою антифашистскую направленность на первом этапе действия пакта Риббентропа—Молотова, уже с лета 1940 г. стали проявлять активность в деле добывания “негатива”, направленного против Германии.

Завуалированную антигерманскую направленность носили секретные материалы Коминтерна. Так, в директивах Секретариата ИККИ внутреннему руководству Компартии Австрии от 16 октября 1940 г. наряду с обличением “английских империалистов”, с большим упорством защищавших “свою колониальную империю”, содержалась резко негативная характеристика действий Германии [12. Док. № 122].

В 10-ом номере журнала “Исторический вестник” за 1940 г. цензором была задержана статья А. Манусевича “К истории Версальских договоров”, поскольку, “излагая исторические факты, автор сопровождал их комментариями в духе полного сочувствия Германии. Из этих комментариев можно было сделать вывод о справедливости всех притязаний Германии” [266. С. 33].

После визита советской делегации во главе с В.М. Молотовым в Берлин 12–13 ноября 1940 г. антигерманские нотки в советской пропаганде стали ещё более усиливаться.

25 ноября 1940 г. во время беседы с В.М. Молотовым Г.М. Димитров отметил, что Коминтерн ведет “курс на разложение немецких оккупационных войск в разных странах”. Димитров, подчеркнув намерение Секретариата ИККИ “еще более усилить” эту работу, задал Молотову вопрос: не помешают ли подобные действия внешней политике СССР? Последний ответил довольно недвусмысленно: “Конечно, это надо делать. Мы не были бы коммунистами, если бы не вели такой курс. Только делать это *надо бесшумно* (курсив мой – В. Н.)” [12. С. 40].

4 января 1941 г. председатель правления Всесоюзного общества культурной связи с заграницей В.С. Кеменов обратился с пространной

докладной запиской на имя секретаря ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкова. В документе были сформулированы основные задачи советской пропаганды за границей, которые осуществлялись посредством развития культурных связей.

Кеменов, в частности, изложил в своей докладной записке понимание роли культурной пропаганды в условиях усиливающейся идеологической конфронтации между СССР и Германией. “В то время, как немцы посылают множество людей и денег для ведения своей пропаганды в Болгарии, — подчеркивал председатель ВОКС, — они не могут добиться и сотой доли того успеха, какой имеет в Болгарии идея болгаро-советского сближения. Все, что связано с СССР, встречает восторженный прием у болгарского населения”.

В.С. Кеменов отметил наличие тысячи статей, написанных за годы начавшейся войны в Германии с целью обличения “английского империализма”, “плутократических разбойников и эксплуататоров”, которые критиковали “теорию и практику английского империализма”. “Разумеется, — писал он далее, — все это переходит в бесстыдную демагогию, как только немцы начинают излагать “социальные цели” войны, обещая земной рай в “перестроенной” Европе для трудящихся. Риторика В.С. Кеменова по содержанию сходна с пассажем из секретной инструкции Секретариата ИККИ Австрийской компартии (октябрь 1940 г.): “Ради этого рая и ведется (немцами — В. Н.) “революционная” война, которая якобы дает народам “освобождение от господства международного капитала” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 76. Л. 23-24; 12. Док. № 122].

Подобное сходство в формулировках, применявшихся в закрытых материалах ВОКС’а и Коминтерна, наводит на мысль, что эти формулировки могли быть спущены “сверху”.

Серьезной критике стали подвергаться те пропагандистские структуры, в материалах которых слишком много внимания уделялось Германии. 17 января 1941 г. Г.Ф. Александров, А.А. Пузин, Н.Г. Пальгунов и Д.А. Поликарпов направили секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову докладную записку “О работе ТАСС”. Наряду с недостатками чисто организационного порядка, выявленными в деятельности Телеграфного Агентства Советского Союза, авторы докладной обратили внимание и на следующее упущение. До лета 1940 г. “Вестник иностранной военной и военно-технической информации ТАСС” публиковал вместе с материалами немецких авторов перепечатки из английских, французских и американских периодических изданий с критическим анализом вооруженных сил Третьего рейха. С лета 1940 г., как отмечали сотрудники УПА ЦК ВКП(б), в названном издании стали превалировать немецкие пропагандистские статьи об “абсолютной непобедимости” вермахта. В них говорилось о хорошем вооружении германской армии, её передовой тактике, превозно-

силось “моральное превосходство германского солдата и полководческое искусство Гитлера”. В одной из такого рода статей утверждалось, что благодаря действиям люфтваффе была прорвана “линия Мажино” во Франции. Ряд материалов, перепечатанных “Вестником иностранной военной и военно-технической информации ТАСС” из немецкой периодики, сводился, как считали в Управлении пропаганды и агитации, к доказательству “блестящего снабжения германской армии” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 94. Л. 4].

В январе 1941 г. специальная комиссия УПА ЦК ВКП(б) подвергла проверке печатную продукцию журнала “Интернациональная литература”, в первую очередь – немецкоязычного издания. Выяснилось, что за 1940 г. в нем были помещены публикации 85-ти немецких и лишь 30-ти советских авторов, что вызвало порицание. Совершенно неуместным посчитали члены комиссии УПА появление в “Интернациональной литературе” информации о праздновании в Германии 500-летия изобретения европейского книгопечатания, у истоков которого стоял немецкий гуманист И. Гуттенберг.

Они также сочли издевательским заголовок, под которым вышел в свет в Германии сборник сатирических произведений М.М. Зощенко, П.С. Романова, В.Я. Шишкова, В.П. Катаева. Германские издатели назвали сборник: “Спи скорее, товарищ” [301. С. 137-138].

Однако антигерманские мотивы просматривались пока ещё лишь в закрытых пропагандистских материалах, которые предназначались для крайне ограниченного круга лиц. 29 марта 1941 г. Г.М. Димитров беседовал в Кремле с В.М. Молотовым. Речь шла о приближающемся 55-летию руководителя германских коммунистов Э. Тельмана, который был посажен нацистами в тюрьму после прихода их к власти в Германии. Молотов выразил сомнение относительно целесообразности развертывания какой-либо “кампании” по поводу этого юбилея, поскольку СССР продолжал “вести невраждебную политику в отношении немцев”. Естественно, его мнение тогда полностью совпадало с позицией Сталина [100. С. 18].

Положение существенным образом изменилось после сталинских выступлений 5 мая 1941 г., когда в советской пропаганде стали более откровенно звучать антигерманские мотивы.

2. УСИЛЕНИЕ “МОБИЛИЗАЦИОННОЙ ГОТОВНОСТИ”

А. Верт писал, что накануне войны с Германией слова “мобилизационная готовность” вновь и вновь повторялись во всей советской пропаганде и печати [165. С. 132].

В марте—апреле 1940 г. ЦК ВКП(б) и советское военно-политическое руководство предприняло широкую кампанию по изучению опыта “Зимней войны” против Финляндии, в ходе которой много

внимания уделялось вопросам пропаганды, агитации и военной идеологии. Сталин лично выступил с большой речью, в которой среди прочего коснулся выявившихся в ходе этой войны недостатков в пропагандистской сфере. По его словам, приспособиться к трудным условиям, в которых развернулась кампания Красной Армии против Финляндии, помешала прежде всего “шапкозакидательская психология”, возникающая в результате эйфории от антипольского похода 1939 г. РККА якобы “не сразу поняла, что война в Польше это была военная прогулка”. “Нам страшно повредила польская кампания, она избаловала нас”, — сделал вывод Сталин.

В своей речи на совещании высшего начальствующего состава 17 апреля 1940 г. “вождь” призвал отказаться от “шапкозакидательских” настроений, предать забвению тезис о “непобедимости” Красной Армии, избавиться от пережитков в сознании, связанных с культом Гражданской войны [92.; 257.]. Немедленно стали предприниматься активные попытки донести все эти указания до людей, непосредственно связанных с организацией и ведением военной пропаганды.

На совещании по военной идеологии (май 1940 г.) было признано, что прежняя система идейно-политической работы воспитывала в людях своеобразный пацифизм, а пропаганде врага не было необходимого противодействия [315. С. 54].

23 мая 1940 г. Л.З. Мехлис направил А.А. Жданову текст доклада “О работе Политического Управления Красной Армии”. В докладе особое внимание уделялось вопросам пропаганды и агитации, а также военной идеологии. После пересказа основных положений сталинской речи 17 апреля 1940 г., Мехлис изложил причины больших потерь и низкой тактической подготовки войск в период финской кампании, среди которых важное место занимали “ложные установки в деле воспитания и пропаганды в Красной Армии (лозунги о её непобедимости, сплошном героизме личного состава, абсолютном техническом превосходстве, наконец, — “неправильное освещение интернациональных задач”).

Начальник ПУРККА укорял командиров, комиссаров и политработников за полное незнание географических, экономических и политических особенностей капиталистических стран, граничащих СССР, что, по его словам, наиболее наглядно проявилось в период войны против Финляндии. “Глубоко вкоренился, — подчеркивал Л.З. Мехлис в вышеупомянутом докладе, — вредный предрассудок, что якобы население стран, вступающих в войну с СССР, неизбежно, и чуть не поголовно, восстанет и будет переходить на сторону Красной Армии, что рабочие и крестьяне будут нас встречать с цветами”. Подобного рода настроения начальник ПУРККА, естественно, отнес на счет “незнания действительной обстановки в сопредельных странах”,

но ни словом не упомянул об ответственности своего им ведомства за их формирование [9. С. 196, 198, 201].

На совещании с писателями 25 июня 1940 г. Е.А. Болтин коснулся двух основных групп вопросов. Первая была связана с военной идеологией и вытекающими отсюда задачами воспитательной работы. Вторая касалась текущих задач “Красной звезды” и того “социального заказа”, который намеревалось предъявить писателям военно-политическое руководство.

Как подчеркнул ответственный редактор газеты “Красная звезда”, доктрина Красной Армии была наступательной. Однако, продолжал он, с учетом опыта боев в Испании, на Халхин-Голе и особенно в Финляндии потребовалось внести некоторые коррективы. Среди недостатков военной идеологии, выявившихся главным образом в “Зимней войне”, Болтин назвал, то, что у личного состава стремились воспитать “своеобразный советский пацифизм”. В периодической печати и в литературе часто встречалось выражение, что “Красная Армия есть орудие мира”, а между тем, по мнению Е.А. Болтина, надо учить людей другой истине: “армия есть инструмент войны”. Он подчеркнул, что не следует зазнаваться, нельзя недооценивать опыт боевых действий между Германией и её противниками — Англией и Францией в Европе и необходимо постоянно изучать уроки кампании в Финляндии.

Подводя итоги своих размышлений о задачах военной идеологии, Е.А. Болтин сформулировал основные установки, которых необходимо было придерживаться. Во-первых, нужно было воспитывать людей в понимании того, что Красная Армия является инструментом войны. Во-вторых, следовало прививать мысль о справедливом характере войны СССР против любого капиталистического государства, независимо от того, кто её начнет. Отметив наличие “настроений” типа: в грядущих сражениях мы, т. е. Красная Армия и СССР, будем обороняться, “а сами в драку не полезем”, Е.А. Болтин назвал их неправильными. Далее он сформулировал кредо большевистского военного руководства: “Мы должны быть готовы, если понадобится, первыми нанести удар... Совершенно ясно, что характер боевых действий Красной Армии будет активным”. Естественно, следовало прививать личному составу РККА “наступательный дух”.

Таким образом, наряду с прозвучавшими в докладе Е.А. Болтина на совещании 25 июня 1940 г. рассуждениями о необходимости искоренения “вредных предрассудков” в советской военной пропаганде (“шапкозакидательства”, зазнайства, недооценки опыта современных войн) была подчеркнута и незыблемость основной идеологической установки: Красная Армия должна готовиться к активным, наступательным боям против “капиталистического окружения” и не исключено, что именно она нанесет первый удар.

Выступавший вслед за Е.А. Болтиным В.В. Вишневский, который представлял Оборонную комиссию Союза советских писателей и редколлегию журнала “Знамя”, затронул, в частности, вопрос о тех препятствиях, которые чинила военная цензура в отношении пропагандистских материалов о действиях Красной Армии в период “освободительного похода” и войны против Финляндии. Вишневский подчеркнул, что постоянно идут разговоры о Прибалтике, “о процессе закрепления нашего исторического правого фланга, о перспективах на южном фланге (на Ближнем Востоке — В. Н.) и т. д.”. Однако писатели и журналисты, освещающие “оборонную” тематику, по его мнению, могли засвидетельствовать: “нет ни одной военной темы, которую не портили бы “редакторы”, т.е. цензоры.

Коснувшись далее освещения наступательных операций Красной Армии и грядущих “освободительных походов” средствами кинематографии, В.В. Вишневский посетовал, что писателей ещё понастоящему не привлекали к созданию хроникально-документальных фильмов о событиях у озера Хасан, на р. Халхин-Гол, в Западной Украине. “Если нам [СССР], — подчеркнул В.В. Вишневский, — придется заниматься Черным морем, Кавказом, Балканами и т. д. давайте подумаем об этом за месяц... Всё должно быть сделано молча, организовано, заблаговременно, в военных отделах Кинокомитета, в редакциях ССП”.

Что касается непосредственного опыта по созданию хроникально-документальных фильмов, проникнутых “необыкновенной военной точностью”, то Вишневский посоветовал позаимствовать опыт германских кинооператоров, снимавших боевые действия вермахта против Польши.

В выступлении В.В. Вишневского содержался прямой намек на цензурные запреты, которые практиковались и в “Красной звезде”. Е.А. Болтин резонно возразил: “Вряд ли кто нам сейчас позволит ставить так вопрос, как предлагает тов. Вишневский в отношении дальнейшей судьбы юго-востока и т. д. Писать о многих таких вещах мы не должны, так как это было бы вредно”. Редактор “Красной звезды” пообещал журналистам содействие в публикации “действительно смелых вещей”, однако подчеркнул, что не следует ставить газету “в ложное положение в отношении её международных позиций”, ибо помещаемые в ней военные обзоры цитировались всей иностранной прессой [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1401. Л. 1-56].

28 августа 1940 г. была принята директива ГУППКА № 20 “О перестройке партийно-политической работы” за подписью Л.З. Мехлиса, адресованная военным советам и начальникам управлений политической пропаганды округов и Дальневосточного фронта. В директиве, в частности, отмечалось: “Многие командиры и политработники настроились на мирный лад, не понимают, что на

Западе и Востоке полыхает пожар мировой войны, что мы живем в военной обстановке, когда каждый военнослужащий должен быть *внутренне отмотобилизованным*” (курсив мой — В. Н.). В этой связи указывалось на важность изучения сопредельных стран.

Политическая пропаганда и агитация рассматривались в документе не как самоцель, а как средство повышения боеготовности Красной Армии, укрепления дисциплины и высокого морально-политического состояния личного состава. Директива предписывала придать им “боевой характер”, пронизать “сталинской целеустремленностью и принципиальностью”.

Для изучения сопредельных стран намечалось широко использовать разосланные ранее ГУППКА книги и географические карты. Особое внимание в лекциях о сопредельных странах следовало обращать на военно-географическое положение, экономический потенциал, состояние вооруженных сил и тактику их армий. К этой работе привлекались отделы пропаганды среди войск и населения противника, а также члены редколлегий газет на иностранных языках [27. Док. № 179].

Во исполнения требований директивы ГУППКА от 28 августа уже в сентябре 1940 г. в его составе была создана лекторская группа из 101 чел. Зимой 1940/1941 гг. во всех домах Красной Армии были организованы лектории для командиров. На 1 января 1941 г. в составе агитколлективов Киевского особого военного округа насчитывалось свыше 2,2 тыс. чел., Ленинградского — свыше 2,6 тыс., Московского — свыше 2,8 тыс. чел. В тематике работы агитколлективов и лекториев большое место занимали пропаганда уроков боевых действий в Европе, опыта “зимней войны”, применения танков и авиации, военно-экономического потенциала воюющих стран и тактики их армий [184. С. 43, 57].

В проекте нового Полевого устава РККА, работа над которым усиленно велась в 1940 г., впервые заключалось требование: изучать политико-моральное состояние противостоящих частей, вести среди них пропаганду и агитацию в целях подрыва морального состояния. М.И. Бурцев, который был назначен начальником отдела пропаганды среди войск и населения противника (так называемого 7-го отдела) ГУППКА, получил задание составить проект директивы политорганам о порядке их идеологической работы, ориентированной на войска противника. Бурцев воспринял это задание как необычное, поскольку со времен Гражданской войны политуправление Красной Армии не разрабатывало такого рода директив либо наставлений. Подготовка проекта директивы потребовала больших усилий. За ходом её следил лично начальник ГУППКА А.И. Запорожец. Проект много раз обсуждался и перерабатывался, так что М.И. Бурцев имел все основания назвать документ “плодом коллективной мысли” [110. С. 24-25].

12 октября 1940 г. ГУППКА утвердил эту важную директиву за № 0267. В преамбуле документа отмечалось, что до 1939 г. данное направление военной пропаганды крайне недооценивалось. В результате политический аппарат Красной Армии оказался не готовым к ведению идеологической войны. В директиве намечалось решительно покончить с этим недостатком. Была поставлена следующая задача: “В первый же день военных действий... забросать противника листовками, лозунгами и плакатами, чтобы разложить его армию, деморализовать его тыл и, таким образом, помочь командованию Красной Армии в кратчайший срок и с наименьшими жертвами добиться полной победы”. В пропаганде предполагалось широко использовать как печатные издания (листочки, газеты, плакаты, брошюры), так и радио, в том числе — звуковещательные усилительные станции.

“Идеологическая война с противником, — подчеркивалось в директиве, — сложное и вместе с тем исключительно ответственное дело”. Поэтому ГУППКА предписывал уделить этому участку политической работы особое внимание. А.И. Запорожец строго предупредил начальников управлений политической пропаганды округов, армий и Дальневосточного фронта, что они непосредственно несут ответственность за подготовку к идеологической войне с противником [РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 4989. Л. 1-12.].

Оценивая впоследствии вклад 7-го отдела ГУППКА в дело составления директивы № 0267, М.И. Бурцев отметил и слабые, по его выражению, места в тексте документа. Так, довольно обстоятельно была освещена задача предстоящей работы среди войск и населения противника, исходя из установки воевать “на чужой территории” и менее подробно — вопросы идеологического воздействия на солдат и офицеров вражеских армий в различных условиях боевой обстановки, а также вопросы работы с военнопленными.

После утверждения директивы ГУППКА от 12 октября 1940 г. сотрудники 7-го отдела выехали в приграничные военные округа, где проводились сборы пропагандистов, организовывались выступления с докладами перед командирами и политработниками, оказывалась практическая помощь в составлении планов работы редакций учебных газет на языках потенциальных противников.

Однако, по воспоминаниям М.И. Бурцева, становление системы пропаганды на войска и население противника (В.В. Вишневецкий называл её “внешней политработой”) проходило нелегко. Кадры пропагандистов, включенные в состав 7-х отделов, не сразу поворачивались “лицом к боевой агитации”. Они более были нацелены на научно-исследовательскую деятельность. Зачастую не придавалось ещё должного значения “идеологическим средствам в вооруженной борьбе” [110. С. 26].

С осени 1940 г., особенно после визита В.М. Молотова в Берлин всё явственнее обозначалась напряженность во взаимоотношениях между СССР и Германией. Выступления “соратников” Сталина стали более тревожными по содержанию, нацеливали на осознание всей сложности сложившейся ситуации. Так, А.А. Жданов в речи на объединённом пленуме Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) 20 ноября 1940 г., в частности, упомянул о появлении “в народе” “мирного, безмятежного состояния”. Особенно заботило секретаря ЦК ВКП(б) то обстоятельство, что подобного рода “наклонность к “растительной” жизни”, “беспечное отношение” к вопросам обороны были распространены среди “актива” и молодежи. Разъясняя позицию большевистского руководства по данному вопросу, Жданов подчеркнул: СССР пока ведет с капитализмом “мирное” соревнование, но оно неизбежно перерастет в соревнование “военное” и тогда встанет проблема “кто кого”. Далее он привел сталинское высказывание о необходимости готовиться “к неожиданностям”, чтобы не быть застигнутыми врасплох и указал на недостатки в деле изучения форм и методов войны. А.А. Жданов отметил, что “некоторые товарищи” приходят в ужас от мысли о неизбежности людских жертв и материальных потерь в грядущей войне. Отвечая возможным оппонентам, он заявил: “Мы не должны создавать всяких таких добрых, сентиментальных качеств, а если придется воевать, то мы должны быть не менее энергичными и не менее жестокими, чем наш военный противник. Мы должны воспитывать в народе такие качества, как решимость, самоотверженность и героизм”.

Высказавшись далее в присутствии ему иронически-угрожающим стилем относительно приверженцев идеи ведения войны “малой кровью”, А.А. Жданов обратил особое внимание на новые тенденции в ходе боевых действий между Германией и её противниками на Западе. Весь пафос ждановского высказывания по данному поводу перед партийным активом Ленинграда и Ленинградской области сводился к тому, что необходимо “в самом срочном порядке, не теряя ни дня, ни часа, совершенствовать военную технику, военную организацию, *учитывая опыт современного наступления*, со всеми его ударными средствами и формами в виде прорыва танков, механизированных дивизий, налетов авиации, парашютных десантов...”.

Ссылаясь на указание Сталина о таком присутствии настоящему “большевику и революционеру” качестве, как умение “ломать старые традиции и строить новые”, Жданов сформулировал конкретную задачу, стоявшую перед партийными организациями, промышленностью, военными. Следовало научиться преодолевать устаревшие традиции гражданской войны, заменяя их новыми традициями, “более отвечающими *современной обстановке*” (курсив мой — В. Н.) [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 913. Л. 44, 48, 65-66].

На совещании высшего командного состава РККА в конце декабря 1940 г. идея усиления “мобилизационной готовности” молодого поколения была “озвучена” вновь. Командующий 6-й армией генерал-лейтенант И.Н. Музыченко подчеркнул: “У нас слишком мало популярной литературы о военных героях, о трудностях, которые им приходилось преодолевать при выполнении своего боевого долга. Чрезвычайно мало пишут и знают об этом”. Он предложил поставить вопрос об издании специальных военных журналов для гражданского населения, на страницах которых в интересной, увлекательной форме новому пополнению Красной Армии можно было рассказать о трудностях и проблемах армейской службы [37. С. 63].

Командующий войсками КОВО генерал армии Г.К. Жуков “озвучил” новую интерпретацию событий советско-финляндской войны. Отметив имевшие место при подготовке и проведении боевых действий недостатки, он подчеркнул, что эта война знаменательна демонстрацией, причем “впервые в современной военной истории”, искусства прорыва “первоклассной укрепленной полосы” (“линии Маннергейма”), осуществленной при помощи “могущественной современной техники”, какую дает страна и “социалистическая промышленность” [37. С. 132]. Это выступление могло свидетельствовать о том, что кампания по борьбе с “шапкозакидательскими” настроениями, инициированная Сталиным в связи с неудачами в войне с Финляндией, сама собой сходилась на нет. Неудачи эти стали связывать исключительно с тяжелыми природными условиями, в которых приходилось действовать Красной Армии. Стойкость финских солдат рассматривалась как своеобразная аномалия. Пренебрежительное отношение к потенциальному противнику не позволяло командирам и политработникам, особенно не участвовавшим в боевых действиях, размышлять об укоренившихся в военной среде представлениях о легкости победы и всерьез готовиться к трудностям грядущей войны [105. С. 5].

Поскольку собственно военных побед ни во время практически бескровных “освободительных походов”, ни в результате кровопролитной советско-финляндской войны достигнуто не было, Сталина не могло не уязвить данное обстоятельство. Необходимо было чем-то подпитывать свои “амбициозные глобальные планы и иллюзорное сознание”. Именно поэтому постоянно “звучали” пропагандистские “фанфары” вокруг боев у озера Хасан и на реке Халхин-Гол [131. С. 13]. Эти победы “успокаивали” политработников, позволяя с удивлением и даже с неодобрением смотреть на “некоторых товарищей”, которые выражали сомнение в реальности категорического заверения пропаганды о ведении будущей войны “малой кровью” и о победах над потенциальным врагом “на его собственной территории” [105. С. 5].

Пропагандистские установки порой самым причудливым образом отражались в сознании людей. 15 февраля 1941 г. некто Н.Г. Мезенцев из г. Коломыя Украинской ССР обратился в Президиум Верховного Совета СССР с предложением о сооружении в Москве к 25-летию Октябрьской революции “Дворца Героев СССР”. В этом Дворце, по замыслу Мезенцева, должна была быть отражена, в частности, следующая тема: “Герои великих исторических побед (sic — В. Н.) на Хасане, герои Халхин-Гола”. Кроме того, он предлагал осветить пафос “освободительных походов” 1939—1940 гг. и разгрома “белофинской банды” [185. С. 24].

22 февраля 1941 г. А.И. Запорожец направил на имя А.А. Жданова пространную докладную записку о состоянии военной пропаганды среди населения [8а. С. 191-196]. Возможно, документ был составлен, исходя из сталинских указаний: в тот день А.А. Жданов и А.И. Запорожец в течение трех часов (наряду с другими многочисленными посетителями) находились в кремлевском кабинете “вождя” [34. С. 40].

Предложения начальника ГУППКА, вытекавшие из изложенной в его докладной записке негативной характеристики постановки военной пропаганды в стране, сводились к следующему. Он считал необходимым создать в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) военный отдел для координации и направления деятельности государственных и общественных организаций, а также горкомов и райкомов. А.И. Запорожец предлагал военизировать пионерскую и комсомольскую, физкультурные организации, сосредоточив внимание на подготовке физически крепкого, “воинственного” поколения, а пионерлагеря превратить “из домов отдыха в действительно учебно-военные лагеря”.

Он планировал создать специальный военный журнал для начальствующего состава. Военное издательство НКО должно было, по замыслу А.И. Запорожца, снабжать военной литературой население страны. В предложениях начальника ГУППКА намечалось увеличить тираж “Красной звезды”, чтобы обеспечить газетой военные отделы парткомитетов, военруков школ и начальствующий состав запаса.

А.И. Запорожец намечал обязать основные органы печати систематически вести военную пропаганду среди населения, а для этого — создать в редакциях военные отделы, рекрутируя туда представителей начальствующего состава. Военный отдел он предлагал организовать и в Политиздате, для налаживания выпуска литературы по марксистско-ленинской теории о войне и армии и обеспечения военной литературой партактива. Вся печать, по замыслу А.И. Запорожца, должна была усилить освещение экономического и политического положения в сопредельных странах, знакомя в первую очередь с их армиями и техническими достижениями в военной области. В лекто-

риях необходимо было организовать циклы лекций о сопредельных странах по тематике, связанной с “современной войной”.

Наркомпрос, Комитет по делам высшей школы при СНК и соответствующие научные организации следовало подключить к составлению схемы мероприятий по изучению иностранных языков, и, главное, — языков сопредельных стран, как характеризовал их начальник ГУППКА, “наших вероятных противников”.

Военный отдел, формируемый в издательстве “Искусство”, виделся ему необходимым для “массового и своевременного выпуска плакатов, мобилизующих население на оборону страны”. Музгизу следовало пересмотреть свои планы с целью издания большого количества музыкальных произведений, созвучных военной обстановке.

“Союз советских писателей, — подчеркивал А.И. Запорожец, — должен решительно стать на путь создания советской патриотической оборонной литературы. Связать писателей с армией, *заставить жить и работать в армии* (курсив мой — В. Н.), чтобы лучше знать жизнь, обстановку, людей, новые формы боя”. И вообще, ССП и Комитету по делам искусств при СНК СССР, по его убеждению, настала пора приступить к созданию пьес, воспитывающих чувства патриотизма и бесстрашия в бою.

Не обошел вниманием А.И. Запорожец и кинематографистов. Следовало предложить Комитету по делам кинематографии при СНК СССР создавать “авторитетные коллективы” для работы над фильмами, рисующими “современную войну”. К этому же разряду относился и выпуск серии короткометражных лент, “которые бы знакомили население с современными методами ведения войны, с жизнью армии, её героями, агитировали бы за развитие военного обучения и спорта”.

Наконец, необходимо было обязать Всесоюзный радиокомитет приступить к систематической военной пропаганде во всех радиопередачах, а не ограничиваться лишь трансляцией красноармейских известий [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 13-16].

Даже простое перечисление практических мероприятий, которые, по мнению А.И. Запорожца, имели первостепенное значение для усиления военной пропаганды в стране, показывает, насколько превышали эти “мобилизационные” замыслы компетенцию ГУППКА. Достаточно представить себе, какие значительные материальные затраты повлекла бы за собой реализация на практике даже малой доли этих замыслов, не говоря уже о структурных перетрясках и массовых кадровых перестановках, для которых пришлось бы привлечь массу людей, оторвав их от сугубо мирных дел. Вряд ли будучи в здравом уме, А.И. Запорожец сформулировал свои предложения, не получив предварительно “добро” у “вождя” либо у его ближайших “соратников”.

Действуя в полном соответствии с предложениями А.И. Запорожца, направленными А.А. Жданову 22 февраля 1941 г., руководство ГУППКА обратило пристальное внимание на кинематограф, как на важное средство в деле подготовки к войне. Совместно с Комитетом по делам кинематографии при СНК СССР 25 марта было проведено специальное совещание, на которое пригласили кинорежиссеров (в том числе С.М. Эйзенштейна и Г.В. Александрова), а также писателей-сценаристов В.В. Вишневского и А.Н. Афиногенова. На этом совещании было высказано предложение создать при Комитете специальный сектор “в составе компетентных представителей Красной Армии”, который бы отвечал за “оборонную работу кинематографии”. Помимо этого, возникла идея создать Оборонную комиссию работников кинематографии по примеру аналогичного органа, существовавшего при Союзе советских писателей [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 71. Л. 103].

На совещании 25 марта 1941 г. А.И. Запорожец констатировал, что дело с военными и оборонными фильмами обстоит неважно, а посему и была организована встреча с писателями и режиссерами. Говорилось “о мощи Вооруженных Сил”, отраженной в хроникально-документальном фильме “С именем Сталина”. Заключительная фраза в краткой записи В.В. Вишневского о совещании 25 марта 1941 г. выглядит так: “...удар в нов[ой] войне (мы дадим не условный, а реальный)” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2183. Л. 91-91 об., 93].

27 марта 1941 г. А.И. Запорожец обратился к А.А. Жданову с докладной запиской, в которой, в частности, подчеркивалось, что Комитет по делам кинематографии при СНК СССР не создал “мобилизационного запаса короткометражных *боевых* (курсив мой — В. Н.) фильмов о вероятном противнике” и, кроме того, не учитывает опыта деятельности “военной кинематографии и кинопропаганды” на Западе. Далее в докладной записке сообщалось о совещании в ГУППКА с участием писателей и режиссеров, а также излагалось личное предложение А.И. Запорожца о создании при Комитете по делам кинематографии Военного отдела. Руководство новообразованным отделом, по мнению начальника ГУППКА, должно было комплектоваться кадровыми военными служащими с высшим военным или политическим образованием [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 71. Л. 103].

4 апреля 1941 г. состоялось заседание актива Главного управления по производству художественных фильмов (ГУПХВ) Кинокомитета, на котором ряд выступавших поднимали вопрос о подготовке к Большой войне. Ссылаясь на речь М.И. Калинина 2 октября 1940 г., начальник ГУПХВ К.А. Полонский призвал сконцентрировать внимание “на подготовке граждан Советского Союза к большим историческим задачам, стоящим перед нашей страной в нынешней междуна-

родной обстановке”. “Весь опыт советского искусства, — подчеркнул Полонский, — должен быть сконцентрирован и направлен на *повышение мобилизационной готовности* (курсив мой — В. Н.) трудящихся Советского Союза”. Он призвал обратить исключительное внимание на постановку кинокартин “на темы оборонные, темы современные”. Присутствовавшие на заседании актива ГУПХВ поддержали К.А. Полонского и, ссылаясь на результаты совещания в наркомате обороны 25 марта 1941 г., отмечали наличие у военно-политического руководства заинтересованности в том, чтобы кинематографисты создавали как можно больше фильмов подобной тематики. Основная мысль, прозвучавшая практически во всех выступлениях представителей актива Главного управления по производству художественных фильмов Кинокомитета, сводилась к следующему: СССР готовится к Большой войне, международные события ставят его перед необходимостью вступления в эту войну.

На заседании ГУПХФ 4 апреля 1941 г. также отмечалось, что кинематографисты фактически не готовы по-настоящему к выполнению поставленной партийным и военно-политическим руководством задачи по созданию “оборонных фильмов”. В заключительном слове председатель Комитета по делам кинематографии ещё раз указал на этот недостаток. Чтобы исправить положение, разъяснял И.Г. Большаков, было решено провести “ряд организационных мероприятий”. В частности, создавалась специальная оборонная комиссия, в задачу которой входила не только подготовка сценариев и собственно фильмов названной тематики, но и установление повседневной тесной связи с НКО. В системе наркомата обороны намечалось организовать киногруппу, включив в нее лучших операторов кинохроники [РГАЛИ. Ф. 2456. Оп. 1. Д. 709. Л. 10, 95, 146, 169, 203].

Введение единоначалия в Красной Армии и упразднение института военных комиссаров (1940 г.) послужило импульсом для образования своеобразного “зазора” между теми задачами, которые ставились и решались личным составом подразделений под руководством командиров, с одной стороны, и деятельностью заместителей командиров по политчасти — с другой.

В своем выступлении на первой партийной конференции Прибалтийского особого военного округа (ПриОВО) 13 декабря 1940 г. А.И. Запорожец довольно откровенно охарактеризовал данное явление как негативное. Он, в частности, отметил, что некоторые политработники “очень упрощенно и формально поняли задачи перестройки”. Отдельные управления политпропаганды “распустили своих людей на учебу”, а сами продолжали, по словам А.И. Запорожца, “строчить невразумительные, шаблонные директивы всем, всем, всем”. В качестве примера он привел излишне активную деятельность в этом направлении, развернувшуюся в Харьковском военном округе.

По данным начальника ГУППКА, работники управления политпропаганды округа в течение всего лишь трех месяцев сумели написать... 36 директив, причем большинство из них он оценил как “совершенно ненужные” либо “просто несуразные” [85. С. 7-8].

Эта же проблема затрагивалась и на совещании высшего командного состава РККА 23—31 декабря 1940 г. Корпусной комиссар, член Военного Совета Закавказского военного округа Я.А. Доронин был вынужден признать: “Многие политработники сидят ещё и сейчас в кабинетах, пишут бумаги, прикладывают печати, в частях появляются как редкие гости и их красноармейцы не знают”. Своё постоянное отсутствие среди личного состава один из таких политработников объяснял нехваткой времени, поскольку он якобы “много пишет”. Политзанятия в округе были совершенно оторваны от задач повышения боеготовности, ибо замполиты после введения единоначалия “совершенно отошли от вопросов боевой подготовки”.

В заключительном слове на упомянутом совещании нарком обороны маршал С.К. Тимошенко констатировал: “В партийно-политической работе ещё много формализма и канцелярщины. Вместо живой, конкретной работы в массах многие политработники занимаются администрированием, чрезмерным увлечением бумажным руководством; а часть из них, не понимая существа проводимых мероприятий в Красной Армии, встала на позицию нейтральных наблюдателей и очень несмело, робко включается в дело политического воспитания бойцов и командиров” [37. С. 102, 369].

По мере усиления “мобилизационной готовности” внимание стало уделяться тому, чтобы в советскую печать проникало как можно меньше сведений о состоянии советской экономики, оборонной промышленности и дислокации частей и подразделений Красной Армии.

15 января 1941 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) поставило на вид начальнику Главлита Н.Г. Садчикову и главному редактору 10-го тома “Малой Советской Энциклопедии” за то, что в издании были помещены данные, “не подлежащие оглашению в открытой печати”: о размещении электростанций в пограничной зоне, объеме валовой продукции, производившейся в крупнейших советских городах и т. д. и т. п. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 67. Л. 61].

4 февраля 1941 г. на Секретариате ЦК ВКП(б) рассматривался вопрос о содержании двух учебников по экономической географии для вузов, выпущенных в 1940 г. Секретариат признал ошибочным допущенное по вине Главного комитета по делам высшей школы при СНК СССР опубликование в этих учебниках экономических карт пограничных районов и областей и оглашение сведений об их промышленном развитии. Было принято решение задержать выпуск в свет названных изданий, а виновным поставить на вид. Секретариат

ЦК ВКП(б) также поручил Главлиту установить тщательный контроль за печатной продукцией, содержащей “данные об экономическом развитии районов и областей СССР”, в особенности — пограничных.

7 февраля 1941 г. был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б) “О мероприятиях по усилению охраны государственной (военной и экономической) тайны в печати” за подписью Г.Ф. Александрова и А.А. Пузина. В документе подчеркивалось, что в периодической печати, а также в книгах и брошюрах, в открытых постановлениях наркоматов и других учреждений разглашаются многочисленные сведения оборонного характера. Отмечалась неудовлетворительная работа органов Главлита. Лишь в 1940 г. его сотрудники сделали 38500 “вычерков” из материалов, подготовленных к печати. В этих материалах раскрывались места, где дислоцировалось 37 воинских соединений, 20 корпусов, 51 дивизия, а также другие подразделения, военные городки, училища, оборонные предприятия.

Как отмечалось в проекте постановления ЦК ВКП(б), по поручению УПА Главлит подготовил новый перечень сведений, составлявших государственную тайну, взамен устаревшего, относившегося к 1926 г. Примечательно, что к перечню были приложены “Дополнения на военное время” из 18-ти пунктов [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 283. Л. 34–89].

Помимо чисто военных пропагандистских структур, таких как, например ГУППКА, тенденция к усилению “мобилизационной готовности” имела место и в “гражданских” ведомствах. 25 декабря 1940 г. ответственный руководитель ТАСС’а Я.С. Хавинсон обратился к начальнику УПА Г.Ф. Александрову с докладной запиской, из которой следовало, что Управление пропаганды и агитации ЦК намеревалось ознакомиться с работой этого учреждения. Хавинсон предлагал обсудить некоторые предложения, связанные с решением организационных вопросов. В частности, он подчеркивал, что объединение деятельности различных советских организаций, работающих за границей (имелась в виду прежде всего работа ТАСС’а) приобретает особое значение “в целях серьезной, по-государственному поставленной, подготовки на случай войны”. “Совершенно очевидно, — разъяснял свою позицию ответственный руководитель Телеграфного Агентства Советского Союза, — что уже теперь необходима самая тщательная подготовка базы радиовещания на сопредельные страны, а также подготовка кадров для вещания: подбор определенной литературы справочного и описательного характера; подготовка к печати брошюр, плакатов, листовок на различных языках, подготовка полиграфической базы и плана изданий; подготовка резервных средств связи и т. д.”.

Я.С. Хавинсон предлагал также с учетом особого значения “дела военной пропаганды в нашей печати” создать в составе ТАСС’а

редакцию (отдел) военной информации и пропаганды с задачами обслуживания всей печати не только информационными материалами, но и статьями. Эта редакция, по его мысли, должна была сгруппировать вокруг Телеграфного Агентства лучших советских военных публицистов и подготовить на основе “изучения соответствующего опыта” (в том числе и заграничного) контингент “квалифицированных военных корреспондентов” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 57. Л. 33, 36].

Нетрудно заметить, что предложения Я.С. Хавинсона перекликались с вышеупомянутой докладной запиской А.И. Запорожца от 22 февраля 1941 г.

3 марта 1941 г. заведующий редакцией иностранной информации ТАСС Д.Д. Монин направил в УПА ЦК ВКП(б) свои “Предложения по вопросу о структуре центрального аппарата ТАСС и улучшению работы редакции иностранной информации”. В документе настоятельно рекомендовалось увеличить долю собственного аналитического материала и “большевистски заостренной информации по основным вопросам международного положения”. При этом Д.Д. Монин предлагал исходить из необходимости разрешения основной задачи — придания пропаганде “активного боевого тона”, чтобы “держат народ в боевой готовности” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 57. Л. 11, 12].

10 марта 1941 г. ответственный руководитель ТАСС Я.С. Хавинсон адресовал в УПА на имя А.А. Пузина проекты положений о Комитете по делам информации, о ТАСС’е, а также проект предложений по совершенствованию работы Телеграфного Агентства Советского Союза. Наряду с укреплением и расширением тассовской корреспондентской сети в Германии, Англии, США, Японии, на Ближнем Востоке, в Турции, Хавинсон предлагал обратить “особое внимание на колониальные и полуколониальные страны”. Ответственный руководитель ТАСС’а считал, что, сосредоточившись на обеспечении разносторонней информации об экономическом положении в капиталистических странах, следовало организовать “повседневный показ лишений, голода, безработицы и нищеты трудящихся масс и их борьбы с гнетом капиталистической эксплуатации”, и особо — “продовольственных трудностей”.

В своих “Предложениях...” Хавинсон не забыл и область “оборонной пропаганды и информации”. Для этого он считал целесообразным организовать совместно с ГУППКА при центральном аппарате ТАСС’а “подготовку военных корреспондентов”. Более определенно мысль об использовании тассовских возможностей для “мобилизационных целей” проводилась в проекте “Положения о Всесоюзном комитете по делам информации при СНК СССР” (прообраза Совинфрмбюро). Этот комитет должен был, по мысли инициаторов его создания, “проводить все необходимые мероприятия по подготовке

и укомплектованию агитационно-пропагандистского аппарата на случай войны” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 57. Л. 15, 16, 17, 19, 22].

Предложения Д.Д. Монины и Я.С. Хавинсона были переданы в 20-х числах апреля 1941 г. на рассмотрение в ЦК ВКП(б) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 57. Л. 14, 29].

В марте—апреле 1941 г. ТАСС начал непосредственную подготовку к пропагандистской войне против ведомства Геббельса. Были собраны соответствующие материалы (выдержки из книги “Майн кампф” Гитлера, статьи о нацистском произволе в Польше и Югославии и т. д. и т. п.). В составе ТАСС’а возникла (пока ещё в большой тайне) новая редакция пропаганды во главе с Я.С. Хавинсоном. Однако официально эта редакция развернула свою работу лишь после 22 июня 1941 г. [118. С. 169].

Таким образом, пропагандистские структуры загодя стали готовиться к предстоящей Большой войне. Но непосредственные указания, что и как необходимо делать в процессе этой подготовки задействованные в них люди уяснили достаточно хорошо лишь после выступлений Сталина в Кремле 5 мая 1941 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ СТАЛИНСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ 5 МАЯ 1941 г.

1. ВЕРСИИ И ИСТОЧНИКИ

6 мая 1941 г. центральные советские газеты на первых полосах сообщали, что накануне Сталин выступил с сорокаминутной речью перед выпускниками военных академий РККА, а затем в Кремле состоялся торжественный прием по случаю этого важного события. Но ни в те дни, ни в годы Великой Отечественной войны, ни десятилетия спустя после Победы текст этой сталинской речи не был опубликован, хотя упоминания о ней содержались в мемуарной и исследовательской литературе. Первое официальное изложение высказываний Сталина на выпуске военных академий, появившееся в “Правде” [72.] и других центральных советских газетах, было настолько лаконичным, что не позволяло объективно судить об их содержании. “По горячим следам” события представители разведслужб и иностранные дипломаты попытались самостоятельно получить дополнительные сведения о содержании этой речи [39. Док. № 52, 63].

Ф. Шуленбургу информацию на сей счет передал работавший в Москве корреспондент Германского информационного агентства (ДНБ) Э. Шулле. Шулле, в свою очередь, стал её обладателем благодаря анонимному “информатору” (“источнику”). Опираясь на добытые данные, Ф. Шуленбург 4 июня 1941 г. направил в Берлин подробное сообщение. Со ссылкой на мнение слышавших сталинскую речь в Кремле он подчеркнул, что советское руководство вело подготовку к новому “компромиссу с Германией” [160. С. 303-304; 241. С. 37; 275. С. 28; 231. S.323].

Так возникла получившая широкое распространение в историографии **первая версия** о содержании сказанного Сталиным в выступлении перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г.

Вторая версия по смыслу полностью отличалась от вышеизложенной. Она основывалась на показаниях плененных в ходе Великой Отечественной войны командиров и политработников Красной Армии, присутствовавших на торжественном приеме в Кремле. Они показали на допросах, а также в беседах с германскими представителями, что Сталин призывал тогда покончить с оборонительными лозунгами, мирной политикой. Он якобы говорил, что пришло время для расширения фронта социализма вооруженной силой, и решать подобную задачу призвана Красная Армия, которая должна готовиться к наступательной войне против Германии [151. С. 34, 81; 230. S.106-107; 241. С. 36; 339. С. 23].

В некоторых из такого рода бесед участвовал Г. Хильгер, до 22 июня 1941 г. являвшийся советником посольства Германии в СССР и знавший русский язык. Сведения, сообщенные очевидцами из числа бывших командиров Красной Армии, были переданы в ведомство Риббентропа и немедленно использовались в пропагандистских целях. Особенно беспрецедентно выглядело заявление по этому поводу, сделанное 19 октября 1943 г. имперским министром иностранных дел Германии главе болгарского правительства Б. Филову. По версии Риббентропа, Сталин, выступая перед выпускниками военных академий РККА, недвусмысленно заявил о подготовке СССР нападения на Германию, намечавшегося на август 1941 г. [241. С.36].

В директиве Риббентропа немецкому посланнику в Ирландии (16 февраля 1945 г.), в частности, говорилось, что ещё в мае 1941 г. большевистский лидер “открыто проповедовал войну против Германии”. Здесь же подчеркивалось: данный факт подтвердили плененные “русские офицеры”, видные чины, присутствовавшие на “военном банкете” [17. С. 310].

Третья версия сказанного Сталиным на выпуске военных академий в Кремле, которая широко распространилась на Западе, возникла также в годы войны. Она была изложена британским журналистом А. Вертом. Верт работал в Москве с июля 1941 г. по 1945 г. Данная версия являлась как бы синтезированным вариантом двух вышеназванных и сводилась к следующему. Сталин якобы предупреждал военных “академиков”, что Германия “в недалеком будущем” сможет напасть на СССР, однако, Красная Армия ещё недостаточно сильна, чтобы справиться с немцами (техническая оснащенность далека от совершенства, основная масса бойцов имеет слабую подготовку, укрепрайоны на новых границах не оборудованы до конца). В этой обстановке необходимо всеми средствами, в первую очередь, дипломатическими, оттягивать нападение немцев на Советский Союз, хотя надежды на успешный исход подобной тактики мало. Если же удастся оттянуть войну до 1942 г., то вполне возможно, что СССР возьмет на себя инициативу её начала [165. С. 138-139].

Три названные версии в течение десятилетий являлись отправными точками в дискуссиях о событиях, предшествовавших началу советско-германской войны, которые вплоть до конца 80-х гг. велись преимущественно среди западных исследователей. Но все они в той или иной степени подвергались критике.

Уже в мемуарах Г. Хильгера была взята под сомнение истинность сведений, сообщенных неким “информатором” через корреспондента ДНБ Э. Шулле и положенных в основу донесения в Берлин от 4 июня 1941 г. Хильгер отметил, что эти сведения “резко противоречили” сообщениям, полученным им впоследствии от пленных командиров Красной Армии.

Не найдя “достоверного объяснения” различию между двумя версиями одного и того же выступления Сталина, бывший германский дипломат высказал в книге воспоминаний следующее предположение: советская сторона преднамеренно организовала “утечку информации”, в результате чего в руки Шуленбурга попала дезинформация, опираясь на которую и был сделан неверный вывод о сталинском миролюбии в отношении Германии. В то же время Хильгер не сомневался в правильности сведений, которые сообщили ему лично пленные офицеры Красной Армии, поскольку у них не было никакой возможности предварительно согласовать между собой показания [151. С. 81].

Предположения Г. Хильгера оказались верны. Э. Шулле проявлял большую активность в добывании сведений о жизни в СССР. В 1940 г. он обращался к председателю правления ВОКС’а В.С. Кеменову с просьбой о содействии, однако со стороны ЦК ВКП(б) и руководства НКВД’а последовали указания на имя последнего о том, что “нецелесообразно развивать широкое знакомство и общение иностранных корреспондентов с советскими гражданами” [300. С. 29].

Затем Э. Шулле пытался добиться от руководства отдела печати НКВД’а получения интервью видных государственных деятелей СССР [129. С. 230]. Зная о подобной “активности” корреспондента ДНБ, советская сторона свела его с неким “информатором”, который и сообщил данные о содержании сталинских высказываний 5 мая 1941 г. в необходимом для большевистского руководства контексте [204. С. 485; 241. С. 37].

Таким образом, первая версия выступления Сталина перед выпускниками военных академий РККА не выдерживает никакой критики и, как представляется, должна быть отвергнута.

Анализируя вторую из вышеназванных версий, западные историки обращали внимание на спорность источников, на которых она базировалась — материалов бесед и допросов советских военнопленных. Эти военнопленные (которых, к сожалению, иногда называют в одном ряду с “перебежчиками”) якобы выражали готовность “дать

такие показания, которые были желательны для их новых начальников” [314. С. 469, 475, прим. 58].

Автор третьей версии сталинских выступлений 5 мая 1941 г. А. Верт, как считалось, прибегал к неточному цитированию при их интерпретации. Кроме того, возник закономерный вопрос: почему сведения о них, уже после 22 июня 1941 г. переданные просоветски настроенному журналисту из Великобритании, должны считаться правильными? Б. Пиетров-Эннкер высказала следующее предположение: не исключено, что передавая после 22 июня 1941 г. А. Верту информацию о содержании упомянутого сталинского выступления, советская сторона намеревалась скрыть свои политические ошибки в отношении Германии утверждениями об имевшейся якобы возможности в 1942 г. ликвидировать гитлеровское господство в Европе силой оружия [314. С. 469].

Однако, вопреки собственным выводам о недостоверности имевшихся в их распоряжении источников, некоторые авторы уверенно заявляли: эти источники “свидетельствуют в совокупности с другими данными”, что Сталин весной 1941 года, исходя из трезвой оценки соотношения сил, надеялся путем различных уступок склонить Гитлера к заключению нового договора и тем самым выиграть время для дальнейшего вооружения страны и “выравнивания” в военном отношении с Германией [275. С. 28, 29].

Итак, первые попытки интерпретации сталинских выступлений 5 мая 1941 г., предпринимавшиеся зарубежными исследователями с привлечением косвенных свидетельств об их содержании (полученных главным образом “не из первых рук”), привели по существу к тупиковой ситуации. Имевшие хождение версии были подвергнуты критическому анализу, но обнаружилось лишь соответствие каждой из них преобладавшему в то или иное время “политическому настроению” [174. С. 292].

Единственное, в чём сходились даже непримиримые научные оппоненты, это фиксация ими двух событий в ходе торжеств в Кремле по случаю выпуска военных академий: собрания, на котором Сталин выступил с сорокаминутной речью, и приема (банкета), где он провозглашал тосты и произнес одну реплику. Но подобное уточнение отнюдь не снимало необходимости введения в научный оборот записи текста сталинских выступлений 5 мая 1941 г., что стало возможным лишь после подключения к дискуссии российских историков. Ведь несмотря на признание неоднозначности и важности речи Сталина перед выпускниками военных академий, типичной для западных исследователей являлась констатация того, что она не была опубликована, продолжая оставаться “тайной московского архива” [275. С. 29].

Советские историки, в отличие от западных ученых, по понятным причинам не могли принять версию о сталинских наступательных

замыслах, якобы откровенно изложенных им 5 мая 1941 г. Было позволено критиковать Сталина за неподготовленность СССР к отражению германской агрессии, а наступательные замыслы большевистского военно-политического руководства оставались до конца 80-х гг. “закрытой темой” [176. С. 80].

В работах советских авторов, как правило, вообще не назывались источники, откуда бралась ими информация при трактовке сталинских высказываний перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. Трудно найти рациональное объяснение этой странной историографической “традиции”. Вряд ли вина за её появление лежит целиком и полностью на самих исследователях: “загадка” сталинской речи 5 мая 1941 г. возникла “преднамеренно” [241. С. 37].

В 1965 г. на русский язык была переведена книга А. Верта, однако лишь “для служебного пользования”. Широкому читателю в СССР так и не довелось тогда ознакомиться с “версией Верта” о содержании сталинских выступлений 5 мая 1941 г.: во втором русскоязычном (так называемом “авторизованном”) издании его труда соответствующие страницы были “изъяты” [Ср.: 165. С. 138-139 и 166. С. 75].

В конце 60-х — начале 70-х гг. в советскую печать проникли некоторые свидетельства представителей советского высшего военного руководства о содержании выступлений Сталина, прозвучавших буквально накануне германского нашествия. Так, в мемуарах Г.К. Жукова, первое издание которых увидело свет в 1969 г., данному сюжету отведено сравнительно много места. Будучи в 1941 г. начальником Генерального штаба Красной Армии, Жуков, вероятно, записал основные положения услышанного на выпуске военных академий либо использовал записи, сделанные другим лицом. Но торжественное собрание и приём (банкет) в Кремле 5 мая 1941 г. в мемуарах Г.К. Жукова были “объединены” в одно событие [116. С. 374-375]. Подобного рода трактовка часто встречается в ряде других мемуарных источников, документальных публикаций и исследований [17. С. 310; 138. С. 52; 156. С. 90-91; 160. С. 303; С. 205; С. 439; 194. С. 178; 210. С. 169; 211. С. 286; 276. С. 12]. Происходившее в Кремле 5 мая 1941 г. называют также “встречей” Сталина с выпускниками военных академий [39. С. 228-229, прим. 84].

Лишь в первой половине 90-х гг., наконец, были введены в научный оборот тексты выступлений Сталина перед выпускниками военных академий, основанные на архивных документах. Вначале А.Г. Латышев обнародовал запись сталинской речи 5 мая 1941 г., но, к сожалению, без точной ссылки на источник [87.]. Затем последовали более полные публикации, включавшие тексты не только речи, но также — реплики и тостов “вождя” на торжественном приёме (банкете) по случаю выпуска военных академий РККА. Они были

выявлены в бывшем Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, а запись этих сталинских высказываний принадлежала сотруднику наркомата обороны К. Семёнову. Л.А. Безыменский передал рукопись этого источника немецкой исследовательнице И. Фляйшхауэр [231. С. 406], а затем опубликовал его в Германии [346.]. Позднее благодаря публикации А.А. Печенкина запись сталинских выступлений 5 мая 1941 г., сделанная К. Семёновым [92.], стала объектом изучения и в России

Особый интерес вызвала в записи Семёнова реплика на банкете, состоявшемся после произнесения Сталиным его речи. Текст этой реплики неоднократно публиковался в работах российских историков [92. С. 30; 220. С. 40; 276. С. 13; 292. С. 9-10]. Смысл её сводился к тому, что СССР и Красной Армии настало время переходить от обороны к “военной политике наступательных действий”, начать перестройку воспитательной работы, пропаганды, агитации, печати в стране в наступательном духе.

После того, как данное сталинское указание стало известно исследователям, развернулась дискуссия по коренному вопросу: готовился ли Сталин к наступательной войне или он настраивал армию и народ исключительно на оборонительные действия, зная о неизбежном нападении Германии на СССР. В ходе дискуссии большинство историков придерживалось традиционной точки зрения о сугубо оборонительной тактике советского лидера. Однако было высказано мнение, что Сталин после 5 мая 1941 г. взял на себя инициативу подготовки активных, наступательных действий.

А.Г. Латышев отверг версию, которая, по его словам, разрабатывалась в западной литературе, относительно прозвучавшего из уст советского лидера призыва “к нападению на гитлеровскую Германию”. Сохранившиеся записи сталинских выступлений перед выпускниками военных академий действительно не содержат прямых высказываний “вождя” о его намерении напасть на Германию. А.Г. Латышев отметил, что воспоминания о сталинской реплике на сей счет “тоже представляют определенный интерес, но *требуют особого подхода*” (курсив мой — В. Н.) [87. С. 15].

Д.А. Волкогонов и Л.А. Безыменский упоминали о сталинской наступательной риторике, прозвучавшей 5 мая 1941 г. Но оба утверждали, что высказывание Сталина о необходимости активных действий (в случае, если оно действительно имело место) вполне “укладывалось” в тогдашнюю советскую военную доктрину о переходе “после нападения противника от обороны к собственному наступлению” [241.; 252.].

Большинство российских и западных историков использовали полемику вокруг содержания сталинских выступлений перед выпускниками военных академий РККА прежде всего для доказательства

несостоятельности взглядов В. Суворова и Й. Хоффмана. Не вдаваясь в подробности, В.А. Анфилов назвал тезис о сталинском намерении “взять инициативу в свои руки”, прозвучавшем в речи 5 мая 1941 г., “ложью”. Он весьма скептически отнесся к выявленным Хоффманом немецким материалам допросов военнопленных командиров и политработников Красной Армии. Объективность показаний этих очевидцев, утверждал В.А. Анфилов, “учитывая зверства фашистских оккупантов (sic — В. Н.), вряд ли высока”. По крайней мере, оговаривался историк, российские исследователи не используют названный источник “для подтверждения сколько-нибудь серьезных выводов” [237].

А.Н. и Л.А. Мерцаловы задавались следующим вопросом: “что (выделено авторами — В. Н.) могли знать эти офицеры и даже генералы об истинных намерениях Сталина, насколько правдивы их слова, записанные в фашистских концлагерях?” [176. С. 44]. Конечно, следует учитывать, что показания советских военнопленных (даже если они являлись очевидцами и сами слышали сказанное Сталиным на торжествах в Кремле по случаю выпуска военных академий РККА) окончательно оформлялись в письменном виде представителями германского командования, и, естественно, интерпретировались, исходя из сложившейся тогда политической конъюнктуры. Даже немцы в ходе войны 1941—1945 гг. не пришли к единому выводу о степени объективности этих показаний [314. С. 475, прим. 58; 339. С. 22]. В любом случае, рассматривать материалы упомянутых допросов и бесед необходимо только после сопоставления с другими имеющимися документами и материалами и тщательного источниковедческого анализа.

Но в пылу полемики А.Н. и Л.А. Мерцаловы пошли на отрицание даже своих собственных утверждений, высказанных ещё до её начала. В книге названных российских авторов, изданной в 1992 г., отмечается: “О наступательных намерениях Красной Армии (“бить врага на его территории”) в СССР в 30-е — начале 40-х гг. говорили постоянно и во весь голос. *Снова подчеркнул это Сталин в речи перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г.*” (курсив мой — В. Н.) [191. С. 75]. Из приведенной цитаты следует, что А.Н. Мерцалову и Л.А. Мерцаловой было известно содержание сталинских высказываний, адресованных военным “академикам”.

Между тем, в своей статье, написанной в 1994 г., они... опровергли тезис о наличии у советского лидера наступательных замыслов накануне 22 июня 1941 г. А.Н. и Л.А. Мерцаловы выдвинули беспрецедентное обвинение в адрес Й. Хоффмана. Последний якобы оперировал “предполагаемыми намерениями Сталина, его речью 5 мая 1941 г., содержание которой науке, к сожалению, неизвестно” [176. С. 44].

После введения в научный оборот источников о содержании сталинских высказываний перед выпускниками военных академий

РККА ссылки на то, что они “неизвестны науке” выглядели анахронизмом. Но по-прежнему на пути объективного изучения важного и коренного вопроса о подготовке Сталина к наступательной войне встали препятствия субъективного характера, а именно: недопонимание либо нежелание признать очевидную значимость сталинских выступлений 5 мая 1941 г.

Л.А. Безыменский стремился доказать, что сталинский призыв о необходимости воспитывать Красную Армию в наступательном духе оказался лишь агитационной установкой. Он призывал не сбрасывать со счета “хвастливые заявления Сталина о наступательной мощи Красной Армии”, ибо последний был “великим мистификатором”, а также сделал безапелляционный вывод: “вождь” жестоко просчитался [214. С. 271]. Подобного рода выкладки, учитывая весьма скептическое отношение к научной добросовестности самого Л.А. Безыменского как среди зарубежных [339. С. 21], так и среди российских авторов [214; 336. С. 56], не могут не настораживать.

Вероятно, под влиянием интерпретаций сталинских выступлений 5 мая 1941 г., сделанных Л.А. Безыменским, И. Фляйшхауэр и Г. Городецкий пытались даже доказать, что существительное “наступление” в русском языке означает... “оборона”, что совершенно необоснованно [307. С. 59-60].

Крайне неубедительно выглядит попытка Городецкого доказать, что вся риторика Сталина в той части его речи 5 мая 1941 г., которая касалась характеристики действий вермахта, якобы сводилась к предостережению советской стороны от “экспансионистской (читай: наступательной — В. Н.) войны”. Основной аргумент, выдвигаемый в обоснование подобной версии, представляется весьма двусмысленным: советскому лидеру якобы “казалось”, что война такого рода “снизит моральный дух войск и будет мешать ведению боевых действий” [174. С. 293].

Г.А. Куманев и Э.Э. Шкляр, с одной стороны, совершенно справедливо указывали на обоснованность сталинской приверженности идее наступательной войны в конкретных условиях 1941 г., поскольку эта приверженность “определялась необходимостью выбора лучшего стратегического плана” ведения боевых действий. С другой стороны, при анализе содержания речи Сталина перед выпускниками военных академий, у них создалось впечатление, что дело шло о “заранее запланированной утечке информации”, об “искусно подготовленной, на высшем уровне... широко задуманной дезинформации”. Ибо, по мнению Г.А. Куманева и Э.Э. Шкляра, трудно иначе объяснить прозвучавшие на торжественном собрании и приёме (банкете) в Кремле сталинские “откровения” о реорганизации Красной Армии и “подготовке её в наступательном духе”, которые, к тому же, делались “с использованием конкретных цифр” [276. С. 13, 14].

Не вызывает сомнения утверждение А.А. Печенкина, который подобно Г.А. Латышеву считал, что сталинские призывы о необходимости перестройки советской пропаганды, прозвучавшие на банкете в Кремле по случаю выпуска военных академий РККА, ещё не означали, что СССР готовился летом 1941 г. напасть на Германию. Однако это вовсе не мешает трактовать сказанное Сталиным на выпуске военных академий как нечто важное, наполненное новым содержанием. В данной связи нельзя не привести мнение историка Н.П. Шуранова, назвавшего среди главных событий, произошедших 5 мая 1941 г. (беседа Ф. Шуленбурга с В.Г. Деканозовым, спецдонесение начальника Главного разведывательного управления Ф.И. Голикова), и сталинское выступление в Кремле. Оно, по мнению Шуранова, как и другие события того дня определило “безусловную неизбежность ещё одного этапа в развитии европейских, да и международных отношений” [227. С. 13].

Особняком стоят в ряду дискуссионных мнений о значимости сталинских выступлений 5 мая 1941 г. суждения Ю.Н. Афанасьева. Афанасьев необоснованно попытался поставить его в один ряд со сталинскими речами, якобы произнесенными на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 19 августа 1939 г. и на Главном военном совете 14 мая 1941 г. [179. С. 21-22]. Источник, на основании которого была сделана публикация речи Сталина на Политбюро 19 августа 1939 г., требует критического анализа. Что касается выступления на ГВС 14 мая 1941 г., то “вождь” на этом заседании просто не присутствовал (см. об этом ниже).

Таким образом, несмотря на введение в научный оборот архивной записи выступлений Сталина перед выпускниками военных академий РККА 5 мая 1941 г., их содержание продолжает трактоваться историками по-разному. Во многом данное обстоятельство объясняется отсутствием комплексного изучения всех имеющихся в распоряжении исследователей источников на сей счет.

Между тем, в первой половине 90-х гг., наряду с архивными публикациями источниковая база материалов о содержании выступлений Сталина на торжествах в честь выпускников военных академий пополнилась за счет введения в научный оборот ранее не известных свидетельств участников этих торжеств, а также — современников событий.

Помимо переиздания мемуаров Г.К. Жукова, были напечатаны записанные по памяти воспоминания, принадлежащие присутствовавшим на этих торжествах адмиралу Н.Г. Кузнецову [119.], выпускникам военных академий РККА Э. Муратову [125.] и Н.Г. Лященко [123.]. Историк В.А. Анфилов опубликовал интервью Г.К. Жукова, которое маршал дал ему в 1965 г., где содержались новые подробности о содержании сталинской речи 5 мая 1941 г. [132.].

Несомненный интерес представляет запись допроса Я.И. Джугашвили, сделанная немцами летом 1941 г. [10. Док. № 98]. Введена в научный оборот подлинная стенограмма обсуждения в ИМЛ при ЦК КПСС книги А.М. Некрича "1941, 22 июня", состоявшегося в феврале 1966 г. В ней зафиксированы суждения о содержании сталинских выступлений перед выпускниками военных академий современника событий полковника запаса В.А. Василенко [194. Прилож. III. С. 304]. Г. Городецкий в интерпретации сталинских высказываний использовал, помимо других, такой уникальный источник, как дневниковые записи Г.М. Димитрова [174.]. Нами выявлена пока не опубликованная дневниковая запись В.В. Вишневого, содержащая тезисное изложение речи 5 мая 1941 г. [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 31].

Имеется возможность, опираясь на эти источники и на достижения историографии, более обстоятельно проанализировать содержание "загадочной" речи и не менее таинственной реплики Сталина, прозвучавших буквально за несколько недель до начала советско-германской войны.

Однако прежде чем проделать аналитическую работу по изучению названных источников, крайне необходимую для понимания подлинных намерений большевистского руководства в жанре вооруженного столкновения с Германией, а также для выяснения значимости сталинских указаний, отразившихся в его выступлениях 5 мая 1941 г., следует остановиться на характеристике происходивших тогда событий.

2. ВОССТАНАВЛИВАЯ ЦЕПЬ СОБЫТИЙ...

В исследовательской литературе справедливо указывалось, что сказанное Сталиным 5 мая 1941 г. следует рассматривать прежде всего в контексте тех событий, которые происходили как в политической, так и в военной областях [174. С. 291-292]. В историографии можно встретить различные оценки происходившего.

Было отмечено, что речь Сталина перед выпускниками военных академий была произнесена в тот момент, когда Гитлер стал явно нарушать советско-германские соглашения и уже просто не считался со своим "партнером" Сталиным. Отсюда — двойственность в действиях большевистского лидера, якобы проявившаяся в выступлении 5 мая 1941 г.: сочетание решимости дать отпор немцам с опасением германской агрессии [87. С. 15-16.].

По свидетельству современников, обстановка начала мая 1941 г. давала повод для осознания того, "что *приближаются грозные события*" (курсив мой — В. Н.). Сталин намеренно обращался к представителям "цвета Красной Армии": ведь именно с ними были сопряжены

расчеты и надежды “вождя” [241. С. 37]. В свою очередь, военную элиту волновала все более накалявшаяся обстановка на западных границах СССР, где происходила опасная концентрация немецких войск. Не веря в долговечность советско-германского пакта о ненападении, командиры и политработники РККА “хотели знать, что думает по этому поводу руководитель страны” [92. С. 27]

К началу мая 1941 г. внешнеполитическая ситуация складывалась неблагоприятно для СССР. Гитлер активизировал свои действия на Балканах, самым непосредственным образом затрагивая советские интересы в этом регионе.

25 марта 1941 г. Югославия присоединилась к “оси” Германия—Италия—Япония, что вызвало недовольство в Москве. В ночь с 26 на 27 марта 1941 г. в результате государственного переворота к власти в Югославии пришло пробритански настроенное правительство Д. Симовича. 5 апреля (на деле уже 6 апреля) 1941 г. в Москве был подписан Договор о дружбе и ненападении между СССР и Югославией [2. Док. № 503].

Буквально через несколько часов после подписания этого договора германские войска напали на Югославию и Грецию. Балканские события имели сильный резонанс в различных слоях общества, особенно среди представителей интеллектуальной элиты. В.В. Вишневский зафиксировал в своем дневнике “подъем, нервное возбуждение” окружающих. Люди задавались вопросами: как понимать договор СССР с Югославией, как расценивать взаимоотношения с Германией в сложившихся условиях? Представители художественной интеллигенции Москвы не отходили от радиоприемников, ловя передачи из Белграда, Лондона, Берлина и даже из Бейрута.

В.В. Вишневский, как и другие современники событий внимательно следивший за развитием событий на Балканах, сетовал на недостаток официальной информации о них: “Мы, в сущности, знаем мало. Пресса молчит о наших чувствах, замыслах, предложениях”. 12 апреля 1941 г. он, как автор сценария художественного фильма “Первая Конная” (съёмки близились к завершению), вместе с представителями съёмочной группы участвовал в Кремле в беседе с маршалом К.Е. Ворошиловым. Ворошилов, занимавший тогда ряд ответственных постов в государственном и военном руководстве страны, выступал в роли консультанта этой кинокартины. Вишневский поспешил заверить его, что у советских людей налицо готовность к войне против Германии, а также сохранились привитые ещё до заключения пакта о ненападении от 23 августа 1939 г. антифашистские настроения [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 18, 22].

Советская печать, “по вполне понятным причинам” (имеется в виду стремление не обострять отношения с Германией), реагировала на германскую вооруженную акцию против Югославии сдержанно,

однако “в народе” это вызвало возмущение. В своем письме на имя А.А. Жданова вышеупомянутый “Гражданин”, не без основания, спрашивал: что конкретно сделано советским руководством для предотвращения разгрома Югославии немцами и был ли выражен хотя бы словесный протест после того, как она “подверглась нападению со стороны нашего “друга” Гитлера?” [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 895. Л. 43].

Большевистское руководство отнеслось к договору с Югославией от 5 апреля 1941 г. весьма двусмысленно. Оно пошло навстречу пожеланиям югославских дипломатов и в той части соглашения, где формулировались предполагаемые действия договаривающихся сторон в случае нападения на одну из них третьей страны, внесло вместо слова “нейтралитет” термин “политика дружественных отношений”. В телеграмме заместителя народного комиссара иностранных дел А.Я. Вышинского советскому дипломатическому представителю в Белграде В.З. Лебедеву от 6 апреля 1941 г. говорилось, что в окончательной формулировке договора слово “нейтралитет” исключено с целью “не дать основания считать, что СССР в случае нападения на другую Договаривающуюся сторону умывает руки и остается безразличным к судьбе этой Стороны”, т.е. Югославии [41. Док. № 321].

Однако после начала германо-югославской войны сталинское руководство безучастно наблюдало за стремительным развитием событий на Балканах, приведших к поражению Югославии и Греции, которое нанесла им Германия. Позднее, 21 июня 1941 г. В.М. Молотов заявил в беседе с Ф. Шуленбургом: “Советско-югославский пакт, который так раздували за границей, как противоречащий советско-германским взаимоотношениям, ограничен... узкими рамками и не мог отразиться на наших взаимоотношениях” (имелись в виду взаимоотношения между СССР и Германией — В. Н.) [150. Док. № 1].

Но несмотря на нежелание до поры идти на конфронтацию с Германией весной 1941 г. в Москве все-таки решили предпринять некоторые завуалированные антигерманские акции. В марте сталинской премии удостоились создатели художественного фильма “Александр Невский” (1938 г.). Этот фильм, носивший ярко выраженную антинемецкую направленность, перестал открыто демонстрироваться после подписания известных соглашений между СССР и Германией от 23 августа и 28 сентября 1939 г. В апреле 1941 г., когда возникла напряженность в связи с балканскими событиями, кинолента вновь появилась в прокате. Присуждение ей Сталинской премии было воспринято в СССР как антигерманская акция [108. С. 55]. В газете “Правда” появилась статья о творчестве С.М. Эйзенштейна, в которой давалась высокая оценка картины “Александр Невский” [60.].

Определенный резонанс среди представителей интеллектуальной элиты имел сталинский телефонный звонок писателю И.Г. Эрен-

бургу. Последний, как отмечалось выше, то и дело наталкивался на серьезные препятствия со стороны цензуры, которая не пропускала в печать его статьи и произведения, носившие антифашистский характер. “Неудовольствие” в ЦК ВКП(б) было проявлено и по отношению к Вишневскому, намеревавшемуся опубликовать роман Эренбурга “Падение Парижа” в журнале “Знамя”. В свою очередь, З.С. Шейниса обвинили в том, что он “пригрел” в газете “Труд” И.Г. Эренбурга, которого недоброжелатели называли “невозвращенцем”.

З.С. Шейнис решил обратиться с письмом “в высшие сферы”, доказывая абсурдность обвинений. Скорее всего, это письмо возымело действие. 24 апреля 1941 г. Сталин позвонил Эренбургу, поинтересовался, будут ли изображены в романе “Падение Парижа” немецкие фашисты. Писатель ответил положительно, но выразил неуверенность по поводу возможности публикации третьей части произведения, где намеревался показать начало военных действий Германии против Франции и первые недели оккупации немцами французской столицы: ведь употребление им даже в диалоге слова “фашисты” вызывало раздражение цензоров. Сталин обещал содействие.

Писатель, во-первых, понял из этого разговора, что в скором времени неизбежна война между СССР и Германией, а во-вторых, что дело заключалось вовсе не в литературе — Сталин прекрасно осознавал: “о таком звонке будут говорить повсюду”.

Первым делом, Эренбург направился в редколлегия журнала “Знамя” и рассказал о телефонном разговоре со Сталиным. Немедленно из ЦК ВКП(б) позвонил “тот самый товарищ”, который ранее “ругал” В.В. Вишневского, и заявил, что “произошло недоразумение” [144. С. 228]. По поводу этого инцидента сам Вишневский записал в дневнике 5 мая 1941 г. следующее: “Впечатления последних дней. Рассказ Эренбурга о том, как ему позвонили из ЦК и как Сталин беседовал о “Падении Парижа” и пр. Видимо, это *политически нужная тема*” (курсив мой — В. Н.) [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 29].

Звонок Сталина Эренбургу явился своеобразным сигналом, свидетельствовавшим о решении большевистского руководства вновь взять на вооружение в пропаганде антифашистские мотивы. Подобным образом и интерпретировали его современники событий. Из Москвы информация распространилась в Ярославль, где от членов местной писательской организации о ней узнал Ю. Баранов. Он записывал в дневнике, что книга известного антифашиста И.Г. Эренбурга “Падение Парижа” получила сталинское одобрение. Сталин “предложил Эренбургу писать *все, как он думает*” (курсив авт. — В. Н.), т. е. попросту говоря, взял под своё покровительство эту антифашистскую книгу” [146. С. 86-87].

В начале апреля 1941 г. в пропагандистских материалах, предназначенных для личного состава Красной Армии, стала проводиться

на основе исторических аналогий идея, что русские войска имеют большой опыт побед над немцами. В подписанном в печать 8 апреля 1941 г. номере журнала "Политучеба красноармейца" появилась статья, которая начиналась таким утверждением: "Активный *наступательный дух* (курсив мой — В. Н.) русских воинов ярчайшим образом проявлялся в благородном стремлении сойтись с врагом *лицом к лицу* и сокрушительным ударом уничтожить его живую силу...". Этот основной тезис иллюстрировался описанием Ледового побоища 1242 г., Грюнвальдской битвы 1410 г., в которой немецких захватчиков "били, как *отмечают летописи* (?! — В. Н.), *на их же территории*" (курсив мой — В. Н.).

Наконец, приводились данные о наступательной операции русских войск на Юго-Западном фронте в период Первой мировой войны, так называемом "Брусилловском прорыве" (1916 г.), в результате которой было нанесено поражение германской и австро-венгерской армиям [63.].

Во время переговоров 5 апреля 1941 г. югославский посол передал Сталину устную информацию о подготовке Германии к нападению на СССР. Тот якобы поблагодарил дьяломата за предоставленные сведения и заявил: "Мы готовы, если им [немцам] угодно — пусть придут" [18. С. 209; 24. Док. № 176; 126. С. 79; 165. С. 136]. Но после нападения Германии на Югославию со стороны Сталина последовали "дружественные" излияния в адрес германского посла Шуленбурга, военного атташе Третьего рейха полковника Кребса и министра иностранных дел Японии Мацуока, которые проявились во время проводов последнего на Белорусском вокзале в Москве 13 апреля 1941 г. Поведение советского лидера было представлено дипломатами из ближайшего окружения Шуленбурга как свидетельство его расположения к Германии, связанного с успехами вермахта в боевых операциях на Балканах [22. Док. № 164].

Рейхсминистр пропаганды Геббельс после получения известий об этом жесте советского лидера сделал для себя следующий вывод: "Сталин явно не хочет познакомиться поближе с немецкими танками" [103. С. 249]. Позднее в мемуарной литературе появились утверждения, что упомянутая "демонстрация" Сталина в совокупности с некоторыми другими (разрыв дипломатических отношений с оккупированными Третьим рейхом странами) была предпринята с целью "умиротворения" фюрера. Между тем, поступавшие из различных источников свидетельства о сосредоточении германских войск на границах СССР для нападения на Советский Союз побудили Сталина предпринять ряд практических шагов, направленных на усиление военных приготовлений, а главное — на демонстрацию силы в отношении Германии.

В апреле—мае Наркомат обороны и Генштаб РККА начали проводить от мобилизацию военнообязанных запаса под прикрытием

больших учебных сборов. К 22 июня удалось призвать из запаса свыше 800 тыс. чел., тем самым была усилена половина (99 из 198) всех стрелковых дивизий, предназначенных для действий на Западе [218. С. 82].

Выше уже подчеркивалась та особая роль, которую придавало в 1939—1941 гг. советское военно-политическое руководство большим учебным сборам как мероприятию, позволявшему фактически без объявления мобилизации наращивать численность вооруженных сил накануне крупных внешнеполитических акций СССР.

С 25 марта по 5 апреля 1941 г. был осуществлен частичный призыв в Красную Армию (не путать с большими учебными сборами!), о котором в исследовательской литературе нет никаких сведений. Удалось выяснить, что по всем военным округам, кроме Прибалтийского особого и Дальневосточного фронта, скрытно призывали траждан, родившихся в 1921 г. (после 1 сентября) и не прошедших призыва в 1940 г. Без огласки в печати и на собраниях (о предстоящей акции уведомили лишь узкий круг местных партийных и советских руководителей — секретарей и заведующих военными отделами краевых, областных, городских и районных комитетов ВКП(б), председателей исполкомов советов депутатов трудящихся и начальников органов НКВД и милиции) были разсланы персональные повестки призывникам. Призывные пункты оборудовались только изнутри, с внешней же стороны никаких плакатов и лозунгов не вывешивалось. Из общего числа лиц, подлежавших призыву, по неуважительным причинам не явилось 354 чел. (0,09%) [РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 4007. Л. 1-3]. Путем арифметических подсчетов легко определить, что всего призвано было около 400 тыс. чел. Из них годными к строевой (не учитывались призывники Среднеазиатского округа) оказалось около 90%. Итого, благодаря так называемому частичному призыву, проведенному с соблюдением крайних мер конспирации, в конце марта — начале апреля 1941 г. удалось пополнить ряды Красной Армии по крайней мере на 300 тыс. чел.

Вслед за этим по распоряжению Генштаба РККА началась передислокация стрелковых, механизированных, танковых дивизий и воздушно-десантных бригад из Дальневосточного и Забайкальского военных округов на Запад [164. С. 90; 218. С. 83]. Она оказалась возможной главным образом благодаря заключению советско-японского договора о нейтралитете от 13 апреля 1941 г.

Была предпринята также акция по сосредоточению подвижных механизированных и кавалерийских частей Красной Армии в Бессарабии, у рубежей Румынии, присоединившейся к Тройственному пакту (Германия—Италия—Япония). Немцы не могли не заметить крупных передвижений эшелонов с красноармейцами и военной техникой. Германская разведка в мае 1941 г. сообщала об угрожающей пере-

группировке советских войск в Южной Бессарабии, а также в Северной Буковине [47. С. 30-32; 248. С. 96]. Командование вермахта не исключало возможности ведения этими силами “наступательных операций против Балкан и нефтяных районов Румынии” [193. С. 151].

Гитлер был крайне недоволен действиями Сталина весной 1941 г. В беседе с министром иностранных дел Риббентропом он заявил, что советско-югославский пакт — “ярко выраженный афронт Германии”, явный отход от Договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. Позднее, в конце апреля 1941 г. Гитлер принял в Вене Шуленбурга и поведал ему о своих опасениях относительно сближения СССР и Югославии. По мнению фюрера, оно служит ему предостережением. Произошедший переворот в Белграде и договор от 5 апреля 1941 г. Гитлер привел как пример ненадежности Советского Союза как партнера Германии. Все это подталкивало его к форсированию подготовки войны против СССР. В беседе с Риббентропом после нападения вермахта на Югославию Гитлер сообщил, что имеет донесения разведки, согласно которым Советский Союз “предпринимает крупные военные приготовления на всем фронте от Балтийского моря до Черного”. Во время аудиенции в Вене 28 апреля Шуленбург услышал от фюрера, что после заключения соглашения между Югославией и СССР у него возникло такое чувство, что СССР намерен припугнуть Германию. Кроме того, Гитлер мало верил в эффективность советских поставок, оговоренных в хозяйственных соглашениях с Советским Союзом, поскольку считал, что эти поставки ограничивались транспортными возможностями. Г. Хильгер, хорошо информированный об истинной реакции нацистского руководства на внешнеполитические акции СССР весны 1941 г., справедливо утверждал, что если и имела место “сталинская политика умиротворения”, на фюрера она “*впечатления не произвела*” (курсив мой — В. Н.) [133. С. 180-181, 183; 151. С. 32, 34, 78, 79, прим.].

В Москве ходили упорные слухи, что участвовавшие в праздничном первомайском параде войска направляются в Минск, Ленинград и на польскую границу [166. С. 75]. Разговоры о приближающейся войне с начала апреля 1941 г. стали фиксироваться и на пограничной с СССР территории. Причем, среди населения генерал-губернаторства (немецкой части Польши), наблюдавшего за передвижениями и концентрацией германских войск, наиболее устойчивым было предположение о предстоящем нападении Гитлера на Советский Союз. В свою очередь, военнотружущие вермахта, сосредоточивавшиеся в Восточной Пруссии и в том же генерал-губернаторстве, говорили об ожидавшемся 10—15 апреля наступлении советских войск. Якобы весной 1941 г. между Германией и СССР начнется война, в результате которой последний “заберет всю территорию Германии и установит над таковой Советскую власть”, или, что советско-германская дружба

ухудшается, следует ожидать неожиданного нападения Красной Армии “с целью захвата территории до г. Кельна” [25. Док. № 196; 29. Док. № 353, 360, 363, 367].

Хотя о распространявшихся такого рода слухах НКВД сообщало со ссылкой на факты соответствующей “политической обработки”, которая велась в одном из артиллерийских полков германской армии, представляется сомнительным, что подобного рода слухи и “ожидания” были инспирированы немецким командованием. Наоборот, на основании “Директивы по дезинформации противника”, принятой Верховным командованием вооруженных сил Германии и штабом оперативного руководства 15 февраля 1941 г., делалось всё, чтобы скрыть подготовку к войне против СССР. Причем на втором этапе действия “Директивы...” (с апреля 1941 г.) главные штабы видов вооруженных сил были обязаны поддерживать у личного состава впечатление, что ожидается высадка в Англии. В упомянутом документе строго-настрого предписывалось: “Необходимо как можно дольше держать в заблуждении относительно *действительных планов* даже те войска, которые *предназначены для действий непосредственно на Востоке*” (курсив мой — В. Н.) и “помимо сохранения в тайне проводимых мероприятий должно быть сделано все возможное в свете данной инструкции” [218. Прилож. 11].

2 мая 1941 г. Ф. Шуленбург сообщал в Берлин, что совместно со своими коллегами из числа находящихся в Москве сотрудников посольства Германии постоянно борется “со слухами о неминуемом немецко-русском военном конфликте”, поскольку они создавали “препятствия для продолжающегося мирного развития советско-германских отношений” [22. Док. № 168].

Характерное признание можно обнаружить в опубликованной в конце 80-х гг. той части мемуаров К.К. Рокоссовского, которая длительное время не включалась в издание. Находясь весной 1941 г. в Киевском особом военном округе в качестве командира 9-го механизированного корпуса, генерал-майор К.К. Рокоссовский сделал для себя вывод, что сосредоточение советской боевой авиации на передовых аэродромах и расположение складов центрального значения в прифронтовой полосе “походило на подготовку прыжка вперед” [134. С. 54].

В такой обстановке, не предвещавшей улучшения советско-германских отношений и несшей угрозу военного столкновения, прозвучали 5 мая 1941 г. сталинские выступления перед выпускниками военных академий. Сталин, вероятно, хотел как-то отреагировать на ситуацию, показать прилюдно, что держит её “под контролем”.

После прочтения отчетного доклада ЦК на XVIII съезде ВКП(б) (март 1939 г.) Сталин в течение двух лет не выступал с программными речами перед широкой публикой. Весной 1941 г. он “нару-

шил" установившийся порядок. С 22 апреля по 2 мая 1941 г. Сталин трижды появлялся на разного рода торжественных мероприятиях: по случаю завершения декады таджикского искусства, где выступил с небольшой речью, на первомайском параде и на приеме в честь участников этого парада.

Присутствие на приеме в Кремле 2 мая большого числа генералов и адмиралов, так же, как и нахождение во время первомайского парада на трибуне мавзолея посла СССР в Германии В.Г. Деканозова рядом с "вождем" (что было расценено иностранными наблюдателями как "особый знак доверия" последнего) не осталось незамеченным со стороны зарубежных дипломатов и давало им пищу для размышлений [22. Док. № 170].

4 мая Политбюро ЦК ВКП (б) обсуждало важнейший вопрос: "Об усилении работы советских центральных и местных органов". В принятом постановлении подчеркивалось, что необходима их координация "в современной *напряженной международной обстановке*" (курсив мой — В. Н.). В соответствии с этой основной задачей Политбюро единогласно утвердило назначение Сталина Председателем Совета Народных Комиссаров СССР. "По настоянию" Политбюро он оставался первым секретарем ЦК ВКП(б) и, поскольку не мог уже "уделять достаточно времени работе по Секретариату ЦК", его заместителем по Секретариату стал А.А. Жданов. Последний был освобожден от обязанности "наблюдателя" за Управлением пропаганды и агитации ЦК ВКП (б). К этому можно добавить, что наряду с делами по Секретариату, Жданов практически замещал Сталина и в Оргбюро ЦК. А.С. Щербаков назначался секретарем ЦК ВКП (б) и руководителем Управления пропаганды и агитации ЦК с сохранением за ним поста первого секретаря московского обкома и горкома ВКП(б). В.М. Молотов, бывший до этого Председателем СНК, стал заместителем Сталина по Совнаркому и "руководителем внешней политики СССР", оставаясь на посту народного комиссара иностранных дел [45. Док. № 17]. Таким образом, упомянутое постановление ЦК ВКП(б) фактически узаконило совмещение Сталиным высших партийного и государственного постов. Формально лишь внешнеполитическая сфера осталась за Молотовым. Жданов поднялся ещё на одну ступеньку вверх в иерархии партийной элиты, став первым помощником Сталина по руководству ВКП(б). В сфере идеологической деятельности ЦК ВКП(б) упрочились позиции Щербакова.

В западной и в отечественной историографии сложилась традиционная точка зрения: якобы вначале было выступление советского лидера перед выпускниками военных академий, а затем, на другой день — назначение Сталина главой Советского Правительства. Последняя имела под собой простое основание: Указ Президиума Верховного Совета СССР об этом назначении датирован 6-м мая 1941 г.

Г. Городецкий даже не исключал, что данное назначение могло быть связано с инициативой Ф. Шуленбурга, который 5 мая 1941 г., действуя самостоятельно, вступил в контакт с В.Г. Деканозовым, прибывшим на несколько дней в Москву, якобы с “намерением предупредить русских” об опасности со стороны Гитлера (об этом контакте тут же было доложено Сталину) [174. С. 191-197].

Однако, благодаря опубликованию секретного постановления Политбюро от 4 мая 1941 г. становится ясно, что Сталин сам решил проявить инициативу и приступить к активным действиям в преддверии назревавшей вооруженной схватки с Германией. Думается, “предупреждения” Ф. Шуленбурга вряд ли могли каким-то образом повлиять на это решение советского лидера.

Участники событий рассматривали сталинскую речь 5 мая 1941 г. как программную. Действительно, где как не перед аудиторией, представлявшей командные кадры Вооруженных Сил, бесспорный лидер большевистской партии, назначение которого главой Советского государства было предreshено секретным постановлением Политбюро, мог дать оценку сложившейся ситуации и сформулировать ближайшие задачи, стоявшие перед ними? По крайней мере, именно так действовал Гитлер, когда 18 декабря 1940 г. (в день подписания “директивы № 21” — “плана Барбаросса”) обратился к пяти тысячам выпускников военных училищ, немецким офицерам, приняв окончательное решение о подготовке войны против СССР [39. С. 11].

На состоявшемся 5 мая 1941 г. заседании Секретариата ЦК ВКП(б) рассматривался вопрос о периодичности выхода “Известий” в праздничные дни. По просьбе редактора газеты Л.Я. Ровинского было решено выпускать её без перерыва всю календарную неделю 5—11 мая, хотя по установленному ранее Управлением пропаганды и агитации порядку “Известия” должны были на той неделе один день не выходить. Заслуживает внимания аргументация, приведенная им для обоснования подобной просьбы: Ровинский ссылался на обилие крупных событий календарной недели 5—11 мая, среди которых в первую очередь называл День печати и “*выпуск Военных академий*” (курсив мой — В. Н.).

На экземпляре письма Л.Я. Ровинского (оно было на бланке редакции газеты) поставили свои подписи А.А. Андреев, А.А. Жданов и Г.М. Маленков [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 82. Л. 109; Оп. 117. Д. 268. Л. 80, 81]. Согласно утвержденному ЦК ВКП(б) 30 апреля ЦК ВКП(б) порядку заседаний Оргбюро и Секретариата последний заседал по понедельникам, средам и пятницам, начиная свою работу в 13 часов [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 82. Л. 98]. 5 мая 1941 г. был понедельник, и, таким образом, вопрос редакции газеты “Известия” рассматривался на Секретариате днем. Следовательно, ближайшее окружение Сталина было прекрасно информировано о важности

предстоявшего вечером того же дня события — торжеств по случаю выпуска слушателей военных академий РККА, что осознавали и руководители средств массовой информации.

Собственноручная резолюция А.А. Жданова на письме Л.Я. Ровинского свидетельствует о том, что секретарь ЦК ВКП(б) уже находился в Москве. Вероятнее всего, Жданов прибыл в столицу из Ленинграда 3-го, в крайнем случае — 4-го мая, когда вопрос о его новом назначении обсуждался на Политбюро. Он оказался единственным человеком, кого Сталин 5 мая принимал в своем рабочем кабинете в Кремле. Аудиенция продлилась 25 минут и закончилась в 18 часов [34. С. 46].

Именно в 18 часов 5 мая 1941 г. зал заседаний Большого Кремлевского дворца уже был заполнен выпускниками, профессорами и преподавателями 16 академий Красной Армии и 9 военных факультетов гражданских вузов, представителями высшего командования РККА и РКВМФ. В Кремле собралось около двух тысяч человек.

В такой атмосфере состоялся третий за период с 22 апреля 1941 г. сталинский “выход” в Кремле, обставленный с гораздо большей помпезностью, чем предыдущие. Как и на торжествах 22 апреля и 2 мая 1941 г., “вождя” сопровождали “соратники”: члены Политбюро (кроме Н.С. Хрущева, проводившего в Киеве Пленум ЦК КП(б)У), кандидаты в члены Политбюро, видные военачальники, включая наркомов обороны и Военно-Морского Флота, начальника Генерального штаба РККА.

Первый акт церемонии в Кремле вечером 5 мая 1941 г. ознаменовался торжественным собранием, посвященным выпуску командиров, окончивших военные академии. Его открыл нарком обороны маршал С.К. Тимошенко. Затем председательствующий предоставил слово начальнику Управления военно-учебных заведений РККА генерал-лейтенанту И.К. Смирнову, который выступил с кратким сообщением об итогах работы своего ведомства. После этого с напутствием к военным “академикам” обратился М.И. Калинин, призвавший их побыстрее освоить на практике приобретенный во время учебы опыт. Наконец, на трибуне появился Сталин, который выступил перед присутствовавшими в зале заседаний Большого Кремлевского Дворца с речью. В “Правде” подчеркивалось, что сталинская речь, продолжавшаяся около сорока минут, “была выслушана с исключительным вниманием” [72.].

К 19 часам 5 мая Георгиевский, Владимирский, Малый и Новый залы, Грановитая палата Большого Кремлевского Дворца заполнились гостями. Здесь собрались члены ЦК ВКП(б), народные комиссары, депутаты Верховного Совета СССР, представители высшего командования Красной Армии и Военно-Морского Флота, дипломаты. Естественно, были приглашены выпускники военных академий,

а также их наставники — руководящий и профессорско-преподавательский состав.

Второй акт грандиозного действия 5 мая 1941 г. — торжественный приём — ознаменовался появлением Сталина в сопровождении членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б). По сложившейся уже традиции маршал С.К. Тимошенко обратился к присутствующим с кратким приветственным словом. Затем выступили представители военных академий: им. М.В. Фрунзе; механизации и моторизации Красной Армии им. И.В. Сталина; Артиллерийской им. Ф.Э. Дзержинского; командного и штурманского состава ВВС Красной Армии; химической защиты им. К.Е. Ворошилова.

Далее, судя по официальному газетному отчету, последовала здравица Сталина в честь всего руководящего и преподавательского состава военных академий. Он выразил уверенность, что выпускники “академики” придут в свои части вооруженные глубоким знанием новой техники. Охарактеризовав значение отдельных родов войск Красной Армии, Сталин по существу повторил (несколько расширив) тост, провозглашенный ранее, на приёме для участников первомайского парада В.М. Молотовым. “Вождь” предложил здравицу за артиллеристов, танкистов, летчиков, кавалеристов, пехотинцев, инженеров, техников, саперов, связистов, самокатчиков, парашютистов, минометчиков, как писала “Правда” — “в честь представителей всех видов оружия”.

Слово вновь получил С.К. Тимошенко. Он обратился к начальникам военных академий с призывом поднять работу на уровень возросших требований, предъявляемых к Красной Армии.

Продолжавшийся в течение нескольких часов приём сопровождался, согласно заведенному порядку, большим концертом. [72].

Такова была атмосфера, в которой произошло столь грандиозное и значительное событие, как выступления Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г.

3. ТАК ГОВОРИЛ СТАЛИН

Сталинская речь перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. состояла из двух частей. Первая была посвящена состоянию боевой подготовки Красной Армии, во второй — давалась оценка международной обстановки.

Главный акцент в первой части своей речи “вождь” сосредоточил на том, что процесс перевооружения Красной Армии завершен, в результате чего она стала, по его мнению, современной армией. Это обстоятельство, судя по имеющимся многочисленным источникам, неоднократно подчеркивалось Сталиным [Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 31; 94. С. 26; 116. С. 374]. Настоящий же опыт в перестройке РККА,

подчеркнул он далее, был извлечен из военной кампании Красной Армии против Финляндии и “из современной войны на Западе”, т. е. начавшейся 1 сентября 1939 г. Второй мировой войны.

Сталин утверждал далее, что одна треть из имеющихся в Красной Армии дивизий — механизированные. В свою очередь, из числа механизированных, по его словам, 1/3 — танковые, а остальные 2/3 — моторизованные. “Об этом не говорят, — доверительно отметил Сталин, обращаясь к присутствовавшим в зале военным “академикам” — но это вы должны знать”.

Он упомянул о танках “первой линии”, имевших броню в 3—4 раза толще, чем у машин “второй линии”. Сталин убеждал присутствующих: именно “толстостенные” танки “будут рвать фронт”. В образовавшийся прорыв должны устремиться “танки 2—3 линии”, сопровождающие пехоту [94. С. 26]. В то время на вооружение Красной Армии поступали не только “толстостенные” машины КВ-1 и КВ-2, но и признанные впоследствии лучшими в мире Т-34.

О своем любимом детище — авиации, Сталин поведал, что на смену самолетам, имевшим скорость 400—500 км в час, пришли более совершенные: “Мы имеем в достаточном количестве и выпускаем в массовом количестве самолеты, дающие скорость 600—650 км в час”. Он имел в виду прежде всего истребители Як-1, Як-3 и МиГ-3, штурмовик Ил-2 и бомбардировщик Пе-2. Эти машины “первой линии”, заключил Сталин, должны были дать дорогу для относительно устаревших.

Завершая характеристику технического оснащения РККА, Сталин, в частности, сказал: “...Чтобы управлять всей этой новой техникой — *новой армией* (курсив мой — В. Н.), нужны командные кадры, которые в совершенстве знают современное военное искусство”. Сталин пытался убедить присутствовавших, что в техническом оснащении войск произошли изменения, но, по его мнению, военные академии отставали от насущных требований дня.

Целый абзац сталинской речи был посвящен разъяснению сути подобного отставания. Он выразил несогласие с выступившим до него начальником Управления военно-учебных заведений генерал-лейтенантом И.К. Смирновым, который говорил об обучении в военных академиях “на новом военном опыте”. Сталин утверждал, что академии (“школы”) отстают от армии, а обучение проводится на старой технике. В качестве примера, как явствует из записи К. Семенова, он привел артиллерийскую академию, где “обучают на 3-х дюймовой пушке”. При этом “вождь” обратился к присутствовавшим с вопросом: “Так, товарищи артиллеристы?” [94. С. 27].

Комментируя данный пассаж из сталинской речи, А.А. Печенкин без ссылки на источник отметил: в ответ на сталинское замечание начальник Артиллерийской академии генерал-лейтенант А.К. Сивков

заявил, что обучение ведется на современных образцах пушек [94. С. 31. Прим. 9].

Свидетель происходившего Э. Муратов описывал данный эпизод следующим образом. После констатации того факта, что военные и академии и училища обязаны вести обучение командных кадров только на новой технике, Сталин отметил: “У меня есть знакомый, который учился в Артиллерийской академии. Я просматривал его конспекты и обнаружил, что тратится большое количество времени на изучение пушки, снятой с вооружения в 1916 году. Он считает, что такая практика недопустима”.

Как вспоминал Э. Муратов, неожиданно из первых рядов сидящих в зале раздалась реплика (во время перерыва после окончания речи Э. Муратов узнал, что говорил вышеупомянутый генерал-лейтенант А.К. Сивков), которая вызвала сталинское раздражение. В ответ на попытку Сивкова оправдаться и возражать, Сталин строго заметил: “Прошу меня не перебивать. Я знаю, что говорю. Я сам читал конспекты слушателя вашей Академии” [125. С. 283].

Продолжая свою речь, он сказал далее: “Школа отстала от армии. Военно-Воздушная Академия обучает ещё на старых машинах И-15, И-16, И-153, СБ”. “Наша школа должна и может перестроить своё обучение командных кадров на новой технике и использовать опыт современной войны”, — резюмировал Сталин [94. С. 27; 125. С. 283].

Охарактеризовав состояние Красной Армии, Сталин перешел ко второй части своего выступления, касавшейся внешнеполитических вопросов. Он подробно остановился на оценке причин поражений западных союзников и побед Германии в ходе военных действий 1940—1941 гг. Сталин разъяснял: “Немецкая армия, будучи разбитой в 1918 г., хорошо училась. Германцы критически пересмотрели причины своего разгрома и нашли пути, чтобы лучше организовать свою армию, подготовить её и вооружить. Военная мысль германской армии двигалась вперед. Армия вооружалась новейшей техникой. Обучалась новым приемам ведения войны” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 31; 94. С. 27; 116. С. 374]. Далее он утверждал: “Именно потому, что разбитые армии хорошо учатся, Германия учла опыт прошлого. В 1870 году немцы разбили французов. Почему? Потому, что дрались на одном фронте. Немцы потерпели поражение в 1916—17 гг. Почему? Потому, что дрались на два фронта”.

Довольно много внимания Сталин уделил ответу на вопрос: почему же французы плохо учитывали опыт Первой мировой войны? Всё сводилось, согласно его рассуждениям, к вполне тривиальным вещам: “У французов закружилась голова от побед, от самодовольства. Французы прозевали и потеряли своих союзников. Немцы отняли у них союзников. Франция почила на успехах. Военная мысль в её

армии не двигалась вперед. Осталась на уровне 1918 г. Об армии не было заботы и ей не было моральной поддержки. Появилась новая мораль, разлагающая армию. К военным относились пренебрежительно. На командиров стали смотреть, как на неудачников, на последних людей, которые, не имея фабрик, заводов, магазинов, вынуждены были идти в армию. За военных даже девушки замуж не выходили (?! — В. Н.). Только при таком пренебрежительном отношении к армии могло случиться, что военный аппарат оказался в руках Гамеленов (М.Г. Гамелен — Главнокомандующий сухопутными вооруженными силами Франции в 1939—1940 гг. — В. Н.) и Арансайдов (Айронсайд Э. — Главнокомандующий британскими силами обороны в 1939 г. — В. Н.). Такое же было отношение к военным в Англии. Армия должна пользоваться исключительной заботой и любовью народа и правительства — в этом величайшая моральная сила армии. Армию нужно лелеять. Когда в стране появляется такая мораль (пренебрежительное отношение к армии — В. Н.), не будет крепкой и боеспособной армии. Так случилось и с Францией” [94. С. 28; 116. С. 375; 125. С. 282].

Далее Сталин перешел к вопросу о том, как он понимает проблеме политической подготовки к войне: “Политически подготовить войну — это значит иметь в достаточном количестве надёжных союзников и нейтральных стран (sic! — В. Н.). Германия, начиная войну, с этой задачей справилась, а Англия и Франция не справились с этой задачей” [94. С. 28; 116. С. 375].

Во второй части своей речи перед выпускниками военных академий Сталин также давал ответ на другие коренные вопросы, сформулированные им самим: “Действительно ли германская армия непобедима?” и “Как могло случиться, что Германия одерживает победы?” “В мире нет и не было непобедимых армий”, — разъяснял Сталин. “Есть армии лучшие, хорошие и слабые. Германия начинала войну и шла в первый период под лозунгом освобождения от гнета Версальского мира. Этот лозунг был популярен, встречал поддержку и сочувствие всех обиженных Версалем. Сейчас обстановка изменилась” [94. С. 28; 116. С. 374; 125. С. 282].

“Сейчас германская армия идет с другими лозунгами. Она сменила лозунги освобождения от Версаля на захватнические”, — в таких выражениях характеризовал Сталин ситуацию, сложившуюся в Европе весной 1941 г. Но, предостерегал он, вермахт “не будет иметь успеха под лозунгами захватнической, завоевательной войны”. Более того, утверждал Сталин, эти лозунги опасные. Далее он позволил себе экскурс в историю конца XVIII—XIX вв.: “Наполеон I, пока он вёл войну под лозунгами освобождения от крепостничества, он встречал поддержку, имел сочувствие, имел союзников, имел успех. Когда Наполеон I перешёл к завоевательным войнам, у него нашлось много

врагов и он потерпел поражение” [94. С. 28; 125. С. 282]. Резюмируя сказанное относительно Германии, Сталин в речи перед выпускниками военных академий говорил: поскольку её армия ведёт войну под лозунгом покорения других стран с целью подчинения и порабощения народов, подобная перемена лозунга не приведет к победе [39. Док. № 52; 94. С. 28; 116. С. 374-375; 125. С. 283].

“С точки зрения военной, — утверждал Сталин, — в германской армии ничего особенного нет и в танках, и в артиллерии, и в авиации. Значительная часть германской армии теряет свой пыл, имевшийся в начале войны. Кроме того, появилось хвостовство, самодовольство, зазнайство. Военная мысль не идет вперед, военная техника отстает не только от нашей, но Германию в отношении авиации начинает обгонять Америка” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 79; 94. С. 28-29; 125. С. 283].

Заканчивая речь перед выпускниками военных академий, Сталин счел необходимым ещё раз резюмировать свои выкладки относительно причин победоносных военных действий Германии в Европе. Он со всей определенностью давал понять, что не следует преувеличивать силу и мощь германской армии, которая одерживала победы по преимуществу из-за военной слабости и неподготовленности к войне своих противников, в первую очередь — Франции.

В заключение, Сталин поздравил выпускников военных академий и пожелал им успеха [94. С. 29; 123. С. 23; 125. С. 283-284].

Судя по другим источникам, в речи 5 мая 1941 г. прозвучали некоторые высказывания “вождя”, которые не зафиксированы в записи К. Семенова.

По свидетельству Н.Г. Лященко, в сталинском выступлении была обрисована международная обстановка. Сталин остановился на договоре 1939 г (к сожалению, из текста интервью Лященко неясно, какой именно договор СССР с Германией имеется в виду — о ненападении от 23 августа или о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г.). Кроме того, “вождь”, неодобрительно отозвавшийся об агрессивных действиях Германии, прямо связал с этими действиями прекращение поставок ей из Советского Союза стратегического сырья и зерна. Затем Сталин сказал о неизбежности вооруженного столкновения с Гитлером, и, что, если нарком иностранных дел и его аппарат “сумеют оттянуть начало войны на два-три месяца — это наше счастье” [123. С. 23].

Характеризуя внешнеполитическое положение СССР, Сталин с удовлетворением упомянул о договоре о нейтралитете с Японией, который был подписан 13 апреля 1941 г. [156. С. 91; 206. С. 197].

Касаясь характеристики начального этапа военных действий Германии в Европе, В.В. Вишневский передавал сталинский вывод на сей счет. Он выглядел так: “С лозунгами против Версаля Гитлер

одержал ряд успехов, но *впереди большая борьба*” (курсив мой — В. Н.). Поскольку Сталин определил в своей речи, что Франция и Англия потерпели поражение от Германии, то большая борьба, ожидавшая последнюю в будущем, могла вестись уже с другими державами. Если судить по дневниковой записи В.В. Вишневого, этот вывод был сформулирован следующим образом: “СССР развертывает свои силы. Цифры. В Европе нет ресурсов — они у США и СССР. *Эти мировые силы и определяют исход борьбы*” (курсив мой — В. Н.) [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 31]. Позднее, 8 июня 1941 г. советское полпредство в Румынии в секретном порядке под видом “заявления ТАСС” направило послам ряда стран (США, Китая, Ирана, Швейцарии, Турции), а также представителю Ватикана сообщение, из которого следовало: союз между СССР и Соединенными Штатами Америки “будет представлять собой величайшую военную и экономическую силу в мире” [249. С. 76].

В.В. Вишневский моделировал развитие событий по третьему из вышеупомянутых вариантов. Ещё 15 марта 1941 г. он записал в дневнике: “Мы выступаем, чтобы доломать Гитлера, в коалиции с “демократиями” Запада”.

13 мая того же года, изложив тезисно основное содержание сталинской речи перед выпускниками военных академий, В.В. Вишневский вновь высказывал эту же мысль: “В дело вступает Америка, её готовность к 42-му году. И слово скажем и мы” (т. е. СССР — В. Н.) [99. С. 107, 109].

В. Верт передавал данную часть сталинского выступления так: “Англия ещё не побеждена, и роль американского потенциала будет, вероятно, всё возрастать” [165. С. 138].

По окончании торжественной части — собрания выпускников военных академий нарком обороны С.К. Тимошенко пригласил всех на банкет [125. С. 284].

На банкете Сталин вначале провозгласил тост за руководящие кадры военных академий. Затем — за представителей различных родов войск: артиллеристов, танкистов, летчиков, связистов, “славных пехотинцев” [94. С. 29-30; 125. С. 284-285].

Далее последовал ключевой момент всего грандиозного действия, происходившего вечером 5 мая 1941 г. И сохранившаяся архивная запись, сделанная К. Семёновым, и более поздние воспоминания очевидцев и современников зафиксировали сталинскую реплику, прозвучавшую в ответ на выступление не названного по фамилии “генерал-майора танковых войск”. Именно эта реплика и явилась квинтэссенцией сталинских высказываний, прозвучавших тогда в Кремле, именно вокруг нее ведется полемика среди исследователей, в результате которой различные участники дискуссии пришли и приходят к совершенно противоположным выводам относительно

значимости сказанного в заключении торжественного приема по случаю выпуска слушателей военных академий РККА.

Вот как выглядит сталинская реплика в записи К. Семёнова.

“Выступает генерал-майор танковых войск. Провозглашает тост за мирную сталинскую внешнюю политику.

Тов. Сталин: Разрешите внести поправку. Мирная политика обеспечивала мир нашей стране. Мирная политика дело хорошее. Мы до поры до времени проводили линию на оборону — до тех пор, пока не перевооружили нашу армию, не снабдили армию современными средствами борьбы. А теперь, когда мы нашу армию реконструировали, насытили техникой для современного боя, когда мы стали сильны — теперь надо перейти от обороны к наступлению.

Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать *наступательным образом*. От обороны перейти к *военной политике наступательных действий*. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу печать *в наступательном духе*. Красная Армия есть современная армия, а современная армия — *армия наступательная*” (курсив мой — В. Н.) [94. С. 30].

В литературе высказывалось предположение, что тост за миролюбивую внешнюю политику предложил начальник военной академии им. Фрунзе М.С. Хозин [276. С. 13; 339. С. 23]. Но М.С. Хозин был в звании генерал-лейтенанта и не принадлежал к танковым войскам.

Некоторую ясность может внести свидетельство Э. Муратова. После того, как Сталин провозгласил тост за артиллеристов, начался концерт для присутствовавших на торжественном приеме. Однако спустя двадцать минут с места поднялся начальник Артиллерийской академии А.К. Сивков. Именно он, как утверждает Э. Муратов, и предложил присутствовавшим “выпить за мир, за сталинскую политику мира, за творца этой политики, за нашего великого вождя и учителя Иосифа Виссарионовича Сталина”.

Но в ответ на тост А.К. Сивкова “вождь” протестующе замахал руками, что привело присутствовавших на банкете в замешательство. Более того, Сталин “был очень разгневан, немножко заикался, в его речи появился сильный грузинский акцент” [125. С. 285]. Вероятно, будучи ещё во время своей речи перед военными “академиками” весьма раздражен пререканиями Сивкова, он пришел в гнев, когда на банкете заметил, что начальник Артиллерийской академии вновь пытается выступить самовольно. Попросив слово у С.К. Тимошенко, “вождь” заявил, имея в виду А.К. Сивкова: “Этот генерал ничего не понял. Он ничего не понял. Мы, коммунисты, — не пацифисты, мы всегда были против несправедливых войн, империалистических войн за передел мира, за порабощение и эксплуатацию трудящихся. Мы всегда были за справедливые войны за свободу и независимость народов, за революционные войны за освобождение народов от колониального

ига, за освобождение трудящихся от капиталистической эксплуатации, за самую справедливую войну в защиту социалистического отечества". По словам Сталина, основная угроза СССР исходила от Германии, а спасти Родину могла лишь война против фашистской Германии и победа в этой войне. "Я предлагаю выпить за войну, за наступление в войне, за нашу победу в этой войне", — завершил он свою реплику [125. С. 285.].

Призывы Сталина о переходе к "военной политике наступательных действий", о необходимости перестройки всей советской пропаганды "в наступательном духе" врезались в память очевидцев и современников событий, что отразилось в ряде источников. Так, в мемуарах Г.К. Жукова и в воспоминаниях Э. Муратова зафиксировано одно из ключевых сталинских указаний: "вождь" "подчеркнул, что нам необходимо перестроить пропаганду, агитацию, печать" [116. С. 375; 125. С. 283]. В дневниковой записи Г.М. Димитрова от 5 мая 1941 г., воспроизведенной Г. Городецким, отмечено: "Наша политика мира и безопасности есть в то же время политика подготовки войны. Нет обороны без наступления. Надо воспитывать армию в духе наступления. Надо готовиться к войне" [174. С. 293]. Однозначный вывод сделал 13 мая того же года относительно сталинских высказываний В.В. Вишневский: "Мы (СССР — В. Н.) начинаем идеологическое и практическое наступление" [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 1-31 об]. При обсуждении книги А.М. Некрича "1941 год, 22 июня" В.А. Василенко подчеркнул, что смысл сталинских выступлений перед выпускниками военных академий сводился к следующему: Красная Армия ещё не готова к наступательным действиям, и необходимо сделать её способной "успешно решать наступательные задачи" [194. Прилож. III. С. 304].

В совокупности с вышеприведенными свидетельствами представляются более репрезентативными показания пленных командиров и политработников Красной Армии. Близко по смыслу зафиксирована сталинская реплика в материалах допросов трёх пленников (октябрь 1942 г.). Согласно этим показаниям, Сталин утверждал: "Эра мирной политики СССР кончилась. Назрела необходимость расширения СССР на Запад силой оружия". Пленные воспроизвели упомянутый соответствующий тост "вождя", провозглашенный на приёме 5 мая 1941 г.: "Да здравствует активная наступательная политика Советского государства!" [339. С. 23].

В мемуарах Г. Хильгера по этому поводу говорится следующее. Сталин отрицательно отреагировал на тост, поднятый за миролюбивую политику, и заявил, что следует покончить с оборонительными лозунгами, "поскольку они устарели и с ними уже невозможно завоевать ни пяди земли". "Красная Армия, — сказал большевистский лидер, — должна привыкнуть к мысли, что мирная политика кончилась

и наступила эра расширения фронта социализма силой. Тот, кто не признает этого, — обыватель и дурак” [151. С. 36].

Хотя в записи К. Семёнова сталинский тезис о необходимости “расширения фронта социализма” и не зафиксирован, этот тезис, как указывалось выше, был одним из ключевых в большевистской пропаганде. Кроме того, он неоднократно тиражировался в директивных материалах ЦК ВКП(б), готовившихся в мае—июне 1941 г.-

4. ПОПЫТКА ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Анализ содержания устных выступлений Сталина — дело весьма многотрудное, ибо за кажущейся простотой и доходчивостью его суждений (в большинстве случаев они принимали незамысловатую форму: “вопрос — ответ”), которая весьма импонировала слушателям и читателям сталинских докладов и речей, всегда стояли “умысел”, “решение” предпринять очередную грандиозную акцию внутривластного либо внешнеполитического характера. Тексты “вождя”, к началу 40-х гг. ставшего фактически полноправным диктатором, предвещали коренные изменения в судьбах страны, от которых зависели жизнь и смерть целых категорий жителей СССР, социальных классов, каждого отдельного человека. Едва ли не основной целью их было “вдалбливание” в головы людей лозунгов и формулировок, отражавших генеральную линию [240. С.36, 37].

“Сталинская фраза — это провокация” [161. С. 53]. Данное утверждение дает ключ к пониманию причин наличия совершенно противоположных трактовок содержания выступлений “вождя” на выпуске военных академий 5 мая 1941 г. “Провокационная” сущность его высказываний, прозвучавших за семь недель до начала войны с Германией, выявляется более четко, если учитывать следующие факты.

Присутствовавший на торжествах в Кремле 5 мая 1941 г. Н.Г. Лященко уже спустя десятилетия после этого события смог ознакомиться с записью текста сталинской речи, присланной из Института военной истории, и с удивлением обнаружил, что она не полностью отражала содержание сказанного. В частности, Сталин говорил о неизбежности войны против Германии, что подтверждается и другими источниками [125. С. 187; 180. С. 224]. Но в полученной Лященко записи о войне не было ни слова. Как очевидец, Н.Г. Лященко сделал вывод, что “над ней кто-то изрядно поработал” [123. С. 23].

Из воспоминаний управляющего делами СНК Я. Чадаева следует, что “поработал” над текстом собственной речи сам “вождь”. Сталин велел вычеркнуть слова: “Дело идёт к войне, и противником будет Германия” [204. С. 485].

“Вождь” наставлял присутствовавших в Кремле выпускников военных академий как следует объяснять события, произошедшие

в 1939—1941 гг. (причины поражения Франции, ход перестройки в Красной Армии и т. д.). Судя по воспоминаниям Н.Г. Лященко и Э. Муратова, по прибытии к месту службы оба пытались довести до сослуживцев суть сталинской интерпретации, данной в речи 5 мая 1941 г. В обоих случаях реакция была весьма неоднозначной.

В конце мая Н.Г. Лященко по рекомендации политотдела дивизии, в которую он получил назначение по окончании Военной академии им. М.В. Фрунзе, выступил на совещании и по памяти пересказал содержание выступления Сталина. Представитель “особого отдела” и командир корпуса после сообщения Лященко допытывались: не разболтал ли он военную тайну и не искажил ли “выступление товарища Сталина” [123. С. 23].

Э. Муратов, выпускник Ленинградской военной электротехнической академии, стал преподавателем Сталинградского училища связи. В начале июня начальник училища, узнав, что Муратов рассказывает преподавателям и командному составу о содержании сталинской речи 5 мая 1941 г., строго вопрошал: на каком основании он распространяет “слухи о возможности войны с Германией?” [125. С. 287].

Таким образом, и Н.Г. Лященко, и Э. Муратов на себе испытали “провокационную” сущность сталинских фраз.

В выступлениях Сталина 5 мая 1941 г. четко прослеживается разделение окружающего мира на два полюса. С одной стороны, СССР с его Красной Армией, которая завершила своё техническое переоснащение “современными средствами борьбы”, с другой — Германия, сменившая “благородный” лозунг освобождения “от цепей Версаля” на захватнический, и её противники — Англия и Франция, которые после 1918 г. “почили на лаврах”, не совершенствовали свои вооруженные силы, а в результате — потерпели поражение от немцев.

Но речь Сталина перед выпускниками военных академий имела прежде всего антигерманскую направленность, что отмечено в научной и мемуарной литературе [92.; 123.; 125.; 156. С. 91; 170. С. 154]. Действительно, он недвусмысленно давал понять, что именно Германия стала инициатором войны и виновна в её расширении. Подобное признание коренным образом отличалось от прежних заявлений руководства СССР, звучавших неоднократно, начиная с сентября 1939 г. в выступлениях В.М. Молотова, а также в советской пропаганде, когда “поджигателями войны” называли Англию и Францию.

Сталинские мысли — “всегда не что иное, как угрозы” [240. С. 31]. Выше приводились данные о реакции Сталина на сообщение югославского посла о намерении Германии совершить агрессию против СССР: “пусть попробуют”. Это было произнесено на небольшом банкете по случаю подписания Договора о дружбе и ненападении между Советским Союзом и Югославией в ночь с 5 на 6 апреля 1941 г. Развивая свою мысль о силе того отпора, который последует в случае

нападения немцев, Сталин довольно подробно рассказал о боевой мощи и штатном расписании пехотных и танковых дивизий, прочности танковой брони, скорости и дальности полета боевых советских самолетов [126. С. 79].

В аналогичном контексте прозвучала та часть его речи 5 мая 1941 г., которая была посвящена реконструкции и перевооружению Красной Армии. Заявление же Сталина о том, что Германия под флагом захвата чужих территорий не будет иметь успеха, несомненно, ещё более усиливало сталинскую риторику, содержащую скрытую угрозу в её адрес. Присутствовавший на торжественном выпуске в Кремле нарком Военно-Морского Флота Н.Г. Кузнецов впоследствии отметил, что когда докладчик раскрыл “вещи явно секретные”, в первую очередь назвал количество дивизий в Красной Армии, кто-то невольно воскликнул: “Это для устрашения Гитлера” [120].

Бросается в глаза ещё одна особенность сталинских выступлений 5 мая 1941 г. — неприкрытая апология Красной Армии, сочетающаяся с пренебрежительно-критической оценкой боеготовности и боеспособности не только англичан и французов, но и одержавших ряд побед в военных кампаниях 1939—1941 гг. против европейских стран немцев. Но эти мысли “вождя” отнюдь не отличались особой новизной. В советской пропаганде, особенно после “освободительных походов” 1939—1940 гг., непрерывно звучала нота восхваления “самой нападающей” и “всесокрушающей” армии, каковой представлялась РККА [47а.; 68.; 76].

Однако вызывает сомнение выдвинутое на выпуске военных академий утверждение о завершении процесса освоения Красной Армией опыта войны на Западе. Еще 7 ноября 1940 г., во время праздничного обеда в тесном кругу своих “приближенных” он сделал упрек советскому военному руководству: “Не изучают уроков войны с Финляндией, уроков войны в Европе” [100. С. 20]. Спустя две недели А.А. Жданов, выступая на объединенном пленуме Ленинградского обкома и горкома ВКП(б), подчеркивал: “Советско-финская война вскрыла... очень много недостатков в организации”, а, кроме того, в СССР фактически не учитывается опыт “современной войны” на Западе. Жданов указывал тогда на настоятельную необходимость учёта этого опыта, поскольку считал, что нельзя рассчитывать на везение и добавлял: до сих пор “нам (Советскому Союзу — В. Н.) везло, надо сказать, отчаянно”. Последнее замечание вызвало, судя по стенограмме, смех и оживление в зале [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 913. Л. 44-45].

Нарком обороны С.К. Тимошенко, скорее всего, не был склонен преувеличивать значение опыта военных действий вермахта на Западе, о чём, в частности, может свидетельствовать его заключительное слово на совещании высшего командного состава РККА 23—31 декабря 1940 г. [37. С. 339].

Итак, ещё в конце 1940 — начале 1941 гг. было далеко до завершения процесса всестороннего анализа опыта финской кампании и военных действий в Европе, а уже в начале мая 1941 г. Сталин констатировал: якобы этот опыт в полной мере воспринят Красной Армией.

За “скобками” сталинского выступления перед выпускниками военных академий остались критические оценки реального состояния боеготовности ВВС Красной Армии. Между тем, Сталин был крайне недоволен сложившейся ситуацией. 7 ноября 1940 г. он заявил своим “соратникам”, что несмотря на победу над японцами на Халхин-Голе, советские самолеты “оказались ниже японских по скорости и высотности”. Далее последовало откровенное признание: “Мы не готовы для такой воздушной войны, которая идёт между Германией и Англией” [100. С. 20].

В выступлениях перед выпускниками военных академий “вождь” обратил внимание на недостатки в освоении слушателями военно-воздушной академии новой материальной части, поскольку они обучались полетам на самолетах старой конструкции (в том числе — И-15 и И-16). Информацию о подобных недостатках в боевой учебе лётного состава Сталин мог получить не только от командования ВВС, но и от своего сына Василия. В.И. Сталин (1921—1962) в 1939 г. закончил Качинскую авиашколу, а в 1940—1941 г. учился на Липецких высших авиационных курсах. Позднее, в официальном заявлении, адресованном в Президиум ЦК КПСС (1955 г.), последний прямо признавал: после окончания Качинской авиашколы каждая его встреча с отцом “превращалась в разговор о ВВС”. В письме В.И. Сталина отцу от 4 марта 1941 г., отправленном из Липецка, неоднократно встречаются сетования типа: “летаем на старье”, “не имеем понятия о... новых машинах” и выражена убежденность, что с приходом в боевые части курсантам “не придется летать на И-15 и И-16”. После подобного рода сетований сын Сталина сделал в упомянутом письме следующий вывод: “А тот командир, который *не знает новой материальной части* (курсив мой — В. Н.), не может командовать летчиками, летающими на ней” [10. Док. № 98].

В.И. Сталин не скрывал, что во время полетов на старых боевых машинах бывали случаи, что в воздухе они буквально разваливались от ветхости, а избежать катастрофы удавалось лишь благодаря опыту и навыкам находившихся в кабине летчиков [10. Док. № 98]. Более откровенно высказался на заседании ГВС, посвященном вопросу о причине аварийности в авиации, начальник Главного управления ВВС Красной Армии П.В. Рычагов. Он, по свидетельству адмирала И.В. Исакова, заявил, обращаясь с “вождю”: “Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах” [136. С. 429]. По постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР “Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии” от 9 апреля 1941 г.

Итак, ещё в конце 1940 — начале 1941 гг. было далеко до завершения процесса всестороннего анализа опыта финской кампании и военных действий в Европе, а уже в начале мая 1941 г. Сталин констатировал: якобы этот опыт в полной мере воспринят Красной Армией.

За “скобками” сталинского выступления перед выпускниками военных академий остались критические оценки реального состояния боеготовности ВВС Красной Армии. Между тем, Сталин был крайне недоволен сложившейся ситуацией. 7 ноября 1940 г. он заявил своим “соратникам”, что несмотря на победу над японцами на Халхин-Голе, советские самолеты “оказались ниже японских по скорости и высотности”. Далее последовало откровенное признание: “Мы не готовы для такой воздушной войны, которая идёт между Германией и Англией” [100. С. 20].

В выступлениях перед выпускниками военных академий “вождь” обратил внимание на недостатки в освоении слушателями военно-воздушной академии новой материальной части, поскольку они обучались полетам на самолетах старой конструкции (в том числе — И-15 и И-16). Информацию о подобных недостатках в боевой учебе лётного состава Сталин мог получить не только от командования ВВС, но и от своего сына Василия. В.И. Сталин (1921—1962) в 1939 г. закончил Качинскую авиашколу, а в 1940—1941 г. учился на Липецких высших авиационных курсах. Позднее, в официальном заявлении, адресованном в Президиум ЦК КПСС (1955 г.), последний прямо признавал: после окончания Качинской авиашколы каждая его встреча с отцом “превращалась в разговор о ВВС”. В письме В.И. Сталина отцу от 4 марта 1941 г., отправленном из Липецка, неоднократно встречаются сетования типа: “летаем на старье”, “не имеем понятия о... новых машинах” и выражена убежденность, что с приходом в боевые части курсантам “не придется летать на И-15 и И-16”. После подобного рода сетований сын Сталина сделал в упомянутом письме следующий вывод: “А тот командир, который *не знает новой материальной части* (курсив мой — В. Н.), не может командовать летчиками, летающими на ней” [10. Док. № 98].

В.И. Сталин не скрывал, что во время полетов на старых боевых машинах бывали случаи, что в воздухе они буквально разваливались от ветхости, а избежать катастрофы удавалось лишь благодаря опыту и навыкам находившихся в кабине летчиков [10. Док. № 98]. Более откровенно высказался на заседании ГВС, посвященном вопросу о причине аварийности в авиации, начальник Главного управления ВВС Красной Армии П.В. Рычагов. Он, по свидетельству адмирала И.В. Исакова, заявил, обращаясь с “вождю”: “Аварийность и будет большая, потому что вы заставляете нас летать на гробах” [136. С. 429]. По постановлению ЦК ВКП(б) и СНК СССР “Об авариях и катастрофах в авиации Красной Армии” от 9 апреля 1941 г

П.В. Рычагов был снят со всех постов "как недисциплинированный и не справляющийся с обязанностями руководитель" ВВС РККА [10, С. 48, прим. 10], а в начале Великой Отечественной войны по необоснованному обвинению осужден и расстрелян.

Если благодаря информации В.И. Сталина "вождю" удалось глубже вникнуть в истинное положение вещей в деле подготовки летного состава ВВС, то знакомясь с конспектами своего второго сына, слушателя Артиллерийской академии РККА Я.И. Джугашвили, он выяснил, что обучались там "на старой технике" [125, С. 284]. Понятно, почему столь плачевно закончились попытки начальника академии Сивкова оспаривать почерпнутые Сталиным из данных конспектов сведения об использовании 3-х дюймовой пушки времен Первой мировой войны для обучения артиллерийскому огню. Спустя несколько дней после торжеств в Кремле по случаю выпуска военных "академиков" А.К. Сивков был по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) снят со своей должности [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1039. Л. 32].

Такого рода факты в совокупности с другими, уже ранее излагавшимися в исследованиях ряда авторов, наводят на мысль о необоснованности оптимизма Сталина по поводу боевой готовности Красной Армии и её технической оснащённости, проявленного в выступлениях 5 мая 1941 г. Однако если попытаться посмотреть на данный вопрос с другой, пропагандистской точки зрения, подобное противоречие не выглядит столь вопиющим. Сталинские разъяснения по вопросу о значимости сказанного им на выпуске военных академий, данные во второй половине мая 1941 г. наркому обороны С.К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба РККА Г.К. Жукову, как представляется, ставят все по местам. Сталин в разговоре с Тимошенко и Жуковым подчеркнул, что в своих выступлениях на торжествах в Кремле, во-первых, хотел "подбодрить присутствовавших, чтобы они думали о победе", а, во-вторых, — опровергнуть утверждения "о непобедимости немецкой армии; о чем трубят газеты всего мира" [132, С. 40-41]. Из этого сталинского разъяснения становится ясно, почему "вождь" так много внимания уделил доказательству своего тезиса о Красной Армии как об армии современной и отчего столь критически охарактеризовал одерживавшие одну победу за другой вооруженные силы нацистской Германии.

Следует обратить внимание на некоторые знаменательные параллели между выступлениями Сталина на совещании высшего начальствующего состава РККА 17 апреля 1940 г. и на выпуске военных академий 5 мая 1941 г. В апреле 1940 г., когда подводились итоги советско-финляндской войны, он давал понять, что Красная Армия, несмотря на одержанную победу, ещё не является вполне современной армией. Он подчеркивал, что в ходе и в результате войны с Финлян-

дей РККА начался процесс достижения этого качества. Однако, чтобы сделать её “вполне современной армией” требовалось, прежде всего, в массовом масштабе насытить войска артиллерией, произвести “не сотни, а тысячи” боевых самолетов, танков, минометов, вооружить пехоту автоматическим стрелковым оружием, подготовить квалифицированные командные кадры и знающих военное дело политработников [92.].

Таким образом, в речи на совещании высшего начальствующего состава по окончании советско-финляндской войны Сталин со всей определенностью лишь сформулировал непосредственные задачи, стоявшие перед РККА, по превращению её в современную армию.

Из его высказываний перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г. присутствующие должны были понять: с поставленными задачами удалось успешно справиться. С полной уверенностью Сталин, как уже отмечалось, утверждал, что Красная Армия является вполне современной армией, имеющей на вооружении в достаточном количестве и артиллерию, и танки, и боевые самолеты, и минометы. Некоторые высказывания “вождя”, прозвучавшие на выпуске военных академий, дают возможность уяснить, насколько важна для него была чисто “техническая” сторона дела в вопросе о боеготовности армии: “Можно иметь хороший начальствующий состав, но если не иметь современной военной техники, можно проиграть войну” [92. С. 27].

7 июня 1941 г. агентура НКГБ получила запись беседы германских представителей в Москве, в которой упоминался “материал о речи Сталина на выпуске академиков”, то есть слушателей военных академий. Один из собеседников, вероятно, ссылаясь на этот “материал”, говорил о РККА: “То, что это современная армия — это нужно признать” [39. Док. № 63].

В выступлении перед выпускниками военных академий Сталин довольно недвусмысленно сформулировал полную тождественность понятий “современная армия” и “наступательная армия”. И наоборот, вооруженные силы, придерживавшиеся сугубо оборонительной тактики, он относил к разряду “не вполне современных”. Таковой, как следует из его речи 17 апреля 1940 г., была, например, финская армия. Сталин признал, что финским частям, действовавшим в ходе “Зимней войны”, были присущи такие положительные качества, как подвижность и дисциплинированность. Однако финская армия в целом не могла, исходя из сталинских критериев, считаться современной армией, поскольку она была “воспитана не для наступления, а для обороны” и к тому же не имела ни “серьезной” авиации, ни “серьезной артиллерии” [93.].

Приверженность большевистского лидера наступательной тактике проявилась в его высказываниях, которые были посвящены

оценке состояния боевой готовности и технического оснащения отдельных родов войск в составе Красной Армии. Сталин отдавал предпочтение “толстостенным танкам”, конечная цель которых, по его мнению, состояла в том, чтобы “рвать фронт”. О сталинском отношении к военной авиации и задачам ВВС в грядущей войне свидетельствуют не только тост в честь советских летчиков на банкете 5 мая 1941 г., но и аналогичные здравицы “вождя”, провозглашавшиеся и ранее на различных кремлевских приёмах. Так, обращаясь ко вновь избранным депутатам Верховного Совета СССР 20 января 1938 г., Сталин под возгласы одобрения поднял бокал за советских летчиков, “которые идут в наступление первыми и которые, в случае необходимости, отступают последними” [РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 130. Л. 96].

На банкете 5 мая 1941 г. он развил и конкретизировал свои мысли об отношении к ВВС. Сталин акцентировал внимание на необходимости развития авиации “ближнего боя”, “истребительной, штурмовой, пикирующей”, в противоположность дальнебомбардировочной [92. С. 29-30]. Приоритет истребительной авиации отдавался не только на словах, но и на деле. В приказе наркома обороны, уточнявшем мероприятия по подготовке к строительству оперативных аэродромов ВВС в 1941 г., на первый план выдвигалась задача сооружения их “для истребительной авиации в полосе до 80 км от границы” [РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 5279. Л. 1]. 4 мая 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее решение: “Одобрить предложение т. Сталина об увеличении зарплаты *летчикам-пикировщикам* (курсив мой — В. Н.) на 8—10% по сравнению с другими летчиками, получающими в настоящее время наивысшую зарплату” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1039. Л. 11].

Критический настрой Сталина, а вслед за ним — высшего военного руководства по отношению к дальнебомбардировочной авиации в исследовательской литературе объясняется следующим образом: якобы если бы в случае начала войны тяжелые бомбардировщики ВВС Красной Армии нанесли удары по военным заводам противника в глубоком тылу, это могло посорить СССР с рабочим классом противника, а ведь он, согласно господствовавшим пропагандистским установкам, обязательно должен был встать на защиту “государства рабочих и крестьян” [167. С. 133]. Так или иначе, но в составе группировки ВВС РККА приграничных военных округов к 22 июня 1941 г. преобладала истребительная и штурмовая авиация (64% от общего числа боевых самолетов). Доля бомбардировочной авиации была в два раза меньше — 31% [218. С. 34].

Из тоста “за пехоту”, провозглашенного Сталиным на банкете 5 мая 1941 г., следует, что ей отводилась роль той силы, которая призвана “занимать крепости, города и населенные пункты врага”. “Так

было всегда, так будет в будущей войне”, — констатировал он. В тесном взаимодействии с “пехотой”, по мнению Сталина, должна была действовать артиллерия, “бог войны”, “главная ударная сила пехоты”, прокладывающая ей путь к победе. Без артиллерийской подготовки, которая “сокрушает доты и дзоты”, вообще обречено на неудачу “любое наступление” [125. С. 284]. Содержание данного тоста аналогично сталинской здравнице, провозглашенной на “товарищеском ужине” в честь депутатов Верховного Совета СССР 20 января 1938 г. Тогда Сталин предложил выпить за артиллерию РККА, которая, по его убеждению, должна была стать лучше германской, английской, японской и показать себя первой “как внутри страны”, так и во вне, на “некоторых территориях, отдаленных от нашего государства” [РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 130. Л. 99].

Что касается кавалерии, то и она рассматривалась “вождем” как исключительно наступательный род войск, предназначенный для развития успеха “после прорыва фронта” противника, преследования его отходящих частей [94. С. 30]. Данная сталинская “установка”, сформулированная 5 мая 1941 г., практически полностью совпала с высказыванием наркома обороны С.К. Тимошенко на совещании высшего командного состава РККА 31 декабря 1940 г. (“конница найдет широкое применение в решении важнейших задач развития успеха и преследования противника после того, как фронт противника будет прорван”) [37. С. 365]. Согласно немецким оценкам, сделанным на основании разведанных, командование РККА намеревалось в случае войны использовать кавалерийские соединения исключительно для наступательных операций [42.].

Антигерманская направленность сталинской речи 5 мая 1941 г. в сочетании с апологией Красной Армии не оставляли сомнения, что ближайшим военным противником станет вермахт. Похвала, которой удостоил Сталин потенциального военного противника, сумевшего учесть уроки поражения Германии в Первой мировой войне, усовершенствовать вооруженные силы и нанести поражение Франции в 1940 г., на деле оказалась лишь основанием для последовавших за ней критических оценок. “Вождь” даже прибег к манипуляции излюбленным тезисом (“непобедимых армий не бывает”). Если в апреле 1940 г. Сталин применил этот тезис, характеризуя недостатки РККА [92.], то в мае 1941 г. уже отнёс его исключительно к вермахту.

Весной 1941 г. Сталин получал по каналам разведки “дезинформацию, говорившую о пораженческих настроениях в немецкой армии и нежелании солдат воевать на востоке”, что, несомненно, могло повлиять на тон сталинской речи перед выпускниками военных академий [174. С. 291]. Так, в Москву направлялись донесения, составленные на основании данных частей пограничных войск НКВД. В донесениях отмечалась усиленная подготовка немцами театра военных действий

в пограничных с СССР районах. В то же время, в документах подобного рода, в частности, делался следующий вывод о моральном состоянии немецких солдат: “Чувствуется (?! — В. Н.) неуверенность рядового состава в успехе в случае военных столкновений с Советским Союзом”. НКВД также сообщало в Москву, что “по показаниям дезертиров” из германских войск, в частях вермахта высказывалось “нежелание воевать” против СССР. Хронологически эти сообщения охватывали период конца апреля — начала мая 1941 г. [25. Док. № 196; 29. Док. № 360, 367]. Согласно агентурным данным, полученным из Берлина, подавляющее большинство германских офицеров было якобы настроено оппозиционно по отношению к Гитлеру, а среди солдат вермахта наблюдалась усталость от войны. Что касается ударной силы германской армии, то по сравнению с 1939 г. отмечалось её сильное снижение, а со ссылкой на немецкие оценки делался оптимистический вывод: боевые самолеты ВВС Красной Армии в качественном отношении не уступают машинам люфтваффе [39. Док. № 6].

Достаточно напомнить о прозвучавших в сталинском выступлении 5 мая 1941 г. утверждениях относительно потери значительной частью германской армии имевшегося в начале войны пыла, отставании её военной техники от советской, чтобы понять: Сталин, несомненно, брал на вооружение разведданные, негативно характеризовавшие потенциального противника СССР.

В предвоенный период Сталин довел до совершенства “ритуальный стиль” своих выступлений. Как правило, они уже не подлежали обсуждению, но давали сигнал к очередному всесоюзному “изучению”, пропагандировались и разъяснялись, зачитывались вслух, предвеляя новую политическую кампанию [240. С. 36-37]. Основными в кампаниях такого рода (например, популяризация “Краткого курса”, известная история с фильмом “Закон жизни”) непременно становились сталинские тексты. В конкретном же случае с выступлениями Сталина 5 мая 1941 г. было проявлено явное нежелание “вождя” публиковать их при жизни. Запрет на подобную публикацию, несомненно, исходил от самого “автора”. Сохранившийся макет так и не вышедшего в свет 14-го тома собрания сочинений Сталина, составленный из текстов его речей и статей за 1934—1941 гг. (до начала Великой Отечественной войны), вобрал в себя материалы по апрель 1941 г. включительно [РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 125]. В специальном архивном деле, как следует из сопроводительной записки А.Н. Поскребышева, были собраны выступления и письма, “находящиеся в архиве ЦК, не опубликованные и не вошедшие в макет” этого тома. Среди них — вышеупомянутая запись К. Семёнова, сделанная 5 мая 1941 г. на торжествах по случаю выпуска военных академий РККА [РЦХИДНИ. Ф. 71. Оп. 10. Д. 130. Л. 1, 361-371].

Как уже упоминалось, она была передана в архив в мае 1948 г., а, следовательно, не могла не быть известна Сталину.

За два года до этого, в январе 1946 г. нарком госбезопасности СССР В.Н. Меркулов направил ему подлинный текст первого допроса пленённого немцами Я.И. Джугашвили. Старший лейтенант Джугашвили, командир 14-го гаубичного полка 14-й танковой дивизии 7-го механизированного корпуса попал в плен 16 июля 1941 г. и уже 18 июля был допрошен представителями командования германской группы армий “Центр”. В ходе допроса он, в частности, сказал: “Мне говорят, будто бы есть такая речь Сталина, в которой говорится, что если Германия не нападет первой, то это сделаем мы”. Конечно, имелась в виду сталинская речь 5 мая 1941 г. Далее Я.И. Джугашвили, присутствовавший на выпуске военных “академиков” в Кремле и слышавший эту отцовскую речь, категорически заявил немцам: “Я никогда не слышал ничего подобного!” После этого ещё дважды повторил: “Никогда не слышал!” [10. Док. № 98].

Возможно, после прочтения доставленного ему протокола допроса сына и знакомства с записями К. Семёнова “вождь” и решил не помещать в 14-м томе собрания своих сочинений тексты выступлений перед военными “академиками”.

Спустя десятилетия после драматических событий кануна советско-германской войны историки, исходя из имеющихся в их распоряжении источников, продолжают по-разному интерпретировать происходившее в Кремле 5 мая 1941 г. Для ближайшего же сталинского окружения всё сказанное тогда “вождем” на торжественном собрании и на приеме (банкете) являлось не “мистификацией” и не “дезинформацией”, а прямым руководством к действию.

ГЛАВА ПЯТАЯ НАЧАЛО ПОВОРОТА В ПРОПАГАНДЕ

1. Выдвижение “ЛОЗУНГА НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ”

После сталинского указания о необходимости перестройки воспитания, пропаганды, агитации и печати в стране в наступательном духе, прозвучавшего 5 мая 1941 г., началась активная работа по претворению его в жизнь.

Основные вопросы, возникавшие в ходе разворачивавшейся пропагандистской кампании в духе “военной политики наступательных действий”, обсуждались на заседаниях Политбюро, Оргбюро, Секретариата, а также в Управлении пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), в отделе печати Народного комиссариата иностранных дел, Главном управлении политической пропаганды Красной Армии.

Вся эта грандиозная кампания велась под непосредственным руководством секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Жданова и А.С. Щербакова.

Несомненно, Жданов и Щербаков, будучи одними из наиболее близких к Сталину людей, обладали исчерпывающей информацией относительно того, как именно должна проходить новая пропагандистская кампания, корректируя её ход в зависимости от быстро менявшейся обстановки внутри страны и на международной арене.

7 мая 1941 г. Геббельс записал в дневнике: “Сталин и его люди совершенно бездействуют. Замерли, словно кролик перед удавом” [103. С. 251]. Данная дневниковая запись может свидетельствовать лишь о полном неведении министра пропаганды Третьего рейха относительно того, что делалось в Москве. А между тем ни Сталин, ни его “люди”, вопреки мнению Геббельса, в те майские дни отнюдь не бездействовали.

6 мая 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проекты Указов Президиума Верховного Совета СССР, касавшихся поста предсе-

дателя Совета народных комиссаров СССР. В.М. Молотов был освобожден от обязанностей Председателя СНК. Сталин был назначен на этот государственный пост взамен Молотова, который назначался заместителем Председателя СНК [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1039. Л. 13]. На другой день после утверждения на Политбюро ЦК ВКП(б), 7 мая проекты трех вышеперечисленных Указов Президиума Верховного Совета СССР были обнародованы в печати.

5, 9 и 12 мая 1941 г. в Москве состоялись конфиденциальные встречи Ф. Шуленбурга и В.Г. Деканозова, в ходе которых германский посол пытался через советского дипломата убедить сталинское руководство взять на себя инициативу по улучшению этих отношений. Деканозов постоянно получал от Сталина указания, как вести себя в данной ситуации. Однако, судя по всему, инициатива Шуленбурга не нашла одобрения в Берлине и майские беседы не имели реальных практических последствий [174. С. 192-204].

13 мая 1941 г. редактор газеты “Правда” П.Н. Поспелов направил А.А. Жданову копию сталинской работы “О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма” и сообщил, что эта работа будет опубликована в очередном, 9-ом номере печатного органа ЦК ВКП(б) — журнала “Большевик” [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 906. Л. 43].

История, связанная с данной публикацией, началась 19 июля 1934 г. Сталин разослал тогда членам Политбюро письмо с собственной оценкой статьи Энгельса “Внешняя политика русского царизма” и текст самой этой статьи. В письме говорилось, что директор ИМЭЛ при ЦК ВКП(б) В.В. Адоратский предложил опубликовать её в одном из номеров журнала “Большевик”, посвященных двадцатилетию начала Первой мировой войны. Оценивая подобное предложение, Сталин подчеркивал: публикация работы Энгельса в “боевом журнале” большевистской партии может быть расценена “как руководящая, или во всяком случае, глубоко поучительная для наших партийных работников”. Но, согласно сталинскому убеждению, высказанному в упомянутом письме членам Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 июля 1934 г., эта статья “несмотря на её достоинства”, не могла претендовать на качества “руководящей” и, более того, имела ряд недостатков, которые были способны “запутать читателя”, если их не подвергнуть предварительно критическому анализу.

В доказательство Сталин подробно останавливался на “недостатках” статьи Энгельса “Внешняя политика русского царизма”. С особым пафосом он подчеркивал “ошибочность” высказанных Энгельсом в конце XIX в. мыслей о желательности поражения России в вооруженном столкновении с Германией. Большевистский лидер считал необходимым процитировать отрывок из письма Ф. Энгельса А. Бебелю (1891), в котором встречались и такие выражения: “победа

Германии есть, стало быть, победа революции” и “если Россия начнет войну, — вперед на русских и их союзников, кто бы они ни были” [331. С. 5]. В конкретной исторической ситуации мая 1941 г. эти фразы звучали совершенно иначе, чем в 1891 г., но, вероятно, представлялись Сталину как раз кстати в обстановке начавшейся пропагандистской кампании, имевшей антигерманскую направленность.

Между тем, в ответ на четкие и недвусмысленные сталинские указания о перестройке в области пропаганды, прозвучавшие в выступлениях перед выпускниками военных академий, было обращено внимание на средства массовой информации.

8—9 мая 1941 г. в Секретариате ЦК ВКП(б) происходили совещания с редакторами центральных газет и журналов, работниками ТАСС [РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 927. Л. 33]. После 10 мая 1941 г. в докладных записках сотрудников УПА и редакторов центральных газет, адресованных секретарям ЦК, неоднократно упоминается об этих совещаниях. Так, Д.А. Поликарпов и А.А. Пузин, ознакомившись с планами работы на 15 мая — 15 июня 1941 г., представленными редакциями “Правды”, “Известий”, “Красной звезды”, ТАСС подчеркивали, что необходимо доработать их *“в соответствии с указаниями, данными на совещании”* (курсив мой — В. Н.) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 58. Л. 3].

Л.Я. Ровинский, назначенный 19 апреля по постановлению ЦК ВКП(б) ответственным редактором “Известий”, 8 мая принимал дела от своего предшественника, Я.Г. Селиха [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 58. Л. 195], а поэтому не мог присутствовать в первый день на вышеупомянутом совещании. Однако, из докладной записки Л.Я. Ровинского на имя А.А. Андреева, А.А. Жданова, Г.М. Маленкова и А.С. Щербакова от 17 мая следует, что он уже действовал, исходя из *“указаний, данных Секретариатом ЦК 9 мая”* (курсив мой — В. Н.) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 58. Л. 204].

Сравнение тезисов выступления А.С. Щербакова на совещании с представителями средств массовой информации 8—9 мая 1941 г. с записями сталинских выступлений перед выпускниками военных академий позволяет сделать однозначный вывод: речь Сталина, а также реплика на банкете 5 мая явились основой, своеобразной моделью при составлении упомянутых тезисов. Напомним, Сталин говорил, имея в виду причины поражения Франции и побед Германии в 1939—1941 гг., что французы и англичане с пренебреженным относились к военным, потеряли своих союзников. Соответственно, среди тезисов А.С. Щербакова обнаруживаем следующие: “Борьба с зазнайством, успокоенностью, косностью (см. опыт Франции)”; “Игнорирование армии, её командного состава. Перестали уважать”. Секретарь ЦК ВКП(б) также наметил публикацию в периодической печати статей и обзоров “о плохих союзниках”.

Как упоминалось выше, характеризуя состояние германской армии к весне 1941 г., Сталин утверждал: считать её “непобедимой” нет никаких оснований, напоирая на проявление в ней первых признаков “хвастовства, самодовольства, зазнайства”. Он утверждал также, что германская военная мысль не шла вперед, проводил аналогии между захватническими войнами Наполеона I, окончившимися плачевно для французского императора, и действиями армии Германии, которая сменила лозунг “освобождения от цепей Версаля” на лозунг “покорения других стран”. Кроме того, Сталин указывал на опасность ведения войны на два фронта, сопоставляя кампании Пруссии против Франции 1870—1871 гг. и борьбу Германии против её противников в 1914—1918 гг.

В несколько модернизированном стиле все эти сталинские мысли отражены в вышеупомянутых тезисах А.С. Щербакова: “Самодовольство”; “Зазнайство, самодовольство, леность военно-технической мысли”; “Смена лозунгов...”; “Миф о непобедимости” (причем целый раздел тезисов озаглавлен “Разоблачение мифа о непобедимости”, а для его освещения, по мнению Щербакова, в прессе следовало помещать статьи и обзоры, в том числе и о Наполеоне I); “Два фронта”; “Войны Германии на два фронта”.

В своих тезисах А.С. Щербаков постарался адекватно передать и сталинскую мысль о завершении перестройки Красной Армии, её перевооружении и оснащении современной военной техникой, а также об извлечении ею опыта из советско-финляндской войны и из боевых действий Германии против западных союзников 1940—1941 гг. Об этом можно судить на основании следующих использованных в упомянутом документе формулировок: “Армия перестроена и реорганизована на основе учета опыта войны”; “Освещение героев, овладевших техникой (опыт финской войны)”; “Линия Мажино, линия Маннергейма”. Наконец, А.С. Щербаков, очевидно, получив дополнительные устные директивы от Сталина, но, совершенно точно, на основании сделанного последним конкретного указания о необходимости перестройки пропаганды в наступательном духе, зафиксировал это в своих тезисах. Первый, наиболее важный их раздел озаглавлен: “Воспитание армии и народа”. Он открывается следующей формулировкой: “Лозунг — *наступательной войны. Основную статью* (курсив мой — В. Н.) (журнал)”.

В третьем разделе тезисов находим следующую формулировку: “Лозунг обороны, лозунг наступления. Готовить политику войны”. Ясно, что данная формулировка полностью вытекала из сталинской антитезы “оборона — наступление”, прозвучавшей в приводившемся тосте на приёме 5 мая 1941 г. А.С. Щербаков, опираясь на эту антитезу, акцентировал внимание именно на смене оборонительных лозунгов на наступательные в контексте подготовки к войне.

Секретарь ЦК ВКП(б), отвечавший за идеологическую работу, прекрасно понимал, что необходимо держать в тайне сам факт начавшейся пропагандистской кампании по обеспечению “лозунга наступательной войны”. Формулируя указания, предназначенные для руководителей средств массовой информации, он, в частности, зафиксировал в своих тезисах механизм подготовки материалов по разоблачению “мифа о непобедимости” германской армии: “Осторожно, не дразнить, повода не давать, аналогии и намеки, но систематически, капля по капле”.

Интересно, что в первоначальном, рукописном наброске данного пункта второго раздела тезисов А.С. Щербаков излагал основную мысль более конкретно: “Осторожно, *гусей* не дразнить, повода не давать, аналогии и намеки, но систематически, капля по капле (*как известно, [вода] камень долбит*)” (курсивом выделены слова, вычеркнутые А.С. Щербаковым из рукописи и отсутствующие в машинописном варианте тезисов – В. Н.) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 128. Л. 35-44].

Таким образом, в тезисах А.С. Щербакова к совещанию в ЦК ВКП(б) с представителями средств массовой информации отразились практически все уровни “приведения языка в соответствие с политическими реальностями”: здесь и подражание “высшему руководителю” (Сталину), и применение расхожих формулировок и шаблонных фраз, и, наконец, нарочито лаконичный, сугубо деловой стиль. В них также налицо стремление ориентировать “нижестоящих” исполнителей воли большевистского руководства на недопущение “утечки” информации за пределы ограниченного круга “посвященных”, чтобы “не дать повода” немцам для проявления недовольства.

Яркой иллюстрацией тезиса А.С. Щербакова о необходимости “не дразнить гусей” и “не давать повода” стало появившееся 9 мая в центральных советских газетах “Опровержение ТАСС”, касавшееся сообщений зарубежных информационных агентств о концентрации крупных воинских соединений Красной Армии на западных границах СССР. В “Опровержении” пересказывалась переданная японским агентством Домей Цусин информация о переброске советских войск с Дальнего Востока и из Средней Азии, о передаче в распоряжение Киевского особого военного округа 2700 боевых самолетов, об усилении военно-морских флотов на Черном и Каспийском морях.

ТАСС категорически отрицал “это подозрительно крикливое сообщение Домей Цусин”, утверждая, что никакой концентрации крупных военных сил Советского Союза на его западных границах нет и не предвидится [2. Док. № 509].

Дневниковая запись Геббельса от 9 мая зафиксировала его реакцию на это “Опровержение...”: оно якобы свидетельствовало о “неприкрытом страхе” Сталина перед германской военной мощью. Рейхсминистр пропаганды считал, что выгоду от этой советской ак-

ции получила лишь Германия. Во всяком случае в немецкой печати оно опубликовано не было [103. С. 251]. Пребывавшее в эйфории собственных военных приготовлений нацистское руководство не могло и предположить, что Сталин способен на адекватные действия, а тем более на инициативу в данном вопросе.

В день публикации “Опровержения ТАСС” распоряжением начальника штаба Одесского военного округа генерал-майора М.В. Захарова вооружение, боевая техника и имущество НЗ были переведены в состояние, “готовое к немедленному использованию” [117. С. 171]. Не случайно, после появления газет с этим опровержением в воинских частях, переброшенных к границе с Румынией, его содержание вызвало недоумение красноармейцев, дислоцировавшихся в данном районе. Они задавали на политинформациях вопрос: “Как связать это с действительностью?” Ответ политрука одного из соединений прозвучал безапелляционно: “Все эти заявления и пакты пишутся для гражданских, но мы-то должны понимать, что нас сюда послали не к теще на блины. Мы знаем, кто наш враг, и с честью выполним любую поставленную перед нами партией задачу” [113. С. 100].

В свете приведенных свидетельств есть возможность оценить, насколько объективной являлась информация о событиях, произошедших в Москве после Первомайских праздников, которая содержалась в донесении Ф. Шуленбурга в МИД Германии от 12 мая.

С одной стороны, он совершенно верно указал на факт принятия на себя Сталиным поста Председателя Совета Народных Комиссаров СССР как на “событие чрезвычайной важности”. Во многом соответствовало действительности и убеждение Шуленбурга в том, что данный шаг был вызван внешнеполитическими причинами.

С другой стороны, трудно согласиться со следующим выводом германского посла: якобы переоценка международного положения, исходя из побед вермахта в Югославии и Греции, заставила Сталина отойти от прежней политики, “приведшей к отчужденности в отношениях с Германией”. Совершенно противоречат истине в свете приведенных фактов о начавшейся в условиях строжайшей конспирации пропагандистской подготовке к наступательной войне утверждения Шуленбурга о неких “манifestациях” СССР (в их числе названо и пресловутое “Опровержение ТАСС” от 9 мая!), рассчитанных “на ослабление напряженности” в советско-германских отношениях и даже “на создание в будущем лучшей атмосферы” в них [22. Док. № 170].

Вслед за редакторами центральных газет и журналов, сотрудниками ТАСС’а конкретные указания со стороны ЦК ВКП(б) по развертыванию новой пропагандистской кампании в стране получили и кинематографисты. Произошло это во время совещания в ЦК ВКП(б) 14—15 мая 1941 г. В записной книжке секретаря ЦК ВКП(б) А.С. Щербакова отмечено: “14 мая (Среда). Совещание по кино.

Людей, число их. Открывает т. Жданов" [РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 927].

К маю 1941 г. А.А. Жданов уже поднаторел в области кинематографа. В августе 1940 г. по постановлению Политбюро он возглавил Комиссию по предварительному просмотру и выпуску на экраны новых кинофильмов, куда помимо него вошли секретари ЦК ВКП(б) А.А. Андреев, Г.М. Маленков и заместитель наркома иностранных дел А.Я. Вышинский [45. С. 73; 158. С. 24]. Он лично редактировал статью [80.], с которой началась кампания "проработки" писателей и кинематографистов, связанная с кинолентой "Закон жизни". А.А. Жданов председательствовал на совещании в ЦК ВКП(б) 9 сентября 1940 г., где вместе со Сталиным устроил разнос создателям этого фильма и, в первую очередь, — автору сценария писателю А.О. Авдеенко. В результате кампании по "воспитанию" деятелей кино была принудительно прекращена работа и запрещен к демонстрации целый ряд кинолент с "низким идейным содержанием" [158. С. 24-31; 308. С. 94-144].

Но этим не ограничились. В воздухе витала идея созыва в ЦК нового, более представительного совещания кинематографистов, о чем, в частности, говорилось на заседании Оргбюро 23 декабря 1940 г. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 64. Л. 2]. 31 декабря 1940 г. Секретариат ЦК постановил созвать подобное совещание 20 января 1941 г., пригласив на него сценаристов, режиссеров и других деятелей кино. УПА ЦК ВКП(б) и Комитет по делам кинематографии при СНК СССР представили список участников предстоящей встречи, в который было включено 46 человек [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 68. Л. 50]. В марте 1941 г. А.А. Жданов несколько "обновил" эту идею. Он высказал мысль о необходимости собрать в ЦК ВКП(б) деятелей кино "и выяснить, как ведется среди них политвоспитание, кто их там воспитывает, кто их направляет" [343. С. 25]. Но лишь в середине мая 1941 г. это предложение было воплощено в жизнь.

Приведенная выше заметка для памяти, сделанная А.С. Щербаковым и касавшаяся подбора и количества "людей" на совещание по вопросам художественной кинематографии, свидетельствует о его большой важности. Было приглашено 54 видных и наиболее известных кинорежиссеров, сценаристов, актеров, операторов, руководителей крупнейших киностудий страны, а также 27 "работников пропаганды и печати" (так названы они в списке участников). Эта, вторая группа присутствовавших состояла из представителей Управления пропаганды и агитации, отделов ЦК, МК и МГК ВКП(б), ЦК ВЛКСМ, ГУППКА, СНК СССР, руководства Комитета по делам кинематографии при СНК СССР, редакторов газет "Правда", "Известия", "Комсомольская правда" [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 115. Л. 3-7]. Следовательно, на двух представителей кинематографии приходился

один “работник пропаганды и печати”, что предвещало постановку большевистским руководством перед участниками форума политически важных задач.

Открывая совещание в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии 14 мая 1941 г., Жданов счел необходимым подчеркнуть, что кино имеет большое значение, “как важнейшее из видов искусства и наиболее острое орудие политического воспитания и просвещения масс.” Он разъяснял присутствовавшим очевидную, с точки зрения большевистского руководства, истину: “современная эпоха, современный период” налагали на советский кинематограф “особые обязанности в связи с войной”, а также в связи с “задачами в области строительства коммунистического общества” и конкретными установками, которые прозвучали на XVIII партийной конференции.

Между тем, выступавшие в прениях кинематографисты сосредоточивали внимание на проблемах, главным образом касавшихся внутреннего развития советского кино, обращаясь к представителю высшей партийной инстанции со своими претензиями и жалобами на неблагоприятное положение вещей.

Именно поэтому в заключительном слове, уже 15 мая, А.А. Жданов сосредоточился на разъяснении вопроса о том, какие новые проблемы стоят перед советской пропагандой, а также уточнил, к какой именно войне следует готовиться всему народу и кинематографистам, в частности. Ссылаясь на Сталина, он подчеркнул, что “большевик и революционер тот, кто умеет ломать старые традиции и строить новые”. Данный сталинский тезис Жданов напрямую связал с задачами, которые следовало “развернуть в идеологической области”. Он констатировал: положение СССР как единственной страны социализма и необходимость готовить народ “к любым неожиданностям” обязывали “сделать вывод из этого, а мы (он имел в виду прежде всего присутствовавших на совещании – В. Н.) не делаем”. Секретарь ЦК ВКП(б) пояснил, что на повестке дня — проведение “практических мероприятий по линии пропаганды и по линии идеологических вещей”.

А.А. Жданов обрисовал присутствовавшим на совещании в ЦК ВКП(б) “генеральную линию” большевистского руководства на международной арене: она сочетала независимость, самостоятельность действий, а, вместе с тем, предполагала расширение “фронта социализма, всегда и всюду”, когда “обстоятельства позволяют”. Здесь же он привел наглядные примеры в подтверждение данной мысли, предложив вспомнить события 1939—1940 гг., когда к СССР были присоединены Прибалтика, Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия, Северная Буковина. “Вы отчетливо понимаете, — доверительно сообщал Жданов своей аудитории, — что если обстоятельства нам позволят, то мы и дальше будем расширять фронт социализма”. В этой связи он сформулировал коренную задачу: следовало

прививать народу непримиримость к “врагам социализма”, готовность нанести “смертельный удар любой буржуазной стране или любой буржуазной коалиции”, а главное — воспитывать людей “в духе активного, боевого, *воинственного наступления*” (курсив мой — В. Н.). Решение данной задачи возлагалось, по словам А.А. Жданова, и на кинематографистов, которые, как и другие советские граждане, понимали “проблему нашего дальнейшего развития”, прекрасно отдавая себе отчет в том, что, “конечно, столкновение между нами (СССР — В. Н.) и буржуазным миром будет и мы обязаны кончить его в пользу социализма”. Последний из приведенных пассажей ждановского заключительного слова на совещании в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии вызвал, судя по стенограмме, аплодисменты присутствовавших [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 115. Л. 8, 10, 46, 159, 162; Ф. 77. Оп. 1. Д. 919. Л. 1а, 3, 39-40, 152, 153].

На этом же совещании был затронут, в частности, и вопрос о том, какие именно черты характера необходима воспитывать у советских людей в связи с необходимостью подготовки к “воинственному наступлению”. А.С. Щербаков отметил по данному поводу, что среди молодежи имеются “нежелательные” настроения: “прошлого не анализировать, вперед не смотреть, а жить как трава растет”. Особое возмущение у Щербакова вызвало преобладание этих настроений и отражающих их кинофильмов в период, когда следовало весь народ “держать в состоянии мобилизационной готовности” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 115. Л. 124]. В его вышеупомянутых тезисах к совещанию с представителями средств массовой информации, в разделе “Воспитание армии и народа” формулировалась следующая задача: “Во всех статьях, очерках (об армии, колхозе, заводе, школе, молодежи), оборонном спектакле, фильме — о выносливости, о готовности, *против тепличности*” (курсив мой — В. Н.) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 128. Л. 35].

По существу А.С. Щербаков в данном случае лишь развивал мысли, высказанные А.А. Ждановым в выступлении перед партийным активом Ленинграда 20 ноября 1940 г. Естественно, и сам А.А. Жданов, обращаясь к кинематографистам 15 мая 1941 г., счел необходимым подчеркнуть, что “некоторые люди” все-ещё продолжают воспитываться “в тепличной обстановке”, а поэтому “им будет трудно воевать”. Имея в виду, очевидно, фильм “Сердца четырех”, запрещенный впоследствии к показу ЦК ВКП(б), он заметил: “Мы сами любим посмеяться, мы не апостолы, но мы считаем, что труд и задачи, которые перед нами стоят, они обязывают нас, чтобы этот смех не превращался в самоцель. Может быть через пару лет *будем смеяться по-иному*” (курсив мой — В. Н.).

Для решения этих задач была создана специальная комиссия ЦК ВКП(б), в которую вошли видные кинематографисты (А.Я. Кап-

лер, А.П. Довженко, С.М. Эйзенштейн и другие), представители УПА (во главе с Г.Ф. Александровым), ЦК ВЛКСМ, СНК СССР (Р.С. Землячка), Комитета по делам кинематографии при СНК СССР. Председателем Комиссии стал А.С. Щербаков. Она должна была обсудить в ЦК вопрос “о создании идейных художественных фильмов” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 115. Л. 162, 167].

Сравнивая выступление А.А. Жданова перед кинематографистами с речью Сталина перед выпускниками военных академий, нельзя не отметить “доверительную” манеру обращения к аудитории, которую “соратник” перенял у “вождя”. Кроме того, А.А. Жданов уже не впервые использовал сталинский тезис о необходимости “расширения фронта социализма”. Возможно, Жданов информировал Сталина о ходе работы совещания по вопросам художественной кинематографии. 14 и 15 мая он был в числе посетителей сталинского кабинета в Кремле [34. С. 47].

14 мая 1941 г., т.е. в тот же день, когда А.А. Жданов и А.С. Щербаков открывали совещание в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии, на заседании Главного Военного Совета были подведены итоги инспекторской проверки партийно-политической работы с личным составом РККА. Подобное совпадение, думается, вовсе не случайно, а может лишний раз свидетельствовать о скоординированности действий большевистского руководства по развертыванию пропагандистской кампании в духе наступательной войны.

На заседании ГВС 14 мая присутствовали: секретари ЦК ВКП(б) А.А. Жданов и Г.М. Маленков, представители наркомата обороны С.К. Тимошенко, С.М. Буденный, Г.К. Жуков, К.А. Мерецков, Г.И. Кулик, Б.М. Шапошников. Первый вопрос повестки дня формулировался следующим образом: “Итоги инспекторской проверки политзанятий в частях Красной Армии”. Доклад по данному вопросу сделал начальник Главного управления политической пропаганды Красной Армии А.И. Запорожец. Приглашены на заседание были представители ГУППКА Ф.Ф. Кузнецов и М.Г. Гуревич. В результате обсуждения доклада А.И. Запорожца, ему было поручено, с учетом обмена мнениями, “разработать и представить к очередному заседанию ГВС проект директивы”, в которой сделать основной упор “на поднятие боевой воспитательной работы” [РХИДНИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 4004. Л. 1].

А.А. Жданов и А.С. Щербаков, очевидно, тогда же дали указание Г.Ф. Александрову приступить к составлению проекта директивы ЦК ВКП(б) “О задачах пропаганды на ближайшее время”.

С трактовкой сталинских указаний о необходимости подготовки к наступательной войне выступил и М.И. Калинин. 20 мая 1941 г. он сделал доклад о международном положении на партийно-комсомольском собрании работников служебного аппарата Президиума Верховного Совета СССР [176. С. 122-146; 194. С. 128-131]. “Всесоюзный

староста” в подражание Сталину использовал в своем выступлении уже ранее неоднократно опробованный метод “доверительного” обращения к аудитории. Например, говоря о “расширении зоны коммунизма”, причем — “с маленькими расходами средств”, Калинин наемкнул присутствовавшим на собрании: “вы об этом знаете, конечно”.

В тезисах к выступлению 20 мая 1941 г. встречаются такие формулировки: “большевики — не пацифисты”, “нельзя безотчетно упиваться миром” [194. С. 131]. Несомненно, эти формулировки вытекали из соответствующих сталинских указаний на сей счет. Утверждения Калинина о том, что СССР сумел “серьезно потеснить капиталистический мир” и ведет “активную, ... наступательную политику против капитализма” [194. С. 131] также берут начало из выступлений Сталина 9 сентября 1940 г. и 5 мая 1941 г.

Совершенно ясно, что “всесоюзный староста” сделал заявление о завоевательном характере внешней политики нацистов не “в отличие” [194. С. 129], а, так же, как и А. А. Жданов, вслед за Сталиным. Достаточно напомнить в данной связи сталинские фразы из речи перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г.: “...Германия уже воюет под флагом покорения других народов” или: “Германская армия не будет иметь успеха под лозунгами захватнической, завоевательной войны”.

Вышеупомянутые выступления А. А. Жданова, А. С. Щербакова и М. И. Калинина нацеливали на поворот в пропаганде в духе подготовки именно к наступательной войне.

2. ПЕРЕСТРОЙКА В СРЕДСТВАХ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ

Представители средств массовой информации, от которых зависели характер и специфика подачи материалов пропагандистского характера, практически немедленно взяли на вооружение указания, данные им на совещаниях в ЦК ВКП(б) 8—9 мая 1941 г. и 14—15 мая 1941 г.

Первым делом произошли подвижки в периодической печати, главным образом — в центральных газетах и журналах. По мысли А. С. Щербакова, зафиксированной в его тезисах к выступлению перед редакторами центральных газет и журналов, средства массовой информации должны были придерживаться следующего “разделения труда” при публикации статей под “лозунгом наступательной войны”:

а) “Правда” — одно.

б) “Известия” — осторожнее.

в) В “Труде” — посвободнее (особенно о положении трудящихся)”.

“Красной звезде” отводилась основная роль в освещении опыта военных действий 1939—1941 гг. Местная печать должна была выступать “несколько свободнее” центральной [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 128. Л. 36].

Понятен план “дозирования” информации, сформулированный в тезисах А.С. Щербакова. В “Известиях”, являвшихся органом Верховного Совета СССР, своеобразным правительственным официозом, естественно, следовало давать материал “осторожнее”, чем в “Правде”, центральном печатном органе большевистской партии. Газета “Труд”, согласно постановлению ЦК ВКП(б) от 2 октября 1939 г., должна была использовать свой иностранный отдел для “неофициального освещения” вопросов международных отношений [305. С. 31]. Как уже отмечалось, именно в ней в начале января 1941 г. по личному распоряжению Сталина была помещена статья Л. Фейхтвангера, что являлось в условиях существования пакта о ненападении и Договора о дружбе и границе с Германией явной антигерманской пропагандистской акцией.

В мае 1941 г., после сталинского указания о перестройке всей советской пропаганды в наступательном духе, ЦК ВКП(б), очевидно, рассматривал газету “Труд”, как один из каналов проведения начавшейся пропагандистской кампании.

“Красная звезда”, являвшаяся органом наркомата обороны, наибольшее внимание уделяла военной тематике. Как указывалось, после пакта о ненападении Сталин запретил помещать в этой газете материалы антинацистского характера, отличавшиеся от официальной точки зрения по поводу сближения с Германией. Однако сталинские выступления 5 мая 1941 г. заставили вновь переориентироваться редколлегию газеты, причем А.С. Щербаковым на сей счет были даны конкретные указания на совещании в ЦК ВКП(б).

Подытоживая основные задачи по пропагандистскому обеспечению “лозунга наступательной войны” в тезисах к выступлению перед представителями средств массовой информации, Щербаков подчеркивал: “Использовать всякие поводы, даты, исторические примеры, аналогии”.

Итак, центральная и местная периодическая печать ориентировалась на *дифференцированную* работу по воплощению в жизнь “лозунга наступательной войны”. У А.С. Щербакова встречались и чисто “оборонительные” формулировки типа: “Крепи оборону”, “О бдительности”. Однако, весь пафос его указаний представителям средств массовой информации — наступательный. В них по сути воспроизведены основные положения речи Сталина 5 мая 1941 г., касающиеся, в первую очередь, учета негативного урока поражения Франции, аналогий между фюрером Третьего рейха и Наполеоном I, перестройки и реорганизации Красной Армии, переосмысления опыта финской кампании. Однако А.С. Щербаков как бы “оживил” сталинский стиль и, в частности, акцентировал внимание на задаче “разоблачения мифа о непобедимости”, относящейся к итогам боевых действий вермахта 1940—1941 гг.

Указания ЦК ВКП(б) брались на вооружение представителями партийных структур и государственных учреждений, задействованных в пропаганде.

10 мая 1941 г. Н.Г. Пальгунов направил в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) свои “Предложения о мероприятиях по освещению международного положения”. Этот документ с грифом “Секретно” снабжен собственноручной пометой Пальгунова: “Срочно с нарочным”, причем она для убедительности дважды подчеркнута красным карандашом [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 60. Л. 58-61]. В “Предложениях...”, в частности, формулировалась следующая задача: “Поведение советской печати *не должно давать какого-либо повода для выводов, будто в данный момент имеются какие-либо изменения в состоянии советско-германских отношениях* (курсив мой — В. Н.), и тем менее, повода для каких бы то ни было дипломатических представлений”. Это вполне согласуется с одним из тезисов А.С. Щербакова к совещанию 8 мая 1941 г. — “не дразнить и не давать повода”, подразумевавшим сохранение внешних “приличий” в отношениях с Германией и нацеленным на то, чтобы лишить германскую сторону предлога для выдвижения претензий. Понимание заведующим отделом печати НКВД’а “основной задачи момента” проявилось и в его представлениях о возможных способах разоблачения “мифа о непобедимости германской армии”. Основная работа в данном направлении, отмечал Н.Г. Пальгунов, должна проводиться менее доступной немцам советской местной печатью — областными, городскими и районными газетами. Он, несомненно, исходил из установки А.С. Щербакова, данной 8 мая 1941 г.: в качестве основного инструмента для решения данной задачи использовать не только центральную печать, но и местную, и, как отмечалось в одном из тезисов секретаря ЦК ВКП(б), в местной печати можно было действовать “несколько свободнее” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 128. Л. 36].

Думается, подобная тактика была избрана не случайно. Подписка иностранцам на советские краевые, областные и районные газеты (кроме особо оговоренных) на 1941 г. запрещалась Главлитом [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 65. Л. 1]. Столь крутые меры были продиктованы необходимостью пресечения попадания за границу (в том числе и в Германию) информации о дислокации воинских частей Красной Армии, размещении крупнейших промышленных и оборонных предприятий на территории СССР и других данных, составлявших государственную и военную тайну. Подобная утечка информации происходила, поскольку, как уже отмечалось, органы цензуры на местах фактически не справлялись со своими основными обязанностями. В создавшихся условиях Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) и Главлиту легче было вообще отказать иностранным (в том числе и германским) подписчикам в получении со-

ветских краевых, областных и районных газет и тем самым надежно “пресечь” проникновение за границу сведений о подготовке СССР к войне против Германии.

Представляется, что партийное руководство целенаправленно стремилось использовать кадры районной печати. В этой связи не случайно появление в очередном номере журнала “Большевистская печать”, вышедшем 6 июня 1941 г. передовой статьи о кадрах, работающих в ней. В статье говорилось, в частности, что есть реальная возможность иметь в районной печати квалифицированный редакционный аппарат, способный сделать газету “боевым пропагандистом, агитатором и коллективным организатором масс” [59. С. 2]. Именно областные, районные и городские газеты, подчеркивал Н.Г. Пальгунов в вышеупомянутых “Предложениях...”, “не затрагивая прямо и непосредственно Германию (курсив мой — В. Н.), должны разрушить своими выступлениями всякие представления о “непобедимости германского оружия”, показать, что его победы обусловлены в значительной мере не “всепобеждающей силой” вермахта, а военной и политической слабостью противников Германии” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 60. Л. 58]. Но давать подобного рода рекомендации вряд ли смог бы непосвященный человек.

Н.Г. Пальгунов предлагал также опубликовать в “Красной звезде” “серию статей с объективным военно-теоретическим разбором отдельных операций, проведенных германской армией в 1939—1941 гг.”, особо подчеркивающих тактические и стратегические слабости и промахи её противников [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 60. Л. 59]. Скорее всего, данное предложение вытекало из тезиса А.С. Щербакова в разделе “Разоблачение мифа о непобедимости”: “В “Красной звезде” свободнее [писать] об опыте войны (Тобрук, итоги балканской войны, Мажино (имелась в виду французская укрепленная линия — В. Н.) и др.)” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 17. Оп. 121. Д. 128. Л. 36].

Здесь также просматривается прямое “заимствование” из сталинской речи 5 мая 1941 г., где много внимания было уделено “отсталости” военной мысли Франции по сравнению с Германией, а в совокупности с тезисом Сталина о “хвастовстве, самодовольстве, зазнайстве” победителей-немцев делался недвусмысленный намек на обусловленность их слабостью противников вермахта.

Н.Г. Пальгунов предлагал в качестве основных источников при написании статей о причинах поражения Франции использовать свидетельства, содержащиеся в произведениях Андрэ Моруа, Жюль Ромэна, книгах Андрэ Симона “Я обвиняю” и в романе-хронике Ильи Эренбурга “Падение Парижа”. Отрывки из них, по мнению руководителя отдела печати НКВД’а, следовало опубликовать в советской прессе, подчеркивая “неподготовленность французской армии и страх французской буржуазии перед революционными массами”. Областным

газетам, по его рекомендации, следовало откликнуться на этот роман критическими статьями, подчеркивая, что "автор правдиво рисует социальный кризис, обусловивший быструю капитуляцию Франции". [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 60. Л. 61].

Заведующий отделом печати не оставил без внимания и "развил" выдвинутый Щербаковым "лозунг наступательной войны". Он, в частности, подчеркивал: для "максимально широкого разъяснения в массах особенностей международной обстановки" следовало предложить пресс-бюро газеты "Правда" разослать "в течение *ближайшего полумесяца* (курсив мой — В. Н.) областным, городским и районным газетам" ряд материалов для публикации, и среди них — статью о различии "между советской политикой мира и пацифизмом мелких буржуа и социал-предателей". Она, по мысли Н.Г. Пальгунова, должна была основываться на материалах докладов Сталина и Молотова 1939—1940 гг., опираться на "Краткий курс истории ВКП(б)", а также — на ленинское положение, суть которого сводилась к следующему: "говорить нам, что мы должны вести войну только оборонительную, когда над нами занесен нож... — значит повторять старые, давно потерявшие смысл фразы мелкого буржуазного пацифизма".

В другом месте своих "Предложений..." заведующий отделом печати более категоричен: "Областная и районная печать должна отказаться от описания ужасов войны, совершаемого в пацифистском стиле, показать, что при *известных обстоятельствах нужна наступательная тактика*" (курсив мой — В. Н.) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 60. Л. 59, 60].

В письме Пальгунова намечены пропагандистские мероприятия, которые, очевидно, вытекали из указаний Сталина и Щербакова. Особенно четко просматривается намерение популяризировать публицистические и художественные произведения, иллюстрирующие сталинскую интерпретацию вывода о причинах поражения Франции. Речь шла, в частности, и о "Падении Парижа". Сталинский телефонный звонок, как и отмечал Эренбург, явился своеобразным "пропуском" для публикации романа. Писатель вспоминал, что к нему стали обращаться различные редакции (естественно, получившие, соответственные указания "сверху", о чем он мог лишь догадываться) с просьбой предоставить отрывки из "Падения Парижа" [144. С. 229]. 18 мая "Красная звезда", а 22 мая "Комсомольская правда" поместили главы из 2-ой части романа [83.; 84.]. В майском номере "Огонька" появились отрывки из 3-ей части "Падения Парижа" [82.], а также — рецензия на роман [64.].

При анализе содержания упомянутого документа, составленного Н.Г. Пальгуновым, бросаются в глаза откровенные и весьма недвусмысленные формулировки, которые были допущены отличавшим-

ся крайней осторожностью исполняющим обязанности заведующего отдела печати НКВД'а (например, о разоблачении “мифа о непобедимости” германской армии, а также о необходимости перехода к наступательной тактике).

Из предложений Пальгунова также следовало, что в пропагандистской кампании в духе наступательной войны использовались соответствующие работы Ленина, а также сталинские указания, которые были даны не только в выступлениях 5 мая 1941 г., но и в другое время, например, на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда при обсуждении “Краткого курса истории ВКП(б)” (1 октября 1938 г.), где прозвучали сталинские слова осуждения “пацифистских” настроений.

Вышеприведенные цитаты из письма Н.Г. Пальгунова особенно показательны, поскольку этому человеку, как уже указывалось, была присуща крайняя осторожность. Вряд ли он мог осмелиться предложить для освещения в местной советской периодической печати те темы, которые названы выше, по собственной инициативе.

Из содержания документа, составленного Н.Г. Пальгуновым, со всей очевидностью явствует: *изменения* в отношениях с Германией, а именно антигерманская пропагандистская кампания и подготовка к наступательной войне, начались, но афишировать этого не следовало и нужно было действовать осторожно, переложив всю работу на менее доступную немцам по сравнению с центральной советскую местную печать — на областные, городские и районные газеты.

Помимо упомянутого письма Н.Г. Пальгунова, сохранились и другие характерные документы, являющиеся откликами на указания, данные А.С. Щербаковым представителям средств массовой информации 8—9 мая 1941 г. Среди них — материалы, связанные с перестройкой работы редколлегии газеты “Известия”. 10 мая новый ответственный редактор газеты “Известия” Л.Я. Ровинский обратился к А.С. Щербакову со следующей просьбой. Ровинский сообщал, что редакцией газеты подготовлена рецензия на роман Эренбурга “Падение Парижа”. С учетом важности темы он просил разрешить опубликование этой рецензии. К записке Л.Я. Ровинского, которая написана на бланке “Известий”, был приложен текст вышеупомянутой рецензии, но без указания автора [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 58. Л. 195].

А.С. Щербаков после ознакомления с представленной рецензией на роман И.Г. Эренбурга “Падение Парижа” красным карандашом начертал свою резолюцию: “Не годится”. Судя по пометкам Щербакова на полях и по тексту, его явно не удовлетворила та трактовка поражения Франции 1940 г., которая была предложена неизвестным рецензентом. Последний утверждал, что разгром Франции “навсегда останется одной из наиболее поучительных глав будущей истории второго тура империалистических войн”. Однако эта главу, продолжал

рецензент, смогут написать лишь тогда, “когда все архивы министерских, дипломатических и военных канцелярий станут достоянием французского народа и его историков”. Именно тогда, утверждал автор рецензии, “будет дан совершенно исчерпывающий ответ на вопрос” — в чем причина развала Франции “под первыми же ударами неприятельских войск”, т.е. немцев и почему она пришла через несколько недель “к Компьенской капитуляции” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 58. Л. 195, 196].

Не вызывает сомнения то очевидное обстоятельство, что А.С. Щербакову пришлось явно не по душе предложенная в упомянутой рецензии версия поражения Франции. Действительно, зачем было ждать, пока будут изучены историками французские архивы, чтобы доискаться до причин этого поражения: ведь Сталин в своей речи 5 мая 1941 г. уже четко и ясно сформулировал их, а сталинские указания на сей счет стали воплощаться в пропагандистских материалах, в том числе — составлявшихся под руководством самого Щербакова.

15 мая в газете “Известия” появилась передовая статья, в которой акцентировалось внимание на качествах, которые должны быть присущи советским людям в обстановке, когда шла подготовка к наступательной войне. Статья вышла под претенциозным заголовком: “Драгоценные черты большевистского характера”. В ней приводилась многозначительная цитата со ссылкой на Сталина: “Победа революции никогда не приходит сама. Её надо подготовить и завоевать”. Далее подчеркивались, что большевики “нацеливали и вели массы на великие штурмы, в которых выковывался боевой, революционный, *наступательный* (курсив мой — В. Н.) дух воинов пролетарской армии”. И резюме: “Этот воинствующий, *наступательный* характер борьбы, боевой дух коммунистической партии воспринял и развивает в себе советский народ... Активный, *наступательный*, воинственный дух ощущается всюду, где действуют, борются, творят советские люди” (курсив мой — В. Н.).

“Драгоценные черты большевистского характера”, которым был посвящен вышеупомянутый материал, по мнению его авторов, наиболее наглядно проявлялись среди личного состава РККА: “Физическая и техническая подготовка бойцов и командиров Красной Армии находится на уровне их высокого боевого духа. В этом находит выражение общий боевой, наступательный характер советского народа”.

Статья заканчивалась многозначительным выводом, не оставлявшим сомнения в направленности начавшейся пропагандистской кампании: “Сознательную активность, идейную силу, глубокую преданность делу Ленина—Сталина, воинственность и непреклонность перед трудностями, готовность к наступлению на любые препятствия и к преодолению их — эти драгоценные черты характера с успехом

воспитывает партия большевиков (курсив мой — В. Н.) в советском народе” [56].

Итак, довольно недвусмысленные и откровенные формулировки в духе “лозунга наступательной войны” стали позволять себе, очевидно, получив соответствующие указания “сверху”, “Известия”, где, по выражению Щербакова, следовало подавать пропагандистские материалы даже “осторожнее”, чем в “Правде”.

Через день, 17 мая о “драгоценных чертах большевистского характера” поведала читателям “Комсомольская правда”. В газете давались прямые ссылки на речь Сталина перед выпускниками военных академий, где “вождь” подчеркнул, что “на основе опыта современной войны Красная Армия перестроилась организационно и серьезно перевооружилась”. “Комсомольская правда” призывала “ещё более разжечь интерес молодёжи к военной истории нашей родины, привить вкус к военной книге, на героических примерах воспитывать молодежь в *“боевом наступательном духе* (курсив мой — В. Н.) советских воинов” [55].

18 мая газета предоставила возможность выступить на своих страницах генерал-майору танковых войск Герою Советского Союза В.Н. Кошубе, который, в частности, утверждал: “В бою особенно ярко и полно раскрываются замечательные черты людей сталинской эпохи: воинственный, *наступательный дух* (курсив мой — В. Н.), умение наносить стремительный и сокрушительный удар всему, что мешает нам двигаться вперед, умение уничтожить, снести с лица земли любые препятствия при достижении цели” [61].

22 мая в передовой статье газеты “Красная звезда” провозглашалось буквально следующее: “Советский боец — это всесторонне развитый воспитанный *в наступательном духе* (курсив мой — В. Н.) воин” [67].

17 мая ответственный редактор “Известий” вновь обратился в ЦК ВКП(б) по поводу освещения в газете материалов, имеющих “важный характер”. В своем обращении на имя А.А. Андреева, А.А. Жданова, Г.М. Маленкова и А.С. Щербакова он просил дать разрешение на публикацию статьи “От Люневиля до Ватерлоо”. В данной статье, автором которой являлся генерал-майор Левицкий, судя по её содержанию, делался акцент на изменение характера наполеоновских войн, которые вела Франция в начале XIX в., от оборонительного — к захватническому, завоевательному [РХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 58. Л. 204, 205].

По своей направленности данный материал вполне отвечал установкам, содержащимся в тезисах к совещанию с представителями средств массовой информации. В них, в частности, зафиксированы указания о необходимости освещения в периодической печати темы о “*измене лозунгов*” Наполеоном I, в которой, в свою очередь, по

сталинскому замыслу, должна была проводиться аналогия с захватами Гитлера в Европе.

Л.Я. Ровинский не мог не знать об этих пропагандистских веяниях. В равной мере о намечавшейся публикации серии статей "о перерастании революционной политики Франции (Наполеон) в захватническую" был информирован и В.В. Вишневский. Судя по его дневниковой записи от 21 мая 1941 г., писателю была совершенно ясна аналогия между наполеоновскими акциями и действиями гитлеровского руководства: вначале — "борьба против Версаля", а в результате — превращение начатой Германией войны "в захватническую" [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 32 об.].

В письме Л.Я. Ровинского, направленном 17 мая в ЦК ВКП(б), упоминалось, что редакцией газеты "Известия" подготовлен план публикаций, исходя из указаний, данных Секретариатом ЦК. Помимо нее, аналогичные планы были подготовлены редколлегиями центральных печатных органов ЦК ВКП(б) ("Правда"), ЦК ВЦСПС ("Труд") и наркомата обороны ("Красная звезда"). Скрупулёзный анализ представленных вышеперечисленными газетами планов проведен в докладной записке Д.А. Поликарпова и А. А. Пузина. На 1-ом листе документа имеется помета: "В архив" и подпись А.Н. Крапивина, помощника секретаря ЦК ВКП (б) А.С. Щербакова. Это дает веские основания предположить: докладная записка Д.А. Поликарпова и А. А. Пузина была адресована А.С. Щербакову. Она составлена после ознакомления не только с планами публикаций центральных газет: "Правда" (15 мая — 15 июня 1941 г.), "Известия" (май—июнь), "Красная звезда" (май—август), но также — информационных обзоров ТАСС и статей для центральной и местной печати, тексты которых приложены к записке Д.А. Поликарпова и А.А. Пузина [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 58. Л. 4-13]. В ней, в частности, подчеркивалось, что представленные редакциями газет планы статей и обзоров "нуждаются ещё (курсив мой — В. Н.) в серьезной доработке" [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 58. Л. 1].

Тезис А.С. Щербакова 8 мая 1941 г. ("борьба с зазнайством, успокоенностью, косностью (см. опыт Франции)") интерпретировался редколлекцией "Красной звезды" точно так же, как трактовал его заведующий отделом печати НКВД'а. В представленном Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) плане статей этой газеты на май—август 1941 г. к разделу "Военно-исторические статьи" имелся следующий комментарий: "Показать слабость и неподготовленность к войне французской армии, бездарность и ошибки французского командования, как основные причины "побед" Германии".

Аналогичные формулировки можно встретить и в плане статей "Известий" на май—июнь 1941 г., также направленном в УПА. В разделе "Военные обзоры" читаем: "Балканская кампания германской

армии — задача: показать слабость сил греческих и югославских и, отсюда, (как естественный вывод читателя) преувеличенность разглашательства германской печати о “крупных победах” на Балканах” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 58. Л. 6, 8].

Сопоставляя представленные в УПА планы публикаций и пояснительную записку к ним Д.А. Поликарпова и А.А. Пузина с тезисами выступления А.С. Щербакова перед представителями средств массовой информации 8—9 мая 1941 г., можно прийти к следующим выводам: во-первых, она составлена после упомянутого совещания в ЦК ВКП(б) с редакторами центральных газет и журналов (точнее, между 8 и 15 мая); во-вторых, её содержание подтверждает, что секретарь ЦК дал указание освещать в печати такие важные вопросы и темы, как воспитание советского народа и Красной Армии в духе наступательных военных действий, разоблачение “мифа о непобедимости” германской армии, а также — тезис о возрастающей мощи Вооруженных Сил СССР, их единстве с народом, о росте симпатий к СССР трудящихся зарубежных стран. Три последние из сформулированных тем значатся в тезисах А.С. Щербакова от 8 мая 1941 г.

Например, во втором пункте плана статей “Правды” записано: “О советском патриотизме” (в тезисах А.С. Щербакова также пункт второй гласит: “О патриотизме, о готовности”). У него же в разделе “Воспитание армии и народа” читаем: “Красная Армия — орган народа”; “Освещение жизни армии”. Для сравнения приведем отрывок из плана статей газеты “Правда”: “Редакция... намечает резко усилить освещение жизни и учебы Красной Армии, боевых эпизодов. Будет помещен ряд корреспонденций, очерков, рассказов, показывающих силу и мощь Красной Армии, её боевую готовность”.

Выше уже говорилось, что в качестве основного лозунга, предназначенного для освещения на страницах периодических изданий, секретарь ЦК ВКП(б) предлагал “лозунг наступательной войны”. В полном соответствии с этим в плане статей газеты “Красная звезда” на май—август 1941 г., в разделе “Пропагандистские статьи” обозначена следующая тема: “Наступательный характер Красной Армии”.

Ключевые мысли второго раздела тезисов А.С. Щербакова — “Разоблачение мифа о непобедимости” (германской армии) нашли отражение в формулировках планов статей газеты “Известия” и “Красная звезда”. А.С. Щербаков предлагал раскрывать данную тему прежде всего путем публикации статей и обзоров о военных операциях вермахта (против Франции в 1940 г. а также на Балканах, в войне с Югославией и Грецией весной 1941 г.), акцентируя внимание на “самодовольстве” немцев как победителей [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 128. Л. 35-36; Оп. 125. Д. 58. Л. 4-13].

Подобные формулировки практически дублируют те, что содержатся в вышеупомянутых “Предложениях” Н.Г. Пальгунова от

10 мая 1941 г. Совпадение здесь исключено. Прежде всего потому, что и Н.Г. Пальгунов, и редактора “Известий” и “Красной звезды” получали указания как и что писать из одного источника — из ЦК ВКП(б) и лично от А.С. Щербакова.

Включение редколлегией “Правды” в свой план публикаций рецензии на книгу Е.В. Тарле “Наполеон” вытекало из установки А.С. Щербакова о важности статей и обзоров “О Наполеоне, о плохих союзниках и т. д.”. Намерение ТАСС подготовить для центральной и местной печати материалы по двум большим разделам: “К вопросу о развенчании мифа о “непобедимости” германского оружия” и “Рост симпатий к СССР трудящихся капиталистических стран” прямо соотносится с тезисами секретаря ЦК ВКП(б) к совещанию 8 мая 1941 г. (“Разоблачение мифа о непобедимости” и “Рост симпатий к нашей стране”). Наконец, планировавшиеся “Известиями” обзоры иностранной печати “О продовольственном положении сейчас и в дальнейшей перспективе”, “Сельское хозяйство оккупированных стран”, “тассовки” с информацией “о трудностях экономического и военно-стратегического характера Германии и держав тройственного пакта”, “о военно-сырьевых ресурсах воюющих стран” и другие публикации навеяны упоминавшимися выше указаниями А.С. Щербакова о “важном значении заметок”, касающихся “неустойчивости” тыла потенциального противника.

Подбор тем, запланированных для публикации в периодических изданиях, свидетельствовал о явном сдвиге в сторону всестороннего освещения событий Второй мировой войны. Между тем, ещё в феврале—марте 1941 г. ответственные редактора некоторых центральных журналов высказывали жалобы, что им воспрещено писать об этих событиях [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 61. Л. 10, 12, 27, 28].

Но несмотря на все старания составителей, представленные в мае 1941 г. редколлегиями центральных газет и ТАСС планы публикаций статей и обзоров все-таки были подвергнуты критике в УПА ЦК ВКП(б). Основной недостаток их виделся Д.А. Поликарпову и А.А. Пузину в расплывчатости, отсутствии целеустремленности, в конечном счете, в непонимании того очевидного обстоятельства, что все публикуемые материалы должны были быть объединены одной целью — пропагандистской подготовкой к наступательной войне. Об этом со всей очевидностью свидетельствует текст их докладной записки на имя А.С. Щербакова.

Имея в виду тематику газеты “Известия”, авторы документа отмечали: “Ни одна из... тем не отвечает *конкретным задачам, поставленным перед редакцией в области организации внешнеполитических материалов*” (курсив мой — В. Н.). В обоснование данного вывода Д.А. Поликарпов и А.А. Пузин писали: “В плане отсутствуют темы о воспитании нашей армии и народа *в духе наступательных военных*

действий (курсив мой — В. Н.), о мощи Красной Армии и её единстве с народом, о росте симпатий к СССР трудящихся зарубежных стран. Совершенно не разработан также вопрос о разоблачении мифа “о непобедимости” германской армии” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 58. Л. 1].

Вероятно, одного совещания руководителей средств массовой информации, проведенного А.С. Щербаковым, оказалось недостаточно для того, чтобы они уяснили себе новые задачи, вставшие перед ними в условиях разворачивавшейся пропагандистской кампании в духе наступательной войны. 1 июня 1941 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло решение для “усиления руководства печатью” созывать при УПА совещания редакторов центральных газет не реже 2-х раз в неделю и редакторов общеполитических журналов — не реже 1-го раза в неделю [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 282. Л. 115].

Среди тех, кто с пониманием воспринял указания “сверху” о развертывании кампании по пропагандистской подготовке наступательной войны, следует особо отметить В.В. Вишневого. Он был уверен: именно СССР должен начать “борьбу с Германией”, “против фашизма, против опаснейшего военного соседа, во имя революционизирования Европы и, конечно, Азии”. В.В. Вишневский считал “чужаками” людей, полагавших, что компромисс “с фашизмом”, начало которому положил пакт Риббентропа—Молотова, приведет к ослаблению позиций Советского Союза. Писатель отметил как важное событие выступление Сталина “на таджикском вечере”, где говорилось “о Ленине, о новой идеологии, о братстве народов, о губительной и мёртвой (подчеркнуто В.В. Вишневым — В. Н.) идеологии расизма” и ссылаясь на отражение этой речи “в статьях “Правды” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 31].

Упомянутая сталинская речь была произнесена на торжественном приеме по случаю завершения декады таджикского искусства в Москве, в годовщину со дня рождения Ленина, 22 апреля 1941 г. В ней Сталин, в частности, подчеркнул, что именно Ленин “противопоставил старой идеологии, заключавшейся в том, что одна раса возвышается до небес, а другие народы принижаются и угнетаются, этой старой идеологии, являющейся мертвой, не имеющей будущности, противопоставил новую идеологию — идеологию дружбы народов, заключающуюся в том, что все народы равноправны” [87. С. 141-142]. Выступая перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г., большевистский лидер развил свои идеи и указал на агрессивный характер войн, ведущихся Германией, подчеркнув, что немцы называют себя умной и сильной нацией, избранной богом и призванной “господствовать над всеми другими народами” [125. С. 282].

Действительно, как заметил В.В. Вишневский, в “Правде” 1 мая 1941 г. появилась передовая статья, где, в частности, подчеркивалось:

“Советский Союз — это страна, где... выброшена на свалку истории мёртвая идеология, делящая людей на “высшие” и “низшие” расы” [52а.].

24 мая 1941 г. был подписан в печать очередной номер журнала “Политучеба красноармейца”. Здесь, как и в “Известиях”, редколлегия дала передовую статью, сходную по содержанию, но несущую большую конкретность в заголовке: “Воспитывать большевистские черты характера”.

Преамбула передовицы существенно отличалась от прежних осторожных и часто довольно безликих материалов, помещавшихся на первых страницах журнала: “Преданность родине, твердость и настойчивость в достижении полной победы над врагами, *активный, наступательный дух* — эти замечательные большевистские черты характера воплощались в героические действия воинов Красной Армии и обеспечивали разгром многочисленных врагов нашей родины”. В подтверждение, приводились примеры боев и походов 1938—1940 гг.: у озера Хасан, у реки Халхин-Гол, “освободительный поход” в Западную Украину и Западную Белоруссию, штурм линии Маннергейма, где “бойцы и командиры показали *несокрушимую силу наступления Красной Армии*”. РККА, писали авторы передовой статьи журнала “Политучеба красноармейца”, “воспитана и закалена на идейной основе марксизма-ленинизма, на опыте борьбы большевистской партии, показывающем, что большевики выходят победителями из всех испытаний потому, что они *твердо держатся наступательной тактики*, не боятся препятствий, а смело преодолевают их”.

Исходя из вышесказанного, в журнале формулировалась следующая сверхзадача: “*Всей политико-воспитательной работе необходимо придать боевой, наступательный характер*, пронизать её сталинской принципиальностью и идейностью... Успех политических занятий необходимо оценивать прежде всего по тому, насколько они действительно воспитывают большевистские черты характера в каждом красноармейце и младшем командире... Политорганы, командиры и политработники обязаны быстро устранить все недочеты воспитательной работы, вскрытые инспекторской проверкой, *и всемерно усилить работу с каждым красноармейцем и младшим командиром в духе постоянной готовности к наступательным боям за дело коммунизма*” (курсив мой — В. Н.) [52.].

Как уже отмечалось, в свете выступлений Сталина перед выпускниками военных академий было обращено серьезное внимание на кинематограф, как на действенное средство пропагандистского обеспечения “лозунга наступательной войны”.

13 мая в Кинокомитете собрались члены его Оборонной комиссии, созданной после вышеупомянутого совещания А.И. Запорожца с писателями и режиссерами. О том, что говорилось на заседании

Оборонной комиссии Комитета по кинематографии, можно судить по краткой записи присутствовавшего там В.В. Вишневого.

Характеризуя создавшуюся обстановку, А.И. Запорожец заявил: “Дело идет явн[ым] обр[азом] к нов[ой] войне” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2183. Л. 95 об.]. Примечательно, что эта фраза, но в несколько видоизмененном виде, как указывалось, прозвучала и в сталинском выступлении 5 мая 1941 г. Данный факт, а также то, что Вишневский сделал запись с кратким изложением речи Сталина перед выпускниками военных академии 13 мая, позволяет предположить: именно на совещании в Кинокомитете ему стало известно (не исключено, что от начальника ГУППКА) содержание этой речи.

На совещании 13 мая 1941 г. упоминалось также о годовом плане по созданию фильмов военной тематики от Наркомата обороны и Наркомата военно-морского флота, а также об организации оперативных съемочных групп (писатель-сценарист, режиссёр, оператор; встречаются фамилии Е.Л. Дзигана, Р.Л. Кармена, М.С. Донского, Э.И. Шуб, Д. Вертова) [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2183. Л. 95 об.-96].

Полученные от А.И. Запорожца указания были положены В.В. Вишневым в основу его записки о мобилизационных мерах в кинематографии и о плане выпуска оборонных фильмов в 1941—1942 гг., датированной 14 мая 1941 г. и адресованной в ЦК ВКП(б). Вишневский подчеркнул, что не уделяется внимания созданию оборонной, мобилизационной организации в кинематографии (не учитываются кадры кинематографистов для армии и флота, нет достаточно сколоченных творческих групп, которые могли бы незамедлительно приступить к работе в боевых условиях, не разработана съемочная аппаратура, отвечающая условиям фронтовой работы, не обобщен и не доведен до всех советских операторов, кинематографистов опыт, накопленный в деле создания военной кинохроники Э.К. Тиссэ, Р.Л. Карменом и другими кинодокументалистами).

Далее в документе делался вывод: “Необходимы самые срочные меры по приведению в порядок всего кинохозяйства с точки зрения мобилизационной” (подчеркнуто В.В. Вишневым — В. Н.). В.В. Вишневский подробно перечислил те меры, которые, по его мнению, следовало немедленно предпринять для всесторонней подготовки кинематографа к грядущей войне: взятие на мобилизационный учет кинорботников Москвы и других крупных городов; создание оперативных киносъёмочных групп в составе писатель—режиссер—оператор; знакомство с наличным фондом фильмов военной тематики; показ возможных районов будущей вооруженной борьбы; создание фильмов о Красной Армии и Военно-Морском Флоте, а также об отдельных родах войск и т. д. и т. п..

Вишневский подробно остановился и на вопросе об освещении в кинематографе образа врага в грядущей войне. “В опытных, умелых

руках писателей и режиссеров-монтажеров, — подчеркивал он в своей записке в ЦК ВКП(б), — фильмотечные материалы превратятся в агитационно-острые военные фильмы”. Вишневский, в частности предлагал: “Ряд немецких и других фильмов..., нужно переобработать и с новым, большевистским текстом (курсив мой — В. Н.) обрушить на головы противников”. Среди тех германских хроникально-документальных лент, которые можно было “обработать” в пропагандистских целях, Вишневский называл полученные в 1940 г. из Германии ленты “Поход на Польшу” и “Линия Зигфрида”, отснятые фронтовыми кинооператорами вермахта.

Он считал необходимым также использовать опыт “творческих опергрупп” (писатель, режиссер, кинооператор), отснявших материалы о наступательных действиях частей Красной Армии по прорыву “линии Маннергейма” в Финляндии и во время “освободительного похода” в Бессарабию и Северную Буковину. Как уже отмечалось, в 1940 г. В.В. Вишневский весьма критически отнесся к хроникальной ленте “Линия Маннергейма” В 1941 г. этот фильм был удостоен Сталинской премии, и писатель в своей докладной записке в ЦК ВКП(б) от 14 мая 1941 г. уже отозвался о нем положительно.

Вишневский определил темы “полнометражных сценариев о будущей войне” для экранизации в 1941—1942 гг. Среди них: “Прорыв укрепленного района у германской границы”, “Парашютный десант в действиях против них” (укрепленных районов)”, “Рейды танков и конницы во взаимодействии с авиацией” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1459. Л. 1-4]. Даже далекому от военного дела человеку ясно, что подобная тематика отнюдь не предназначалась для пропагандистского обеспечения оборонительных операций Красной Армии в грядущей войне.

В.В. Вишневский сделал следующие характерные заметки для памяти по ходу совещания 13 мая 1941 г.: “Враг... Дикт{орский} текст + досъемка и готово”, “Картина — о прорыве нем(ецкого) Ур-на (укрепрайона — В. Н.)” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2183. Л. 95 об.-96], опираясь на которые можно предположить, что идеи использования в пропагандистских целях имевшихся германских хроникально-документальных кинолент и написания сценария о штурме пограничных укреплений немцев принадлежали отнюдь не самому Вишневскому, а излагались начальником ГУППКА.

Примечательна сама постановка В.В. Вишневским последней из названных тем, которая предлагалась для экранизации наряду с другой: “Форсирование рек (Сан, Висла и пр.)” [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1459. Л. 4]. Именно в это время Генштаб РККА завершал разработку “Соображений по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и её союзниками” (датируется не ранее 15 мая 1941 г.), в которой, в част-

ности, предполагалось нанесение упреждающего удара по находящимся в стадии развертывания у западных границ СССР германским войскам. Конечной стратегической целью действий Красной Армии был определен разгром противника и овладение “территорией бывшей Польши” [175. Прилож. № 2. С. 305]. В ходе осуществления задуманного она неизбежно должна была, во-первых, прибегнуть к прорыву немецких пограничных укреплений, во-вторых, — к форсированию рек Сан и Висла, находившихся на бывшей польской территории, отошедшей к Германии согласно Договора о дружбе и границе от 28 сентября 1939 г. По всей видимости, члены Оборонной комиссии Комитета по делам кинематографии в какой-то степени были информированы о подобных стратегических разработках. Иначе неясно, откуда у В.В. Вишневого, стоявшего у истоков создания этой комиссии, могла возникнуть идея создания “игровых фильмов” о штурме Красной Армией укрепленного района германской границы и преодолении ею названных водных преград. В его вышеупомянутой записке в ЦК ВКП(б) от 14 мая 1941 г. содержится примечательная рекомендация: план выпуска кинофильмов военной тематики на 1941—1942 гг. следовало строить “с полным учетом всех пожеланий и требований” оборонных наркоматов, в первую очередь — НКО [РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 1459. Л. 1]. В любом случае возможность совпадения замыслов Генштаба РККА, важнейшего органа наркомата обороны, и творческих планов писателя В.В. Вишневого представляется нереальной.

Помимо Вишневого в ЦК ВКП(б) обратились с предложениями по усилению “мобилизационной готовности” также создатели киноленты “Линия Маннергейма”. Сталинские лауреаты 1941 г. операторы С.Я. Коган и В.С. Ешурич направили письмо на имя А.А. Жданова. Хотя письмо и не датировано, можно с уверенностью предположить, что оно относится к периоду между 5-м и 22-м июня 1941 г.

5 июня М.И. Калинин, выступая перед выпускниками Военно-политической академии им. В.И. Ленина, сказал: “Мы не знаем, когда будем драться: завтра или послезавтра, а при таких условиях нужно быть готовым сегодня” [209. С. 198]. В упомянутом письме содержится парафраз этого высказывания Калинина: “Когда будем воевать, мы не знаем, может быть завтра, и, нам кажется, что сегодня мы должны быть в полной готовности ко всяким неожиданностям”.

С.Я. Коган и В.С. Ешурич предлагали организовать бригаду из кинохроникеров, имеющих уже боевой опыт, и поставить их на военный учет. Члены этой бригады должны были пройти военную подготовку, подготовить кинотехнику “к возможной работе на войне”. Авторы письма на имя А.А. Жданова считали, что дело с производством “оборонных картин” обстояло очень плохо. Подготовка операторов

на случай войны, по мнению С.Я. Когана и В.С. Ешурина, проводилась только на словах. Они обращались с просьбой к А.А. Жданову сдвинуть дело с мертвой точки, ибо ни студия кинохроники, ни Кинокомитет, ни другие инстанции, куда они обращались, не откликнулись на их предложения.

Жданов начертал на письме Когана и Ешурина: “Это старый вопрос о военной бригаде кинооператоров. Спросить Большакова и Запорожца, почему затянулось дело с организацией”. Было решено дать поручение представителям Управления пропаганды Д.А. Поликарпову и Т.С. Зуевой (зав. отделом культпросветучреждений), начальнику ГУППКА А.И. Запорожцу, а также председателю Комитета по кинематографии при СНК СССР И.Г. Большакову рассмотреть по существу поднятую в письме С.Я. Когана и В.С. Ешурина проблему [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 895. Л. 110-111].

Процесс перестройки средств массовой информации в духе “лозунга наступательной войны” затронул и центральное радиовещание. Ещё в январе 1941 г., выступая на совещании по вопросам политической агитации, организованном УПА ЦК ВКП(б), заместитель председателя Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию при СНК СССР В.А. Гончаров сетовал, что в сложившейся международной обстановке тематика радиопередач ограничена в связи с нежеланием оказывать “медвежью услугу”, повод “друзьям” за рубежом (имелось в виду, в первую очередь, германское политическое руководство) “для их клеветнических заявлений против Советского Союза”. Поэтому приходилось просто пересказывать по радио факты, заимствуя их из официальных сводок воюющих держав, т. е. Англии и Германии [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 18. Л. 76].

31 марта заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР Р.С. Землячка, а 1 апреля 1941 г. начальник УПА ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров обращались с жалобами в ЦК на председателя Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию (ВРК) Г.И. Стукова, отмечая, что ВРК находится “в ненадежных руках” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 73. Л. 12, 13].

Между тем, Г.И. Стуков, утвержденный в этой должности в октябре 1939 г. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 20. Л. 14], решил опередить события и 31 мая 1941 г. обратился с докладной запиской на имя секретарей ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, А.А. Андреева, Г.М. Маленкова и А.С. Щербакова, которую озаглавил “О недостатках в центральном радиовещании и о их ликвидации”. Стуков сетовал на свою “неосведомленность”, которая мешала оперативно реагировать на развитие международных событий. В результате он часто попадал в ситуацию, когда на запрос, можно ли давать тот или иной материал по радио, отдел печати НКВД’а отделялся оговорками, предлагал не торопиться и переадресовывал этот запрос в УПА ЦК ВКП(б).

Последнее вновь рекомендовало обратиться в НКВД, но уже к заместителю наркома А.Я. Вышинскому, который, в свою очередь, направлял дело Р.С. Землячке, недоумевавшей, почему она должна решать подобного рода задачи. “Не имея необходимых указаний, — подчеркивал в своем письме Г.И. Стуков, — я вынужден передавать на свой страх и риск передачи по острейшим политическим вопросам”. Он обращал внимание секретарей ЦК ВКП(б) на всю сложность создавшейся ситуации, когда не только трудно вести целенаправленную радиопропаганду, но невозможно “предупредить пропаганду извне, что *будет особенно важно во время войны...*” (курсив мой — В. Н.).

Несомненно, Стуков, несмотря на сетования по поводу своей “неосведомленности”, уже имел какую-то информацию относительно антигерманской и антифашистской направленности разворачивавшейся в СССР пропагандистской кампании. Он, например, указывал на недостатки в подаче информации ТАСС’ом, от которого, не имея собственных корреспондентов за рубежом, зависело советское радио. По мнению Стукова, ТАСС обходил “полнейшим молчанием положение в Италии и Германии, а также в оккупированных Гитлером странах”. В результате информация принимала, писал Г.И. Стуков, “однобокий, объективно прогерманский характер”. Между тем, умело составленные обзоры печати нейтральных и невоюющих стран (Швеции, Швейцарии, Финляндии, Турции), а также материалы германских средств массовой информации позволили бы, как считал председатель ВРК, очень многое “рассказать миллионам советских и зарубежных радиослушателей о положении трудящихся Европы”, что не противоречило бы политике нейтралитета, провозглашенной СССР.

В этом месте, как представляется, его суждения совпадают по смыслу с упоминавшимися предложениями Н.Г. Пальгунова, которые касались роли местной периодической печати в начавшейся пропагандистской кампании.

Для ликвидации недостатков в организации радиопропаганды Г.И. Стуков предлагал осуществить следующие мероприятия: 1) передать руководство политикой радиовещания в СССР секретарю ЦК ВКП(б) по пропаганде, который бы еженедельно на специальных совещаниях с руководящими работниками ВРК давал “направление в работе”; 2) перестроить работу ТАСС’а, переложив на него не только обеспечение информацией периодической печати, но и радиовещания. Для этого Стуков считал необходимым укрепить корреспондентскую тассовскую сеть за границей; 3) создать мощную группу прослушивания иностранных радиопередач, которая могла бы снабжать срочной информацией ЦК ВКП(б), составлять специальный бюллетень, используемый в качестве источника для передач “Последних известий”. Всё это помимо прочего давало возможность изучать зарубежный опыт радиопередач; 4) обязать наркомат связи усовершенствовать

техническую базу радиовещания [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 291. Л. 99-103; Оп. 125. Д. 73. Л. 17-21].

Предложения председателя ВРК были приняты к сведению в ЦК ВКП(б), а копия отослана начальнику УПА Г.Ф. Александрову 7 июня 1941 г. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 291. Л. 16]. Их намечалось учесть при реорганизации ТАСС [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 73. Л. 22].

Между тем, руководство ТАСС'а, которое подверглось критике в докладной записке Г.И. Стукова, также активно перестраивало свою работу, ориентируясь на пропагандистское противоборство с Германией. Уже 9 мая 1941 г. Я.С. Хавинсон направил на имя Г.М. Маленкова справку о структуре зарубежных организаций, в том числе — германских и английских, ведающих вопросами пропаганды и агитации [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 38. Л. 14-22].

Очевидно, ответственный руководитель ТАСС'а развил столь активную деятельность, что, подобно полковому комиссару И. Баканову, забыл о провозглашенной А.С. Щербаковым заповеди “не дразнить гусей”. 11 июня 1941 г. сотрудник секретного отдела Телеграфного Агентства Советского Союза обратился с личным письмом к Щербакову. В письме говорилось, что Я.С. Хавинсон сообщил своим подчиненным о срочном задании: подготовить для ЦК ВКП(б) материал об антисоветской направленности германской, итальянской и английской пропаганды. Ответственный руководитель ТАСС'а квалифицировал данное задание как “мобилизационное мероприятие ЦК ВКП(б)”, тем самым давая понять окружающим, “что СССР в ближайшее время должен быть вовлечен в войну”. По мнению автора письма, Я.С. Хавинсон “нагнал панику” на сотрудников ТАСС'а, причем некоторые из них (например, заведующий иностранной редакцией Д.Д. Монин) даже пришли в недоумение, считая, что разглашается “такое важное задание” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 57. Л. 132].

Однако, судя по всему, никаких “оргвыводов” в отношении Я.С. Хавинсона, “разгласившего важное задание” ЦК ВКП(б), принято не было. Наоборот, представленная им 30 мая 1941 г. на имя А.С. Щербакова докладная записка об организации приема зарубежных радиовещательных станций по рекомендации последнего 18 июня была рассмотрена на Секретариате ЦК. Секретариат принял решение передать материалы К.Е. Ворошилову, считая вопрос важным” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 291. Л. 93].

Таким образом, после совещаний в ЦК ВКП(б) 8—9 и 14—15 мая 1941 г., где, исходя из сталинских выступлений перед выпускниками военных академий, были даны четкие указания о формах и методах идеологического обеспечения “лозунга наступательной войны”, в средствах массовой информации началась серьезная перестройка.

Она затронула главным образом центральную и местную периодическую печать, кинематограф, радиовещание, Телеграфное агентство Советского Союза. Все эти пропагандистские структуры были настроены на воспитание народа в духе “всесокрушающей наступательной войны”, нацеливались на серьезное идеологическое противоборство с Германией и её союзниками.

3. РАЗРАБОТКА ДИРЕКТИВНЫХ И ИНСТРУКТИВНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Практическая разработка директивных и инструктивных материалов в духе “лозунга наступательной войны” началась после упомянутых совещаний, проводившихся А.С. Щербаковым с представителями средств массовой информации, А.А. Ждановым — с кинематографистами, и расширенного заседания ГВС.

Основные из них готовились силами сотрудников УПА ЦК ВКП(б) под наблюдением секретарей ЦК. 23 мая 1941 г. помощник заведующего отделом УПА ЦК ВКП(б) Т.В. Шумейко (назначен на эту должность в октябре 1939 г.) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 17. Л. 73] обратился с личным письмом на имя А.С. Щербакова. Шумейко стало известно, что Оргбюро намечало рассмотреть на одном из ближайших заседаний его предложения о развертывании военной пропаганды в стране, изложенные в послании на имя А.А. Жданова от 14 декабря 1940 г. Помощник заведующего отделом УПА просил А.С. Щербакова ознакомиться с дополнениями, внесенными им в ранее представленный текст. Кроме того, Шумейко обращался к Щербакову с просьбой ускорить рассмотрение своих предложений на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) и принять его лично “в один из ближайших дней” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 40].

28 мая 1941 г. Г.Ф. Александров направил А.А. Жданову и А.С. Щербакову подготовленный по их поручению проект директивы ЦК ВКП(б) “О задачах пропаганды на ближайшее время”. В проекте постановления ЦК, представленном Александровым, в частности, предусматривалось опубликовать в центральной и местной, в открытой и закрытой периодической печати соответствующие материалы, “правильно ориентирующие трудящихся, личный состав Красной Армии в современной обстановке”. Он просил утвердить представленный УПА ЦК ВКП(б) план публикаций на внешнеполитические и военные темы, а также поручить Управлению пропаганды и агитации и отделу печати НКВД “просмотр и утверждение статей, предназначенных для опубликования в газетах” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 20, 32].

В ходе подготовки директивных материалов в духе “лозунга наступательной войны” А.А. Жданов и А.С. Щербаков имели

возможность ознакомиться с неопубликованной стенограммой Политического отчета ЦК IX Партийной конференции (22 сентября 1922 г.). Документ был послан им 28 мая 1941 г. директором Института Маркса—Энгельса М.Б. Митиным. Митин сообщал в сопроводительной записке, что накануне, 27 мая, текст этого ленинского доклада был доставлен Сталину [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 41. Л. 58, 59].

Полностью текст секретного Политического отчета ЦК IX конференции РКП(б) Ленина стал достоянием исследователей лишь спустя семь десятилетий после его произнесения [89.]. Большевистский лидер был вынужден признать уже в 1922 г. тщетность надежды на возникновение революции в сопредельных с Советской Россией странах и обосновал право на вооруженный её экспорт, а точнее — на военные действия для ускорения мировой революции и краха капитализма. Попытка Ленина скрыть свои “откровения” призывом к присутствовавшим на конференции: “Я прошу записывать меньше: это не должно попадать в печать” оказалась тщетной. Н.И. Бухарин немедленно “озвучил” ленинскую мысль о неизбежности в будущем перехода “от оборонительной политики к наступательной” в журнале “Коммунистический Интернационал”. Он подчеркнул, что всякая возможность “ускорить крах капитализма в других странах есть революционная необходимость”, но способствовать этому может лишь “красная интервенция”, которую следовало “поддерживать всеми средствами” [312. С. 109].

Понятно, какой “заряд” нёс ленинский текст, предоставленный в мае 1941 г. А.А. Жданову и А.С. Щербакову, которые отвечали за пропагандистское обеспечение “лозунга наступательной войны”.

30 мая 1941 г. на заседании Секретариата ЦК ВКП (б) рассматривался составленный ещё в феврале 1941 г. проект новых правил охраны государственной (военной и экономической) тайны в печати. УПА поручалось запросить мнения наркоматов обороны, военноморского флота, иностранных дел, внутренних дел и государственной безопасности с тем, чтобы к 10 июня 1941 г. все материалы были представлены в Секретариат с учетом внесенных его членами и представителями названных наркоматов предложений [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 283. Л. 32].

Ряд директивных и инструктивных материалов был подготовлен в целях перестройки всей военной пропаганды страны в наступательном духе.

26 мая 1941 г. А.И. Запорожец обратился к секретарям ЦК ВКП(б) А.А. Жданову и А.С. Щербакову, а также к начальнику УПА Г.Ф. Александрову. Запорожец сообщал, что в ГУППКА составлен “проект раздела о задачах политической пропаганды в Красной Армии, вытекающих из выступления товарища СТАЛИНА 5 мая с.г., для общей директивы, подготавливаемой ЦК ВКП(б)”. На экземпляре,

направленном А.А. Жданову, имеется собственноручная подпись секретаря ЦК, сделанная карандашом, исходя из наличия которой можно вывести, что он лично ознакомился с представленным вариантом текста директивы [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 53].

Этот проект, озаглавленный “Задачи политической пропаганды в Красной Армии”, состоял из трех частей. В первой части — преамбуле формулировались основные задачи политорганов и партийных организаций РККА, а также — непосредственно ГУППКА в контексте сталинских указаний от 5 мая 1941 г. Вторая часть проекта директивы была озаглавлена: “Примерная тематика докладов, бесед и политинформаций для красноармейцев и начальствующего состава Красной Армии”. Наконец, третья часть содержала тематику занятий с красноармейцами и младшими командирами на летний период 1941 г. К проекту директивы прилагался список художественных фильмов, которые рекомендовались для демонстрирования в Красной Армии и предназначались только для военнослужащих [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 54-69].

В сопроводительной записке, адресованной А.А. Жданову и А.С. Щербакову, А.И. Запорожец дополнительно сообщал, что на основании сталинских указаний ГУППКА “подготовлены *новые директивы* (курсив мой — В. Н.): а) очередные задачи партийно-политической работы в Красной Армии; б) о политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами на летний период 1941 г.; в) о марксистско-ленинской учебе начальствующего состава Красной Армии” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 53].

27 мая Запорожец направил Жданову проект третьего из вышеперечисленных документов. Начальник ГУППКА снова напоминал, что документ составлен “на основе указаний товарища СТАЛИНА, данных им на выпуске слушателей академий Красной Армии 5 мая с.г.”. Он также просил разрешить издать данную директиву “для руководства в Красной Армии” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 26].

Просьба А.И. Запорожца представляется весьма примечательной. Ведь ещё 3 марта была подписана в печать, а затем издана отдельной брошюрой утвержденная им директива ГУППКА “О марксистско-ленинской учебе начальствующего состава Красной Армии в 1941 году” [20.]. Возникает вопрос: зачем же было переиздавать только что вышедший из печати директивный документ? Это вопрос относится и к утвержденной А.И. Запорожцем директиве № 12 от 20 января “О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии в 1941 году”, которая была подписана в печать 29 января и издана отдельной брошюрой [22.]. Ответ здесь один: после 5 мая 1941 г. содержание обоих директивных материалов, хотя они уже пошли в войска, не отвечало сталинской задаче

перестройки военной пропаганды в наступательном духе. Поэтому Запорожец (как он неоднократно подчеркивал, по указанию Сталина) и составил новые директивы, хотя названия их остались прежними.

Кроме того, 26 мая 1941 г. начальник Главного Управления политической пропаганды Красной Армии направил А.А. Жданову, А.С. Щербакову и Г.Ф. Александрову текст доклада “Современное международное положение и внешняя политика СССР”. Текст был подготовлен лекторской группой ГУППКА. А.И. Запорожец просил разрешить организовать на основе этого материала “лекции и доклады для личного состава Красной Армии в закрытых аудиториях” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 84].

25 апреля 1941 г. Оргбюро ЦК ВКП(б) постановило создать комиссию по переработке инструкций армейским и флотским партийным организациям [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 281. Л. 17]. Задача воплощения в жизнь данного постановления была возложена главным образом на ГУППКА [198. С.327]. 28 мая 1941 г. А.И. Запорожец направил А.С. Щербакову справку “Об изменениях, внесенных в проект новой инструкции Организациям ВКП(б) в Красной Армии в сравнении с инструкцией, утвержденной ЦК ВКП(б) в марте 1934 г.”. В документе прежде всего подчеркивалось, что старая инструкция была составлена на основании Устава партии, принятого на XVII съезде, учитывала особенности партийной работы в мирное время и, наоборот, совершенно не затрагивала специфику военного времени. Далее А.И. Запорожец сообщал, что на утверждение Оргбюро будет представлен новый проект “Инструкции организациям ВКП(б) в Красной Армии”. В нем подняты вопросы организационно-партийной работы, исходя из принятого на XVIII съезде партийного Устава. Кроме того, новая инструкция регулировала организацию этой работы как в мирное, так и в военное время. В ней учитывались изменения, произошедшие “в жизни Красной Армии” с 1934 г.: а) проведение в жизнь единоначалия; б) опыт советско-финляндской войны. К этому времени Военное издательство наркомата обороны представило уже вторую верстку брошюры с текстом переработанной “Инструкции организациям ВКП(б) в Красной Армии” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 281. Л. 20, 54, 55, 56].

Не остались без дела и структурные подразделения ГУППКА. В первой половине мая 1941 г. начальник 7-го отдела М.И. Бурцев был вызван к наркому обороны, где были сделаны доклады сотрудников отдела о сопредельных странах и армиях. Особое беспокойство Бурцева вызывала информация старших инструкторов по Германии и её союзникам в Европе, поскольку они не располагали достаточно подробными данными о морально-политическом состоянии вермахта. А.И. Запорожец, ссылаясь на решение расширенного заседания Главного военного совета 14 мая 1941 г., пояснил М.И. Бурцеву, что ЦК

ВКП(б) требует усилить работу по воспитанию личного состава в духе высокой боевой готовности. Начальник ГУППКА в этой связи сформулировал перед руководством 7-го отдела конкретную задачу — “в предельно короткий срок подготовить доклад о Германии и вермахте”. А.И. Запорожец торопил М.И. Бурцева, который признавал, что времени на получение достоверных данных по теме доклада либо опровержение спорных положений уже не было [110. С. 27-28].

Вся информация о политико-моральном состоянии вермахта была подготовлена призванным на военную службу в 7-й отдел ГУППКА Н.Н. Берниковым, в прошлом — аспирантом Ленинградского государственного университета. Он не имел возможности делать глубокие обобщения, поскольку опирался на полученное ещё в 1940 г. донесение разведуправления Прибалтийского особого военного округа. Донесение это, в свою очередь, базировалось на опросах литовских беженцев из занятого немцами в 1939 г. г. Мемеля (Клайпеды). К концу мая 1941 г. обзор политико-морального состояния немецкой армии был представлен начальнику 7-го отдела ГУППКА. Текст доклада составил 140 рукописных страниц. [320. С. 9].

Таким образом, к началу июня 1941 г. в распоряжении А.А. Жданова, А.С. Щербакова, Г.Ф. Александрова, А.И. Запорожца были сосредоточены готовившиеся под большим секретом и весьма поспешно инструктивные и директивные материалы, отразившие итоги предварительной работы пропагандистских структур по воплощению в жизнь сталинского призыва о перестройке пропаганды в наступательном духе.

В исследовательской литературе отмечалось, что это были документы, “в значительной степени повторяющие и дополняющие друг друга” [176. С. 124]. Данная отличительная особенность происходила оттого, что в тексты первых вариантов проектов директивных материалов, представленных УПА ЦК ВКП(б) и ГУППКА, оказались “вмонтированы” целые абзацы из сталинских выступлений 5 мая 1941 г. [176. С. 152]. В большинстве из вышеназванных материалов с той или иной степенью откровенности формулировался призыв Сталина о необходимости перестройки пропаганды в наступательном духе.

Так, в проекте постановления ЦК ВКП(б) “О состоянии и задачах художественной кинематографии” эта мысль была отражена в одной, хотя и весьма объемной фразе: “...ответственность работников кино за высокое идейно-политическое и художественное качество фильмов особенно возрастает в современной обстановке, когда перед советским народом стоят задачи по дальнейшему укреплению политической, хозяйственной и военной мощи социалистического государства, воспитания всех трудящихся в духе патриотизма, безграничной любви к родине, подготовки к защите СССР и победоносному

наступлению на врага” (курсив мой — В. Н.) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 281. Л. 7-8; Оп. 125. Д. 71. Л. 150-151].

В “Некоторых соображениях о военной пропаганде”, направленных Т.В. Шумейко на имя А.С. Щербакова 23 мая 1941 г., упомянутое сталинское указание зафиксировано в конкретизированной форме. Шумейко подчеркивал: “Военная пропаганда, являясь по своему существу специфической отраслью единой большевистской пропаганды и агитации, должна иметь *ярко выраженный наступательный характер*” (курсив мой — В. Н.). Именно она, по мнению автора “Некоторых соображений...”, призвана воспитывать в народе наступательную идеологию, доводить до него “общепартийные лозунги”, в частности, — “о сокрушительном ударе по врагу”. Однако, как утверждал Т.В. Шумейко, без “милитаризации условий существования гражданского населения лозунг о воспитании военной наступательной идеологии рискует остаться фразой”.

Примечательно, что его конкретные предложения по “милитаризации” гражданской жизни в стране очень близки по содержанию суждениям, изложенным в вышеупомянутой записке А.И. Запорожца на имя А.А. Жданова от 22 февраля 1941 г. (создание военных секторов и отделов в УПА ЦК ВКП(б), при редколлегиях центральных газет, подключение к “оборонной” работе издательств, системы высшего и среднего образования и т. д. и т. п.) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 41-49]. Несомненно, Шумейко и Запорожец показали столь разительно “единодушие”, поскольку черпали вдохновение для своих “инициатив”, исходя из сталинских установок о пропагандистской подготовке к войне.

Естественно, к концу мая 1941 г. обстановка коренным образом изменилась по сравнению с концом февраля 1941 г., и следовало уже декларировать приверженность “лозунгу наступательной войны”. Именно поэтому в представленном им проекте директивы ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александров попытался конкретно отразить сталинские указания от 5 мая 1941 г.: “Наша страна готова ко всяким осложнениям в современной международной обстановке и вытекающим из них неожиданностям. Вооруженные силы СССР смогут не только успешно защищать социалистическое государство, но и *победоносно наступать на врага*”. Отметив далее, что в политико-пропагандистской работе имеется целый ряд недостатков, начальник УПА ЦК ВКП(б) декларировал, что проводя ее, партийные организации “обязаны воспитывать боевой *наступательный дух* (курсив мой — В. Н.) Красной Армии и всего советского народа...” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 21-22, 30].

В проекте раздела общей директивы ЦК ВКП(б), подготовленном под руководством А.И. Запорожца и получившем название “Задачи политической пропаганды в Красной Армии”, подчеркива-

лась необходимость разъяснения личному составу РККА, что СССР, “защищая свои государственные интересы, опираясь на свою возросшую политическую, экономическую и военную мощь ведет *наступательную внешнюю политику*” (курсив мой — В. Н.). Поэтому следовало воспитывать красноармейцев и командиров “в воинственном и наступательном духе, в духе неизбежности столкновения Советского Союза с капиталистическим миром...” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 54].

В тексте доклада лекторской группы ГУППКА “Современное международное положение и внешняя политика СССР” констатировалось: “Особенное внимание нужно уделить воспитанию наступательного духа у бойцов” [РЦХИДНИ. Ф. 17. оп. 125. Д. 27. Л. 121].

В проектах директив ГУППКА “О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами на летний период 1941 года” и “О марксистско-ленинской учебе начальствующего состава Красной Армии” (вторая половина мая 1941 г.) давались разъяснения по поводу того, какая связь существует между понятиями “справедливая” и “наступательная” война. В первом из вышеназванных проектов избраны чересчур тяжеловесные формулировки: “О войнах справедливых и несправедливых иногда дается такое толкование: если страна первая напала на другую и ведет наступательную войну, то эта война считается несправедливой, и наоборот, если страна подверглась нападению и только обороняется, то такая война, якобы, должна считаться справедливой. Из этого делается вывод, что якобы Красная Армия будет вести только оборонительную войну, забывая ту истину, что всякая война, которую будет вести Советский Союз, будет войной справедливой” [176.С. 88].

Критиковался “имеющийся у некоторых командиров взгляд на всякую наступательную войну, как на войну несправедливую”, что, как подчеркивалось в документе, вело к отрицанию самой “возможности инициативы военных действий со стороны Красной Армии в государственных интересах Советского Союза” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 28].

Судя по пометкам на полях проекта директивы ЦК ВКП(б) “О задачах пропаганды на ближайшее время”, который был представлен Г.Ф. Александровым, А.А. Жданову показались не вполне убедительными аргументы, сформулированные начальником УПА. Последний, в частности предлагал: в целях “правильного разъяснения трудящимся” сложившейся международной обстановки и задач, стоящих в данной связи перед Советским государством, систематически публиковать в центральных, общественно-политических, исторических и экономических журналах, в закрытой прессе Красной Армии, в местной печати статьи, обзоры, информации соответствующей тематики. О реакции А.А. Жданова по поводу этого предложения можно

судить на основании его резолюции на полях текста документа: “Не то. *Надо начать с поворота в пропаганде*” (курсив мой — В. Н.).

На содержащееся в проекте данной директивы пожелание: “Ввести в программу курса основ марксизма-ленинизма в вузах темы по марксистско-ленинскому учению о войне, а также обязательное изучение произведений Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина, посвященных военным вопросам” Жданов отреагировал так: “Улита едет” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 28. Л. 30, 32]. Русская поговорка “Улита едет, неизвестно когда будет”, которую, очевидно, имел в виду А.А. Жданов, характеризует ироничное отношение к медлительным людям. Скорее всего, взяв её на вооружение, он стремился напомнить составителям документа, что времени на осуществление их “проектов” практически не было.

Подвергся переработке и проект директивы ГУППКА “Задачи политической пропаганды в Красной Армии”. Первоначально он состоял из трех частей. В первой части — преамбуле формулировались основные задачи политорганов и партийных организаций РККА, а также — непосредственно ГУППКА в контексте сталинских указаний от 5 мая 1941 г. Вторая часть проекта директивы была названа так: “Примерная тематика докладов, бесед и политинформаций для красноармейцев и начальствующего состава Красной Армии”. Наконец, третья часть содержала тематику занятий с красноармейцами и младшими командирами на летний период 1941 г. К проекту директивы прилагался список художественных фильмов, которые рекомендовались для демонстрирования в Красной Армии (только для военнослужащих) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 54-69]. В результате значительной переработки он стал более целенаправленным и кратким по объему [С. 203-207].

После совещания в ЦК ВКП(б) по вопросам художественной кинематографии 14—15 мая 1941 г, где была организована специальная Комиссия по созданию “идейных художественных фильмов”, её члены стали высказывать в письменной форме свои конкретные предложения, некоторые из которых напрямую затрагивали вопросы подготовки кинематографа к грядущей войне. Так, А.Я. Каплер адресовал на имя А.С. Щербакова записку, касающуюся тематического планирования киносценариев. Несомненно, находясь под впечатлением от выступления А.А. Жданова на совещании 14-15 мая, Каплер подчеркнул в своем послании: “Необходимо, чтобы ЦК давал чаще прямые тематические задания кинематографии, ориентировал ее, направлял на решение наиболее перспективных важных, политических задач” (курсив мой — В. Н.).

Для этого, по мнению писателя и сценариста, следовало периодически созывать в ЦК инструктивные совещания, которые, “нисколько не стеснят творческой свободы”. Записка А.Я. Каплера

в ЦК по содержанию весьма близка к аналогичному документу, составленному В.В. Вишневским, о котором уже упоминалось (создание сценариев фильмов военной тематики, использование иностранной кинохроники и т. д.). Несомненный интерес представляет первый пункт предложений Каплера: “в секретном порядке” создать ряд сценариев “по темам, утвержденным ЦК”. Эти произведения, по его мнению, предназначались “к выпуску на экраны в первый же день войны” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 71. Л. 133].

И Вишневский, и Каплер намечали использование иностранной кинохроники в пропагандистских целях, планировали создание военных фильмов, в которых бы освещалась жизнь Красной Армии в целом, характеризовались отдельные рода войск, показывались экономические, географические, политические особенности стран — потенциальных противников СССР в будущей войне.

21 мая 1941 г. предложения А.Я. Каплера о тематическом планировании киносценариев были взяты на контроль в Оргбюро ЦК ВКП(б) и учитывались при разработке постановления ЦК о художественной кинематографии [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 71. Л. 133].

Первый вариант проекта названного постановления был готов 23 мая 1941 г. В этот день И.Г. Большаков направил А.С. Щербакову записку с собственноручными замечаниями по тексту документа. Уже в этом варианте проекта постановления красной нитью проводилась мысль о важном значении кинематографа как важнейшего средства пропагандистского обеспечения выдвинутого ЦК ВКП(б) “лозунга наступательной войны”. В нем, в частности, подчеркивалось: “Ответственность работников кино за высокое идейно-политическое художественное качество фильмов особенно возрастает в современной обстановке, когда перед советским народом стоят задачи по дальнейшему укреплению политической, хозяйственной и военной мощи социалистического государства, воспитания всех трудящихся СССР в духе патриотизма, безграничной любви к родине, подготовке к защите СССР и *победоносному наступлению на врага*” (курсив мой — В. Н.) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 281. Л. 7; Оп. 125. Д. 71. Л. 150-151].

3 июня 1941 г. проект постановления, представленный Комиссией совещания работников кинематографии, который получил название “О состоянии и задачах художественной кинематографии”, рассматривался на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б). В поставляющей части заседания Оргбюро по данному вопросу было принято следующее решение: во-первых, принять проект за основу и, во-вторых, поручить Секретариату ЦК ВКП(б) редактирование его текста, с учетом поправок и замечаний, высказанных на этом заседании, а затем внести на утверждение Политбюро [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 281. Л. 6].

В тот же день Оргбюро обсуждало проект ещё одного важнейшего инструктивного документа, самым непосредственным образом связанного с пропагандистской подготовкой личного состава РККА к наступательной войне. Наряду с инструкцией организациям ВКП(б) в Военно-Морском Флоте рассматривалась аналогичная инструкция для Красной Армии. Оба варианта документов были предварительно переработаны комиссией Оргбюро. В тексте уже **второй верстки** “Инструкции организациям ВКП(б) в Красной Армии”, имевшей выходные данные Воениздата наркомата обороны и дату — 1941 г., в частности, подчеркивалось: “Партийные организации Красной Армии воспитывают весь личный состав... в духе беспредельной преданности Родине, в духе непримиримой ненависти к врагам Советского Союза, в духе постоянной готовности к ведению *наступательной войны* (курсив мой — В. Н.) с целью полного уничтожения противника и достижения полной победы”. Аналогичная формулировка встречалась и в проекте “Инструкции организациям ВКП(б) в Военно-Морском Флоте”, который вышел из печати 22 мая 1941 г.

Рассмотрев представленные варианты обеих инструкций, Оргбюро 3 июня 1941 г. постановило поручить комиссии, созданной для их составления, внести поправки, сделанные на заседании, и вновь вынести на обсуждение [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 281. Л. 17, 21, 43].

С начала июня 1941 г. развернулась активная работа по доведению до необходимого уровня текстов двух главных директивных документов, которые отражали суть пропагандистского обеспечения “лозунга наступательной войны”. Проект директивы ГУППКА дважды рассматривался на заседании Главного военного совета. Она получила наименование “О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время”. 20 июня 1941 г. ГВС утвердил текст этой директивы. Окончательное редактирование поручалось секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову, народному комиссару обороны С.К. Тимошенко и начальнику ГУППКА А.И. Запорожцу. В тот же день директива была передана Маленковым Сталину [176. С. 149].

В проекте директивы ГУППКА “О задачах политической пропаганды на ближайшее время” идея о необходимости всестороннего воспитания личного состава Красной Армии в духе подготовки к “всесокрушающей наступательной войне” и перестройки с этой целью всей пропагандистской работы была доведена почти до совершенства и излагалась в довольно недвусмысленных выражениях. Как отмечалось в документе, в международной обстановке, в “жизни” Советского Союза и Красной Армии “за последнее время” произошли значительные изменения, которые необходимо учитывать во всей пропагандистской работе.

В области внешнеполитической эти изменения выразились, по мнению составителей документа, в следующем: расширение военных

действий на балканские страны, Ближний Восток и Африку, смена Германией лозунгов “освобождения от цепей Версаля” на завоевательные, экономические затруднения воюющих держав и резкое снижение жизненного уровня “трудящихся всего капиталистического мира”.

В “жизни” Советского Союза были отмечены такие позитивные явления, как “неуклонный рост политического, экономического и военного могущества”, “блестящие успехи внешней политики”, позволившие присоединить Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию и Прибалтику, в результате чего “капиталистическому миру пришлось потесниться и отступить”.

В “жизни” Красной Армии составители директивы ГУППКА отметили, исходя, естественно, из сталинских указаний от 5 мая 1941 г., завершение перестройки и методов обучения и воспитания войск на основе опыта современных войн, перевооружение на базе новейшей военной техники, возрастание роли и мощности танковых и моторизованных дивизий, рост политической сознательности, дисциплинированности, идеологической сплоченности [6. С. 203].

Последний пассаж весьма примечателен. В конце мая 1941 г. по дипломатическим каналам и из агентурных источников в Берлин поступали сообщения следующего содержания: якобы и сам Сталин, и советское руководство прекрасно информированы, что “непобедимая Красная Армия” пока слаба [249. С. 87], а её подготовка “оставляет желать много лучшего” [247. С. 251]. Вышеприведенные недвусмысленные формулировки из директивы ГУППКА позволяют говорить о том, что, по крайней мере, в советской пропаганде вывод о недостаточной степени подготовленности Красной Армии тщательно замалчивался.

В вышеупомянутой директиве делался вывод, что новые условия, в которых живет СССР, “чреватая неожиданностями” международная обстановка, наконец, задачи, поставленные большевистской партией и Советским правительством перед Красной Армией, требуют “решительного поворота в пропагандистской работе, воспитания личного состава в духе пламенного советского патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности *перейти в сокрушительное наступление на врага*” (курсив мой — В. Н.).

Однако, как подчеркивалось в проекте директивы, все перечисленные изменения на международной арене, внутри страны и в Красной Армии не нашли должного отражения в пропаганде и агитации. Уже в который раз указывалось на наличие “пацифистских настроений”, на то, что пропаганда носила “мирный характер”. Исходя, вероятно, из решения ГВС от 14 мая 1941 г., авторы проекта директивы ГУППКА указали на то, что пропагандисты “перестали критиковать враждебную фашистскую идеологию” и обличать “реакционную

политику германского империализма, направленную на покорение и закабаление других народов". Более того, они не разоблачали "имеющиеся неправильные представления о германской армии, как о, якобы, непобедимой".

Перечисленные недостатки в пропагандистской работе, как подчеркивалось в документе, способны "ослабить политико-моральную силу, понизить боевую активность, воинственный, наступательный дух Красной Армии". В этой связи в проекте директивы ГУППКА "О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время" предлагалось поднять пропагандистскую работу на уровень стоявших перед РККА "задач всемирно-исторического значения". Все формы пропаганды, агитации и воспитания требовалось "направить к единой цели — политической, моральной и боевой подготовке личного состава, к *ведению справедливой, наступательной и всесокрушающей войны*" (курсив мой — В. Н.).

Далее разъяснялось, что возросшая политическая, экономическая и военная мощь СССР позволяет ему осуществлять "наступательную внешнюю политику, решительно ликвидируя очаги войны у свои границ, расширяя свои территории". Эта наступательная политика выразилась, как подчеркивалось в директиве, в присоединении Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Бессарабии и Северной Буковины, в войне с Финляндией.

Из всего вышеизложенного делался закономерный вывод: поскольку сила СССР постоянно возрастает, Красная Армия и советский народ, обороняя его, "*обязаны действовать наступательным образом, от обороны переходить, когда этого потребуют обстоятельства, к военной политике наступательных действий*" (курсив мой — В. Н.).

Далее в проекте директивы пересказывались основные положения сталинской речи 5 мая 1941 г., касающиеся причин успехов Германии и поражения Франции во Второй мировой войне. Эти же положения были взяты за основу при разъяснении того, каким образом следует развенчивать "миф о непобедимости германской армии". Помимо сталинских выводов о "самодовольстве, зазнайстве, "головокружении от успехов", которыми якобы страдал вермахт, в проекте директиве много внимания было уделено доказательству наличия "серьезных экономических трудностей", которые возникли у Третьего рейха в связи с затяжной войной. Указывалось, что германская армия — большая сила, которую трудно отрицать. Но, как подчеркивали составители проекта директивы ГУППКА, по мере затягивания боевых действий, "военная мощь Германии ослабевает" [6. С. 203-206].

Эти и другие подобного рода характеристики вермахта настраивали на недооценку силы потенциального противника. Лекции и доклады, которые читались личному составу Красной Армии, порой проводились "на высоких оптимистических нотах". Одним из самых

распространенных анекдотов, использовавшихся докладчиками, был следующий. Молотов спрашивал Риббентропа, зачем немцы разместили у границы 2 млн. войск, на что последний отвечал: “Мы отвели сюда свои войска на отдых”. В ответ на подобный вопрос германского министра иностранных дел, касавшийся РККА, следовала тирада его советского “коллеги”: Красная Армия сосредоточила у западных границ 2,5 млн. человек, чтобы “обеспечить отдых” германским войскам.

Однако, мало кто открыто говорил на лекциях и докладах в мае—июне 1941 г., какая мощная военная сила имелась у Германии и какой первоклассной боевой техникой она была оснащена. Отсюда — незнание всей правды о потенциальном противнике, плохое представление о размерах опасности. Преобладавшей была “традиционная” точка зрения: “быстро расправимся с агрессорами и войну будем вести на их территории” [215. С. 40].

11 июня 1941 г. младший лейтенант запаса, призванный на большие учебные сборы в Красную Армию, писал своему другу, что хотел бы осенью поехать домой, но это удастся лишь при случае, если “не будет предпринята прогулка в Берлин” [10. Док. № 98]

Для разъяснения основ внутренней и внешней политики СССР, проблем Второй мировой войны предписывалось использовать политические занятия с красноармейцами и младшими командирами, марксистско-ленинскую учебу начальствующего состава, изучение сопредельных стран, доклады, лекции, массовую работу и красноармейскую печать. Армейским газетам следовало “придать боевой характер”. В задачу армейской печати входило, как подчеркивалось в проекте директивы ГУППКА “О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время”, не только обучение технике военного дела, но и политическое воспитание красноармейцев и командиров. Все полнотработники, командный состав, партийные организации, делался вывод в этом важном документе, должны были “возглавить поворот в пропаганде и обеспечить реализацию настоящей директивы не на словах, а на деле” [6. С. 207].

Как показывают имеющиеся фактические материалы, к началу войны с Германией, были предприняты шаги по реализации этих директивных указаний ГУППКА.

Еще 27 мая 1941 г. по просьбе А.И. Запорожца Секретариат ЦК ВКП(б) постановил увеличить тиражи газет семи военных округов на 72 тыс. экз. Кроме того, четыре вновь сформированные армии получили свои армейские газеты, общий тираж которых достигал 40 тыс. экз. Подсчеты показывают, что благодаря этому решению в западных военных округах (Прибалтийском, Киевском, Западном особом, Одесском и Ленинградском) общий тираж красноармейских газет вырос с 1 июня 1941 г. с 265 тыс. до 350 тыс. экз. [176. С. 151].

В Орловском военном округе, вероятно, исходя из указания проекта директивы ГУППКА “О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время”, в конце мая 1941 г. для редакторов дивизионных и училищных газет был продемонстрирован “современный наступательный бой в условиях, максимально приближенных к действительной боевой обстановке”. Командующий войсками округа генерал-лейтенант Ф.Н. Ремезов дал армейским журналистам задание так интерпретировать действия участников учений, чтобы описать все новации, внесенные в боевое обучение войск. Они, в свою очередь, детально и непосредственно изучили действия бойцов с целью “использовать полученные знания на практической газетной работе” [67а].

2 июня 1941 г. В.В. Вишневский отметил в дневнике, что наряду с сосредоточением Красной Армии велась подготовка “соответствующей” (антифашистской) литературы. В частях РККА появились антифашистские фильмы, список которых, как уже указывалось, был утвержден ГУППКА (“Профессор Мамлок”, “Семья Оппенгейм” и др.) [176. С.164]. Сразу после пакта Риббентропа—Молотова названные фильмы были временно сняты с проката. Известно, что политорганы РККА уделяли кино как важному средству пропаганды постоянное внимание. План демонстрации кинофильмов в соединениях и частях утверждался начальником управления политпропаганды округа (армии) или его заместителем. Внутри соединения его визирил начальник отдела пропаганды или его заместитель [27. С. 433]. Если в начале июня 1941 г., по свидетельству В.В. Вишневского, в войсках при наличии столь тщательного контроля со стороны командования начали демонстрироваться ранее запрещенные кинофильмы антифашистского содержания, то скорее всего это вытекало из указания “сверху”. Следовательно, проекты пропагандистских директив ГУППКА, ещё находившиеся в работе, стали воплощаться в практику.

Наглядным примером подтверждения их реализации могут служить и следующие факты. За две недели до начала войны начальник 7-го отдела ГУППКА М.И. Бурцев прибыл в г. Луцк, где дислоцировался штаб одной из сильнейших армий прикрытия Киевского особого военного округа — 5-й армии под командованием генерал-майора танковых войск М.И. Потапова. Примечательно, что Потапов, в распоряжении которого находилось не только два механизированных, два стрелковых корпуса и две авиационные дивизии, опирался на укрепленные районы (УРы): Ковельский, Владимир-Волинский и Струмиловский. Но командующий 5-й армией накануне войны рассматривал УРы не как средство, которое можно было использовать для упорной обороны, а как своеобразный трамплин для стремительного наступления на врага [168. С. 19-20, 203].

М.И. Бурцев прибыл в Луцк для оказания помощи армейскому управлению политической пропаганды в разработке “плана мероприятий на случай чрезвычайных обстоятельств” [110. С. 31]. Документ, составленный с учетом его указаний, получил наименование “План политического обеспечения военных операций при наступлении”. Он был подписан начальником управления политической пропаганды 5-й армии. Бесспорно, исходя из указаний эмиссара из Москвы (скорее всего, на основании руководящих директивных материалов, в частности, сводки о морально-политическом состоянии в Германии и немецкой армии) в “Плане политического обеспечения военных операций при наступлении” говорилось о наличии “первых признаков падения морали” вермахта, которые усилятся и углубятся после нанесения по нему сильного, молниеносного удара. В документе предполагалось вести военные действия на территории противника “в благоприятной для Красной армии обстановке”, когда ожидалась поддержка местного (польского) населения, а также “сопротивление немецких солдат войне и политике Гитлера” [339. С. 27].

Впоследствии, 22 июня 1941 г., командование 5-й армии получило директиву за подписью наркома обороны С.К. Тимошенко, начальника Генерального штаба РККА Г.К. Жукова и члена ГВС Г.М. Маленкова о необходимости проведения совместно с 6-й армией наступательных действий на территории оккупированной немцами Польши [164. С. 415].

Выше указывалось, что в проекте директивы ГУППКА “О задачах политической пропаганды в Красной Армии на ближайшее время” было намечено решительно покончить с недооценкой критики “враждебной фашистской идеологии”, “реакционной политики германского империализма”. Именно на эти моменты обратил внимание А.И. Запорожец, когда вызвал на беседу группу руководящих политработников. Среди них находился и член военного совета 16-й армии А.А. Лобачев, 10 июня прибывший в Москву. По воспоминаниям Лобачева, начальник ГУППКА заявил, что работать в войсках придется в новой обстановке и устно ознакомил с директивой об усилении политической пропаганды и, в частности, “о необходимости разоблачения реакционной сущности фашизма” [121. С. 126].

Аналогичные указания получил направлявшийся к месту службы на Черноморский флот с группой политработников И.И. Азаров. В первой половине июня в Москве они получили указание начальника Главного управления Военно-Морского Флота армейского комиссара 2-го ранга И.В. Рогова “усилить в устной пропаганде разоблачение агрессивных действий германского фашизма, ориентировать личный состав на повышение бдительности и боевой готовности” [105. С. 9].

Таким образом, ещё в процессе доработки проект директивы ГУППКА “О задачах политической пропаганды в Красной Армии на

ближайшее время” доводился в устной форме до ответственных политработников армейского уровня.

Антифашистские формулировки и идея наступательной войны излагались в пропагандистских документах ГУППКА порой столь откровенно, что даже вызывали замечания со стороны руководства УПА ЦК ВКП(б). Г.Ф. Александров, знакомящийся с текстом вышеупомянутого доклада “Современное международное положение и внешняя политика СССР”, обнаружил в нем формулировки, из которых следовало, что наиболее вероятным противником Красной Армии является вермахт. Отметив, что Германия ещё не встретила достойного противника, составители доклада утверждали: “Между тем, такое столкновение не за горами”. Г.Ф. Александров по данному поводу заметил на полях документа: “Этакой формулировки никак нельзя допускать. Это означало бы *раскрыть карты врагу*” (курсив мой – В. Н.).

Опыт военных действий, говорилось далее в упомянутом документе, показал, что оборонительная стратегия против превосходящих моторизованных частей не давала никакого успеха. Отсюда следовал вывод: против Германии необходимо применить “наступательную стратегию, подкреплённую мощной техникой”. На полях рукой Г.Ф. Александрова в этом месте была сделана многозначительная пометка: “Война с Германией” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 99, 100].

Г.Ф. Александров стремился “быть осторожным в выражениях” при составлении пропагандистских материалов в духе “лозунга наступательной войны”. Вероятно, именно поэтому не был одобрен первый вариант предложенной им общей директивы ЦК ВКП(б) о перестройке пропаганды. За дело взялся лично А.С. Щербаков, который и составил новый вариант документа, получивший наименование “О текущих задачах пропаганды” [176. С. 123]. Структура его несколько отличалась от той, которая была положена в основу соответствующего проекта директивы, составленного в УПА. Изложение начиналось с разъяснения, в полном соответствии со сталинскими указаниями от 5 мая 1941 г., причин поражения Франции и побед Германии во Второй мировой войне. Примечательно, что при разъяснении обстоятельств, способствовавших победам вермахта в боевых действиях против ряда европейских стран, в проекте директивы указывалось на слабость его военных противников [6. С. 197]. Эта же мысль, как уже отмечалось, проводилась и в тезисах выступления А.С. Щербакова к выступлению перед представителями средств массовой информации 8—9 мая 1941 г. Она была повторена и позднее, в речи Щербакова перед политическими агитаторами 29 сентября 1941 г. [РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 844. Л. 3]. Это лишний раз может свидетельствовать о том, что А.С. Щербаков участвовал в составлении проекта директивы ЦК ВКП(б) “О текущих задачах пропаганды”.

Изложение причин поражения Франции и других стран и побед Германии в ходе Второй мировой войны сочеталось в упомянутом проекте с традиционными, в духе сталинских указаний от 5 мая 1941 г., пассажами, разоблачавшими “миф о непобедимости германской армии”. В этом смысле особых отличий от формулировок, применявшихся директивных материалах ГУППКА мая—июня 1941 г., практически не было.

Но в документе, готовившемся при участии А.С. Щербакова, более откровенно говорилось о необходимости наступательных военных действий, инициативу начала которых должны были взять на себя СССР и Красная Армия. Отметив, что РККА уже перестроена и вооружена новейшей техникой, а её моторизованные соединения обладают мощной ударной силой, составители проекта директивы ЦК ВКП(б) упирали на следующее немаловажное обстоятельство. Поскольку СССР находился в капиталистическом окружении, столкновение с “миром капитализма неизбежно”. Исходя из неизбежности подобного столкновения, первое в мире социалистическое государство, как подчеркивалось в документе, просто “обязано изо дня в день, упорно и настойчиво готовиться к решающим боям с капиталистическим окружением” и выйти из них победителем, обеспечив тем самым “окончательную победу социализма”. Сославшись далее на ленинские указания о необходимости наступательных военных действий, не раз цитировавшиеся в пропагандистской литературе 1939—1940 гг. [68.; 70.; 76.], составители проекта директивы ЦК ВКП(б) делали важный вывод: ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятную международную обстановку, *должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий* (курсив мой — В. Н.) против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма”.

Аналогичным образом излагалась эта же мысль в тексте доклада ГУППКА о международном положении Советского Союза: “Не исключена возможность, что СССР будет вынужден, в силу сложившейся обстановки, взять на себя инициативу наступательных военных действий” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 110]. Приведя высказывание из статьи “О левом ребячестве и мелкобуржуазности” (смысл цитаты сводился к констатации неизбежности “последней решительной схватки со всем мировым империализмом”), авторы доклада делали следующий вывод: “Это, разумеется, не исключает того, что возможны наступательные действия СССР против отдельных капиталистических стран, угрожающих нашей безопасности в обстановке, когда ещё нет налицо революционной ситуации в капиталистических странах. Но и в том и в другом случае, СССР может перейти в наступление против империалистических держав, защищая дело победившего социализма, выполняя величайшую миссию, которая возложена

историей на первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян по уничтожению постоянно угрожающего нам капиталистического окружения” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 27. Л. 118-119; 176. С. 137].

В проекте директивы ЦК ВКП(б) “О текущих задачах пропаганды” более конкретно обосновывались возможные наступательные действия Советского Союза. Поскольку военная слабость СССР отошла в прошлое, а международная обстановка крайне обострилась, как отмечалось в документе, “военная опасность для нашей страны приблизилась, как никогда”. В полном соответствии с прежними пропагандистскими установками, успешно применявшимися во время “освободительных походов”, в проекте директивы ЦК ВКП(б) прямо провозглашалось: “В этих условиях ленинский лозунг “На чужой земле защищать свою землю” может в любое время обратиться в практические действия” [б. С. 195-200]. В данном случае приводилось ленинское выражение из конспекта книги К. Клаузевица “О войне” [14а. С. 417].

В завершающей части упомянутого проекта указывалось на наличие определенных недостатков в пропаганде, мешающих “партийно-политической работе по большевистскому воспитанию личного состава Красной Армии и всего советского народа в духе пламенного патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага”. Перечисление этих недостатков практически было сделано в тех же выражениях, что и в упоминавшихся директивных материалах мая-июня 1941 г., которые готовились ГУППКА.

Конкретные же задачи по их устранению, согласно проекта директивы ЦК ВКП(б), должны были ставиться перед партийными организациями в центре и на местах: обкомами, крайкомами, ЦК компартий союзных республик. В документе прямо говорилось: “При разъяснении вопросов международного положения партийные организации обязаны руководствоваться положениями, изложенными в данной директиве”.

В документе была сформулирована основополагающая цель: “Всею своей пропагандистской и агитационной работой партийные организации обязаны воспитывать боевой наступательный дух Красной Армии и всего советского народа, подчинив все средства пропаганды и агитации — газеты и журналы, брошюры и книги, лекции и доклады, собрания трудящихся и беседы — этой важнейшей задаче” [б. С. 201-202].

Из приведенных материалов о перестройке средств массовой информации со всей очевидностью следует, что проект директивы ЦК ВКП(б) активно воплощался в жизнь.

Таким образом, в мае—июне 1941 г. шла активная разработка пропагандистских директивных и инструктивных материалов, кото-

рые были нацелены на осуществление сталинских указаний, данных в выступлении перед выпускниками военных академий. Даже германская агентура не могла не заметить, насколько далеко зашла эта деятельность.

По её сообщению, пропагандистская работа в частях Красной Армии накануне 22 июня 1941 г. сводилась к доказательству следующего: после перенесения военных действий на территорию противника развернется наступление на Запад с целью освобождения стран Европы от германского ига, что в свою очередь должно стимулировать революционный процесс и привести к избавлению европейских народов от гнета собственной буржуазии [249. С. 89].

22 мая 1941 г. из штаба 17-й германской армии поступило донесение, что назначенные в части Красной Армии политработники говорили о неизбежности войны между СССР и Германией. По свидетельству одного из них, после заключения пакта Риббентропа—Молотова официально антифашистская пропаганда была запрещена. Но она существовала “в замаскированном виде”, а с мая 1941 г. вновь стала открыто вестись в войсках [339. С. 28].

13 июня 1941 г. в разведсводке Генерального штаба Главного командования сухопутных войск вермахта говорилось, что во время политзанятий и лекций личный состав РККА “подготавливается к возможности войны” против Третьего рейха [47. С. 32].

Несомненно, налаженный ритм работы по воплощению в жизнь директивных и инструктивных материалов в духе “лозунга наступательной войны” был нарушен публикацией известного сообщения ТАСС (14 июня 1941 г.). Имеются многочисленные факты, свидетельствующие о негативных последствиях этой сталинской акции, призванной, как считается, выяснить намерения германской стороны. В середине июня 1941 г. подверглись аресту два журналиста, усомнившиеся в целесообразности заявления, сделанного от имени Советского правительства, о чуть ли не дружественных отношениях между СССР и Германией. Они были расстреляны в середине октября 1941 г. “за антинемецкие настроения” [70a.].

В частях 11-й армии Прибалтийского особого военного округа начавшаяся уже антифашистская пропаганда “сдерживалась”... прибывшими туда работниками ГУППКА: после сообщения ТАСС докладчики изменили тон своих материалов “в сторону успокоения” [17a. С. 44]. В клубах пограничников в западных военных округах перестали демонстрироваться антифашистские фильмы, в частности, — “Профессор Мамлок” [309.].

Но для большинства политработников и после 14 июня 1941 г. директивные установки в антигерманском духе, полученные от командования, оставались в силе. Так, И.И. Азаров, проводивший политработу на кораблях Черноморского флота, которые участвовали

в крупных учениях по высадке десанта, вначале пришел в полное замешательство. Вместе с командирами он постоянно разъяснял личному составу дивизии, участвовавшей в десантной операции, что война будет проводиться только на чужой территории, говорил об агрессивности Германии. Сообщение ТАСС поставило его “в нелепое положение”. К тому же, никаких дополнительных указаний из Москвы, помимо тех, что он получил ранее от И.В. Рогова, не последовало. И.И. Азаров, будучи убежденным, что прежние установки остаются в силе, в своем выступлении перед моряками подчеркнул, что сообщение ТАСС от 14 июня не должно действовать демобилизующе и что фашизм остается злейшим врагом [105. С. 11].

Позднее, в 1943 г. один из видных нацистских пропагандистов признавал, что пока в условиях пакта о ненападении официальная советская антифашистская пропаганда “отдыхала”, “очень усиленно” собирался агитационный материал, направленный против национал-социализма, а, следовательно, шла подготовка к войне с Германией [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 166. Л. 71].

15 июня 1941 г., после упомянутого сообщения ТАСС, ответственный политработник РККА сделал доклад в войсках, основное содержание которого опиралось на положения, заключенные в упоминавшихся проектах инструктивных и директивных материалов ГУППКА [176. С. 123].

Даже после начала войны с Германией в периодических изданиях, издававшихся ГУППКА, продолжали появляться материалы о “наступательном порыве” Красной Армии. Содержание некоторых из них пересказывалось в июльском номере журнала “Пропагандист Красной Армии”. В этом номере, вышедшем в свет 9 июля 1941 г. (sic! — В. Н.), приводились цитаты из двух статей, которые появились в окружных газетах Архангельского и Северо-Кавказского военных округов. Первая из них называлась “Воспитывать бойцов в наступательном порыве”, вторая — “Наступательный порыв воина Красной Армии”. Обе статьи явно были подготовлены до 22 июня 1941 г.

Анализ содержания проектов пропагандистских инструктивных и директивных материалов, готовившихся в мае—июне 1941 г. в глубокой тайне под руководством секретарей ЦК ВКП(б), начальника УПА и ГУППКА, позволяет утверждать, что, во-первых, в их основе лежали сталинские указания, данные в выступлениях перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г., во-вторых, они разрабатывались комплексно и включали одни и те же положения и установки. Основная идея всех этих материалов сводилась к необходимости всесторонней идеологической подготовке личного состава Красной Армии и всего народа к наступательной войне. В некоторых из этих проектов прямо декларировалась возможность взятия ею инициативы в свои руки и нанесения смертельного удара по капиталистическому

окружению с целью его окончательного уничтожения и победы социализма.

Материалы, о которых идет речь, имели антигерманскую и антифашистскую направленность. Однако германская армия, в полном соответствии со сталинскими установками, изображалась как “потерявшая свой боевой дух”, страдавшая “зазнайством и самоуспокоенностью”. Её победы объяснялись исключительно слабостью противников вермахта. Подчеркивалась “ненадёжность” тыла Германии, особенно военной экономики страны.

На этом фоне Красная Армия представлялась как современная, хорошо вооруженная и технически оснащенная сила, способная решать поставленную перед ней задачу “сокрушения капиталистического окружения”. Во всех инструктивных и директивных материалах неоднократно педалировалась мысль о том, что грядущая война будет для СССР справедливой, всесокрушающей, наступательной.

В данной связи ставилась задача воспитания личного состава в наступательном духе, открыто декларировалось намерения искоренить “пацифистские настроения”, неоднократно подчеркивалась необходимость держать весь народ в “мобилизационной готовности”.

Хотя проекты инструктивных и директивных пропагандистских материалов, готовившихся ЦК ВКП(б) и ГУППКА, находились в стадии разработки, их основные положения устно доводились до политработников, а некоторые установки активно проводились в жизнь (например, использование периодической печати в целях идеологического обеспечения “лозунга наступательной войны”, возобновления антифашистской пропаганды).

4. БЕЗ ВИНЫ “ВИНОВАТЫЕ”.

Любая пропагандистская кампания, проводившаяся в СССР на рубеже 30-х—40-х гг., сопровождалась выявлением конкретных носителей “ошибочных” политических и идеологических взглядов (“виновных”), которые подвергались персональным “проработкам” в назидание другим. Жертвы подобного рода “проработок” представлялись чуть ли не “врагами народа”, а их “обличители” выступали в роли активных проводников “генеральной линии”.

В 1940 г. “виновными” были названы, как уже указывалось, известные писатели и поэты, среди них — А.О. Авдеенко, получивший не только клеймо создателя “фальшивого фильма” (“Закон жизни”), но и (со сталинской подачи) — презрительную кличку “барахольщик”.

Не была исключением и набиравшая силу после 5 мая 1941 г. кампания под “лозунгом наступательной войны”, уже в самом начале которой “виновные” стали “обнаруживаться” один за другим.

30 апреля 1941 г. был подписан в печать очередной, 13-й номер журнала “Огонек”, в котором анонсировался “новый комедийный

фильм” под названием “Сердца четырех”. Рецензент в игривой форме сообщал следующие подробности: “Е. Самойлов создал образ привлекательного (браво, товарищи из Комитета по делам кинематографии, это не зазорно!), настойчивого, слегка иронического — в меру комедийных возможностей лейтенанта нашей Красной Армии” [65.].

Однако в Управлении пропаганды и агитации эта кинокартина получила совершенно противоположную оценку. 12 мая 1941 г. Д.А. Поликарпов и Т.М. Зуева направили секретарям ЦК А.А. Андрееву, А.А. Жданову, Г.М. Маленкову и А.С. Щербакову, членам комиссии Политбюро по просмотру и выпуску на экраны новых фильмов, справку о состоянии художественной кинематографии. В документе, в частности, делался акцент на отсутствие в плане выпуска кинокартин 1941 г. “оборонных фильмов” (единственным исключением являлась лента “Фронтовые подруги”, которая вышла на экраны накануне войны). В упомянутой справке особое внимание было обращено на киноленту “Сердца четырех” (режиссер К.К. Юдин). По мнению представителей УПА ЦК ВКП(б), жизнь Красной Армии показана в ней “как отдых на даче” (события происходят в фильме в летних лагерях), где “нет и в помине боевой учебы красноармейцев и командиров”, и протекала эта жизнь “мирно и лениво” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 71. Л. 138, 144, 145, 148].

Фильм “Сердца четырех” был снят с проката и дошел до зрителя лишь в 1945 г. На совещании по вопросам художественной кинематографии 14—15 мая 1941 г. А.А. Жданов коснулся вопроса об этой картине. Он заявил, что члены вышеупомянутой комиссия Политбюро ЦК ВКП(б) “*вынуждены были* (курсив мой — В. Н.) не пустить на экран фильм “Сердца четырех”...” [РЦХИДНИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 919. Л. 2]. Обосновывая данное решение, Жданов подчеркнул: в фильме “нет ничего враждебного, клеветнического”, но в то же время — и “никакой пользы, никаких уроков” извлечь из него нельзя. Ему вторил Щербаков. Обнаружив явную слабость подобной аргументации, режиссер К.К. Юдин пытался спасти свое детище и обратился к А.А. Жданову с просьбой все-таки разрешить демонстрацию картины на широком экране. В качестве обоснования своей просьбы режиссер заявил, что, во-первых, прокат фильма “Сердца четырех” может дать казне 5—6 миллионов рублей прибыли, а во-вторых, в нем “все-таки больше идей”, чем в любой американской кинокартине. Но А.А. Жданов был неумолим [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 115. Л. 122, 123, 124].

15 мая 1941 г. Секретариат ЦК ВКП(б) на своем заседании специально рассматривал вопрос “О рецензии на кинокартину “Сердца четырех”, опубликованной в журнале “Огонек”. Было отмечено, что редакция журнала “Огонек” допустила ошибку, опубликовав положительную рецензию на ленту, “запрещенную к выпуску на экран”.

Секретариат ЦК ВКП(б) принял решение запретить газетам, журналам и Комитету по делам кинематографии при СНК СССР публиковать рецензии на кинофильмы до того, как будет получено разрешение о выпуске их на экран. УПА ЦК ВКП(б) поручалось проследить за выполнением принятого решения [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 88. Л. 1; Оп. 117. Д. 275. Л. 1].

Следует отметить, что редколлегия журнала “Огонек”, помещая на своих страницах рецензию на “Сердца четырех”, не могла знать, что фильм запрещен: вопрос о его запрете рассматривался на Секретарите ЦК ВКП(б) лишь 26 мая 1941 г. В решении Секретариата по данному вопросу говорилось, что кинокартина “неправильно отображает советскую действительность”, представляя жизнь советских людей “как праздное, легкомысленное времяпрепровождение”. Упоминались фамилии её создателей: авторов сценария А. Файко и А. Гранберга, режиссера К. Юдина. Заключительная фраза не оставляла им никаких надежд: “Кинофильм “Сердца четырех” к выпуску на экран запретить” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 91. Л. 41; Оп. 117. Д. 280. Л. 157].

Столь крутые меры объяснялись просто: “вождь” нашел картину “легкомысленной”, и этим было все сказано. Требуя от И.Г. Большакова запретить выпуск фильма “Сердца четырех” на экран, А.А. Жданов твердил: “Нам следует не забывать указание товарища Сталина” [190. С. 48].

Этот фильм явно не отвечал задачам воспитания советских людей “в духе активного, боевого, воинственного наступления”.

Статья полкового комиссара И. Баканова, опубликованная 21 мая 1941 г. в газете “Комсомольская правда” под рубрикой “Консультация”, наоборот, настраивала на всемерное развитие качеств, необходимых в экстремальных военных условиях [50.]. Баканов не был новичком в освещении тематики, связанной с “ленинско-сталинским учением о войне”. Его публикации появлялись главным образом на страницах журналов “Пропагандист и агитатор РККА” и “Политучеба красноармейца” [48а.; 49.].

Упомянутая статья И. Баканова начиналась с традиционного утверждения: согласно ленинско-сталинскому учению не та сторона ведет несправедливую войну, которая напала первой, а та, которая “является представителем реакции, контрреволюции, империализма”. “Всякая революционная война является справедливой войной”, — делал вывод полковой комиссар. Далее, ссылаясь на В.М. Молотова, автор публикации подчеркнул необходимость “еще настойчивее крепить мощь обороны нашего государства и *боевой наступательный характер* (курсив мой — В. Н.) советского народа”.

Первый и самый важный предварительный итог “империалистической войны” для СССР состоял в том, по словам И. Баканова,

что “в военном отношении” не следует уступать своим противникам. “Красная Армия, — подчеркнул он, — должна быть самой сильной армией в мире. Современная международная обстановка обязывает нас серьезно, изо дня в день готовиться к войне”.

Далее И. Баканов ссылаясь на ту часть сталинского выступления перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г., в которой говорилось о завершении процесса перестройки и перевооружения РККА. Полковой комиссар выступил против “пацифистских настроений”, которые якобы навязывались людям “некоторыми агитаторами”.

Уже через день после появления публикации И. Баканова “Учение Ленина—Сталина о войне”, 23 мая 1941 г. из Лондона была получена по линии ТАСС'а информация под заголовком “Агентство Рейтер о статье в “Комсомольской правде”. Московский корреспондент Рейтера передавал, что активное обучение допризывников, которые “уже являются хорошими летчиками или хорошими стрелками”, и другие факты свидетельствуют о подготовке СССР к войне. Здесь же приводились обширные пассажи из статьи И. Баканова о необходимости повседневно готовиться к ней, искореняя проявления пацифизма, борясь со всем, что тормозит укрепление обороноспособности СССР. 23 мая из Лондона была получена и другая “тассовка” под названием “Морнинг пост” о статье Баканова”. В этом сообщении давались выдержки из публикации газеты “Дейли телеграф энд Морнинг пост”, также излагавшей содержание материала, помещенного в “Комсомольской правде” 21 мая. Московский корреспондент британской газеты подчеркивал, что в статье И. Баканова Англия и её союзники не называются “поджигателями войны” и расценивал это “как знаменательную перемену в советской политике” и в партийной пропаганде, способствующую “укреплению советского национального чувства” в период, когда СССР находится вне войны, но должен “смотреть опасности в лицо”.

Очевидно сильный резонанс, который имела в Англии отличающаяся необычайно откровенными пассажами о подготовке СССР к войне статья И. Баканова, не на шутку встревожил А.А. Жданова и А.С. Щербакова. 23 мая 1941 г. состоялось заседание Секретариата ЦК ВКП(б). На повестке дня стоял единственный вопрос: “О “Комсомольской правде”, что свидетельствует о серьезности ситуации. Редакция “Комсомольской правды” к тому времени уже подвергалась “обвинениям” со стороны ЦК ВКП(б). В августе и ноябре 1940 г. ЦК были отмечены “непорядки в подборе кадров” для этой газеты. Результат не заставил себя ждать. Решением Оргбюро ЦК ВКП(б) от 21 ноября 1940 г. четверо из числа членов редколлегии получили выговор “за непринятие мер по очищению аппарата редколлегии от негодных работников” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 61. Л. 62].

На сей раз “вина” сотрудников “Комсомольской правды” оказалась более тяжкой. Секретариат утвердил Проект постановление ЦК по вопросу о статье И. Баканова, состоявший из 5-ти пунктов. Было признано, что редакция “Комсомольской правды” нарушила установленный порядок опубликования статей на внешнеполитические темы, проявив “беспечность и политическое легкомыслие”. За “политическое легкомыслие и беспечность” был объявлен выговор члену редколлегии газеты Н.Н. Данилову. Члены редколлегии Ц.А. Степанян и Я.М. Кадер, согласно постановлению, подлежали снятию с работы в “Комсомольской правде”. УПА ЦК ВКП(б) было указано на недостатки в контроле за газетами, а секретариату ЦК ВЛКСМ — на неудовлетворительное руководство “Комсомольской правдой”. На УПА ЦК ВКП(б) возлагалась обязанность “обеспечить строгий контроль за публикациями статей, затрагивающих внешнеполитические вопросы, исключая всякую возможность повторения подобных ошибок в газетах”.

Данный проект постановления был внесен на Политбюро ЦК ВКП(б), которое утвердило его 24 мая 1941 г. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 90. Л. 1; Оп. 117. Д. 278. Л. 2; Оп. 121. Д. 117. Л. 6-10].

Случай с публикацией И. Баканова — наглядный пример нарушения основной заповеди, изложенной в выступлении А.С. Щербакова перед редакторами центральных газет 8 мая 1941 г.: “не дразнить гусей”, т. е. не раскрывать размаха пропагандистской подготовки к наступательной войне. Знаменательно, что после рассмотрения “дела” “Комсомольской правды” на Секретариате и Политбюро были наказаны сотрудники газеты, а не автор “нашумевшей” статьи И. Баканов, который, конечно же, получил “сверху” указания о политической направленности готовившегося им материала.

Легко “обнаруживалась” в условиях пропагандистской кампании в духе перехода “к военной политике наступательных действий” “вина” представителей средств массовой информации, которые в той или иной мере “восхваляли” Германию. 17 мая 1941 г. секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов направил в ЦК ВКП(б) на имя А.С. Щербакова письмо, в котором указывал на факт издания очередного сборника из серии “Спорт за рубежом”, подготовленного Комитетом по делам физкультуры и спорта. По мнению Михайлова, составители издания фактически “предоставили советский орган пропаганде германофильских идей, всяческому восхвалению постановки физического воспитания Германии”. Он считал, что виновные за выпуск упомянутого сборника должны понести строгую партийную ответственность. Дальнейшую же публикацию сборников из серии “Спорт за рубежом” секретарь ЦК ВЛКСМ расценил как нецелесообразную. А.С. Щербаков 20 мая 1941 г. наложил на этом письме резолюцию: “т. Пузину. Внести предложение” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 63. Л. 143-147].

Пока в Управление пропаганды и агитации готовили проект этих предложений, Н.А. Михайлову пришлось выслушать весьма нелицеприятную критику в свой адрес на расширенном заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 23 мая 1941 г. На заседании присутствовало около 50 человек — представители ревизионной комиссии, комиссии партийного контроля, начальник УПА и его заместители, заведующие отделов и управления делами ЦК.

В числе других вопросов повестки дня Оргбюро рассмотрело информацию секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Жданова, заместителя председателя Комиссии партийного контроля ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятова, наркома госконтроля Л.З. Мехлиса, заместителя начальника УПА Д.А. Поликарпова, секретаря ВЦСПС К.И. Николасвой и первого секретаря ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлова о кроссах и гимнастических соревнованиях, проводимых руководством комсомола, профсоюзов и других общественных организаций. Выяснилось, что в проведении этих мероприятий допускались “серьезные ошибки”: в ряде случаев “массовая физкультурно-военная работа” подменялась показной стороной дела, погоней за цифровыми показателями “охвата соревнованиями большого числа участников” (проще говоря, приписками) без учета результатов самих соревнований. По данному вопросу Оргбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление, согласно которому руководству комсомола, профсоюзов и других общественных организаций предлагалось “покончить с практикой огульного увлечения кроссами и гимнастическими соревнованиями, обратив особое внимание на организацию повседневной физической работы и повышение её качества”. УПА было поручено заняться проверкой правильности оценки результатов физических соревнований и сдачи норм ГТО и доложить ЦК ВКП(б) результаты этой проверки [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 83. Л. 1, 5].

Как один из кураторов массового физкультурного движения в стране секретарь ЦК ВЛКСМ Н.А. Михайлов, несомненно, ощущал угрожающий характер выдвинутых и в его адрес обвинений в том, что ослаблен контроль и фактически поощряется очковтирательство. Понятно, почему у Михайлова вызвали раздражение материалы вышеупомянутых сборников “Спорт за рубежом”, в которых повествовалось о массовой и повсеместной практике занятий и игр германской молодежи на местности, в результате которых ей прививались военные навыки, элементы тактики, знание связи, строевой подготовки. Не случайно, первый секретарь ЦК ВЛКСМ сделал следующий вывод: “Спортивную жизнь Германии редакция (сборников — В. Н.) наделяет всевозможными положительными эпитетами” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 63. Л. 145-146].

Между тем, А.А. Пузин сообщил в ЦК ВКП(б), что УПА ознакомилось со сборниками “Спорт за рубежом” и нашло, что редколле-

гия издания “допустила грубую ошибку”, предоставив его страницы “для пропаганды буржуазных идей в области физкультуры и спорта”. По мнению А.А. Пузина, названное информационное издание было заполнено преимущественно “немецкими пропагандистскими статьями, восхваляющими “образцовую”, “первоклассную” систему постановки физкультурной работы в Германии”. Особое неудовольствие у представителей УПА вызвали, например, следующие пассажи из сборника “Спорт за рубежом”: “В Германии правильно оценили большое значение физического воспитания, как одного из средств допризывной военной подготовки населения. Последовавшая после войны (1914—1918 гг. — В. Н.) перестройка спортивного движения в Германии была проведена именно на этой основе”. Они явно контрастировали с комментариями, в которых редакция сборников “охаивала” советский спорт, якобы “утверждая, что советским спортсменам нехватает “высокого класса”, которым наделены немцы.

А.А. Пузин вслед за Н.А. Михайловым подчеркивал, что в статьях, помещенных в упомянутых сборниках, “восхвалялась” физическая подготовка немецкого солдата. Например, приводились слова одного из генералов вермахта, который считал основной причиной, по которой Германия смогла разбить Францию, не лучшее вооружение Германии, а лучшую физическую подготовку немецких солдат. Естественно, подобно рода выкладки явно контрастировали с изложением причин поражения Франции, данным в речи Сталина 5 мая 1941 г. Кроме того, они лишний раз напоминали о неудовлетворительном состоянии физической культуры в СССР в контексте готовности призывников, молодого поколения к войне, которое констатировалось, например, в упоминавшейся докладной записке А.И. Запорожца в ЦК ВКП(б) от 22 февраля 1941 г.

“Политической близорукостью” назвал А.А. Пузин публикацию в сборниках “Спорт за рубежом” материалов, позитивно характеризовавших развитие в Германии лыжного спорта, высоко оценивавших вклад в его становление национал-социалистической организации “Kraft durch Freude” (“Сила через радость”). Вероятно, эти утверждения казались вызывающими, поскольку лыжный спорт в СССР явно пришел в упадок в связи с изъятием инвентаря на нужды Красной Армии в период тяжелой зимней кампании 1939/1940 гг. против Финляндии [241а.].

Подводя итоги своего заключения по сборникам “Спорт за рубежом”, А.А. Пузин от имени УПА ЦК ВКП(б) обвинил редакторов издания Ф.М. Легостаева и А.П. Пустовалова в том, что они допустили грубую политическую ошибку, опубликовав “ряд германских пропагандистских статей”. По этому вопросу он предлагал принять специальное постановление [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 282. Л. 133-134].

Первый вариант проекта постановления ЦК, представленный УПА, содержал весьма резкие формулировки. В нем подчеркивалась “ошибочность” издания информационных сборников “Спорт за рубежом”, которые якобы пропагандируют постановку спортивной работы в Германии и “восхваляют” “физическую подготовку и выносливость немецкого солдата”. Предлагалось объявить выговор редакторам сборников, а Председателю Комитета по делам физкультуры и спорта В.В. Снегову указать “на отсутствие контроля с его стороны за издаваемой Комитетом литературой” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 282. Л. 132].

А.А. Жданов, который лично редактировал представленный проект постановления о сборниках “Спорт за рубежом”, сделал всё возможное, чтобы умерить пыл представителей УПА. Окончательный вариант постановления ЦК ВКП(б) по данному вопросу звучал лаконично, а, главное, не содержал имен конкретных “виновников”. Предлагалось лишь указать редакции на необъективность помещаемой в сборниках “Спорт за рубежом” информации, которая преувеличивала заслуги, качество и достижения спорта в Германии. УПА было поручено “выправить направление сборников” и проследить за выполнением постановления [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 282. Л. 130].

Вопрос “О сборниках “Спорт за рубежом” был вынесен на повестку дня заседания Оргбюро ЦК ВКП(б), где заслушивались Г.Ф. Александров и А.А. Пузин. 1 июня 1941 г. Оргбюро приняло “ждановский” вариант постановления [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 92. Л. 6; Ф. 17. Оп. 117. Д. 282].

Секретарь ЦК ВКП(б) Н.А. Михайлов и представители УПА проявили высокую активность в деле предотвращения “восхваления” спортивных достижений в Германии. Но им не удалось реализовать свое предложение о наказании непосредственных “виновных” этой “грубой политической ошибки”. По всей вероятности, в ЦК ВКП(б) прекрасно понимали, что никакого “идеологического” умысла в действиях редакторов сборника “Спорт за рубежом” не было.

Гораздо больший резонанс имело “дело Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР”, также возникшее на волне пропагандистской кампании под “лозунгом наступательной войны”.

7 февраля 1941 г. заместитель директора Института А.Ф. Бордадын обратился к А.Н. Поскребышеву со следующей просьбой: “Положение в Институте мирового хозяйства и мировой политики Академии Наук СССР сложилось настолько серьезное, что прошу Вас информировать об этом товарища Сталина”. Бордадын переслал в секретариат “вождя” пространное письмо с изложением своих претензий к руководству Института [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 279. Л. 103, 105-116]. 1 марта 1941 г. аспирант Института А.И. Турмилов также “сигнализировал” о неблагоприятной ситуации, сложившейся,

по его мнению, в названном научном учреждении [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 279. Л. 124-146].

Смысл претензий А.Ф. Бордадына и А.И. Турмилова к дирекции Института мирового хозяйства и мировой политики Академии Наук СССР сводился главным образом к тому, что Е.С. Варга окружил себя "политически непроверенными людьми", которые практически ничего не делая, получали большие денежные вознаграждения, ученые звания и степени.

Однако в ЦК ВКП(б) и в Управлении пропаганды и агитации письмам Бордадына и Турмилова было придано серьезное значение. 11 апреля 1941 г. сотрудники УПА Д.А. Поликарпов и А.И. Маханов рапортовали А.А. Жданову, что по его поручению ознакомились с работой Института мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР. В результате они сделали вывод: "Институт работает совершенно неудовлетворительно". Его сотрудники якобы не изучали актуальных вопросов мирового хозяйства и мировой политики, сосредоточившись на исследовании "преимущественно второстепенных тем исторического характера".

В то же время Д.А. Поликарпов и А.И. Маханов отметили, что в печатном органе Института журнале "Мировое хозяйство и мировая политика", где была помещена уже упоминавшаяся статья А.Ф. Бордадына "Организация военного хозяйства в Германии", якобы восхвалялась "фашистская четырехлетка".

Предложения УПА ЦК ВКП(б) по результатам проверки сводились к тому, что "необходимо решительно очистить кадры Института от бездельников и лиц, не заслуживающих политического доверия, и направить туда группу свежих, молодых и способных работников". Сформулированный Д.А. Поликарповым и А.И. Махановым проект постановления ЦК ВКП(б) содержал следующие пункты. Работа Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР оценивалась как неудовлетворительная. Институт устранился от изучения и анализа военной экономики и "экономики современного империализма", происхождения и развития Второй мировой войны.

В проекте постановления ЦК ВКП(б) от 12 апреля 1941 г. намечалось снять с должности заместителей директоров Института Р.С. Левину и А.Ф. Бордадына, а Управлению пропаганды и агитации, Управлению кадров ЦК ВКП(б) и академику Е.С. Варге поручалось пересмотреть кадровый состав, освободившись "от бездельников, невежд и лиц, не заслуживающих политического доверия". Кроме того, директор Института мирового хозяйства и мировой политики совместно с представителями ЦК ВКП(б) должны были привлечь к работе молодых способных сотрудников, для чего расширить число аспирантов, доведя их к 1 сентября 1941 г. до 30 чел. [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 279. Л. 93-94].

Однако после сталинских выступлений 5 мая 1941 г. и начала пропагандистской кампании в духе наступательной войны, в ходе которой, в частности, делался упор на слабость тыла Германии, её экономических возможностей, “дело Института Варги” приняло новый оборот.

А.Ф. Бордадын, чья статья о военном хозяйстве Германии, как уже указывалось, была приурочена к годовщине пакта о ненападении и инициирована “сверху”, 12 мая 1941 г. подчеркивал в своем письме на имя А.А. Жданова: “Меня сделали центральным “апологетом капиталистической Германии”, “главной теоретической опасностью”, чтобы отвлечь огонь от тех, кто действительно переоценивает и приукрашивает военную экономику Германии...” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 279. Л. 121]. В “обновленном” заключении и приложенном к нему проекте постановления ЦК ВКП(б) “О работе Института мирового хозяйства и мировой политики”, направленном 12 мая 1941 г. Д.А. Поликарповым и А.И. Махановым на имя секретарей ЦК А.А. Андреева, А.А. Жданова, Г.М. Маленкова и А.С. Щербакова, говорилось о “серьезных политических ошибках и извращениях”, а в числе основных виновников создавшегося положения наряду с Е.С. Варгой был назван и А.Ф. Бордадын. В этом варианте проекта постановления ЦК ВКП(б) подчеркивалось, что в ряде книг и статей, написанных в 1939—1940 гг., всячески превозносилось и восхвалялось военное и экономическое могущество Германии. А.Ф. Бордадын и заведующий немецким сектором Института Б.С. Фогараши якобы использовали “пропагандистские материалы буржуазной печати и буржуазной статистики о военно-экономической мощи и плановости хозяйства Германии”, более того — популяризировали “распространяемую фашистской пропагандой легенду о непобедимости Германии”.

Бордадын и Фогараши, писали сотрудники УПА, “в своих работах перепевают демагогическую болтовню фашистских руководителей и фашистской печати о плановом, организованном характере германской экономики”. Дальше — больше: оба автора обвинялись в том, что доказывали наличие в Германии “социальной справедливости” в распределении продовольствия и проводили мысль о всемерной заботе нацистского руководства о рабочем классе.

Обрушившись с уничтожающей критикой на Б.С. Фогараши и А.Ф. Бордадына, Д.А. Поликарпов и А.И. Маханов “не забыли” упомянуть и директора Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР: “Восхваление капиталистической экономики и военно-хозяйственной мощи Германии... не случайная ошибка отдельных работников... В письменном отзыве о статье Бордадына т. Варга дал ей положительную оценку и даже рекомендовал её к помещению в заграничных изданиях Коминтерна”. Оказалось, что

Е.С. Варга в своих работах “также преувеличивал военно-экономическую мощь Германии”, а его позиция в этом вопросе якобы “полностью совпадала с позицией Бордадына и Фогараши”.

Исходя из изложенного, а также “в целях оздоровления всей работы” Института мирового хозяйства и мировой политики, в проекте постановления ЦК ВКП(б) были сформулированы следующие предложения: снять с работы заместителей директора Института А.Ф. Бордадына, Р.С. Левину и заведующего немецким сектором Б.С. Фогараши. Бордадыну за публикацию в журнале “Мировое хозяйство и мировая политика” “политически вредной статьи” предлагалось объявить выговор. Намечалось также “освободить из Института лиц, не заслуживающих политического доверия, а также “всех бездельников” (sic — В. Н.). Взамен предполагалось пополнить кадровый состав Института выпускниками Высшей партшколы и более чем в два раза увеличить число аспирантов [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 279. Л. 84-92; Оп. 125. Д. 25. Л. 48-55].

23 мая 1941 г. вопрос “О работе Института мирового хозяйства и мировой политики” был включен в повестку дня заседания Оргбюро ЦК ВКП(б). Однако, вопреки серьезнейшей критике и убийственным политическим обвинениям, которые были выдвинуты в проекте постановления ЦК по данному вопросу, “дело Варги” явно решили “спустить на тормозах”. Доклад о работе Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР перенесли на рассмотрение в Секретариат ЦК ВКП(б) [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 83. Л. 5]. К этому времени А.А. Жданов, очевидно, уже получил послание от А.Ф. Бордадына, в котором сообщалось следующее. Бордадын подвергся критике на партийном собрании Института. “Продумав” свою статью о военной экономике Германии, опубликованную в 1940 г., он “раскритиковал” работу и сделал вывод, что “ошибки” заключались в переоценке германского экономического потенциала. В полном соответствии с предъявленными ему ЦК ВКП(б) “обвинениями” А.Ф. Бордадын писал А.А. Жданову, что в названной статье давалось “голое некритическое изложение законов и военно-хозяйственных мероприятий”, что и позволило сделать неверные выводы. “В свете сегодняшнего дня, — продолжал автор письма, — ясно, что помещение статьи в таком виде политически ошибочно” (подчеркивание сделано оранжевым карандашом в тексте письма — В. Н.). Далее он ещё раз “повинился” в своих “ошибках”, сводившихся к “некритическому” отношению “к немецким источникам и научным авторитетам Института”, назвав фамилию Варги. А.Ф. Бордадын отметил в своем письме, что именно Е.С. Варга всегда ссылался на “вышестоящие инстанции”, делая свои “теоретические выводы”. Бордадын многозначительно акцентировал внимание на следующем обстоятельстве: до мая 1941 г. “никто никаких замечаний о статье не делал”. Однако теперь, т. е.

в мае 1941 г., “весь удар” оказался направленным только против него, названного “в постановлении” (скорее всего, имелось в виду постановление партсобрания Института мирового хозяйства и мировой политики) “апологетом”.

А.Ф. Бордадын просил А.А. Жданова “вмешаться в дело”: рассмотреть не только его статью, но и публикации об экономике Германии, принадлежавшие Е.С. Варге и Б.С. Фогараши. Бордадын считал, что в сложившейся ситуации “хотят выдернуть” одну лишь эту статью и “учинить расправу” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 279. Л. 121-123].

27 мая 1941 г. Секретариат ЦК ВКП(б) рассматривал вопрос об Институте мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР. Судя по сохранившимся черновым наброскам проекта постановления, по ходу дела было решено “переориентироваться” и сосредоточить основное внимание на осуждении статьи А.Ф. Бордадына. В этих набросках, сделанных рукой А.А. Жданова, встречается следующая фраза: “Не то. Предложения надо разработать о статье (Бордадына — В. Н.), а не о работе. Статью мы осудили” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 279. Л. 80].

На заседание Секретариата присутствовали А.А. Андреев, А.А. Жданов, Г.М. Маленков, А.С. Щербаков, Г.Ф. Александров, были приглашены Е.С. Варга и А.Ф. Бордадын. Решение “осудить” публикацию А.Ф. Бордадына, как “идеологически неправильную и политически вредную” зафиксировано в первом пункте постановления Секретариата ЦК ВКП(б). Во втором пункте предусматривалось: “Поручить Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) разработать, на основе состоявшегося обмена мнениями, предложения по статье т. Бордадына”. Согласно третьего пункта постановления Секретариата Е.С. Варге поручалось представить в ЦК ВКП(б) планы публикаций научных работ Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР на 1941 год [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 280. Л. 280].

По всей вероятности, затяжка с принятием окончательного решения по “делу Варги” объяснялась отсутствием единой точки зрения по данному вопросу среди заинтересованных лиц, о чем, в частности, может свидетельствовать упоминание в постановлении Секретариата ЦК “состоявшегося обмена мнениями”. Поднимать руку на Е.С. Варгу, негласного сталинского “экономического советника”, было просто небезопасно. Так или иначе, 16 июня 1941 г. Секретариат вторично обратился к оценке результатов работы Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. Рассматривался вопрос А.С. Щербаковым, Г.М. Маленковым и А.А. Ждановым. На сей раз заголовок принятого постановления звучал угрожающе, почти зловеще: “О теоретических и политических ошибках в работе Института мирового хозяйства и мировой экономики АН СССР”.

В постановлении отмечалось, что Институт занял “теоретически ошибочную и политически вредную позицию” в оценке важнейших вопросов современной мировой политики и мирового хозяйства. В ряде книг и статей его сотрудников якобы “преувеличивалась” военное и экономическое могущество Германии. Через базовый журнал “Мировое хозяйство и мировая политика” они “популяризировали распространяемый фашистской пропагандой миф об идеальной организации и непобедимости германской армии, о якобы организованном, плановом ведении германского хозяйства”, писали об улучшении продовольственного снабжения немцев, “приукрашивали” положение германского рабочего класса и крестьянства. В этой обстановке директор Института Е.С. Варга, по оценке ЦК ВКП(б), не только не пресекал “появления в печати теоретически и политически вредных статей и брошюр”, но и сам “содействовал их появлению”.

Но “оргвыводы” оказались весьма умеренными. Решительно осуждая “антинаучные установки” Института мировой политики и мирового хозяйства АН СССР, Секретариат ЦК ВКП(б) предложил его директору исключить всякую возможность повторения вновь подобных ошибок в работе руководимого им научного учреждения. Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) должно было в десятидневный срок представить программу реорганизации Института, наименование которого было признано “неправильным и не научным”. Ответственный секретарь журнала “Мировое хозяйство и мировая экономика”, а также заместитель директора А.Ф. Бордадын и заведующий немецким сектором Б.С. Фогараши отстранялись от работы. Е.С. Варге было предложено представить в ЦК ВКП(б) план работы Института на 1941 г. К 1 августа он был обязан доложить ЦК о ходе выполнения принятого Секретариатом постановления [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 116. Д. 96. Л. 1-2; Оп. 117. Д. 288. Л. 6-8, 20; Оп. 125. Д. 25. Л. 247].

Из обновленного плана статей для журнала “Мировое хозяйство и мировая политика” на вторую половину 1941 г. (за подписью Е.С. Варги) следовало, что предполагалось рассмотреть проблемы коммуникаций и развития военной техники, акцентируя внимание на потере Германией стратегических преимуществ и, в полном соответствии со сталинским указанием от 5 мая 1941 г., о потере ею “технического лидерства”, “моральном износе” вооружения германской армии. Кроме того, намечалось освещение следующей темы: ограбление немцами оккупированных стран.

Из числа брошюр и монографий, находившихся в издательствах, Е.С. Варга упоминал книгу “Справедливые и несправедливые войны”, сданную в набор 29 апреля 1941 г. Воениздатом, и готовившееся второе издание работы Б.С. Фогараши “Германия” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 288. Л. 13, 14, 17, 18].

Острые критики в начавшейся идеологической кампании под “лозунгом наступательной войны” было направлено на искоренение даже намек на создание позитивного образа Германии. Любая информация, противоречившая новому курсу, квалифицировалась как “фашистская пропаганда”. Сталинским “соратникам” приходилось порой осаживать некоторых отличавшихся чрезмерным рвением представителей пропагандистских структур, стремившихся расширить круг лиц, включенных в число “виновных” (случаи со сборниками “Спорт за рубежом”, “дело Варги” и др.).

В результате поиска “виновных” нагнетался “внутриведомственный страх”, и тогда, чтобы избежать печальной участи и не попасть в число “неблагонадежных”, некоторые ответственные руководители апеллировали в высшие партийные инстанции. Так, в вышеупомянутой докладной записке Председателя Всесоюзного комитета по радиофикации и радиовещанию Г.И. Стукова от 31 мая 1941 г., адресованной в ЦК ВКП(б), подчеркивалось, что ввиду недостаточной информированности о характере подачи информации на международные темы, он вынужден “вариться в собственном соку”. Поэтому Стуков не исключал пропуска в эфир, даже помимо его желания, материала типа консультации “Учение Ленина—Сталина о войне” в “Комсомольской правде” от 21.V.41” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 291. Л. 99-100; Оп. 125. Д. 73. Л. 17].

Бывший нарком ВМФ Н.Г. Кузнецов писал: “Государственная машина, направленная по рельсам невероятности нападения Гитлера, была вынуждена остановиться, пережить период растерянности и потом повернуть на 180 градусов” [119. С. 45-46]. В полной мере эта характеристика относилось к пропагандистскому механизму “государственной машины”.

Ошеломляющие успехи вермахта в первые же дни после нападения на СССР показали полное банкротство сталинской военной стратегии накануне 22 июня 1941 г. Большевицкое руководство поспешило отмежеваться от прежних “наступательных” пропагандистских установок. Но они уже проникли в общественное сознание.

Так, ответственные контролеры горкома партии, побывавшие 23—24 июня 1941 г. на крупнейших предприятиях Москвы (заводы “Шарикоподшипник”, “Красный пролетарий”, фабрика “Большевичка”), зафиксировали распространение среди рабочих и ИТР “слухов” и “разговоров” о том, что якобы Красной Армией взяты Варшава, Данциг (Гданьск) и Кенигсберг и она уже ведет успешное наступление на Румынию. “Сверху” немедленно было дано указание пресекать подобного рода настроения, посылая на места агитаторов с разъяснениями, что эти настроения “могут быть использованы антисоветскими элементами для своих целей” [РЦХИДНИ, Ф. 17. Оп. 125. Д. 44. Л. 70, 72, 73].

После нападения Германии все ещё теплилась надежда на скоротечный ход войны, когда после непродолжительных приграничных сражений Красная Армия двинется на Запад, сокрушая фашизм, вызволяя народы Европы [164. С. 101].

Ответственные политработники в действующих воинских частях, вопреки логике развития событий, продолжали придерживаться прежних наступательных установок. Это приводило порой к трагическим результатам. 22 июня 1941 г. в 21 час. 15 мин. из Москвы была направлена военным советам Северо-Западного, Юго-Западного и Южного фронтов директива № 3 за подписью наркома обороны С.К. Тимошенко, члена ГВС Г.М. Маленкова и начальника Генерального штаба РККА Г.К. Жукова. В директиве, в частности, ставилась задача концентрическими ударами в общем направлении на Люблин силами 5-ой и 6-ой армий окружить и уничтожить наступавшую группировку противника и к исходу 24 июня овладеть районом Люблина, прочно обеспечив себя с краковского направления [164. С. 415]. На заседании военного совета Юго-Западного фронта после получения этих указаний начальник штаба фронта генерал-лейтенант М.А. Пуркаев высказал обоснованное мнение: поставленная боевая задача в условиях, когда враг быстро продвигается вперед, является невыполнимой. В ответ корпусной комиссар Н.Н. Вашугин с возмущением парировал: “А вы подумали, какой моральный ущерб нанесет тот факт, что мы, воспитывавшие Красную Армию в высоком наступательном духе, с первых дней войны перейдем к пассивной обороне?” [108. С. 116]. Очевидно, не выдержав позорного для него факта отступления, Н.Н. Вашугин 28 июня 1941 г. покончил жизнь самоубийством [37. С. 60].

Уже в июле 1941 г., когда германская армия далеко продвинулась в глубь советской территории, всякие разговоры о предполагаемых наступательных операциях РККА стали пресекаться. Так, в информационном материале “О политико-моральном состоянии населения Николаевской области в связи с объявлением войны фашистской Германией Советскому Союзу” (15 июля 1941 г.) в качестве отрицательного явления приводился следующий факт: заместитель командира фортификационного батальона по политчасти якобы “распространял ложные слухи” об издании Комитетом Обороны СССР приказа частям Красной Армии “о наступлении по всему фронту” [РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 100. Л. 20].

Тексты газет, предназначавшихся для пропаганды среди населения и войск противника, с первых же дней после начала войны оказывались “устаревшими”. Причина состояла в том, что при создании газет на иностранных языках исходили из наступательной доктрины. Считалось, что редакции станут издавать газеты на чужой территории, а типографии и редакции будут размещены в занятых городах

постоянно, перемещения не предусматривались. В условиях же отступления под натиском германских войск фронтовым редакциям газет на иностранных языках хронически не хватало транспорта и работников со знанием иностранного (прежде всего — немецкого) языка, что отрицательно сказалось на качестве пропаганды.

Опираясь на наступательную доктрину составлялись и другие тексты пропагандистские материалы, предназначавшиеся для войск противника. С началом войны против Германии 7-ой отдел ПУРРКА использовал в качестве основополагающей при составлении подобного рода материалов директиву № 0267 от 12 октября 1940 г. Она, как уже упоминалось, была рассчитана на ведение победоносной наступательной войны на территории слабого государства, раздираемого глубокими национальными противоречиями и испытывающего серьезные экономические затруднения, связанные с боевыми действиями. Пропаганда же, согласно этим директивным указаниям, должна была вестись на деморализованную армию противника, в которой солдаты отказываются подчиняться офицерам. Однако 22 июня 1941 г. пришлось встретиться с сильным в военном, экономическом и культурном отношении противником, каким являлась Германия. Поэтому в первые месяцы после её нападения на СССР многие ранее сформулированные задачи советской пропаганды не были выполнены [321. С. 11].

Сам факт быстрого продвижения германских войск в глубь СССР являлся подтверждением несостоятельности прежних установок большевистской пропаганды о войне “малой кровью”, “на чужой территории”. Являвшиеся проводниками “лозунга наступательной войны” агитаторы апеллировали к высшему партийному руководству, желая получить ясный ответ: почему этот лозунг оказался несостоятельным? На собрании партийного актива Московской организации ВКП(б) 29 сентября 1941 г. с повесткой дня “О состоянии партийно-политической работы” А.С. Щербаков упомянул о такого рода вопросах. Агитаторы напоминали, что существовала установка “воевать на чужой земле, а воюем на своей, да ещё и города отдаем”. Секретарь ЦК ВКП(б), в чьих выступлениях перед руководителями средств массовой информации была прямо провозглашена задача идеологического обеспечения “лозунга наступательной войны” и который лично участвовал в составлении и редактировании ключевых директивных и инструктивных документов, направленных на воплощение этой задачи, был весьма многословен в своих “разъяснениях”. Из его пространныго выступления на собрании партийного актива Московской организации 29 сентября 1941 г. следовало, что Сталин и большевистская партия якобы всегда предупреждали “о неизбежности военного нападения на нашу страну”, подчеркивали необходимость готовить весь народ “к предстоящей войне”, воспитывая у него “выдержку и стойкость в борьбе с врагом”.

Вероятно, понимая, насколько неубедительны и невразумительны его “разъяснения”, А.С. Щербаков постарался отвести критику в адрес большевистского руководства, обратившись к излюбленному приему выявления “виновных”. Он с негодованием заявил, что среди пропагандистов и агитаторов, в том числе — в Московском комитете партии были некие “двурушники”, которые в период существования пакта Риббентропа—Молотова в мыслях были несогласны с тем, что СССР позволял “фашистам усиливаться”, а в публичных выступлениях и лекциях, наоборот, убеждали в правильности действий советского руководства.

Однако А.С. Щербаков в пылу полемики невольно проговорился и по существу “раскрыл карты”. Он сказал буквально следующее: “Товарищ Сталин предупреждал о возможности интервенции в зависимости от того, как сложится обстановка. Могла сложиться обстановка, что *мы пошли бы вперед*, но сейчас об этом говорить не стоит. Может быть, если бы война была на 6, 3 месяца *позже* (курсив мой — В. Н.), положение могло быть другое с самых первых дней, но это зависит не от нас. Наша партия, товарищ Сталин всегда предупреждали об этом, это зависит не от нас, на нас могут напасть тогда, когда мы не ждем”. Не случайно, весь вышеприведенный абзац был изъят из стенограммы [РЦХИДНИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 844. Л. 21, 23, 29].

И позднее, в феврале 1944 г. А.С. Щербаков всё никак не мог успокоиться, продолжая спор со своими “оппонентами” относительно того, к какой именно войне готовилось сталинское руководство. Так, в выступлении по поводу “антиленинских ошибок и националистических извращений”, “обнаруженных” в киноповести А.П. Довженко “Украина в огне”, секретарь ЦК ВКП(б) ссылаясь теперь уже В.И. Ленина, который “предупреждал нашу партию, наш народ, что рано или поздно империалистические государства нападут на нашу социалистическую страну и что поэтому мы должны быть готовы к серьезной войне за сохранение свободы и независимости нашего отечества”. “И мы к такой *оборонительной войне готовились*” (курсив мой — В. Н.), — категорически утверждал А.С. Щербаков [15. Док. № 59], к тому времени окончательно “забывший” о своем личном вкладе в пропагандистское обеспечение “лозунга наступательной войны”. Вышеприведенные факты дают возможность наглядно убедиться в том, что в мае—июне 1941 г. процесс перестройки советской пропаганды в наступательном, антигерманском духе набирал темпы. Ведь шедшая параллельно с этой перестройкой кампания по выявлению “политических ошибок и извращений” своим острием была направлена против людей, которые, по мнению функционеров ЦК ВКП(б) и УПА, препятствовали внедрению в общественное сознание “лозунга наступательной войны” и чья “вина” заключалась в распространении позитивной информации о Германии. После 22 июня 1941 г., наоборот, в качестве “виновных” выступали как раз те, кто в какой-либо форме напоминал большевистскому руководству о его прежних наступательных пропагандистских установках, что лишний раз подтверждает наличие таких установок накануне 22 июня 1941 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рубеж 30-х — 40-х гг. — важная веха в развитии сталинской системы в целом и ее пропагандистского механизма, в частности. В этот период большевистское руководство ставило перед собой важные внешнеполитические задачи, при решении которых пропаганда использовалась как своеобразный “приводной ремень” между властной элитой и обществом.

Структура пропагандистских органов была сложной и разветвленной. Этот организм являлся весьма громоздким, но строго централизованным и контролировался лично Сталиным. Непосредственное руководство пропагандистской сферой лежало на ближайших сталинских “соратниках”. Наиболее преданные ему люди (А.А. Жданов, Л.З. Мехлис, А.С. Щербаков) составляли “высший эшелон”. “Среднее” и “низовое” звенья пропагандистских органов заполнялись сталинскими “выдвиженцами”, занимавшими вакантные места, которые освободились в результате репрессий.

Специфика любой пропаганды — решение собственных, заранее определенных целей и задач, диктуемых в большинстве случаев политической и идеологической конъюнктурой, а не господствующими в общественном сознании настроениями. Не случайно поэтому, что после заключения пакта о ненападении с Германией, ценой которого стал курс на сближение и “дружбу” СССР с нацистским режимом, пропагандистские структуры развили активную деятельность по обоснованию этого курса. Но пропагандисты и агитаторы, проводившие в жизнь данную “установку”, постоянно сталкивались с неприятием её большинством населения и проявлением антифашистских настроений.

В то же время Германия, ранее представлявшаяся в качестве потенциального военного противника, перестала изображаться таковым в открытой пропаганде. Всякие намеки даже на гипотетическое вооруженное столкновение с ней, просматривавшиеся в произведениях литературы и искусства, в периодической печати и лекционной работе, немедленно пресекались.

Параллельно с идеологическим обеспечением курса на сближение и “дружбу” СССР с нацистской Германией пропагандистский механизм, начиная с сентября 1939 г., стал настраиваться большевистским руководством на решение другой, не менее важной с его точки зрения, задачи. Пропаганда повсеместно подключалась к обоснованию территориальных приращений Советского Союза, осуществлявшихся благодаря тайным соглашениям с Третьим рейхом.

К концу 30-х гг. большевистское руководство окончательно осознало всю призрачность стратегических расчетов на “мировую революцию” как на основное средство для уничтожения “капиталистического окружения”. Сталин подошел к делу более прагматично, охарактеризовав наступательные действия Красной Армии против сопредельных стран как “дело мировой революции” [332. С. 28]. В советской пропаганде стали превалирующими апологетические характеристики РККА, а вооруженные выступления против пограничных государств 1939—1940 гг. подавались как “освободительные походы”.

Антипольская акция в сентябре 1939 г. стала не только выражением сталинских внешнеполитических амбиций, но и своеобразным “испытательным полигоном” для большевистской пропаганды. Вооруженная экспансия Сталина против Польши, армия и народ которой истекали кровью в борьбе против германского нашествия, представлялась в советских пропагандистских материалах как “справедливая наступательная война” по “освобождению” “единокровных братьев” — белорусов и украинцев.

Безнаказанность, с которой Сталин действовал в период польского “освободительного похода”, натолкнула на мысль “распылить” Финляндию. Красная Армия, которая получила почётный эпитет “освободительница”, выступила инициатором военных действий против этой страны. Но большевистскому руководству вскоре пришлось столкнуться с сильным сопротивлением фактически всего финского народа, не желавшего установления марионеточного режима Куусинена, который навязывался Москвой. Окончилась крахом затея с “народным правительством Финляндии”, оказавшаяся чисто пропагандистской акцией, в подготовке и осуществлении которой наиболее активное участие принимали В.М. Молотов и А.А. Жданов. Именно эти сталинские “соратники” заранее заготовили, а после перехода Красной Армией границы с Финляндией пустили в ход фальсифицированные ими документы, в которых формулировалась задача “освобождения” финского народа.

Неудачи в “Зимней” советско-финляндской войне 1939—1940 гг. заставили на время отказаться от “освободительных” пропагандистских лозунгов. Но летом 1940 г., когда Сталин приступил к освоению тайно оговоренной с нацистами “сферы государственных интересов”

в Прибалтике и Бессарабии, эти лозунги вновь были взяты на вооружение. Благодаря уступчивости правительств прибалтийских стран и Румынии, а также негласному поощрению сталинских акций Гитлером, который был занят в боевых действиях на Западе против Англии и Франции, Сталину удалось избежать крупного вооруженного конфликта. При подготовке “освободительных походов” в Прибалтику и Бессарабию возможность возникновения войны советским руководством учитывалась, а поэтому, наряду с формированием крупных контингентов Красной Армии, велась разработка пропагандистских материалов, в которых делался акцент на стремительное наступление на врага с целью “освобождения единокровных братьев”, в число которых были включены теперь народы отнюдь не славянского происхождения (латыши, литовцы, эстонцы, жители Бессарабии).

В 1940 г. большевистское руководство взяло на вооружение давнюю ленинскую установку: “На чужой земле защищать свою землю”. Этот период знаменателен еще и тем, что в пропаганде, связанной с вооруженными акциями против сопредельных стран, все чаще упоминались два взаимосвязанных тезиса: о благородной миссии “освобождения трудящихся” (независимо от “государственной принадлежности”) и о необходимости “дальнейшего расширения фронта социализма”, что сулило в будущем неизбежное вовлечение СССР в Большую войну.

Тема Большой войны была преобладающей в общественном сознании на рубеже 30-х — 40-х гг. Несмотря на наличие пакта о ненападении с Германией, было ясно, что уже одна идеологическая непримиримость советского и нацистского режимов предопределяет неизбежность вооруженного столкновения между ними. Неожиданно быстрая победа Германии над Францией, которая несла реальную угрозу СССР, заставляла все чаще задумываться о прочности пакта Риббентропа—Молотова.

Свертывание антифашистской пропаганды привело к тому, что Третий рейх и германская военная машина перестали выступать в роли “врага”. Однако это не означало, что данный основополагающий для общественного сознания образ вовсе не использовался в советских пропагандистских материалах. Он был заменен целой серией других, не менее ненавистных и злостных представителей “капиталистического окружения”: английскими и французскими “империалистами” — “поджигателями войны”, “польскими панам”, “бандой белофиннов”, “румынскими боярами” и т. д. и т. п. Эти внешние враги порой действовали как реальные военные противники (во время польского похода 1939 г., советско-финляндской войны 1939—1940 гг.) либо, исходя из пропагандистских установок, могли стать таковыми (Англия и Франция весной—летом 1940 г.). К осени 1940 г., когда в советско-германских отношениях стала назревать напряженность.

в закрытых пропагандистских материалах начали просматриваться антинацистские мотивы. Однако этот процесс сдерживался продолжавшей действовать официальной установкой на “дружбу” с Германией. Военная пропаганда еще не перестроилась, и вермахт не рассматривался в ней в качестве противника.

После того, как советско-германские секретные договоренности исчерпали себя, а нового соглашения о “разделе сферы интересов” между СССР и Германией не последовало, Сталин взял курс на подготовку к вооруженному противоборству с ней. С конца 1940 г. в пропагандистских структурах наблюдалась активная деятельность по усилению “мобилизационной готовности”, а по сути — по переводу всей пропаганды на военные рельсы.

Директивные документы ГУППКА, регламентировавшие работу с войсками и населением потенциального противника, представляли его, исходя из опыта “освободительных походов” 1939—1940 гг., в виде страны либо группы стран, слабых в экономическом и культурном отношении, обладавших вооруженными силами, раздираемыми социальной рознью между рядовым и командным составом, национальными конфликтами. В этих и других документах грядущая война представлялась как боевые действия, которые должны были вестись на чужой территории, быстротечно и “малой кровью”, что подразумевало применение наступательной стратегии.

С весны 1941 г. Германия стала реально угрожать интересам СССР, включив в число своих сателлитов Болгарию и Румынию, нанеся военное поражение Югославии, с которой Советский Союз был связан дружественным соглашением. В этих условиях Сталин решил публично провозгласить свою оценку событий и дать установку относительно дальнейших действий СССР во внешнеполитической области. 5 мая 1941 г. он выступил с большой речью на официальной церемонии выпуска слушателей военных академий РККА и с репликой на банкете по случаю этого события. Сталин дал понять, что отныне Германия рассматривается как потенциальный военный противник и следует переходить от мирной политики “к военной политике наступательных действий”, а пропаганда должна перестроиться в наступательном духе. Сталинская речь была полна положительных эпитетов в адрес Красной Армии, которая якобы закончила процесс организационной перестройки, перевооружения и технического перевооружения новейшими средствами борьбы. В то же время Сталин стремился показать отставание вермахта от требований времени, заключающееся, по его мнению, в проявлении “зазнайства, хвастовства, самоуспокоенности”.

Сталинские указания немедленно были положены в основу начавшегося поворота всей советской пропаганды, проводившегося под “лозунгом наступательной войны”. А.А. Жданов и А.С. Щербаков

дали конкретные установки представителям средств массовой информации и кинематографистам как следует действовать в новых условиях. Под руководством ЦК ВКП(б) Управление пропаганды и агитации, Главное управление политической пропаганды РККА приступили к подготовке проектов пропагандистских директивных и инструктивных материалов, предназначавшихся для личного состава Красной Армии и народа в целом. В них проводилась мысль о необходимости всесторонне готовиться к войне, в любой обстановке действовать “наступательным образом”, а, при необходимости, взять инициативу нападения на противника на себя.

Указания ЦК ВКП(б), задачи, изложенные в проектах директивных и инструктивных документов, доводились до сведения заинтересованных лиц, ещё до официального утверждения директив и инструкций воплощались в пропагандистской деятельности. Эта тенденция особенно наглядно просматривается при ознакомлении не только с архивными материалами, но и при чтении открытой периодической печати мая—июня 1941 г.

Комплекс выявленных источников позволяет сделать вывод, что в этот период полным ходом велась пропагандистская подготовка к “справедливой, всеокрушающей наступательной войне”. Данный вывод приобретает большую актуальность: ведь некоторые исследователи говорят об отрицательной реакции Сталина на выдвинутое в середине мая 1941 г. наркоматом обороны и Генеральным штабом РККА предложение о нанесении упреждающего удара по германским войскам, сосредоточивавшимся для нападения на СССР. В то же время нет ни одного свидетельства того, что советский лидер наложил запрет на развертывание пропаганды в антигерманском, наступательном духе. В данном аспекте явный “зазор” между “оборонительными” (судя по исследованиям большинства историков) установками военного руководства и “наступательным” настроением, распространявшимся пропагандой, представляется просто вопиющим.

Проведенное исследование, предметом которого впервые в историографии избрана эволюция идеи наступательной войны в советской пропаганде на рубеже 30-х — 40-х гг., естественно, не исчерпывает всей проблемы. В частности, остается широкое поле для дальнейшей разработки хода пропагандистской перестройки, начатой после сталинских выступлений 5 мая 1941 г. Здесь многое может дать дополнительное введение в научный оборот материалов местной (областной и районной), а также армейской (газеты военных округов) периодической печати, обращение к документам местных партийных организаций, государственных учреждений и т. д. и т. п.

В то же время, остается практически не изученным механизм “обратной связи” между характером большевистской пропаганды и общественными настроениями. Сложность ситуации заключается в

том, что пропагандистские кампании накатывались “волнами”, когда последующая зачастую “перекрывала” и по содержанию отрицала предыдущую (ярким примером является смена антифашистских лозунгов курсом на “дружбу” с нацистской Германией в конце августа — сентябре 1939 г. и возобновление с весны 1941 г., хотя и в завуалированном виде, антигерманской пропаганды). Тенденцию адекватного восприятия подобных идеологических “зигзагов” в тогдашнем советском обществе не только трудно до конца проследить, но и просто выявить, поскольку в условиях сталинского режима отсутствовал действенный механизм объективного изучения общественного мнения. Представляется, что данный пробел в какой-то степени можно восполнить путем всестороннего исследования позиций советской интеллектуальной элиты, как своеобразного “носителя” и “проводника” официальных пропагандистских установок правящего режима, в том числе — идеи наступательной войны. Здесь многое может дать комплексное изучение таких важных источников, как дневники, записные книжки, переписка, материалы творческих совещаний, мемуары и воспоминания представителей интеллигенции.

Другой мало разработанный в историографии вопрос, тесно связанный с предметом данного монографического исследования, касается специфики принятия сталинским руководством решений по важнейшим вопросам внешней политики, в частности, в условиях начавшейся Второй мировой войны. Пропагандистские кампании, периодически организовывавшиеся в 1939—1941 гг. (например, против Польши и Финляндии), являлись своеобразной прелюдией к последующим экспансионистским действиям, которые сопровождались использованием крупных контингентов Красной Армии. Но они были не единственным показателем характера принимавшихся в Кремле внешнеполитических решений. Эти кампании необходимо рассматривать в тесной связи с дипломатическими шагами и мероприятиями по приведению страны и вооруженных сил в “мобилизационную готовность”. Такого рода комплексное рассмотрение событий пока представляется затруднительным, поскольку слаба источниковая база для исследований в данной области. Приходится с сожалением констатировать, что для подавляющего большинства историков остаются недоступными важные документы Сталина, его ближайших “соратников”, Политбюро ЦК ВКП(б), ряда государственных учреждений за 1939—1941 гг., которые хранятся прежде всего в Архиве Президента Российской Федерации и архивах внешнеполитического и ряда других ведомств (органов государственной безопасности, военного и т. д.).

Исходя из вышеизложенного, наиболее действенной формой заполнения имеющихся историографических лакун представляются ставшие уже традиционными совместные усилия российских и зарубежных историков, специализирующихся на периоде Второй мировой войны, по введению в научный оборот новых источников, проведению международных конференций и созданию обобщающих трудов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В течение десятилетий всё казалось ясным: Гитлер по причинам стратегического и идеологического порядка хотел войны на уничтожение Советского Союза и начал готовить её после победы над Францией летом 1940 г. 18 декабря 1940 г. он утвердил “план Барбаросса”, а 22 июня 1941 г. три германские армейские группы пересекли германо-советскую границу и нанесли удар, в то время как Сталин продолжал верить в пакт о ненападении 1939 г., желая как можно дольше оттянуть вступление СССР в “империалистическую войну” и подготовиться к отражению нападения Германии. Советскому Союзу, заключившему пакт о ненападении с Германией, а затем вступившему на территории Польши, Финляндии, Прибалтийских стран и Румынии, приписывались исключительно “оборонительные” намерения.

В официальной же германской ноте от 22 июня 1941 г. в связи с началом войны против СССР утверждалось, что Красная Армия разворачивается для нанесения удара в спину Германии, а вермахт выступил исключительно с целью предотвращения данной угрозы. Это считалось достаточным обоснованием для начала агрессии. В исследованиях по истории международных отношений упомянутое пропагандистское заявление Берлина никогда не воспринималось всерьез, поскольку германские документы на сей счет довольно откровенны.

Однако делаются попытки доказать, что нападение 22 июня 1941 г. было превентивным ударом, который сорвал советские наступательные планы. Германские действия рассматриваются как реакция на советские акции, и тем самым, первые вольно или невольно, оправдываются, идет ли речь о национал-социализме как ответе на большевизм, или о выступлении немцев, как ударе, якобы упредившем нападение СССР.

Тезис о превентивной войне стал популярным, однако не в среде собственно историков. В германской исторической науке данный тезис рассматривался, мягко говоря, неохотно, из опасения, что это может привести к пересмотру преступного характера национал-социалистского режима. Хотя подобные опасения были оправданы, прояснению советской позиции они не способствовали. Вопрос о намерениях Москвы оставался совершенно не исследованным. Советская историческая наука

лишь подтверждала прежние заверения о миролюбии СССР, однако не было доступа к каким-либо подлинным документам по данной проблеме. Заявления Сталина и Молотова — вот тот круг источников, которые имелись для объяснения политики Москвы накануне войны с Германией. Даже в то время, когда в Советском Союзе в начале 60-х гг. появились критические высказывания относительно истории сталинского периода, ничего нового в изучение темы внесено не было. О действительных политических и военных планах СССР по-прежнему умалчивалось.

В эту область исторической науки, которую избегали и в ФРГ, и в Советском Союзе — по различным, но в обоих случаях, скорее, по политическим причинам, в 80-е — первой половине 90-х гг. вновь и вновь вторгались не только “дилетанты” (например, Э. Топич, В. Мазер), но и профессиональные историки (Й. Хоффман, В. Пост, В.Д. Данилов, М.И. Мельтюхов, А.Н. Сахаров и многие другие).

Наибольшую популярность приобрел, причем в России в большей степени, чем в Германии, “дилетант” Виктор Суворов. Его книга “Ледокол”, выпущенная в 1989 г. уважаемым штуттгартским издательством, имела большой успех. (Появившиеся позднее книги В. Суворова “День “М” и “Последняя республика” в Германии практически неизвестны). Не использовав ни одного нового источника, он утверждал, что пактом о ненападении Сталин намеренно провоцировал Гитлера на войну против западных держав с тем, чтобы потом, когда противники истощат друг друга, без особых усилий завоевать Европу. Гитлер якобы с июля 1940 г. знал, что будет обманут и именно поэтому начал превентивную войну, которая на несколько дней предупредила нападение Сталина.

В. Суворов обосновывал своё мнение ссылками на идею мировой революции, подкреплял его соответствующими цитатами “классиков” марксизма-ленинизма, в том числе — сталинскими, анализом политики в области вооружений, планов развертывания Красной Армии и конкретных военных мероприятий до 22 июня 1941 г. на основе советских публикаций.

Подход В. Суворова к источникам и литературе крайне непрофессионален и сомнителен. Это прежде всего относится к речи Сталина 5 мая 1941 г., которая играет центральную роль во всех толкованиях советских намерений, в том числе и в представленной книге В.А. Невежина, неоднократно анализировавшего её в своих работах. Подлинный аутентичный текст речи от 5 мая 1941 г. до сих пор неизвестен. Имеется только названная “краткой записью” отредактированная версия, которая выявлена в ходе работы над 14-м (не опубликованным) томом Собрания сочинений Сталина.

В качестве свидетельств существования советских наступательных намерений, направленных против Германии летом 1941 г., продолжают использоваться косвенные данные. Речь идёт прежде всего о ставшем известным несколько лет назад документе по плану развертывания Красной Армии, составленном 15 мая 1941 г. Генеральным штабом РККА, который впервые был упомянут Д.А. Волкогоновым в книге о Сталине,

и о перестройке советской пропаганды после сталинских выступлений 5 мая 1941 г.

Вопрос о том, какой характер носила бы ожидаемая война с Германией, остается открытым. Существовало три возможных варианта:

1. Германское нападение на СССР;

2. Советское военное нападение после приведшего к большим потерям с обеих сторон столкновения между Англией и Германией (главный тезис В. Суворова), для которого в июле 1941 г. не было вообще никаких предпосылок, ибо ни Германия, ни Англия в это время не были измотаны;

3. Активное вступление Советского Союза в войну на стороне Англии и ее союзников, к чему уже давно стремилось британское правительство.

Автор этих строк считает наиболее приемлемым именно последний, наименее “скандальный” вариант. Но доказать документально свою точку зрения он не может так же, как и другие авторы, которые считают тезисы В. Суворова неверными: А.А. Печенкин, Ю.А. Горьков, Г. Городецкий и многие другие. Однако и историков, придерживающихся другого мнения, чем “любитель” В. Суворов, можно упрекнуть в том, что они до сих пор не выявили документы, которые достоверно показали бы, чего действительно хотел Советский Союз. После того, как специфически понимаемые государственные интересы СССР десятилетиями обрекали советскую историческую науку на незнание и умолчание, если не на ложь, архивы, к сожалению, и для постсоветской исторической науки стали не многим более доступны. Понятно, почему в настоящее время продолжают использоваться косвенные свидетельства о реальных намерениях Сталина накануне 22 июня 1941 г.

Сюда относится и предмет предлагаемой работы В.А. Невежина: пропаганда наступательной войны. То, что советская пропаганда не могла быть приспособлена к оборонительной войне, стало само собой разумеющимся после победы наступательной стратегии М.Н. Тухачевского над оборонительной стратегией А.А. Свечина. Советская военная доктрина носила наступательный характер: любой агрессор должен был быть в кратчайшие сроки отброшен и побежден на его собственной территории. Этому не могли не соответствовать пропаганда и дислокация войск. Однако все аргументы, согласно которым лишь из наступательного характера советской военной доктрины и соответствующей дислокации войск выводились конкретные наступательные намерения, направленные против Третьего рейха, не соответствуют реальности. При наличии установки на наступление проблема для Сталина и его ближайшего окружения заключалась в том, чтобы самим не спровоцировать потенциального противника — Германию подобным слишком сильным акцентом на наступательные действия.

Лишь после 5 мая 1941 г., дня, который, судя по всему, что мы знаем, действительно явившегося переломным в советской позиции в отношении Берлина, стало возможным, по меньшей мере внутри страны, отб-

росить эти опасения и акцентировать значительно больше внимания на уже давно действовавшую принципиальную составляющую советского военного мышления.

Заслуга В.А. Невежина в том, что он впервые систематически показал развитие и перестройку военной пропаганды Советского Союза в период, непосредственно предшествовавший советско-германской войне. На основе главным образом ранее неизвестных материалов бывшего ЦПА ИМЛ (ныне — РЦХИДНИ), Российского государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ), а также многочисленных опубликованных источников ему удалось осветить организацию и содержание советской военной пропаганды и показать, что крупные партийные функционеры из окружения Сталина постоянно занимались этими вопросами. Из работы В.А. Невежина становится также очевидным, что пропаганда была ориентирована на такую войну, в которой советскому военному продвижению не обязательно должно было предшествовать германское нападение.

“Наступление” на самом деле не исключает “нападения”. И В.А. Невежин совершенно прав, подвергая критике некоторых авторов. Впрочем, акцент на “наступление” не делает вынужденным “нападение”. В данной связи автор монографии подчас склонен к некоторой драматизации, но в целом его положительно характеризует то, что он на основе явных изменений в советской военной пропаганде после выступлений Сталина 5 мая 1941 г. не делает вывода, будто Советский Союз определенно намеревался напасть на Германию. Из изменений в пропаганде можно действительно заключить, что Сталин хотел подготовить страну и прежде всего армию к тому, что СССР может перехватить у вермахта военную инициативу. Она могла выразиться в виде ограниченного превентивного удара, как это предусматривалось планом развертывания войск от 15 мая 1941 г. Связь между разработкой этого плана и перестройкой пропаганды напрашивается сама собой. Однако речь может идти и о других вышеназванных альтернативах.

Вопрос о том, что было задумано Сталиным в действительности — требует дальнейшего пристрастного изучения, основывающегося на необходимой для историка научной методике.

Б. Бонвеч, профессор Рурского университета (Германия)

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

А

Авдеев А. О., 36; 192; 235
Авторханов А. Г., 31
Адоратский В. В., 187
Азаров И. И., 229; 233
Азовский (Гавриш), 60
Александр Невский, 67; 159
Александров Г. В., 142
Александров Г. Ф., 35; 36; 40; 50; 131;
145; 195; 212; 214-216; 218-221; 230;
242; 246
Александров М. В., 20; 21
Алитуева С. И., 30; 117
Андерс В., 118
Андреев А. А., 29; 30; 72; 98; 100; 121;
166; 188; 192; 203; 212; 236; 244; 246
Антропов Т. И., 72
Анфилов В. А., 154; 156
Аристотель, 45
Астахов Г. А., 75
Афанасьев Ю. Н., 156
Афиногенов А. Н., 142
Ахматова А. А., 36

Б

Байков И. П., 124
Баханов И., 214; 237; 238; 239
Балашова Е. Н., 7
Баранов Г. В., 43
Баранов Ю., 26; 116; 160
Бабель А., 187
Безыменский, 153; 155
Берия Л. П., 71; 75
Берников Н. Н., 219
Болтин Е. А., 107; 128; 129; 134; 135
Большаков И. Г., 98; 124; 127; 143; 212;
223; 237
Бонвеч Б., 12; 261

Бордадын А. Ф., 62; 63; 242; 243-247
Брагинский И. С., 120
Буденный С. М., 26; 195
Булгаков М. А., 60
Бурцев М. И., 136; 137; 218; 228; 229
Бухарин Н. И., 216

В

Варга Е. С., 32; 51; 62; 63; 243-247; 248
Василевская В. Л., 129
Василенко В. А., 157; 175
Вашутин Н. Н., 249
Ветнер Б., 25
Вернадский В. И., 26; 29; 31; 43; 44; 45;
51; 55; 80; 92; 93; 103; 105; 113; 119
Верт А., 55; 74; 132; 149; 151; 152; 173
Вертов Д., 209
Ветте В., 18
Вильгельм I Завоеватель, 119
Винтер В., 89
Вишневский В. В., 15; 26; 50; 59; 64; 84;
94; 107; 115-117; 119-121; 127-129;
135; 137; 142; 157; 158; 160; 172; 173;
175; 204; 207; 209-211; 223; 228
Вознесенский Н. А., 65; 115
Волкогонов Д. А., 20; 153; 259
Ворошилов К. Е., 26; 45; 47; 58; 73; 74;
84; 85; 117; 158; 168; 214
Вышинский А. Я., 159; 192; 213

Г

Гамелен М. Г., 171
Гарсев М. А., 23
Гаус Ф., 54
Геббельс Й., 11; 12; 56; 130; 147; 161;
186; 190
Гефтер М. Я., 21
Глибовский В., 77; 78; 79
Гилессен Г., 12

Гитлер А., 11; 12; 40; 43; 52; 53; 56; 64;
65; 83; 102; 104; 115; 125; 126; 129;
132; 147; 151; 157-159; 163; 166; 172;
173; 178; 184; 204; 213; 229; 248; 254

Гнедин Е.А., 43

Голиков Ф.И., 156

Голубев А.В., 7

Гончаров В.А., 212

Городецкий Г., 155; 157; 166; 175

Городовиков О.И., 26

Горская Г.В., 7

Горький А.М., 32; 34

Горьков Ю.А., 21; 23

Гранберг А., 237

Гришук Л.С., 101

Гудок-Еремеев К.А., 47; 56; 64; 109;
110; 113

Гуревич М.Г., 195

Гуттенберг И., 132

Д

Даладьё Э., 81

Данилов В.Д., 7; 21

Данилов Н.Н., 239

Деканозов В.Г., 125; 129; 156; 165; 166;
187

Деревянский В.К., 82; 85

Джугашвили Я.И., 157; 180; 185

Дзиган Е.Л., 127; 209

Димитров Г.М., 41; 70; 104; 125; 129;
130; 132; 157; 175

Довженко А.П., 195; 251

Долматовский Е.А., 99

Донгаров А.Г., 21

Донской М.С., 209

Доронин Я.А., 144

Е

Ежов Н.И., 32

Ешурич В.С., 211; 212

Ж

Жданов А.А., 14; 15; 17; 23-25; 29-35;
37; 40; 56; 58; 59; 62; 70-72; 74; 77;
86; 90; 92; 100; 104; 117; 121; 133;
138; 140; 142; 159; 165-167; 178; 186;
187; 188; 192-196; 203; 211; 212; 215;
216-222; 236-238; 240; 242-246; 252;
253; 255

Жуков Г.К., 139; 152; 156; 175; 180;
195; 229; 249

З

Замойски Я., 21

Запорожец А.И., 15; 23; 37; 124; 136;
137; 140-143; 146; 195; 208; 209; 212;
216-220; 224; 227; 229; 241

Захаров М.В., 191

Звавич И.С., 120

Землячка Р.С., 195; 212; 213

Зошенко М.М., 36; 132

Зуева Т.С., 212; 236

И

Ильина И.В., 25

Иовчук М.Т., 41

Ирие-Коскинен А.С., 85; 86; 88

Исаков И.В., 179

К

Каганович Л.М., 31

Кадер Я.М., 239

Калинин М.И., 28; 95; 142; 167; 195;;
211

Каллио К., 88

Каплер А.Я., 72; 195; 222; 223

Кармен Р.Л., 209

Катаев В.П., 36; 132

Каяндер А., 85; 87

Кеменов В.С., 39; 50; 130; 131; 150

Киров С.М., 30; 31

Клаузевиц К., 232

Кнышевский П.Н., 7

Ковалев М.П., 115

Коган Я.С., 211; 212

Козаков М.Э., 36

Комков Г.Д., 15

Константинов С.В., 20

Корнев Н., 58

Кошелева Л.П., 7

Кошуба В.Н., 203

Краминов Д.Ф., 26; 44; 58; 59

Крапивин А.Н., 204

Креве-Мицкявичус В., 111

Кремлёв-Свэн И.Л., 61

Кружков Н., 127

Кузнецов Н.Г., 156; 178; 248

Кузнецов Ф.Ф., 106; 195

Кулик Г.И., 26; 86; 88; 195

Куманев Г.А., 155

Куусинен О., 90; 92; 102; 104-107; 253

Кювьё, 25

Л

- Латышев А. Г., 20; 152; 153; 156
Лебедев В. З., 159
Левина Р. С., 243; 245
Легостаев Ф. М., 241
Ленин В. И., 13; 27; 34; 40; 47; 49; 53;
56; 68-70; 88; 112; 201; 202; 207; 211;
219; 222; 238; 248
Леонов Л. М., 36
Литвинов М. М., 28; 42; 50; 52; 53
Литовченко П. М., 44
Лобачев А. А., 229
Лозовский С. А., 62
Лоуренс Д., 123; 124
Ляшенко Н. Г., 47; 156; 172; 176; 177

М

- Мазер В., 12
Маленков Г. М., 29; 30; 35; 44; 72; 100;
121; 131; 166; 188; 192; 195; 203; 212;
214; 224; 229; 236; 244; 246; 249
Мансгергейм К. Г., 89; 93; 94; 106; 139;
189; 208; 210; 211
Мануильский Д. З., 70
Манусевич А., 130
Маньков А. Г., 26; 29; 31; 49; 92; 105;
108
Маркс К., 69; 126; 216; 222
Маханов А. И., 243; 244
Мацуока Е., 161
Медведев А. П., 43
Мезенцев Н. Г., 140
Мельтюхов М. И., 7; 12; 259
Мерцков К. А., 37; 195
Меркулов В. Н., 185
Мерцалов А. Н., 154
Мехлис Л. З., 26; 34; 49; 57; 67; 68; 70;
72; 74; 84; 94; 95; 98; 99; 102; 106;
108; 109; 119; 121; 122; 126; 133; 135;
240; 252
Микоян А. И., 130
Миллер-Будницкая Р. З., 122
Митин М. Б., 216
Михайлов Н. А., 7; 239; 240; 241; 242
Молотов В. М., 9; 16; 17; 28; 40; 43; 44;
54-56; 58-62; 65; 68; 70; 72; 73; 75; 77;
78-80; 82-86; 88-90; 92; 95; 99; 103;
106; 110; 111; 113; 117; 118; 125; 127;
129; 130; 132; 138; 159; 165; 168; 177;
187; 200; 207; 227; 228; 233; 237; 251;
253; 254
Монин Д. Д., 146; 147; 214
Моруа А., 199

- Музыченко И. Н., 139
Муратов Э., 156; 170; 174; 175; 177

Н

- Навроцкий С. Ф., 97
Наполеон I Бонапарт, 13; 50; 64; 119;
171; 189; 197; 203; 204; 206
Некрич А. М., 157; 175
Николаева К. И., 7; 240; 249

О

- Орлова Р. Д., 39; 69; 72; 95; 121; 228
Ортенберг Д. И., 26; 33; 43
Осипов Н. Я., 69

П

- Паасикиви Ю., 82; 83; 84; 85
Павлов Д. Г., 7; 26
Пальгунов Н. Г., 42-44; 119; 131; 198;
199-201; 205; 213
Петр I, 69
Петров И. Ф., 129
Петров Ю. П., 14
Печенкин А. А., 23; 153; 156; 169
Пикуль В., 64; 118
Плотников Н., 15
Погодин Н. Ф., 50
Позняков В. В., 15; 17
Поликарпов Д. А., 36; 131; 188; 204;
205; 206; 212; 236; 240; 243; 244
Половский К. А., 142; 143
Поскребышев А. Н., 184; 242
Поспелов П. Н., 59; 121; 187
Потапов М. И., 228
Потемкин В. П., 77; 82; 88; 115
Пришвин М. М., 26; 57
Проскуров И. И., 76
Пруцкова О. А., 7
Пудовкин В. И., 127
Пузин А. А., 36; 131; 145; 146; 188; 204;
205; 206; 239; 240; 241; 242
Пуркаев М. А., 249
Пустовалов А. П., 241

Р

- Ремезов Ф. Н., 228
Репин И. Е., 45
Риббентроп Й., 16; 17; 54-56; 58-60; 65;
68; 84; 117; 118; 130; 149; 163; 207;
227; 228; 233; 251; 254
Ровинский Л. Я., 166; 167; 188; 201; 204
Рогов И. В., 229; 234

Роговая Л.А., 7
Рокоссовский К.К., 164
Романов П.С., 132
Ромм М.И., 72; 97
Ромэн Ж., 199
Руффманн К.-Х., 17
Рыбкин (Ярцев) Б.Н., 82; 98
Рычагов П.В., 179; 180
Рюти Р., 106

С

Садчиков Н.Г., 44; 45; 144
Самойлов Е.В., 236
Сахаров А.Н., 16; 259
Свинхувуд П.Э., 87
Селих Я.Г., 43; 58; 59; 60; 188
Семёнов К., 128; 153; 173; 174; 176; 184;
185
Сивков А.К., 169; 170; 174; 180
Сидс У., 97
Симович Д., 158
Симонов К.М., 26; 59
Случ С.З., 16; 31; 239
Смирнов И.К., 167; 169
Снегов В.В., 242
Соловьев А.Г., 32; 65; 115
Спирин Л.М., 21
Сталин В.И., 179; 180
Сталин И.В., 11-23; 27-37; 43; 47; 49;
50-53; 56-60; 65; 67; 70; 72; 73; 76; 77;
79; 81-86; 88; 89; 92; 95; 96; 98; 101;
102; 103; 108; 110; 112; 114; 115; 117;
118; 119; 125; 129; 132; 133; 138; 139;
142; 147-157; 159-161; 163-180; 182;
183-197; 199; 200; 202; 203; 207-211;
216; 218; 219; 222; 224; 225; 237; 238;
241; 242; 248; 250-253; 255; 256; 257
Степанян Ц.А., 239
Стуков Г.И., 212; 213; 214; 248
Суворов В. (Резун В.Б.), 11; 12; 21; 154;
259; 260
Сурков А.А., 94; 123

Т

Таннер В., 82; 83; 84; 85; 106
Тарасенков Ан., 61; 122
Тарле Е.В., 50; 51; 206
Тельман Э., 58; 132
Тимошенко С.К., 144; 167; 168; 173;
174; 178; 180; 183; 195; 224; 229; 249
Тиссэ Э.К., 209
Толстой Л.Н., 45
Топич Э., 12

Туоминен А., 104
Турмилов А.И., 242; 243
Тюленев И.В., 26; 80; 118

Ф

Файко А., 237
Фейхтвангер Л., 129; 197
Филов Б., 149
Фляйшхауэр И., 68; 153; 155
Фогараш Б.С., 244; 245; 246; 247
Фрунзе М.В., 69; 168; 174; 177

Х

Хавинсон Я.С., 39; 145; 146; 147; 214
Хазин Е.Я., 61
Хвостов В.М., 20
Хельбек Й., 26
Хильгер Г., 54; 149; 150; 163; 175
Хозин М.С., 174
Холсти Р., 82
Хомзор-Хомутов Г.М., 59; 60
Хоффман Й., 12; 154
Хрущев Н.С., 31; 34; 55; 86; 114; 167

Ц

Цезарь, 119

Ч

Чадаев Я., 176
Чемберлен Н., 81; 124

Ш

Шампенуа Ж., 117
Шапошников Б.М., 73; 74; 195
Шейнин Л.Р., 124
Шейнис З.С., 26; 42; 160
Шелепин А.Н., 63
Шишков В.Я., 132
Шкаренков Л.К., 113
Шкирятов М.Ф., 240
Шкляр А.А., 155
Шнурре К.Ю., 130
Шпанов Н.Н., 53
Штейн Б.Е., 82
Шуб Э.И., 209
Шуленбург Ф. фон, 55; 68; 72; 73; 74;
148; 150; 156; 159; 161; 163; 164; 166;
187; 191
Шулле Э., 148; 150
Шумейко Т.В., 215; 220
Шуранов Н.П., 156

Щ

Щеглов Е. А., 43; 44

Щербаков А. С., 15; 23-25; 29; 31-34; 96;
107; 111; 165; 186; 188; 189; 190; 191;
192; 194; 195; 196; 197; 198; 199; 200;
201; 202; 203; 204; 205; 206; 207; 212;
214; 215; 216; 217; 218; 219; 220; 222;
223; 230; 231; 236; 238; 239; 244; 246;
250; 251; 252; 255

Э

Эйзенштейн С. М., 121; 124; 142; 159;
195

Эйсымонт В. В., 94

Энгельс Ф., 20; 21; 27; 69; 126; 187; 216;
222

Эренбург И. Г., 26; 33; 42; 54; 61; 160;
199; 200; 201

Эркко Э., 82; 83

Ю

Юдин К. К., 236; 237

Я

Яковлев А. С. 129

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ).

- Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903—1991).
Оп. 3. Д. 1014, 1016, 1039.
Оп. 22. Д. 1773, 1776, 1810, 1829, 3272.
Оп. 88. Д. 1, 2, 3, 5, 6, 569.
Оп. 116. Д. 9, 13, 20, 24, 43, 53, 61, 64, 67, 68, 82, 97.
Оп. 117. Д. 36, 38, 42, 58, 64, 72, 101, 118, 268, 275, 279, 280, 281, 283, 290, 291, 293.
Оп. 121. Д. 94, 105, 115, 121, 128.
Оп. 125. Д. 25, 27, 28, 29, 38, 41, 44, 46, 57, 58, 60, 61, 63, 65, 71, 73, 76, 94.
- Ф. 71. Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ИМЛ) (1931—1991).
Оп. 10. Д. 130.
Оп. 25. Д. 4004, 4006, 4007, 4559, 4989, 5279.
- Ф. 77. Жданов Андрей Александрович (1896—1948).
Оп. 1. Д. 745, 883, 886, 887, 888, 895, 906, 907, 913, 919.
- Ф. 88. Щербаков Александр Сергеевич (1901—1945)
Оп. 1. Д. 927.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

- Ф. 618 (Журнал “Знамя”)
Оп. 2. Д. 1097, 1101.
- Ф. 631 (Союз советских писателей СССР)
Оп. 15. Д. 510.
- Ф. 1038. Вишневский Всеволод Витальевич (1900—1951)
Оп. 1. Д. 1401, 1459, 2076, 2077, 2079, 2182, 2183.
- Ф. 2456 (Министерство кинематографии СССР)
Оп. 1. Д. 422, 440, 445, 459, 479, 709.

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ

1. ВКП(б). Съезд (18; 1939; Москва). XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 10—21 марта 1939 г.: Стеногр. отчет. М.: Госполитиздат, 1939. 742 с.
2. Внешняя политика СССР: Сб. документов / Вышш. парт. шк. при ЦК ВКП(б); Сост. Тисминев А.С. М., 1946. Т. IV: 1935 — июнь 1941 гг. 647 с.
3. ВОКС в 1930—1940-е годы / Публ. подгот. Голубев А.В., Невежин В.А. // Минувшее. Ист. альманах. М. — СПб., 1993. Т. 14. С. 313-366.
4. “Выстрелов не было” — утверждает российский архивист / Публ. подгот. Аптекарь П. // Родина. 1995. №12. С.53-55.
5. Готовил ли Сталин нападение на Германию?: Документы / [Коммент. Данилова В.] // Комс. правда. 1992. 4 янв.
6. Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке СССР к войне / Вступ. ст., публ. и коммент. Невежин В.А. // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С.191-207.
7. Документы внешней политики. М.: Междунар. отношения, 1959—. Т. 22. Кн. 1: 1939 (1 янв. — 31 авг. 1939 г.). 1992. 708, [1] с.
8. Документы внешней политики. М.: Междунар. отношения, 1959—. Т. 22. Кн. 2: 1939 (1 сент. — 31 дек. 1939 г.). 1992. 687, [1] с.
- 8а. Записки и информация в ЦК ВКП(б) и СНК СССР: [Публ. документов от 1941 г. / Публ. подгот. Артизов А. и др.] // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 5. С. 180-206.
9. Из истории Великой Отечественной войны. Публ. подгот. Артизов А., Власов А., Ковалева Н. и др. // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 3. С. 192-223.
10. Иосиф Сталин в объятиях семьи: Из личного арх.: Сб. документов / Сост. Мурин Ю.Г. Берлин и др.: Родина, 1993. 223 с.: ил. (Документы рус. истории).
11. Катынь: Пленники необъявленной войны / Сост.: Лебедева Н.С., Петросова Н.А., Вошинский Б., Матерский В. М.: Междунар. фонд “Демократия”, 1997. 608 с.: ил.
12. Коминтерн и вторая мировая война / Отв. ред.: Андерсон К.М., Чубарьян А.О. М.: Памятники ист. мысли, 1994. 554 с. (Памятники истории России).
13. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1986) / 9-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1983—. Т.7: 1938—1945. 1985. 574 с.
14. Кризис снабжения 1939—1941 гг. в письмах советских людей / Публ. подгот. Осокина Е.А. // Вопр. истории. 1996. №1. С. 3-23.
- 14а. Ленинский сборник. XII / Под ред. Адоратского В.В., Молотова В.М., Савельева М.А. 2-е изд. М. — Л.: Ин-т Ленина при ЦК ВКП(б), 1931.
15. “Литературный фронт”: История полит. цензуры 1932—1946 гг.: Сб. документов / Сост. Бабиченко Д.Л. М.: Энциклопедия рос. деревень, 1994. 272, [1] с. (Первая публикация).
16. Международное положение глазами ленинградцев, 1941—1945: (Из Архива Управления Федеральной Службы Безопасности по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области) / Ред. кол.: Гусев В.С. и др. СПб.: Европейский Дом, 1996. 168 с.
17. Мировое равновесие и “вакуум силы”: Прогноз министра иностранных дел Германии И. Риббентропа о судьбах послевоенного мира с приложением документов по истории сепарат. переговоров Германии и союзников / Публ. Ерошина В. и Ямпольского В. // Неизвестная Россия. XX век. М., 1992. Кн. 2. С. 297-323.
- 17а. На линии фронта. Документы Центрального архива Министерства обороны РФ. 1941—1945 гг. // Ист. арх. = Hist. arch. 1995. № 2. С. 40-85.
18. Накануне войны (1940—1941 гг.) / Публ. подгот. Курилов И., Мурин Ю., Николаев Г. и др. // Изв. ЦК КПСС. 1990. №4. С. 198-223.
19. “Не представляли себе... всех трудностей, связанных с этой войной” / Публ. подгот. Ивашов Л.Г. // Воен.-ист. журн. 1993. № 4. С. 7-12.
20. О марксистско-ленинской учебе начальствующего состава Красной Армии в 1941 году [Директива Запорожца А.И.]. М., 1941. 26 с.

21. О политико-моральном состоянии немецкой армии / Гл. политупр. РККА М.: Воениздат НКО СССР, 1941. 31 с. (В помощь политруку).
22. О политических занятиях с красноармейцами и младшими командирами Красной Армии в 1941 учебном году: [Директив. указания и учеб. планы] / Гл. упр. политпропаганды Красной Армии. М., 1941. 28 с.
23. Оглашению подлежит: СССР—Германия, 1939—1941: Документы и материалы / Сост. Фельштинский Ю.М.: Моск. рабочий, 1991. 367 с. (Фонд Правды).
24. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов / Ред. кол.: Степашин С.В. (пред.) и др. М.: АО "Книга и бизнес", 1995. Т. 1: Накануне. Кн. 1: (Ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г.) / Сост.: Ямпольский В.П. (рук.) и др. 451 с.
25. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сб. документов / Редкол.: Степашин С.В. (пред.) и др. М.: АО "Книга и бизнес", 1995. Т. 1: Накануне. Кн. 2: (1 января — 22 июня 1941 г.) / Сост.: Ямпольский В.П. (рук.) и др. 398 с.: табл.
26. Партийно-политическая работа в боевой обстановке: Сб. док., изд. во время освобод. похода в Зап. Украину и Зап. Белоруссию. М.: Воениздат, 1940. 181, [1] с.
27. Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы: Июль 1929 г. — май 1941 г. М.: Воениздат, 1985. 535 с.
28. По обе стороны Карельского фронта, 1941—1944: Документы и материалы / Сост.: Климова А.В., Макуров В.Г. Петрозаводск: Карелия, 1995. 634, [2] с.
29. Пограничные войска СССР, 1939 — июнь 1941. Сб. документов и материалов / Редкол: Зырянов П.И. (глав. ред.) и др. М.: Наука, 1970. 813 с.
30. Под лозунгом "Паразиты у власти!": (О подготовке Германией войны против Польши) / Публ. подгот. Пронько В.А. // Воен.-ист. журн. 1993. № 9. С. 93-96.
31. Полпреды сообщают...: Сб. документов об отношениях СССР с Латвией, Литвой и Эстонией, авг. 1939 — авг. 1940 г. / Редкол: Комплектов В.Г. (пред.) и др. М.: Междунар. отношения, 1990. 540, [1] с.
32. Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком, 1924—1953 / Публ. подгот. Коротков А.В., Чернев А.Д., Чернобаев А.А. // Ист. арх.= Hist. arch. 1994. № 6. С. 4-44.
33. Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина: Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком, 1924—1953 / Публ. подгот. Коротков А.В., Чернев А.Д., Чернобаев А.А. // Ист. арх.= Hist. arch. 1995. № 5-6. С. 4-61.
34. Посетители кремлевского кабинета И.В. Сталина. Журналы (тетради) записи лиц, принятых первым генсеком, 1924—1953 / Публ. подгот. Коротков А.В., Чернев А.Д., Чернобаев А.А. // Ист. арх.= Hist. arch. 1996. № 2. С. 3-72.
35. Пропаганда и агитация в решениях и документах ВКП(б). М.: Высш. парт. шк. при ЦК ВКП(б), 1941. 391 с.
36. "Разъяснить румынским солдатам безнадежность войны против СССР": [Директива Политуправления Красной Армии воен. советам и начальникам политуправлений Киевского Особого (КОВО) и Одесского (ОДВО) воен. округов от 21 июня 1940 г.] / Публ. подгот. Сидоров Н. // Источник. 1995. № 3. С. 61-68.
37. Русский Архив: Великая Отечественная. М.: Терра, 1993—. Т. 12 (1) / Под общ. ред. Золотарева В.А.; Отв. сост. Барсуков А.И. 1993. 408 с.
38. Русский Архив: Великая Отечественная. М.: Терра, 1993—. Т. 13 (2-1): Приказы народного комиссара обороны СССР / Сост. Аристов А.П. и др. 1994. 368 с.
39. Секреты Гитлера на столе у Сталина: Разведка и контрразведка о подготовке герм. агрессии против СССР, март—июнь 1941 г.: Документы из Центр.архива ФСБ России. Сост.: Виноградов В.К. и др. М.: Мосгорархив, 1995. 252, [1] с.: ил., портр.
40. Скрытая правда войны, 1941 год: Неизвест. документы / Сост. Кнышевский П.Н. (рук.) и др. М.: Рус. кн., 1992. 380, [2] с.: ил. (Россия в лицах, документах, дневниках).
41. Советско-югославские отношения = Sovjetsko-jugoslavenski odnosi, 1917—1941 гг.:

Сб. документов и материалов / Редкол.: Зеленин В.В. (отв. ред.) и др. (сов. часть), Цветкович С. (отв. ред.) и др. (югосл. часть). М.: Наука, 1992. 410, [3] с.

42. "Солдат храбр и усерден, но...": Выдержки из бюл. герм. Ген. штаба "Вооруженные силы Советского Союза по состоянию на 1 января 1941 г.", относящиеся к оценке вооруж. сил. Сов. Союза накануне войны // Родина. 1995. №8. С. 57-60.

43. СССР и германский вопрос. 1941—1949: Документы из Архива внешней политики Российской Федерации: [В 2 т.] / Сост.: Кынин Г.П., Лауфер Й.П. М.: Междунар. отношения, 1996. Т. 1: 22 июня 1941 г. — 8 мая 1945 г. 782, [1] с.

44. Сталин, Берия и судьба армии Андерса в 1941—1942 гг.: Из рассекреченных архивов: [Предисл. ред.] // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 59-90.

45. Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. документов / Сост. и авт. предисл. Хлевнюк О.В. и др. М.: Изд. центр "АИРО-XX", 1995. 339, [1] с. (Документы сов. истории).

46. Файнман Г. Далекое...: К шестидесятилетию дискуссии о формализме в искусстве // Независимая газ. 1996. 26 дек. С. 5.

47. Фронтовики ответили так!: [По материалам обобщения опыта сосредоточения и развертывания войск зап. погранич. окр. по плану прикрытия Гос. границы 1941 г. накануне Великой Отеч. войны] / Публ. подгот. Крикунов В.П. // Воен.-ист. журн. 1989. № 5. С. 23-32.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ

47а. Абрамов Я. Политика и война // Пропагандист и агитатор РККА. 1940. № 23. С. 32-36.

48. Архипов [б.и.]. Об одной беседе с бойцами // Пропагандист и агитатор РККА. 1940. № 3. С. 42-43.

48а. Баканов И. Военные вопросы в "Кратком курсе истории ВКП(б)" // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 24. С. 4-9.

49. Баканов И. Марксистско-ленинская теория и военное дело // Пропагандист и агитатор РККА. 1940. № 3. С. 6-12.

50. Баканов И. Учение Ленина—Сталина о войне // Комс. правда. 1941. 21 мая.

51. Бордадын А. Организация военного хозяйства в Германии // Мир. хоз-во и мир. политика. 1940. № 8. С. 38-49.

52. Воспитывать большевистские черты характера // Политучеба красноармейца. 1941. № 10. С. 1-2

52а. Великий праздник международной пролетарской солидарности // Правда. 1941. 1 мая.

53. Гитлеровские бандиты и их белофинские прихвостни будут разгромлены // На страже Родины: Ежедн. красноарм. газ. Ленинград. воен. округа. 1941. 30 июня.

54. Гольдберг Я. Западная Украина и Западная Белоруссия: (Ист. справка) // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 21. С. 43-46.

55. Готовить молодежь к военной службе // Комс. правда. 1941. 17 мая.

56. Драгоценные черты большевистского характера // Известия. 1941. 15 мая.

57. К вопросу о советско-финляндских переговорах: (Министр иностр. дел Финляндии призывает к войне с СССР) // Правда. 1939. 3 нояб.

58. К изучению сопредельных стран на политзанятиях: (Журн. статьи) // Политучеба красноармейца. 1941. № 7. С. 2 [Обложка].

59. Кадры районной печати // Большевистская печать. 1941. № 11. С. 1-2.

60. Кассиль Л. Кадры и роли // Правда. 1941. 16 марта.

61. Кошуба В.Н. Люди сокрушительного натиска // Комс. правда. 1941. 18 мая.

62. Кружков Н. "Минин и Пожарский": Новая картина фабрики "Мосфильм" // Правда. 1939. 23 окт.

63. Левитский О. Исторические примеры героизма русской пехоты // Политучеба красноармейца. 1941. № 7. С. 10-16.

64. Лежнев И. Роман И. Эренбурга "Падение Парижа" // Огонек. 1941. № 14. С. 17.

65. Луганский М. "Сердце четырех" // Огонек. 1941. № 13. С. 17.
66. Московский В. Газета "Красная Армия" на фронте // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 24. С. 30-35.
67. Настойчиво развивать воинские качества бойцов // Красная звезда. 1941. 22 мая.
- 67а. Неверов З. Учеба редакторов военных газет // Большевицкая печать. 1941. № 11. С. 26.
68. Неймар Я., Сиротинский С. Великий пролетарский полководец // Ист. журн. 1940. № 10. С. 51-54.
69. О внутренних причинах военного поражения Польши // Правда. 1939. 14 сент.
70. Осипов Н. Войны справедливые и несправедливые // Политучеба красноармейца. 1939. № 17. С. 19-27.
- 70а. Подвиг в зеркале эфира // Семь дней. 1995. № 19. С. 25.
71. Подпись на карте: [Ст. из западногерм. ж-ла "Остойропа"] // Лит. газ. 1989. 5 июля (№ 27). С. 9. (Из зарубежной печати).
72. Прием в Кремле командиров — выпускников военных академий // Правда. 1941. 6 мая.
73. Раутбард М. Ленинско-сталинский принцип мирного сосуществования Советского государства и капиталистических стран // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 22. С. 30-35.
74. Речь Гитлера в рейхстаге // Правда. 1939. 7 окт.
75. Семенов Я. В защиту интернациональной литературы // Лит. газ. 1940. 5 янв.
76. Спириин Г. Государственный деятель ленинско-сталинского типа: [К 15-летней годовщине со дня смерти М.В. Фрунзе] // Пропагандист и агитатор РККА. 1940. № 4. С. 11-17.
77. Сталинская политика мира и дружбы народов // Большевик. 1939. № 18. С. 1-8.
78. Торжественное собрание в Большом Кремлевском дворце, посвященное выпуску командиров, окончивших военные академии // Правда. 1941. 6 мая.
79. Ф.Л. Финляндия: (Краткая справка) // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 22. С. 36-37.
80. Фальшивый фильм // Правда 1940. 16 авг.
81. Шут гороховый на посту премьера // Правда. 1939. 26 нояб.
82. Эренбург И.Г. Накануне: [Отр. из 3-й части романа "Падение Парижа"] // Огонек. 1941. № 14. С. 8, 16.
83. Эренбург И.Г. Падение Парижа: [Отр. из 2-й части романа] // Комс. правда. 1941. 22 мая.
84. Эренбург И.Г. Падение Парижа: [Отр. из 2-й части романа] // Красная звезда. 1941. 18 мая.

ВЫСТУПЛЕНИЯ, РЕЧИ, ДОКЛАДЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ, ГОСУДАРСТВЕННЫХ И ВОЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ

85. Запорожец А.И. О перестройке работы политорганов и партийных организаций Красной Армии: (Из выступл. на первой парт. конф. Прибалт. особого воен. округа 13 дек. 1940 г.). М., 1941. 20 с.: портр.
86. "И.В. Сталин о "Кратком курсе истории ВКП(б)": Стенограмма выступл. на совещании пропагандистов Москвы и Ленинграда / Публ. подгот. Маслов Н.Н. // Ист. арх. = Hist. arch. 1994. № 5. С. 4-31.
87. Латышев А. И еще один тост "вождя народов" // Искусство кино. 1991. № 5. С. 141-142.
88. Ленин В.И. Заключительное слово по докладу Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике, 23 дек.: VIII Всерос. съезд Советов, 22—29 дек. 1920 г. // Полн. собр. соч.. Т. 42. С. 172-177.
89. Ленин В.И. "Я прошу записывать меньше: это не должно попасть в печать":

Выступл. В.И. Ленина на IX Конф. РКП(б) 22 сент. 1920 г. / Публ. и предисл. Артизова А.Н. и Усикова Р.А. // Ист. арх. 1992. № 1. С. 12-30.

90. Молотов В.М. XXII годовщина Октябрьской Революции: Докл. на торжеств. заседании Моск. Совета 6 ноября 1939 г. // Правда. 1939. 7 нояб.

91. Пикер Г. Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. Розанова И.В.; Общ. ред., вступит. ст. и предисл. Фрадкина И.М.. Смоленск: Фирма "Русич", 1993. 496 с.

92. Сталин И.В. О войне с Финляндией: Выступление на совещании начальствующего состава по обобщению опыта боевых действий против Финляндии 17 апреля 1940 года // Завтра. 1996. № 51 (159). С. 5.

93. Сталин И.В. Речь в Большом Кремлевском Дворце 5 мая 1941 года / Публ., предисл. и заключение Латышева А. // Искусство кино. 1990. № 5. С. 10-16.

94. Сталин И.В. "Современная армия — армия наступательная". Выступления И.В. Сталина на приеме в Кремле перед выпускниками военных академий, май 1941 г. / Публ. подгот. Печенкин А.А. // Ист. арх. = Hist. arch. 1995. № 2. С. 23-31.

ДНЕВНИКИ

95. Вернадский В.И. Дневник 1938 года / Публ. подгот. Мочалов И.И. // Дружба народов. 1991. № 2. С. 219-248.

96. Вернадский В.И. Дневник 1939 года / Публ. подгот. Мочалов И.И. // Дружба народов. 1992. № 11-12. С.

97. Вернадский В.И. Дневник 1940 года / Публ. подгот. Мочалов И.И. // Дружба народов. 1993. № 9. С. 173-194.

98. Вернадский В.И. "Коренные изменения неизбежны": [Отрывки из дневника, 1941 г.] / Публ. подгот. Мочалов И.И. // Новый мир. 1995. № 5. С. 176-221.

99. Вишневский Вс. "...Сами перейдем в нападение": Из дневников 1939—1941 годов / Вступ. ст. и коммент. Голубев А.В., Невежин В.А. Подгот текста Невежин В.А. // Москва. 1995. № 5. С. 103-110.

100. Латышев А. Рядом со Сталиным: (Из неопubl. дневника Георгия Димитрова) // Совершенно секретно. 1990. № 12. С. 18-20.

101. Маньков А. Из дневника 1938—1941 гг. // Звезда. 1995. № 11. С. 167-199.

102. Пришвин М.М. Дневники / Сост., предисл. и комм. Козловского Ю.А.. М.: Правда, 1990. 480 с.

103. Ржевская Е.М. Геббельс: Портрет на фоне дневника. М.: Слово, 1994. 384 с.: ил.

104. Соловьев А.Г. Тетради красного профессора, 1912—1941 гг. / Публ. Зелова Н. // Неизвестная Россия. XX век. М., 1993. Кн. 4. С. 140-228.

МЕМУАРЫ, ВОСПОМИНАНИЯ

105. Азаров И.И. Осажденная Одесса. М.: Воениздат, 1962. 211 с.: ил. (Воен. мемуары).

106. Аллилуева С.И. Двадцать писем к другу. М.: Известия, 1990. 176 с.

107. Андерс В. Без последней главы // Иностр. лит. 1990. № 11. С. 231-255.

108. Баграмян И.Х. Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. 512 с. (Воен. мемуары).

109. Бережков В.М. Как я стал переводчиком Сталина. М.: Рос.-фр. совмест. изд-во "ДЭМ", 1993. 397, [1] с.

110. Бурцев М.И. Прозрение. М.: Воениздат, 1981. 320 с. (Воен. мемуары).

111. Варга Е.С. "Вскрыть через 25 лет": [Напеч. с сокр. / Публ. и предисл. Гефтер М.Я.] // ПОЛИС: Полит. исслед. 1991. № 2. С. 175-183.

112. Варга Е.С. "Вскрыть через 25 лет": [Напеч. с сокр. / Публ. и предисл. Гефтер М.Я.] // ПОЛИС: Полит. исслед. 1991. № 3. С. 148-164.

113. Витман Б. Шпион, которому изменила родина: [Воспоминания / Лит. запись и размышления об авт. Вульфовича Т.]. Казань: ТОО "ЭЛКО-С", 1993. 327, [2] с.

114. Воронов Н.Н. На службе военной. М.: Воениздат, 1961. 440 с. (Воен. мемуары).

115. Ерошкин Н.П. Воспоминания Н.П. Ерошкина: (К 75-летию со дня рождения ученого) / Публ. подгот. О.Д. Ерошкина // Отеч. архивы. 1995. № 4. С. 56-72.
116. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. 12-е изд. М.: АО "Издательство "Новости", 1995. Т. 1. 400 с.: ил.
117. Захаров М.В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М.: Воениздат, 1989. 318 с. (Воен. мемуары).
118. Краминов Д.Ф. В орбите войны: Записки сов. корреспондента за рубежом. 1939—1945 годы. М.: Сов. Россия, 1980. 416 с.: ил.
119. Кузнецов Н.Г. Крутые повороты: Из записок адмирала. М.: Мол. гвардия, 1995. 254, [2] с.: ил.
120. Кузнецов Н.Г. Начало войны не было "громом с ясного неба": Из записок Адмирала флота Советского Союза Кузнецова Н.Г. / Публ. подгот. Кузнецова Р. // Правда. 1991. 20 июля.
121. Лобачев А.А. Трудными дорогами. М.: Воениздат, 1960. 336 с.: ил. (Воен. мемуары).
122. Лотман Ю.М. Не-мемуары // Лотмановский сборник. М., 1995. Вып. 1. С. 5-53.
123. Лященко П.Н. "С огнем и кровью пополам..." / Интервью подгот. Булычева Л.И. // Воен.-ист. журн. 1995. № 2. С. 22-28.
124. Маленков А.Г. О моем отце Георгии Маленкове. М.: НТЦ "Техноэкос", 1992. 116, [3] с.
125. Муратов Э. Шесть часов с И.В. Сталиным на приеме в Кремле // Нева. 1993. № 7. С. 280-288.
126. Новиков Н.В. Воспоминания дипломата: Записки, 1938—1947. М.: Политиздат, 1989. 396, [3] с.: ил.
127. Орлова Р.Д. Воспоминания о непрощедшем времени. М.: Ex libris, 1993. 398, [1] с.: ил.
128. Ортенберг Д.И. Сталин, Щербаков, Мехлис и другие: [Воспоминания воен. журналиста]. М.: МП "Кодекс" МВД России, 1995. 206, [2] с.: ил.
129. Пальгунов Н.Г. Тридцать лет: (Воспоминания журналиста и дипломата). М.: Политиздат, 1964. 351 с.
130. Петров И. Я выполнял задание Сталина // Родина. 1992. № 5. С. 32-35.
131. Пэтз О. Делайте вашу игру, господа! М.: Гуманит. фонд, 1994. 78, [1] с.
132. "...Разговор закончился угрозой Сталина": Десять неизвестных бесед с маршалом Г.К. Жуковым в мае—июне 1965 года / Публ. подгот. Анфилов В.А.; Примеч. Пронина А.В. // Воен.-ист. журн. 1995. № 3. С. 39-46.
133. Риббентроп И. фон. Между Лондоном и Москвой: Воспоминания и послед. записи: Из его наследия, изд. А. фон Риббентроп / Пер. с нем. Рудого Г.Я. М.: Мысль, 1996. 331 [2] с.
134. Рокоссовский К.К. Солдатский долг / Публ. подгот. Оппоков В.Г. // Воен.-ист. журн. 1989. № 4. С. 52-57. (Купюры. Пропуски. Изъятия).
135. Сандалов Л.М. Пережитое. М.: Воениздат, 1961. 192 с.: ил. (Воен. мемуары).
136. Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1988. 478, [1] с.: ил. (ВСЛ: Время. События. Люди).
137. Синицин Е. Резидент свидетельствует. М.: ТОО "Гея", 1996. 287 с. (Рассекреченные жизни).
138. Трамб Б. В годы войны: (Из истории Гражд. обороны) // Воен.-ист. журн. 1980. № 6. С. 52-55.
139. Хрущев Н.С. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева / Публ. Хрущева С.Н. // Вопр. истории. 1990. № 4. С. 62-82.
140. Хрущев Н.С. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева / Публ. Хрущева С.Н. // Вопр. истории. 1990. № 6. С. 76-96.
141. Хрущев Н.С. Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева / Публ. Хрущева С.Н. // Вопр. истории. 1990. № 7. С. 75-106.

142. Шейнис З.С. Перед нашествием: Из записной книжки 1939—1941 годов // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 98-118.

143. Шилов П. Тогда не было моды награждать: Рассказ разведчика 17-го отд. лыж. батальона [1939—1940 гг.] / Публ. подгот. Спесаков В. // Родина. 1995. № 12. С. 64-69.

143а. Шкаренков Л.К. Память о войне // Россия и современный мир. 1995. № 2. С. 257-284.

144. Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. Изд. испр. и доп. М.: Сов. писатель, 1990. Т. 2. Кн. 4, 5. 443 [2] с.

145. Яковлев А.С. Цель жизни: Записки авиаконструктора. 2-е изд., доп. М.: Политехиздат, 1968. 623 с.: ил., портр.

ИЗДАНИЯ СМЕШАННОГО СОДЕРЖАНИЯ

146. Баранов Ю. Голубой разлив: Дневники, письма, стихотворения, 1936—1942 гг. / Собраны и сложены Старшиновым Е.; Предисл. Дедкова И.А. Ярославль: Верх.-Волж. кн. изд., 1988. 160 с.

147. Вишневский В.В. Собр. соч. в 5-ти т. М.: Гослитиздат, 1954—1950. Т. 6 (дополнительный): Выступления и радиоречи. Записные книжки. Письма. 1961. 724 с.: ил.

148. Гнедин Е.А. Выход из лабиринта: Евгений Александрович Гнедин и о нём: Мемуары, дневники, письма / Сост. Гефтер В., Кораллов М. М.: Мемориал, 1994. 173, [2] с.: портр.

149. Гнедин Е. Из истории отношений между СССР и фашистской Германией: Документы и современные комментарии. Нью-Йорк: Хроника, 1977. 60 с.

150. Москва военная, 1941—1945: Мемуары и архивн. документы. М.: Мосгорархив, 1995. 744 с.: ил.

151. Откровения и признания: Нацистская верхушка о войне "третьего рейха" против СССР: Секрет. речи, дневники, воспоминания: Пер. с нем. / Сост. Рудой Г.Я. М.: ТЕРРА, 1996. 566, [2] с.: ил., порт.

ЛИТЕРАТУРА

КНИГИ, МОНОГРАФИИ, БРОШЮРЫ

152. Авторханов А.Г. Технология власти / Публ. подгот. Николаев С.В. // Вопр. истории. 1991. № 1. С. 126-145.

153. Александров М.В. Внешнеполитическая доктрина Сталина. Canberra: Australian National University, 1995. 138 с.

154. Анфилов В.А. Грозное лето 41 года. М.: Изд. центр "Анкил-воин", 1995. 191 с. (Б-ка рос. офицера).

155. Анфилов В.А. Крушение похода Гитлера на Москву, 1941. М.: Наука, 1989. 340 с.

156. Анфилов В.А. Незабываемый сорок первый. М.: Сов. Россия, 1982. 368 с.: схем.

157. Анфилов В.А. Провал "блицкрига". М.: Наука, 1974. 615 с. (Вторая мировая война в исследованиях, воспоминаниях, документах).

158. Бабиченко Д.Л. Писатели и цензоры. Сов. лит. 1940-х гг. под полит. контролем ЦК / Под ред. Бордогова Г.А. М.: Изд. центр "Россия молодая", 1994. 172 с. (Первая монография).

159. Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997. 353 с.

160. Безыменский Л. Особая папка "Барбаросса": Док. повесть. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1972. 342 с.: ил., карт.

161. Берзер А.С. Сталин и литература: Главы недописанной книги [Публ. и примеч. Борисовой И. и Глоцер В.; Предисл. Борисовой И.] // Звезда. 1995. № 11. С. 8-66.

162. Борьба финского народа за своё освобождение: Сб. мат-лов. 2-е изд. М. — Л.:

Военмориздат, 1939. 44 с.: ил., карт. (В помощь пропагандисту).

163. Великая Отечественная война: (Историография): Сб. обзоров / [Ред. Месяцев Н.Н., Шевырин В.М.]. М.: ИНИОН РАН, 1995. 198, [1] с. (Отечественная история).

164. Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Воен.-ист. очерки. М.: Изд-во "Библиотека" — Мосгорархив, 1995. Кн. 1. Суровые испытания. 454 с.

165. Верт А. Россия в войне 1941—1945. М.: Прогресс, 1965. Вып. 1: Прелюдия войны: От начала вторжения до битвы за Москву. Ленинградская эпопея 350, [1] с.

166. Верт А. Россия в войне 1941—1945. Авториз. пер. с англ. М.: Прогресс, 1967. 744 с.

167. Виноградов Р.И., Пономарев А.Н. Развитие самолетов мира. М.: Машиностроение, 1991. 381 с.

168. Владимирский А.В. На киевском направлении: По опыту ведения боевых действий войсками 5-й армии Юго-Зап. фронта в июне—сент. 1941 г. М.: Воениздат, 1989. 304 с.

169. Волгогонов Д.А. Триумф и трагедия: Полит. портрет И.В. Сталина: В 2-х книгах. М.: Изд-во АПН, 1989. Кн. 1. Ч. 2. 336 с.: ил.

170. Волгогонов Д.А. Триумф и трагедия: Полит. портрет И.В. Сталина: В 2-х книгах. М.: Изд-во АПН, 1989. Кн. 2. Ч. 1. 425 с.: ил.

171. Волгогонов Д.А. Триумф и трагедия: Полит. портрет И.В. Сталина. В 2-х книгах. М.: Изд-во АПН, 1989. Кн. 2. Ч. 2. 272 с.: ил.

172. Гареев М.А. Неоднозначные страницы войны: (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отеч. войны). М.: РФН, 1995. 320 с..

173. Гефтер М.Я. Эхо Холокоста и русский еврейский вопрос М.: Науч.-просвет. центр "Холокост", 1995. 295 с.: ил.

174. Городецкий Г. Миф "Ледокола": Накануне войны. М.: Прогресс — акад., 1995. 349, [1] с.: портр., факс.

175. Горьков Ю.А. Кремль. Ставка. Генштаб: Воен.-ист. изд. Тверь: РИФ ЛТД, 1995. 384 с.: ил., карт. (АНТЭК).

176. Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?: Незапланир. дискуссия: Сб. материалов / Под ред. Бордюгова Г.А.; Сост. Невежин В.А. М.: "АИРО-XX", 1995. 185 с.

177. Джоуэтт Г.С., О'Доннел В. Пропаганда и внушение / Авт.-сост. Гаджиев К.С. М.: ИНИОН РАН, 1988. 19 с.

178. Долматовский Е.А. Зеленая брама: Докум. легенда об одном из первых сражений Великой Отеч. войны. 3-е изд. М.: Политиздат, 1989. 315 с.

179. Другая война, 1939—1945 / Общ. ред.: Афанасьев Ю.Н. М.: Рос. гос.гуманит. ун-т, 1996. 487, [2] с. (Россия: XX век; Кн. 3).

180. Жилин П.А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз. (Расчеты и просчеты). 2-е изд., доп. М.: Мысль, 1966. 296 с.: ил.

181. Зензинов В. Встреча с Россией: Как и чем живут в Советском Союзе: Письма в Красную Армию, 1939—1940. Нью-Йорк, 1944. 589 с.: ил., факс.

182. История дипломатии / Под ред. Громыко А.А. [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Гослитиздат, 1959—1979. Т. 2. 1963. 820 с.

183. Кисловский Ю.Г. Граница, июнь 1941: За строкой боевых донесений, сообщений Совинформбюро и воспоминаний участников боев. М.: Автор, 1995. 397, [1] с.: портр.

184. Клочков В.Ф. Красная Армия — школа коммунистического воспитания советских воинов, 1918—1941. М.: Наука, 1984. 229 с.

185. Кожурин В.С. Народ и власть. (1941—1945 гг.): Новые документы / Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. М., 1995. 145 с.

186. Колычев В.Г. Накануне войны: (Партия в предвоенные годы). М. Знание, 1991. 64 с.

187. Куманев В.А. Деятели культуры против войны и фашизма: Ист. опыт 20—30-х годов М.: Наука, 1987. 294, [1] с.

188. Лебедева Н.С. Катюнь: Преступление против человечества. М.: Прогресс. Культура, 1994. 348, [2] с.
189. Леонгард В. Шок от пакта между Гитлером и Сталиным: Воспоминания современников из СССР, Зап. Европы и США / Пер. с нем. Бурихин И. Л.: Overseas publications Interchange Ltd, 1989. 278 с.
190. Марьямов Г.Б. Кремлевский цензор: Сталин смотрит кино. М.: Конфедерация союзов кинематографистов. Киноцентр, 1992. 128 с.: ил.
191. Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Довольно о войне? Воронеж: Издат.-полиграф. фирма "Воронеж", 1992. 100 с.
194. Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Сталинизм и война. М.: Родник, 1994. 399 с.
193. Мировая война, 1939—1945: Сб. статей / Пер. с нем. Высоковского А.А. и Дьяконова А.И. М.: Изд-во иностр. лит., 1957. 538 с.: ил., карт.
194. Некрич А.М. 1941, 22 июня. 2-е изд., доп., перераб. М.: Памятники ист. мысли, 1995. 333, [1] с.
195. Носик Б. Этот странный парижский процесс: [В. Кравченко против газ. "Леттр франсез", 1949 г.]. М.: Моск. рабочий, 1991. 255 с.
196. Паркинсон С.Н. Законы Паркинсона: [Сборник]: Пер. с англ. М.: Прогресс, 1989. 446, [2] с.
197. Пастернак Б.Л. Собр. соч.: В 5-ти т. М.: Худож. лит., 1989—1992. Т. 5. 703 с.
198. Петров Ю.П. Партийное строительство в Советской Армии и Флоте. Деятельность КПСС по созданию и укреплению полторганов, парт. и комс. организаций в вооруж. силах (1918—1961 гг.). М.: Воениздат, 1964. 511 с.
199. Пикуль В. Барбаросса: Роман—размышление // Наш современник. 1991. № 2. С. 12-49.
200. Политическая история: Россия — СССР — Российская Федерация: [В 2 т.] / Кулешов С.В., Волобуев О.В., Журавлев В.В., Шелохаев В.В. М.: ТЕРРА — TERRA. 1996. Т. 2. 717, [2] с.
201. Полжанов В.Д. "Ледокол" исследовательской неряшливости и отсебятины: (О кн. В. Суворова "Ледокол"): Критич. очерк. Омск: [Изд-во ОмГТУ], 1996. 42 с.
202. Португальский Р.М., Доманк А.С., Коваленко Л.П. Маршал С.К. Тимошенко: Жизнь и деятельность. М.: "Победа — 1945 год", 1994. 427 [1] с. (Сталинские маршала).
203. Поторочин В. Сталин: "Воевать с Германией буду на своей территории!", или Зачем Сталину Финляндия? М.: АО "Фининнова", Информполиграф, [1996]. 104 с.
204. Радзинский Э.С. Сталин. М.: ВАГРИУС, 1997. 637, [1] с.: портр.
205. Ранкур-Лаферриер Д. Психика Сталина: Психоаналит. исслед.: Пер. с англ. М.: Весь мир: ТОО "Прогресс — акад.", 1996. 238, [1] с. (Библиотека психоанализа).
206. Розанов Г.Л. Сталин — Гитлер: Докум. очерк сов.-герм. дипломат. отношений, 1939—1941 гг. М.: Междунар. отношения, 1991. 222 с.
207. Семиряга М.И. Тайны сталинской дипломатии, 1939—1941. М.: Высш. шк., 1992. 303 с.
208. Сенявская Е.С. Человек на войне. Ист.-психол. очерки. М.: ИРИ РАН, 1997. 231 с.
209. Советская культура в реконструктивный период, 1928—1941. Отв. ред. Ким М.П. М.: Наука, 1988. 603, [2] с.
210. Суворов В. Ледокол: Кто начал Вторую мировую войну; День—"М": Когда началась Вторая мировая война. М.: ТК "АСТ", 1994. 576 с.
211. Суворов В. Последняя Республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую мировую войну. М.: ТК "АСТ", 1995. 480 с.
212. Тарле Е.В. Наполеон. М.: Наука, 1991. 461, [1] с.
213. Творчество народов СССР / Под ред. Горького А.М., Мехлиса Л.З. [М.]: Ред. "Правды", 1938. 592 с.: ил., портр.
214. Тоталитаризм: Из истории идеологий, движений, режимов и их преодоления / Рук. авт. кол. Драбкин Я.С., Комолова Н.П. М.: Памятники ист. мысли, 1996. 540 с.

(Россия — Германия — Европа; Вып. 2).

215. Третья армия: История. Люди. Подвиги / Авт.-сост. Колтунов Г.А. М.: Эрго-Пресс, 1995. 414 с.

216. Троицкий Л. Портреты революционеров. М.: Моск. рабочий, 1991. 364, [1] с.

217. Тыл Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг. / Воен. акад. тыла и транспорт; Отв. ред. Миловский М.П. Л., 1963. Ч. IV, V, VI. 332 с.

218. 1941 год: Уроки и выводы / Ген. Штаб Объединенных Вооруж. Сил СНГ. М.: Воениздат, 1992. 240 с.

219. Фляйшхауэр И. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938—1939: Пер. с нем. М.: Прогресс, 1990. 480 с.

220. Фролов М.И. Великая Отечественная война 1941—1945 гг. в немецкой историографии. С.-Петербург. лесотехн. акад. СПб.: ЛТА, 1994. 142 с.

221. Хлевнюк О.В. Политбюро: Механизмы полит. власти в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 1996. 294, [1] с.: ил., портр.

222. Хорьков А.Г. Грозовой июнь: Трагедия и подвиг войск пригранич. воен. округов в начальном периоде Великой Отеч. войны. М.: Воениздат, 1991. 240 с.

223. Хоффман Й. История власовской армии / Пер. с нем. Гессен Е.. Париж: Имка-пресс, 1990. 379, [1] с. (Исслед. новейш. рус. истории).

224. Хрестоматия по отечественной истории (1914—1945 гг.) / Под ред. Киселева А.Ф., Щагина Э.М. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. 896 с.

225. Чапкевич Е.И. Пока из рук не выпало перо...: [Жизнь и деятельность Е.В. Тарле]. Орёл: Полигр.-изд. предприятие "Орёл", 1994. 189, [2] с.

226. Шарапов Ю.П. Лицей в Сокольниках: Очерк истории ИФЛИ — Моск. ин-та истории, философии и лит. им. Н.Г. Чернышевского (1931—1941 гг.). М.: "АИРО-XX", 1995. 205 с.

227. Шуранов Н.П. Великая Отечественная война (1941—1945 гг.): Краткая история. Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1996. 206 с.

228. Эндрю К., Гордиевский О. КГБ. История внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева. [Б.м.]: Nota Bene, 1992. 765, [3] с.: ил., порт.

229. Юренев Р. Сергей Эйзенштейн: Замыслы. Фильмы. Метод. М.: Искусство, 1988. Ч. 2: 1930—1948. 318, [1] с.: ил.

230. Der Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt am Main: Fischer, 1991. 1376 S. / Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg; Bd. 4.

231. Fleishhauer I. Diplomatischer Widerstand gegen "Unternehmen Barbarossa": Die Friedensbemühungen der Deutschen Botschaft Moskau, 1939—1941. B.; Fr./M.: Ullstein, 1991. 416 S.

232. Post W. Unternehmen Barbarossa: Deutsche und sowjetische Angriffspläne 1940/41. 2 Aufl. Hamburg; Berlin; Bonn: Mittler, 1996. 450, [2] S.

232a. Raack R.C. Stalin's drive to the West, 1938—1945: the origins of the Cold War. Stanford, California: Stanford University Press, 1995. 265 p.: ill.

233. Read A, Fisher D. The deadly embrace: Hitler, Stalin and the Nazi-Soviet Pact, 1939—1941. New York; London: Norton, 1988. XXI, 687 p.: il.

СТАТЬИ, СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ.

234. Абрамов Я. Политика и война // Пропагандист и агитатор РККА. 1940. № 23 (Декабрь). С. 32-36.

235. Александров К.М. Новое об инциденте в Майниле: (Малоизвестные страницы истории сов.-финлянд. войны 1939—1940 гг.) // Новый часовой. 1994. № 1. С. 24-29.

236. Аманн Р. Пакт между Гитлером и Сталиным: Оценка интерпретаций советской внешней политики, включая новые вопросы и новые исследования // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 75-86.

237. Анфилов В. За "Ледоколом" — ледоход // Красная звезда. 1993. 13 нояб. С. 5.

238. Артамошин Ю. Просчеты руководства // Аргументы и факты. 1989. 10-16 июня

(№ 23).

239. Бабиченко Д.Л. И. Сталин: "Доберёмся до всех": (Как готовили послевоенную идеологическую кампанию, 1943—1946 гг.) // Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры. Минск: М., 1995. С. 139-188.

240. Баткин Л. Сон разума: О социо-культурных масштабах личности Сталина // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 9-53.

241. Безыменский Л. Что же сказал Сталин 5 мая 1941 года? // Новое время. 1991. № 19. С. 36-40.

241а. Борисов Ю.С. Народное образование и обороноспособность страны // Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг. М., 1990. С. 88-138.

242. Борозняк А.И. 22 июня 1941 года: Взгляд с "той" стороны // Отеч. история. 1994. № 1. С. 148-156.

243. Борозняк А.И. Историки ФРГ о нацизме // Новая и новейшая история. 1997. № 1. С. 62-74.

244. Валева Е.Л. К проблеме присоединения Болгарии к Тройственному пакту в 1941 г. // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941). М., 1992. С. 93-107.

245. Ветте В. Психологическая мобилизация немецкого населения, 1933—1939 гг. // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 160-175.

246. Вихавайнен Т. Чудо "зимней войны": разобщенная нация обретает единство // Родина. 1995. № 12. С. 74-76.

247. Вишлев О.В. Была ли в СССР оппозиция "германской политике" Сталина накануне 22 июня 1941 г.: По документам герм. архивов // Новая и новейшая история. 1994. № 4-5. С. 242-253.

248. Вишлев О.В. Почему медлил И.В. Сталин в 1941 г.?: Из герм. архивов // Новая и новейшая история. 1992. № 1. С. 86-100.

249. Вишлев О.В. Почему медлил И.В. Сталин в 1941 г.?: Из герм. архивов // Новая и новейшая история. 1992. № 2. С. 70-96.

250. Волков В. За кулисами: Некоторые комментарии к одному постановлению // Аврора. 1991. № 8. С. 42-51.

251. Волков В.К. Некоторые концептуальные проблемы возникновения мировой социалистической системы и первые шаги по её осуществлению (1943—1945) // Советская внешняя политика в ретроспективе, 1917—1991. М., 1993. С. 87-104.

252. Волкогонов Д.А. Эту версию уже опровергла история // Известия. 1993. 15 янв. (Моск. веч. вып.). С. 9.

253. Горяева Т.М. Советская политическая цензура: (История, деятельность, структура) // Исключить всякие упоминания...: Очерки истории советской цензуры. Минск: М., 1995. С. 13-64.

254. Гозман Л., Эткинд А. Культ власти: Структура тоталитарного сознания // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 337-371.

255. Голубев А.В. Запад глазами советского общества: (Основные тенденции формирования внешнеполит. стереотипов в 30-х годах) // Отеч. история. 1996. № 1. С. 104-120.

256. Горьков Ю.А. Готовил ли Сталин упреждающий удар против Гитлера в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 29-45.

257. Данилов В. Горькая победа в финских сугробах // Сегодня. 1994. 30 нояб. С. 9.

258. Данилов В.Д. Готовил ли Сталин нападение на Германию? // Поиск. 1994. 17-23 июня (№ 24).

259. Десятков С.Г. Когда "Ледокол" кромсает историю: (Об ист. "концепции" В. Резуна) // Как началась война: (Актуал. проблемы предыстории и истории Второй мировой и Велик. Отеч. войны). Новгород, 1995. С. 3-14.

260. Донгаров А.Г. Война, которой могло не быть: К полит. и дипломат. истории сов. финлянд. вооруж. конфликта 1939—1940 гг.) // *Вопр. истории.* 1990. № 5. С. 28-45.
261. Донгаров А. Между Рейном и Волгой // *Родина.* 1991. № 5. С. 39-40.
262. Донгаров А.Г., Пескова Г.Н. СССР и страны Прибалтики (август 1939 — август 1940) // *Вопр. истории.* 1991. № 1. С.33-49.
263. Жуков Ю.Н. Тайна “ждановских” постановлений // *Экран и сцена.* 1993. 8-15 июля (№ 26-27). С. 8, 9, 11.
264. Замойски Я. “Черная дыра”, сентябрь 1939 — июнь 1941 г.: (К вопросу о политике СССР в начальном периоде конфликта) // *Россия в XX веке: Историки мира споят.* М., 1994. С. 421-428.
265. Згорняк М. Военно-политическое положение и оперативные планы Польши перед началом второй мировой войны // *Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований.* М., 1996. С. 353-363.
266. Зеленев М.В. Главлит и историческая наука в 20—30-е годы // *Вопр. истории.* 1997. № 3. С. 21-36.
267. Ильина И.Н. Партноменклатура: формы и методы секретного руководства // СССР и холодная война / Под ред. Лельчука В.С., Пивовара Е.И. М., 1995. Гл. 9. С. 269-285.
268. Кабанен П. Двойная игра: Сов.-финлянд. переговоры 1938—1939 гг. // *Родина.* 1995. № 12. С. 43-48.
269. Килин Ю. Оптимизм: На что надеялись финны в 1939 году? // *Родина.* 1995. № 12. С. 49-52.
270. Киселев В.Н. Упрямые факты начала войны // *Воен.-ист. журн.* 1992. № 2. С. 14-19.
271. Клейменов А.Н. “С задачей — отразить агрессию...”: [Беседа с зам. нач. Ген. Штаба Вооруж. Сил СССР, ген.-полк. А.Н. Клейменовым / Записал Ю. Рубцов] // *Красная звезда.* 1990. 18 авг.
272. Комков Г.Д. Политическая пропаганда и агитация в годы тяжелых испытаний // *Духовный потенциал Победы советского народа в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг.* М., 1990. С. 36-61.
273. Константинов С.В. Замолчанный Сталин // *Русский Геополитический Сборник.* М., [Б.г.]. № 2. С. 66-68.
274. Круглов Н., Плотников Н. Бескровное, но мощное оружие // *Независимая газ.* 1997. 24—30 мая. Прил. С. 5 (Независимое воен. обозрение; № 18).
275. Крумахер Ф.А., Ланге Г. Планировал ли Сталин войну против Германии? // *Воен.-ист. журн.* 1991. № 6. С. 26-33.
276. Куманев Г., Шкляр Э. До и после пакта. Сов.-герм. отношения в преддверии войны // *Свобод. мысль.* 1995. № 2. С. 4-14.
277. Латышев А. Как Сталин Энгельса свергал // *Рос. газ.* 1992. 22 дек. С. 4.
278. Латышев А. Сталин и кино: Хотелось бы всех поименно назвать...” // *Суровая драма народа: Ученые и публицисты о природе сталинизма.* М., 1989. С. 489-507.
279. Лебедева М.М. От конфликтного восприятия к согласию // *ПОЛИС: Полит. исслед.* 1996. № 5. С. 163-167.
280. Лебедева Н.С. Четвертый раздел Польши и катынская трагедия // *Другая война: 1939—1945 / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева.* М., 1996. С. 237-295. (Россия: XX век: Кн. 3).
281. Лившиц А. Отбросив идеологию: [По поводу глав из кн. В. Суворова “День-М”, опубли. в “Независимой газ.”, 1993, 20 окт., с. 5; 29 окт., с. 5; 5 нояб., с. 5; 12 нояб., с. 5; 19 нояб., с. 5; 26 нояб., с. 5] // *Независимая газ.* 1993. 31 дек. С. 6.
282. Локальные войны XX века: роль СССР: [По материалам беседы за “круглым столом” в ред. журн. “Отеч. история”, янв. 1992 г.] // *Отеч. история.* 1992. № 4. С. 3-36.
283. Маннинен О. “Выстрелы были”, — утверждает финский историк // *Родина.* 1995. № 12. С. 56-57.
284. Маслов Н.Н. Об утверждении идеологии сталинизма // *История и сталинизм.*

М., 1991. С. 37-86.

285. Мельтюхов М.И. Идеологические документы мая—июня 1941 года событиях Второй мировой войны // *Отеч. история*. 1995. № 2. С. 70-85.

286. Мельтюхов М.И. "Народный фронт" для Финляндии?: (К вопросу о целях сов. руководства в войне с Финляндией 1939—1940 гг.) // *Отеч. история*. 1993. № 3. С. 95-101.

287. Мельтюхов М.И. Правители без подданных: Как пытались экспортировать революцию // *Родина*. 1995. № 12. С. 60-63.

288. Мельтюхов М.И. Преддверие войны: неоконченные споры... // *Война 1939—1945: два подхода* / Под общ. ред. Афанасьева Ю.Н. М., 1995. С. 98-127

289. Мельтюхов М.И. Предыстория Великой Отечественной войны в современных дискуссиях // *Исторические исследования в России: Тенденции последних лет* / Под ред. Бордюгова Г.А. М., 1996. С. 278-307.

290. Мельтюхов М.И. (псевд. Никитин-М.). Оценка советским руководством событий Второй мировой войны: (По идеол. документам мая—июня 1941 г.) // *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?: Незапланир. дискуссия: Сб. материалов*. М., 1995. С. 122-146.

291. Мельтюхов М.И. Современная историография и полемика вокруг книги В. Суворова "Ледокол" // *Советская историография* / Под общ. ред. Афанасьева Ю.Н. М., 1996. С. 488-521. (Россия: XX век; Кн. 2).

292. Мельтюхов М.И. Споры вокруг 1941 года: опыт критического осмысления одной дискуссии // *Отеч. история*. 1994. № 3. С. 4-22.

293. Мерцалов А.Н., Мерцалова Л.А. Отечественная историография второй мировой войны: Некоторые итоги и проблемы // *Вопр. истории*. 1996. № 9. С. 145-157.

294. Минюк А.И. Современная архивная политика: ожидания и запреты // *Исторические исследования в России: Тенденции последних лет* / Под ред. Бордюгова Г.А. М., 1996. С. 11-21.

295. Молодяков В.Э. Начало Второй мировой войны: геополитические аспекты // *Отеч. история*. 1997. № 5. С. 128-135.

296. Национальные интересы России и реальные приоритеты государственной политики за полтора века: "Круглый стол" // *Отеч. история*. 1996. № 6. С. 110-139.

297. Начало войны и Советский Союз, 1939—1941 г. Междунар. науч. конф. в Институте всеобщей истории РАН // *Новая и новейшая история*. 1995. № 4. С. 88-104.

298. Невежин В.А. Выступление Сталина 5 мая 1941 г. и поворот в пропаганде: Анализ директивных материалов // *Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?: Незапланир. дискуссия: Сб. материалов*. М., 1995. С. 147-168.

299. Невежин В.А. Идея наступательной войны в советской пропаганде 1939—1941 годов // *Преподавание истории в шк.* 1994. № 5. С. 8-14.

300. Невежин В.А. Из истории культурных связей СССР с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции (1941—1945 гг.) // *Духовный потенциал победы советского народа в Великой Отечественной войне, 1941—1945 гг.* М., 1990. С. 202-226.

301. Невежин В.А. Культура Третьего рейха через призму советской пропаганды в 1939—1941 гг. // *Россия и Европа в XIX—XX веках: Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур*. М., 1996. С. 129-142.

302. Невежин В.А. Метаморфозы советской пропаганды в 1939—1941 годах // *Вопр. истории*. 1994. № 8. С. 164-171.

303. Невежин В.А. Речь Сталина 5 мая 1941 года и апология наступательной войны // *Отеч. история*. 1995. № 2. С. 54-69.

304. Невежин В.А. Собирался ли Сталин наступать в 1941 г.?: (Заметки на полях "Ледокола" В. Суворова) // *Кентавр*. 1995. № 1. С. 76-85.

305. Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939—1941 гг.) // *Отеч. история*. 1993. № 1. С. 18-34.

306. Невежин В.А. Советско-германские дипломатические контакты 1939—1941 годов: Новейшие исследования // *Преподавание истории в шк.* 1992. № 1-2. С. 8-13.

307. Невский В.А. Сталинский выбор 1941 года: оборона или... "лозунг наступательной войны"? (По поводу кн. Г. Городецкого "Миф "Ледокола") // Отеч. история. 1996. № 3. С. 55-73.
308. Невский В.А. Фильм "Закон жизни" и отлучение Авдеенко: версия историка: [С прилож. документов 1940 г.] // Киновед. зап. 1993/1994. № 20. С. 94-124.
309. Новоплянский Д. За 24 часа до войны // Правда. 1994. 21 июня.
310. Орешин Б., Рубцов А. Сталинизм: идеология и сознание: От "культы личности" к истории "без сталинизма" // Осмыслить культ Сталина. М., 1989. С. 546-605.
311. Осокина Е.А. Люди и власть в условиях кризиса снабжения, 1939—1941 годы // Отеч. история. 1995. № 3. С. 16-32.
312. Персиц М.А. Во имя ускорения мировой революции // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты: История. Археология. Культурная антропология и этнография. М., 1996. С. 109-117. (Материалы Всерос. конкурса науч.-исслед. проектов в области гуманитарных наук 1994 г.)
313. Петров Б.Н. О стратегическом развертывании Красной Армии накануне войны // Воен.- ист. журн. 1991. № 12. С. 10-17.
314. Пиетров-Энкер Б. Германия в июне 1941 г. — жертва советской агрессии?: О разногласиях по поводу тезиса о превентивной войне // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 459-475.
315. Плотников Н. Расчеты и просчеты... Геббельса // Армия. 1993. № 22. С. 52-55.
316. Позняков В.В. Внешняя политика трех великих держав и образ союзников в советской пропаганде в годы Второй мировой войны, 1939—1945 гг. // Ялта. 1945 год: Проблемы войны и мира. М., 1992. С. 165-179.
317. Пуляев В.Т., Старостенко Н.В. Административно-командная система управления советского общества в годы войны // Народ и война: 50 лет Великой Победы. СПб., 1995. С. 45-70.
- 318. Раак Р.Ч. Источник из высших кругов Коминтерна о планах Сталина, связанных со Второй мировой войной // Отеч. история. 1996. № 3. С. 41-46.
319. Раманичев Н.М. Советско-финляндская война — новые аспекты // Вторая мировая война, Великая Отечественная война: Тезисы конференции (Москва, 28 февр. — 2 марта 1995 г). М., 1995. С. 46-50.
320. Репко С.И. Организация пропагандистской деятельности Красной Армии в период боевых действий осенью 1939 года // Журналистика: История и современность: Сб. науч. тр. М., 1993. С. 47-59.
321. Репко С.И. Цена иллюзий: Пропаганда на войска и население противника в первые месяцы войны // Воен.- ист. журн. 1992. № 11. С. 8-15.
322. Руффманн К.-Х. Ключевые даты в германо-советских отношениях до начала второй мировой войны // Россия и Германия в годы войны и мира / Под ред. Проэктора Д. и др. (Россия); Лёзера Й. и др. (Германия). М., 1995. С. 15-25.
323. С заседания редколлегии: [Мнения чл. редкол. о дискус. ст. М.И. Мельтюхова в "Отеч. истории", 1994, № 3] // Отеч. история. 1994. № 4-5. С. 277-283.
324. Сахаров А.Н. Война и советская дипломатия: 1939—1945 гг. // Вопр. истории. 1995. № 7. С. 26-45.
325. Сиполс В.Я. Ещё раз о дипломатической дуэли в Берлине в ноябре 1940 г. // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 145-161.
326. Случ С.З. Внешнеполитическое обеспечение польской кампании и Советский Союз // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в начале Второй мировой войны (сентябрь 1939 — август 1940). М., 1990. С. 8-38.
327. Соколов Б.В. Пиррова победа: (Новое о войне с Финляндией) // Историки отвечают на вопросы. Сборник. М., 1990. Вып. 2. С. 274-299.
328. Соколов Я.В. Формирование менталитета советских граждан // Российская повседневность 1921—1941 гг.: Новые подходы: Докл., сдел. на междунар. междисциплинар. конф., 16—19 авг. 1994 г. СПб., 1995. С. 67-74.
329. Спирин Л.М. Сталин и война // Вопр. истории КПСС. 1990. № 5. С. 90-105.

330. Стаднюк И. Как начиналась война // Правда. 1993. 22 июня.
331. Сталин И.В. О статье Энгельса "Внешняя политика русского царизма" // Большевик. 1941. № 9. С. 1-5.
332. Степаков В.Н. Легенды и мифы советско-финляндской войны // Вопр. истории. 1997. № 3. С. 171-173.
333. Степанов В., Орехов В. Майнила или загадка зимней войны // Стерх. 1992. № 1. С. 40-42.
334. Филитов А.М. "Образ врага": роль мисперцепции в формировании менталитета и политики "холодной войны" // XX век: основные проблемы и тенденции международных отношений: По материалам междунар. конф., 21—23 нояб. 1989 г., Москва. М., 1992. С. 125-141.
335. Фирсов Ф.И. Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939—1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6. С. 12-35.
336. Фирсов Ф.И. Советско-германские отношения, политика СССР на Балканах в конце 1940 г. и Коминтерн: (Новые документы) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941). М., 1992. С. 56-62.
- 336а. Хельбек Й. Личность и система в контексте сталинизма: попытка переоценки исследовательских подходов // Крайности истории и крайности историков. Сб. статей к 60-летию профессора А.П. Ненарокова. М., 1997. С. 195-207.
337. Херстер-Филиппс У. "Спор историков" в ФРГ // Новая и новейшая история. 1988. № 3. С. 48-55.
338. Хильдебранд К. Война в условиях мира и мир в условиях войны: Проблема легитимности в истории сообщества государств в 1931—1941 гг. // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 25-41.
339. Хоффман Й. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 год // Отеч. история. 1993. № 4. С. 19-31.
340. Черкасов Н.С. ФРГ: "Спор историков" продолжается? // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 171-184.
341. Черненко М. Портрет соседа в зеркале геополитики // Киновед. зап. М., 1989. Вып. 2. С. 109-119.
342. Энгельс Ф. Внешняя политика русского царизма // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 22. С. 11-52.
343. Юмашева О.Г., Лепихов И.А. Феномен "тоталитарного либерализма": Опыт реконструкции реформы сов. кинематографии, 1939—1941 гг. // Киновед. зап. 1993/1994. № 20. С. 125-144.
344. Юренев Р. Трагедия Сергея Эйзенштейна // Родина. 1993. № 11. С. 104-115.
345. Янсен К., Векбеккер А. Ополчение в "идеологической войне": "Самозащита лиц немецкого происхождения" в Польше в 1939—1940 гг. // Вторая мировая война: Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 379-394.
346. Bezymenski L. Die Rede Stalins am 5 Mai 1941: Documentiert und Interpretiert // Osteuropa. 1992. № 3. S. 262-282.
347. Bezymenskij L. Der Krieg Stalins oder Krieg titlers? // Wostok. 1995. № 3. S. 36-42.
348. Danilov V. Hat der Generalstab der Roten Armee einen Präventiveschlag gegen Deutschland vorbereitet? // Österreichische Militärische Zeitschrift. 1993. № 1. S. 41-51.
349. Raak R.C. Stalin's plans for World War Two told by a high Comintern source // Hist. Journ. Cambridge. 1995. Vol. 38. № 4. P. 1031-1036.
350. Wehner M. Der letzte Sowjetmythos. Ein russischer historikerstreit: Die Debatte über Stalins Angriffspläne 1941 // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1996. 10. April. (№ 84). S. 6.

РЕЦЕНЗИИ

351. Борозняк А.И., Буханов В.А. // Вопр. истории. 1993. № 8. С. 174-176. Рец. на кн.: Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler — Stalin — Pakt zum "Unternehmen Barbarossa". München-Zürich: Piper, 1991. XIX 664 S.

352. Голубев А.В. // Отеч. история. 1996. № 5. С. 202-204. Рец. на сб: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?: Незапланир. дискуссия. Сб. материалов / Под ред. Бордюгова Г.А.; Сост. Невежин В.А. М.: "АИРО-XX", 1995. 185 с.

353. Криванкова С. Собирался ли Сталин наступать в 1941 году? // Сегодня. 1995. 1 июля. С. 6. Рец. на сб: Готовил ли Сталин наступательную войну против Гитлера?: Незапланир. дискуссия. Сб. материалов / Под ред. Бордюгова Г.А.; Сост. Невежин В.А. М.: "АИРО-XX", 1995. 185 с.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

354. Архивы Кремля и Старой площади: Документы по "делу КПСС". Аннот. справ. документов, представ. в Конституц. суд Рос. Федерации по "делу КПСС" / Сост. Кудрявцев И.И.; Под ред. Козлова В.П.. Новосибирск: "Сибирский Хронограф", 1995. 326 с.

355. Военная энциклопедия: В 8 т./ Ин-т воен. истории. М.: Воениздат, 1994—. [Т.]2: Вавилония — Гюйс. 1994. 536 с.: ил., карт.

356. Военная энциклопедия: В 8 т./ Ин-т воен. истории. М.: Воениздат, 1994—. [Т.]3: "Д" — Квартирьер. 1995. 543 с.: ил., карт.

357. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: Осн. итоги / Сост. Поляков Ю.А. и др. М.: Наука, 1992. 254, [2] с.: табл.

358. Гриф секретности снят: Потери Вооруж. Сил СССР в войнах, боевых действиях и воен. конфликтах: Стат. исслед. / Под общ. ред. Кривошеева Г.Ф. М.: Воениздат, 1993. 416 с.

359. Марголит Е., Шмыров В. Изъятые кино: Кат. сов. игровых картин, не выпущенных во всеююз. прокат по завершении в производстве или изъятых из действующего фильмофонда в год выпуска на экран (1924—1953). М.: Информ.-аналит. фирма "Дубль - Д", 1995. 130 с. (100 лет кино).

360. Народное хозяйство СССР 1922—1972 гг.: Юбил. стат. ежегодник. М.: Статистика, 1972. 848 с.

361. Ожегов С.И. Словарь русского языка. 16-е изд., испр. М.: Рус. яз., 1984. 797 с.

362. Советский энциклопедический словарь. 3-е изд. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 1600 с.

ДИССЕРТАЦИОННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

363. Мельтюхов М.И. Современная отечественная историография предистории Великой Отечественной войны (1985—1995 гг.): Дис...к. и. н. / Гос. акад. сферы быта и услуг. М., 1995. 255 с.

364. Росовска-Якубчик Э. Отношения Польши и СССР в 1939—1943 годах и советская пресса: Дис...к.и.н. / МГУ. М., 1993. 170 с.

365. Случ С.З. Германско-советские отношения в 1918—1941 гг.: (Мотивы и последствия внешнеполитических решений): Дис. в форме науч. докл. по совокупности опубл. работ на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / РАН. Ин-т славяноведения и балканистики. М., 1995. 50 с.

366. Фролов М.И. Великая Отечественная война 1941—1945 гг.: Ист.-сравн. анализ рос. и нем. литературы: Автореферат...д.и.н. / Северо-Зап. Академия гос. службы. СПб., 1996. 38 с.

РУКОПИСИ

367. Шаранов Ю.П. К началу Второй мировой войны. (Записано авт. 10 ноября 1992 г.). Л. 1-4 // Архив Невежина В.А.

НЕВЕЖИН В.А.

СИНДРОМ НАСТУПАТЕЛЬНОЙ ВОЙНЫ
Советская пропаганда в преддверии “Священных боев”,
1939—1941 гг.

В оформлении обложки использована копия карты германского генерального штаба с указанием расположения немецких войск, а также выявленных немецкой разведкой советских частей и соединений на 21 июня 1941 года (ИАВМЦ Генштаба МО РФ)

Ответственный за выпуск – А.И. Ушаков
Компьютерная верстка и техническое редактирование – С.П. Щербина

ЛР № 030620 от 11.11.1994

Подписано в печать с оригинал-макета 05.05.1997
Формат 60×80 1/16. Бумага офс. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,5. Усл. кр.-отт. 12,87 Тираж 1000 экз.

«АИРО – ХХ»
119034, Москва, ул. Остоженка, 7-69

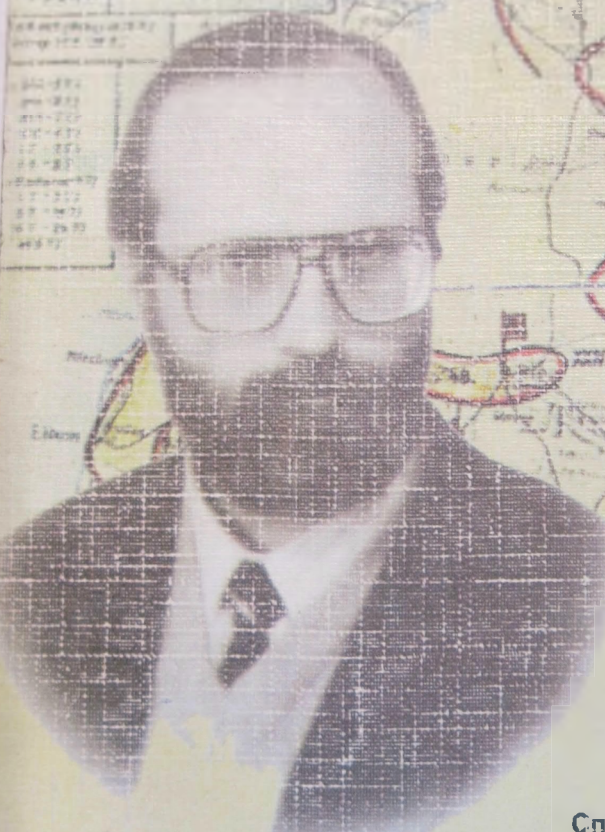
aufmarsch am 21.6.1941

98-3

1876



1-368955



НЕВЕЖИН

Владимир Александрович (1954 г.р.)
Кандидат исторических наук, научный
сотрудник Института российской
истории РАН. Окончил Московский
государственный историко-архивный
институт.

Специализируется по истории советской
пропаганды и культурной дипломатии периода
Второй мировой войны 1939—1945 гг. Составитель и автор
статьи в сборнике "Готовил ли Сталин наступательную войну против
Гитлера?" (М., 1995). Один из авторов книг "Kriegsgefangene --
Военнопленные" (Duesseldorf, 1995), "Исторические исследования
в России: тенденции последних лет" (М., 1995) и др. Постоянно
публикуется в журналах "Вопросы истории", "Отечественная
история", "Преподавание истории в школе", "Москва", "The
Journal of Slavic Military Studies" и альманахе "Минувшее".

ISBN 5-88735-038-5